

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ИРМАТА АРЬЯР

СОВЕТНИЦА
ЕГО ТЕМНЕЙШЕСТВА

Академия Тьмы и Теней

Annotation

Лике Интаресс, назначенной молодым владыкой Темного Трона на должность советницы, необходимо делать взаимоисключающие вещи — готовиться к сессии в Академии тьмы и отслеживать затаившегося в ее стенах убийцу. А тут еще темнейшество требует, чтобы его советница нашла ему невесту. А кто же не знает, что демон и любовь — противоположные понятия? Но лунные девы не сдаются!

- [Ирмата Арьяр](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Ирмата Арьяр
СОВЕТНИЦА ЕГО ТЕМНЕЙШЕСТВА

ГЛАВА 1

Седая древность и юная кровь

Бум! — ворвался в сон оглушительный звук.

Я скатилась с постели на ледяной пол и только потом продрала глаза. Сон мгновенно слетел. Осмотрелась. В комнате темень, но лунные девы отлично видят и без заклинания «ночного зрения». Никого. Что меня разбудило?

Хрясь! Дубовая дверь треснула, в щели торчал длинный черный шип. Богиня, что происходит? Кто с кем дерется в соседних покоях? В них, между прочим, сам владыка Тьмы и Теней проживает. Неужели я очередное покушение проспала? А еще телохранительница!

Вж-ж-жиу! Шип убрался с мерзким звуком пилы.

Бамс! Дверь содрогнулась от удара, но зачарованный засов не слетел. Он выдержит вес всего дворца, за него я не беспокоилась.

Из щели посыпались опилки. А вот за дверь страшноовато. На нее мне не позволили наложить заклинание неприступности. Сказали, мол, хватит с меня засова и пояса целомудрия. А я как знала — не хватит!

Поднявшись, я сорвала со стула и лихорадочно натянула «нежную кольчугу» — легчайшую, но непробиваемую магическую сеточку — прямо на ночную сорочку.

И ведь что интересно: никаких голосов из соседних покоев! Сквозь щель доносилось только хриплое дыхание, какие-то рыки и треск ломающейся мебели. Или костей? Может, там моего работодателя убивают, а я и не в курсе? По идее, мне, как телохранительнице, надо хватать меч и с воплем бросаться на защиту.

Но лунный меч призывать нельзя — защита дворца Темного Трона уничтожит меня вместе с чуждой ему магией. Да и куда я с клинком? Дверь доламывать? С той стороны — тоже зачарованная задвижка.

Этот деспот, тиран и владыка Дьяр запирает меня четвертую ночь подряд, с тех пор, как поселил во дворце, у себя под боком. С той триумфальной ночи, когда он стал владыкой Тьмы и Теней.

Ужасной для меня ночи.

Я накинула поверх кольчужной рубашки халат, повязала пояс и, сунув ножны с кинжалом за пояс, отправилась умываться. А что еще я могу сделать в этой ситуации, когда мне запрещено вмешиваться?

Только одно — не мешать. И не нарушать приказ.

Дьяр, когда еще в первую ночь запира́л меня в этой каморке для прислуги, приказал:

— Что бы тут ни случилось ночью, не высовывайся, Лика. Будет шумно, но ты даже голоса не подавай. Это только мое дело. И магию сельо не применяй ни при каких обстоятельствах, иначе наш договор будет аннулирован за нарушение прямого приказа. Поверь, мне ничего не грозит и твои услуги телохранительницы тут не нужны.

Пришлось поверить. Я в тот раз даже спросить не сумела, что он имеет в виду. Даже пошевелиться не могла: болели переломы. Так случилось, что на коронации молодого владыки я приняла удар на себя, когда сестра Дьяра метнула в него древний кинжал, лишаящий магии. Я тогда уцелела только потому, что на мне была вот эта «нежная кольчуга» — не менее древнее чудо оружейного искусства.

Но никакая кольчуга не спасет от синяков и сломанных ребер. К счастью, целительная магия развита даже у демонов, и дольше трех суток никто в магическом гипсе не валялся, учитывая еще и усиленную регенерацию магов.

Три ночи было тихо, я не понимала, зачем меня запирают, на мои претензии Дьяр не реагировал, мой непосредственный начальник Янге совсем не появлялся, единственная подруга Миранда тоже не показывалась — наверняка ее во дворец не пускали, — некому и пожаловаться.

Сегодня стало ясно, зачем потребовались магические засовы с обеих сторон двери.

Приказ Дьяра «молчать при любых обстоятельствах» сейчас казался невыносимым.

Плотно закрыв за собой дверь умывальни, я активировала амулеты связи — на вид самые обычные сережки, которые я не снимала даже ночью. Не такие парадные, как выданные мне в ночь коронации моего тирана, а совсем скромные «гвоздики».

Коснувшись сережки, я как можно тише шепнула:

— Янге!

Бу-ух! — в комнатную дверь долбануло так, что даже стены умывальни сотряслись. Наверное, от моей двери осталось только два засова.

— Лика? — едва слышно отозвался в ушах голос главы службы безопасности.

— Янге, тут жуткая драка в спальне Темнейшества, а я заперта! Что делать?

Хр-р-оув! — хрустело и рычало за стенкой.

— Знаем! Не вмешивайся! — еле расслышала я сквозь шум голос Янге. — И не волнуйся, у нас все под контролем. Тебе ничего не грозит.

Я и не волновалась. Мне было до одури страшно. Это же дворец Темного Трона. Сердце Тьмы! Тут такие монстры бродят! Такие силы спят! Или уже не спят, а ломаются в мою дверь.

— В самом крайнем случае задействуешь портал твоего отца, — успокоил Янге. — В самом крайнем, Лика. Понимаешь?

Понимаю. Мой порталный амулет создан светлым магом. А тут — владения темных. Я как-то по незнанию бежала отсюда папиным порталом, так потом демонам полдворца пришлось восстанавливать — магическая защита бурно среагировала на враждебную магию в своем сердце.

Плеснув в глаза водой, вернулась в свою комнатушку, прислушалась. Тихо. Совсем тихо, как в могиле. А в двери виднелись уже три отверстия и одна длинная щель шириной в палец. В трещины проливались тревожные лучи света — алые, как кровь.

Сердце екнуло. И я все-таки нарушила запрет на магию сельо. Чуть-чуть. Ведь в ночь коронации Дьяра, всего лишь трое суток назад, я применяла в сердце Тархареша свою тайную магию. Даже крылья лунной девы вынуждена была раскрыть. И ничего не случилось. Темный Трон устоял, не рухнул, не раздавил гневом.

Бесшумным лунным лучом я скользнула к двери. Подавила паническое желание поинтересоваться у Янге, точно ли у него все под контролем? Остановилась в шаге от треснувшего полотна и осторожно взгляделась в трещину. В глаз ничего не прилетело, и я придвинулась еще ближе.

И с визгом отпрыгнула — алые лучи, веером падавшие в щели, зашевелились, словно щупальца. Миг — и они захлестнули мне горло!

У «нежной кольчуги» замечательный воротник-стойка, но от удушья и синяков он не спасает. Я захрипела, вцепившись в раскаленные, как показалось, лучи.

— Прочь! — раздался повелительный рык. — Отпусти ее!

Световые щупальца нехотя послушались, но мстительно протащили меня вперед, хорошенько приложив о дубовые доски. Все-таки жаль, что дверь уцелела, на лбу теперь точно шишка вскочит.

Когда алые жгуты отпустили меня, я едва удержалась на ногах, вцепилась в засов. А глаза тут же приникли к трещине.

А там схватились в единое целое и монументально застыли два ответа на вопрос: почему в Темном дворце такие огромные помещения, широченные коридоры и высоченные потолки? Правильно, чтобы демонам

было где развернуться... в боевую ипостась. Чтобы рога, шипы и гребни не исцарапали стены.

Один титанический монстр с массивной короной из роговых отростков, в мощном черном панцире, усеянном шишками и ядовитыми даже на взгляд издалика длиннющими шипами, сжимал мощными когтистыми лапами другого гигантского монстра, похожего на багрово-алого, как раскаленная лава, спрута.

Игривые конечности последнего я и ощутила недавно на своей тонкой шейке. И поняла теперь, что со мной просто знакомились. Обнюхивали. При желании багровый демон мог переломить мне шею в мгновение ока.

Дьяра я узнала по пронзительно синему свету, плеснувшему на миг из угольных глазниц черного гиганта.

А красиво смотрятся, залюбовалась я. Багровый демон оплел черного, как огненный плющ — антрацитовую скалу. И непонятно, кто кого душил. На первый взгляд, Дьяр проигрывал схватку: его противник разрастался, как фонтан. Бесчисленные, переливавшиеся алыми огоньками щупальца, толстые, как бревна, и тонкие, как волосы, змеями расползались по полу и стенам, вылезли даже на потолок. Набухали и расцветали феерические, пышущие искрами бутоны... и осыпались на черную скалу раскаленными жалами. Но Дьяр справлялся с ними одним щелчком — на миг выплескивая крылья Тьмы. Как секира, они обрубали огненные лозы, как черный туман, они гасили и уничтожали жгучие жала.

А через миг все повторялось. Снова текли змейки лавы, снова взметались полотнища крыльев. Но я заметила, что с каждой вспышкой багрово-алый демон слабел, короче и тоньше становились его щупальца, тускнели отблески огня.

И вся эта феерическая борьба происходила совершенно беззвучно. Словно противники общались мысленно.

И вдруг ком лавы растекся по черной фигуре Дьяра, как мелкая сеточка по угольной скале и... впитался, полыхнув на миг причудливой татуировкой рун.

Черный монстр покачнулся, но устоял, а синие глаза зажглись триумфом.

То есть он мог и проиграть схватку? Явно не учебную, судя по разрухе в спальне — все стены и пол испещрены выбоинами, а в воздухе пахло гарью.

Я сползла по испорченной двери и уселась на пол. Меня слегка потряхивало. Что это сейчас было? И почему Янге уверял, что стража в курсе нападения, а сам даже не вмешался?

— Лица, с тобой все в порядке? — услышала я тихий голос за дверью, если эти щепки, державшиеся на двух магических запорах, можно так называть.

— Да, — хрипло ответила я и потерла саднящее горло.

— Врешь, — вздохнул Дьяр. — Что у тебя с голосом? Открой.

Я поднялась, отодвинула засов. Деревянное крошево тут же осыпалось. Ну вот, теперь мой бастион лишился даже видимости защиты.

Дьяр уже сбросил боевую ипостась и выглядел слегка помятым, но вполне обычным демоном — безрогим, бесхвостым, бескопытным. Короткие черные волосы взлохматились, на лбу и висках поблескивали капельки пота. А вот в глазах еще отсвечивал жутковатый отблеск цвета раскаленной лавы. Он тут же отвел взгляд.

— Вы ничего не хотите объяснить мне, Ваше Темнейшество? — сухо спросила я, не пуская хозяина дворца дальше порога моей «крепости». — Что это было? И почему мне нельзя исполнять свои обязанности телохранительницы?

Ответил он в своем невыносимом дьяровском духе:

— У тебя есть что-нибудь попить? — и облизал сухие губы, устремив жадный взгляд на кувшин, стоявший на столе.

Я посторонилась, и он прошел к вожделенному сосуду походкой пьяного матроса. Но когда его рука потянулась, то пальцы промахнулись, сжав в горсть воздух вместо ручки. Словно он ослеп!

Я метнулась к нему... И наткнулась на выросшего между нами серебристого демона. Янге приобнял меня за плечи, шепнул:

— Отойди, девочка, — и тут же скользнул к Дьяру, ласково бормоча: — Эта неприятность пройдет, владыка. Всего лишь небольшая расфокусировка зрения. А пить тебе ни в коем случае сейчас нельзя!

Легкое движение серебристых пальцев, и кувшин разлетелся на мелкие осколки прямо в ладони Дьяра, успешно предпринявшего вторую попытку и уже поднесшего сосуд к губам. На стол и одежду Темнейшества хлынула вода. Разгневанный, еще не отошедший от предыдущей схватки молодой владыка повернул искаженное яростью лицо. А Янге, спешно ухватив меня за локоть и накрыв прохладным крылом, умыкнул в тень.

И вообще выкрал из покоев!

* * *

— Сэйван, будь другом, присмотри за девочкой, а я за владыкой

присмотрю. — Дождавшись кивка от своего друга, Янге отпустил мой локоть и опять исчез с легким хлопком.

Я осталась стоять посреди обширного кабинета начальника тайного сыска, как несчастный указательный столб в квартале низших демонов — обшарпанный, покосившийся, ободранный кошками и жизненными бурями. Мое одеяние — ночная сорочка, выглядывавшая из-под «нежной кольчуги», которая, в свою очередь, торчала в вырезе халата, — никак не предполагало публичности и визитов.

— Темной вам ночи! — перекинув на грудь косу, свою единственную, хотя и растрепанную девичью красу, и гордо вздернув подбородок, я поздоровалась с синекожим гигантом — главой темного тайного сыска Сэйваном и его подчиненным и моим однокурсником Иреком Гилом, потиравшим помятое после сна лицо.

То ли Ирека вытащили, как и меня, внезапно, то ли, что вероятнее, он дремал прямо тут, в кабинете начальника, — очень уж подозрительно похожи рельефные квадратики змеиной кожи, выдавленные на покрасневшей щеке, на кожаную обивку кресла. И его темные длинные волосы взъерошены похуже, чем у меня. Я слегка приободрилась.

Как и у всех учеников Академии Тьмы, биологические часы у него были сбиты.

Демоны обычно спят днем, а ночь — их рабочее время. Но adeпты Тьмы в Академии вынуждены жить, как дневные расы: профессора и магистры упорно держались за тысячелетние традиции времен Единства Тьмы и Света и заставляли демонов учиться днем, а спать ночью. И это — несмотря на непрекращающуюся вражду со светлыми магами и Белой империей! В нормальное демоническое рабочее время у нас начинался комендантский час! Впрочем, биологический сбой — самая малая наша с Иреком проблема.

При виде меня, живой и почти здоровой, если не считать магической повязки на ребрах, Ирек облегченно выдохнул, что не укрылось от моего пронизательного взгляда. Значит, что-то должно было произойти куда страшнее, чем приложенная к горлу живая раскаленная кочерга?

— Объясните, что тут происходит и с кем дрался Дьяр? — не дожидаясь приглашения я протопала к свободному креслу и рухнула со стоном. Очень болела шея.

— Что у тебя с горлом, Лика? — пригнулся ко мне пронизательный Сэйван. — Ну-ка, подними голову.

Я подняла.

— Кто это тебя недодушил? — живо поинтересовался Ирек, тоже

внимательно, поблескивая тревожными карими глазами, разглядывавший невидимые мне следы.

Я кое-как описала спрутообразную гору раскаленных щупальцев.

— Багряник добрался, значит, — вздохнул синекожий. — Ну, если сегодня выжила, дальше будет легче. Этот особенно силен. Вон даже защиту пробил. Правда, будет еще парочка шebutных. Да и неупокоенные не шибко лояльны...

— Сэйван! — с укоризной одернул начальника Ирек.

Тот перевел на него потяжелевший взгляд.

— Ирек, не зарывайся. Ежели я позволил тебе тут дрыхнуть, положив копыта на стол, это не значит, что ты тут можешь и вякать. Что надо знать госпоже ками-рани Его Темнейшества, то она и будет знать, ни больше ни меньше. Я сразу сказал, что против того, чтобы держать девочку в неведении. Она воин. А воину нужно знать все о потенциальной угрозе...

— А Дьяр разрешил? — поднял бровь упорно нарывающийся подчиненный.

— Не возражал, — уклончиво ответил синекожий. — Так вот, Лика. После ритуала единения с Тьмой и восшествия на Темный Трон молодой владыка еще должен... гхм... как бы это назвать поприличнее...

Ирек вдруг захохотал, откинувшись на спинку кресла. Вытер выступившую слезу.

— Никогда не думал об этом в таком ракурсе, — признался бастард.

Интересно, стал бы он так ржать, если бы видел, во что превратилась моя толстенная дубовая дверь и гранитные стены спальни темного владыки?

— О чем «этом»? — воззрилась я на него, одновременно пытаюсь сдуть упавший на мой глаз светлый локон. Так я волосы и не перекрасила. После того как я раскрыла крылья сельо перед скопищем высших демонов, смешно и дальше маскироваться под стопроцентную демоницу. Локон не убрался. Снова дунула, посильнее. Руки было лень поднимать. Да и больно. — Так о чем ты не думал?

Мой однокурсник и по совместительству тайный сыщик Ирек Гил резко перестал улыбаться и отвернулся, не ответив. Зато Сэйван любезно просветил:

— О слиянии с тринадцатью Тенями.

— А разве Дьяр не слился с ними во время коронации?

— Ненадолго, пока на нем был темный венец, то бишь корона Тринадцати. Но не будет же он в ней спать. Да и ни в какие покои не поместится такая громада, как владыка в короне, по коридорам не пройдет,

хотя они у нас немаленькие.

Вспомнив, как выглядел новоиспеченный владыка в короне на Темном Троне — гигантским безобразным драконом в клыках и шипах, — я содрогнулась. Ничего более ужасного мне еще видеть не приходилось. С одной стороны, понятно: он же темный повелитель, ему положено устрашать своих и чужих. С другой — это же Дьяр! Синеглазый, стройный, отлично сложенный красавчик с густой черной шевелюрой, мечта всех местных и неместных демониц.

И была у него еще третья сторона, точнее, боевая ипостась, я увидела ее краем глаза сегодня — не такая чудовищная, как на необъятном Троне, но все-таки побольше, чем даже Сэйван (вот интересно, какая у синекожего боевая ипостась?), — черная шипастая и бронированная скала с крыльями. Ну, так выглядело сзади, а как спереди, я не хотела даже знать.

И момент слияния мне удалось подсмотреть, когда побежденный кроваво-огненный спрут впитался в тело Дьяра. И было видно, как Багряник всячески упирался.

— Получается, могло быть и наоборот?

«И поэтому бастарда тут и держат, как запасного игрока, чтобы Трон совсем не опустел, — догадалась я. — Не хотят давать ни малейшего шанса опальной принцессе Зарге».

— Могло, — буркнул Ирек.

— Не могло! — одновременно с предыдущим оратором воскликнул Сэйван.

— И сколько еще ему так с Тенями бороться? — продолжала я допрос.

— Они по кругу идут, начиная с холма коронации, — пояснил синекожий. — С двумя Тенями Дьяр легко договорился. И с каждым слиянием его шансы удержать корону растут, но даже единое неприятие... это плохо. Потому мы настороже. Счастье еще, что бунт мы в зародыше подавили, успели. И принцессу Заргу изолировали от сторонников.

Ирек тут же вскинулся. Не любил он сводную сестру почти так же, как я.

— Надолго ли? И как тщательно? Ты знаешь, где она? Я — нет. И куда глава ковена бежал, тоже неизвестно, — напомнил он. Поднялся с кресла и прошелся до двери, зачем-то выглянул и вернулся, оперся кулаками о столешницу — так, стоя, он мог говорить с начальством, не задирая голову к потолку. — Половина Ночных шорохов организовано и с оружием отправлены к границам. А если «шмонари» не дойдут до орочьих степей? А если дойдут и объединятся с врагами?

Сэйван трагически вздохнул, а мне стало очень тревожно. Я тут

отдыхаю в магическом гипсе, а под моим работодателем Темный Трон шатается! Непорядок. Так и без работы можно остаться, а я к ней толком еще и не приступила!

— Они присягнули, — вяло оппонировал синекожий гигант. — В смысле, не орки, а Шорохи.

— Пфе! — фыркнул бастард. — Они уже слишком далеко от Трона, чтобы отследить. Да и какого клятвопреступника Тьма развеяла на месте? Идея отпустить их — стратегический просчет Дьяра. Я понимаю, у него в ту ночь мозги отшибло свалившейся короной. Но пора исправлять ошибки, а он только усугубляет!

И оба почему-то быстро глянули на меня. Так. Очень интересно. То есть с их точки зрения я — ошибка, усугубляющая шаткое положение их повелителя? Ну... Да. Я же лунная дева. Существо, объявленное вне закона в Тархареше. И пусть меня, поступившую в Академию под чужим именем и с чужой биографией адептку Лику Тария, Темный Трон взял под покровительство, но закона о казни пойманных сельо никто так и не отменил.

— Объясните мне, в чем дело! — потребовала я.

Но тут воздух в комнате словно разрезали сверху донизу черным ножом, трещина мгновенно раздвинулась, в портал вошел сам Дьяр и следом за ним живой и невредимый Янге.

— Вот пусть владыка и объясняет, — самоустранился Сэйван.

— Что именно? — устало взглянул на него синеглазый.

— А это пусть Ирек доложит, — снова уклонился синекожий гигант.

Ловко у него получается, надо поучиться. Пригодится в придворной демонической жизни.

— Какие ошибки ты не торопишься исправлять, — пояснил бастард, с независимым видом кивнул на меня и сложил руки на груди. — Я считаю, что тебе нужно отправить Лику домой хотя бы на период укрепления власти. Себя не жалко, ее пожалей.

— С какой стати? — возмутилась я, а Дьяр перевел взгляд на меня, и почему-то сразу вспомнилось, что видок у меня еще тот. Щеки запылали от смущения, а подбородок гордо поднялся.

Ирек окончательно распетушился:

— А с такой, что никогда еще Тени не дрались с новым правителем в его покоях и никогда не проявлялось такой агрессии и неприятия наследника. За всю историю Темного Трона такого не было! И причина такого нарушения ритуала — ты, Лика, — припечатал он. — Твое присутствие во дворце.

Ничего о темных ритуалах престолонаследия мне было неизвестно, но никто Иреку не возразил, и определенная логика в его словах была. Действительно, с чего бы Теням так буянить, набрасываться на своего владыку? Хорошо еще, они поодиночке приходят. А если все тринадцать скопом навалятся? Я повернулась к Дьяру.

— Это правда? Причина во мне?

— Ничего они не сделают. Ты — моя ками-рани, и неприкосновенна для всех, — владыка отвел глаза, с неудовольствием уставившись на бастарда. Тот даже не дрогнул, наоборот, сверкал воинственными очами. И Дьяр сказал уже ему: — Пока именно там, куда я поселил Лику, для нее самое безопасное место в Тархареше.

— Ты прекрасно понял, что я имел в виду Серые пределы. Туда Тени не дотянутся.

— Может, ты мне еще прикажешь? — очень ласково поинтересовался синеглазый и слегка обнажил клыки.

— Это совет.

— Напомни, когда я назначил тебя советником, Ир-рек?

Янге, услышав рычащие нотки, снова принял удар на себя: скользнул между искрившимися гневом братьями, слегка развел зеркальные крылья и примиряюще приподнял ладони:

— Стоп-стоп! Дьяр, в тебе еще Багряник не успокоился, малейшей искры достаточно, чтобы вырвался. Ирек, не провоцируй. И не наглей, иначе и нашей поддержки лишишься. Лика, пойдем-ка, я провожу тебя.

Я уперлась:

— Не раньше, чем получу объяснения. Если уж кое-кто объявил меня своей ками-рани, то я обязана знать чуть больше о своей роли. Почему мое присутствие провоцирует на агрессию сущности, которые должны охранять владыку и Трон?

Дьяр сдался под устремленными на него взглядами — не только мне, всем было интересно, — смиренно уселся в кресло посетителя.

— Хорошо, объясню. Сэйван, как хозяин помещения, организуй нам ужин.

Ну да, за час до рассвета самое время демонам ужинать. Обедают они обычно в полночь. Мой желудок тут же напомнил, что он пуст со вчерашнего дня.

— Тебе еще нельзя принимать пищу, владыка, а мы переберемся за компанию! — встрял Янге, строго оглядев по очереди меня, Ирека и даже громадного Сэйвана.

Мы дружно согласились. А куда деваться? И так же синхронно

вздохнули. Дьяр тоже вздохнул, но на этот раз не стал качать права повелителя.

— Дело в том, Лика, что Тени — сущности, добровольно отказавшиеся от посмертного покоя, дарованного Тьмой. Они — личности со всеми их достоинствами и недостатками, они чувствуют и тоску, и жажду бытия, и эмоции, в том числе гнев. При смене владыки Темного Трона они испытывают наследника. Но сейчас испытание двойное, потому что они рвутся испытать и мою ками-рани.

— Тогда зачем ты меня назначил на эту дурацкую и опасную, как выясняется, должность?

— Дело не в должности. Дело в тебе. Должность советницы и хранительницы при моей особе — единственная возможность для тебя выжить при Темном Троне. Думаю, мой отец прекрасно знал об этом, когда заключал с тобой договор. Знал, что я найду это решение. Вынужден буду.

Вынужден? То есть это я его принуждала?! Запомним. Слушаем дальше.

— С Тьмой я договорился, ты все-таки внучка демона из Вечернего клана, в твоей крови она нашла часть себя и приняла. — Он перехватил мой вопросительный взгляд и сразу пояснил: — Это случилось, когда я принял твою каплю крови на коронации, помнишь?

Я вспомнила тот момент, когда новоявленный владыка уколол мой пальчик острейшим когтем. Но Дьяр к тому времени уже объявил мой новый статус. Получается, он все заранее просчитал и даже не поставил меня в известность о возможных рисках!

А что бы это изменило? Разве я отказалась бы от порученной мне миссии? Нет.

— Помню, — кивнула.

— Но некоторые из Теней не согласились. Они считают, что твоя мать предала свой клан и свою землю и твоя кровь должна искупить ее предательство.

— Почему они только сейчас опомнились, почти через полгода после моего тут появления? Твой отец говорил, что он сразу понял, кто я. Узнал во мне черты матери. А значит, и Тени осведомлены.

Дьяр ответил не сразу, скользнул взглядом по напряженному лицу Ирека, но признался сквозь зубы:

— Потому что я еще слаб. Ты была под покровительством моего отца, он мог легко обуздать их и приказывать им, а я только-только принял их в себя на коронации и... борюсь с ними. Либо они меня раздерут на тринадцать частей, либо я сумею подавить их и подчинить.

Я взглянула в измученные синие глаза и больше не спрашивала. Молча направилась к двери, но Янге догнал и, улыбнувшись, предложил сократить путь. Согласилась. Но задумалась, что с этими теневыми переходами скоро и ходить разучусь. Как демоны умудряются всегда оставаться в форме?

ГЛАВА 2

Дъяр — укротитель Теней

Ушла, наконец. Можно расслабиться. Дъяр не мог себе позволить раскиснуть перед девушкой, особенно перед Ликой. Он расслабленно откинулся в кресле и прикрыл глаза, ожидая возвращения Янге. Юный владыка Тьмы (о Тенях говорить еще рано, как оказалось) держался из последних сил. Только из гордости. А ведь еще пару дней назад могущество пьянило. Дурманило.

От него, честно говоря, Дъяра уже тошнило, как юнгу в первый шторм: вчерашний принц никак не мог освоиться с ролью высшего правителя демонов. При живом-то отце! Которому поклонялся даже тринадцатый клан!

Слишком рано, слишком неожиданно взошел на Темный Трон сын какой-то там заваливающей дочери пирата. «Корабельной шлюхи», как обзывали враги его мать.

А ведь именно Дъяра, в отличие от старшей сестры и тем паче брата-бастарда, приучали к власти с рождения. Его вели к проклятому венцу с первого посвящения Тьме, с первого благословения Теней.

Вот к ним привыкать тяжелее всего. К тринадцати голосам, одновременно зазвучавшим в голове. Ворчливые, бранчливые, вечно грызущиеся между собой Тени...

Не каждый наследник Темного Трона смог сохранить рассудок в первые три дня владычества. Тринадцать Теней не только рвали его разум на части, они воевали за власть над его телом, раздирая Дъяра боевыми метаморфозами.

Ему надо было принять тринадцать форм инобытия.

Тринадцать прерванных, но продолжающихся жизней.

Тринадцать телесных оболочек с их особыми умениями, навыками, знаниями.

Тринадцать характеров и образов мыслей.

Тринадцать наречий, на которых изъяснялись пересекающиеся в его сознании существа.

А Мать и Госпожа Тьма... Она залечивала раны и взамен выпивала душу.

Если бы не друзья и соратники, подставлявшие плечо, юный владыка

не удержал бы Трон.

— И не надо так на меня смотреть, Сэйван, — поморщился Дьяр, уловив сочувственный взгляд. — Я уже в порядке. Ты сам говорил, что Багряник — самый опасный.

— Ты остальных-то не сбрасывай со счетов. Самый сложный еще впереди. И даже два: неупокоенный — не легче.

Владыка дернул плечом, мол, чему быть, того не миновать. Распорядился:

— Созывай малый совет, Сэйван. А ты, Ирек, отправляйся в Академию. Что ты тут выжидаешь?

Бастард сцепил зубы, поднялся и медленно отправился к двери. Дьяр внимательно наблюдал, а хозяин кабинета пытался сделать вид, что его тут нет. Вмешиваться в отношения братьев — гиблое дело.

У двери Ирек обернулся.

— Если ты решил, что я только и мечтаю о том, чтобы занять Трон, то ты глубоко не прав. Я тут на случай, если какая-нибудь Тень вдруг возьмет верх. Моя кровь поможет с ней справиться. Сэйван позвал меня только для такой помощи.

— Я разберусь, для какой, — ровно и холодно ответил владыка.

— Ты еще заподозри их в измене! Совсем тебе голову короной ушибло! — в сердцах бросил Ирек и хлопнул за собой дверь. Ходить тенями бастард не хотел, а дорогами Тьмы — не мог, вот и приходилось осложнять себе жизнь пешими прогулками.

Дьяр перевел тяжелый взгляд на синего демона.

— Ты-то хоть меня за дурака не держи, Сэйван. Кто сообщил вам о необыкновенных свойствах крови Ирека Гиля? Он сам? И кто еще знает?

— Владыка Сатарф перед уходом собрал нас и сообщил о бастарде, — запоздало отчитался глава тайного сыска.

— Вас — это кого? — последовал уточняющий вопрос.

— Да мы и сами давно догадались, держал бы нас тут кто, если б ума не хватало. С чего бы Сатарфу приставлять к какому-то постороннему демоненку тройку «серых теней» из десятка лучших и требовать от нас отчеты о каждом его шаге все двадцать с гаком лет? Уж явно не для того, чтобы его устранить, верно?

— Не факт, — сухо отрезал молодой владыка. — Я задал еще один вопрос.

— Ну, я знаю, Янге и архимаг Рахт.

Дьяр на миг прикрыл веки.

— Итак, очередными предателями стали мои самые приближенные

демоны: начальник дворцовой охраны Янге, глава тайного сыска Сэйван и новый глава Темного ковена Рахт. То есть те, кто по долгу службы и дружбы знают все мои слабости. Особенно Рахт, мой бывший наставник. Наверняка он и Ирека наставлял. И вы решили воспользоваться первым же промахом и посадить на Трон моего незаконнорожденного брата?

Темно-синий демон стал незабудкового цвета.

— Все не так, владыка.

— А как? — с тихой яростью поинтересовался Дьяр. — Со мной никто не согласовывал никаких планов с участием Ирека Ги́ла. Никто и никаких! Это называется заговор, Сэйван!

— Мы действовали по приказу владыки Сатарфа, — выдавил признание синекожий, с трудом выдерживая ледяной взгляд. — Мы поклялись ему оберегать тебя всеми силами и любым доступным способом. Если какая-либо Тень возьмет верх и подчинит твой разум, единственный способ защитить тебя — это сила рода, вливание родственной крови. Не к Зарге же нам обращаться!

Дьяр на эту тираду не произнес ни слова. А под его взглядом гигант съежился.

Лишь когда в кабинете снова появился Янге, а через миг присоединился еще один демон — седой, в черной мантии магистра боевой магии, — владыка поднялся и, опершись на стол ладонями с проступившими когтями, язвительно поинтересовался у присутствующих:

— Напомните мне, кто сейчас владыка в Тархареше, я или мой отец? Кому вы трое суток назад присягнули? Или вы клялись не повелителю, а всего лишь наместнику и блюстителю Трона? — голос Дьяра уже гремел, а на коже лица, шеи и рук проступила пока еще бледная багровая вязь. — Как вы, самые доверенные и приближенные лица, посмели вступить в сговор за моей спиной? Или я для вас — мальчишка, с которым не обязательно считаться и ставить о чем-либо в известность?! Кому вы верны на самом деле?!

От его низкого рыка завибрировали стены. Магистр боевой магии Рахт вскинул руки в защитном жесте, но щит выставить не осмелился.

— Пощади, владыка! — А когда багровый рисунок на коже Дьяра почти растаял, Рахт добавил: — самого себя пощади прежде всего. Прошу тебя, как наставник: держи себя в руках, если уж ты не мальчишка, а взрослый мужчина и наш повелитель. Выслушай.

Дьяр сел в кресло, опустил ладони на подлокотники, но когти убирать не спешил, показывая близость боевой трансформации.

— Твой отец знает все о борьбе и слиянии с Тенями, больше, чем кто-

либо из живущих, — напомнил наставник Рахт. — И он предупредил нас, что в случае подавления воли и разума наследника Тень в первую очередь начнет устранять тех, кто способен ее изгнать. То есть родственную кровь. Так как принцесса Зарга далеко и надежно заперта, под угрозой оставался бы ваш непризнанный брат. И, конечно, мы не могли рисковать. И да, можешь казнить меня, но если ты не справишься и даже кровь Ирека не удержит тебя, то бороться нам придется не с тобой, а с Тенью Великого.

Янге, опередив гнев повелителя, добавил:

— Если бы Багряник победил, тебя уже не было бы к этому моменту, владыка. Оболочка Тени — вот с кем пришлось бы нам сразиться. Следовательно, и клятвопреступниками мы бы не стали.

А Сэйван милосердно добил:

— Речь уже не о тебе, а о том, чтобы спасти от хаоса нашу страну и Темный Трон, как ее сердце и основу нашей жизни. Не Ирек, так Зарга, выбор невелик. Но Ирек — первенец Сатарфа, что немаловажно для Теней, и мужчина, что важно для Тьмы.

Дьяр, оперев руки о подлокотники, сцепил пальцы в замок, усмехнулся:

— Очень патристичные сказки. Родина превыше всего и так далее. Первенец должен быть на Троне, что справедливо даже для демонов...

— Мы не говорили этого! — вскинулся магистр.

— Еще солги, что не думали! — припечатал Дьяр. — Именно поэтому мой отец скрывал правду даже от вас до последнего момента. Рахт, я понимаю, что навсегда останусь в твоих глазах несмысленным учеником, как для нянюшки Кикерис. Но ты, Янге... И особенно ты, Сэйван, глава тайного сыска. Неужели вы никогда не задумывались, почему мой отец так и не признал старшего сына?

— Мы в курсе, что Ирек в детстве не получил благословения Тьмы, — ответил гигант. — Но с тех пор он вырос, стал сильнее.

— Боюсь, это не поможет. Мне даже интересно посмотреть, каким образом Ирек стал бы владыкой Тьмы, если она его отторгла, — усмехнулся синеглазый, окончательно взяв себя в руки. Повернулся к наставнику: — И ведь вы даже не выяснили причину. Или ты, Рахт, по примеру беглого предшественника вознамерился совладать с самой Тьмой, а Иреку, как первенцу, отдать Теней? Боюсь, Зарга такого попраия ее прав не выдержит. Вы получили бы не раскол страны на два лагеря, а кипящий хаосом котел. Тринадцатый клан только этого и ждет. Вампиры не просто уйдут, они прихватят как можно больше демонов... в качестве новообращенных. И это станет клином, который навеки расколется союз

Тринадцати. Тархареш вернется к эпохе гражданской войны всех против всех. Белая империя тут же подсуется, и некому будет противостоять светлым, особенно если они догадаются объединиться с другими нашими врагами. Вот к чему приведет ваша ставка на моего брата. Именно потому я и не скормил Тьме душу заговорщицы Зарги, а оставил жить. В качестве противовеса. Только она сумеет подавить бунты. Кровью зальет, выкосит половину, но оставшиеся станут монолитом.

Он замолчал, задумчиво побарабанил когтями по столешнице. Конечно, бешеная принцесса еще доставит хлопот, но пока она нужна. Замуж бы ее выдать, да кто возьмет такую?

— Почему ты так уверен, что в случае самого неблагоприятного исхода с тобой Ирек не получит благословения Госпожи Тьмы? — хмуро спросил Рахт. — Магия Ирека — темная, значит, источник ему открыт.

— Что ты знаешь о благословении владык? — прищурился синеглазый.

Седовласый развел руками: ничего, мол. Сколько в его показном невежестве было правды, Дьяр не стал разбираться. Все демоны лукавы, особенно его старый наставник, короновавший вот уже третьего владыку на царствие.

— Догони моего отца и поинтересуйся, мэтр, — осклабился Дьяр. — Так я вам и открыл семейные тайны. Вынюхивайте сами, если за столько лет не разобрались.

И, так как его вероломные друзья и наставник еще растерянно жевали губами, обдумывая заново политический расклад в Тархареше, продолжил:

— Если уж вы так опасаетесь, что я не справлюсь, можете вернуть во дворец мою сестру, разрешаю. Даже открою государственную тайну, где Зарга отбывает наказание.

Заговорщики дружно вздохнули и поморщились.

— Не хотите? Тогда придется как-нибудь терпеть мою власть. Я поверю, так и быть, что вы действовали по приказу Сатарфа и зашли дальше приказа не по злому умыслу, потому казнить не буду... до возвращения отца, — обвел их взглядом Дьяр. — Но вы ведь понимаете, что теперь я не удовлетворюсь стандартной присягой Трону и владыке? Кто не готов дать мне личную кровную клятву, может отправляться к хургу, обещаю сохранить жизнь до границ Тархареша, а далее — не в моей власти.

Никто не пошевелился, только наставник Рахт вздохнул еще тяжелее:

— Ну что ты взбеленился-то, а? Ведь сущий тиран и деспот, хуже отца оказался! Этак совсем без друзей и сторонников останешься.

— С такими друзьями и врагов не надо, — холодно взглянул на него молодой владыка и тут же отвернулся. — Сэйван, зови остальных. Кровную клятву потребую от всего малого совета, прежде чем приступим к разбору наших непростых дел.

Ни на кого нельзя положиться, с горечью понял Дьяр, ощутив острый приступ вселенского одиночества. Вот оно, проклятие владык, о котором предупреждал отец. Всегда настороже. Никогда в безопасности. Даже с самыми близкими и верными.

* * *

Янге сопровождал меня в комнату и тут же исчез, запретив куда-либо выходить. Дверь уже навесили, кстати. Из серого «железного» дерева. Быстро тут работают. Но я даже подходить к ней не стала: слабые синевато-фиолетовые отблески, пробежавшие по полотну, говорили о недавно наложенных защитных заклинаниях, готовых активироваться, как только дверь закроется.

— А когда в этой тюрьме завтракают? — пробурчала я, зная, что серебряный демон прекрасно меня слышит через серьгу.

В ухо шепнуло голосом Янге:

— Я загляну на кухню и распоряжусь, Лика. Отдыхай пока. Занятия в Академии начнутся только завтра, а Дьяр весь день будет занят.

— Меня решили выпустить в Академию? — обрадовалась я. Никогда не думала, что так соскучусь по нашей группе, особенно по Миранде. Даже по кастелянше Кикирусе и почти моей Башне трех принцесс!

— Временно, пока не решен вопрос о твоём домашнем обучении по месту несения службы.

Это была хорошая новость. Пока я ее смаковала, Янге материализовался в комнате, доставив мне огромный поднос со всякой вкуснятиной, извинился и снова исчез.

«А ты неплохо устроилась, Аэлика Интаресс! — сказала я себе, открыв крышку блюда и окидывая взглядом поле предстоящего боя с голодом. — Глава безопасности Темного Трона у тебя в лакеях, а сам Его Темнейшество — в охранниках, Теней отгоняет».

Через полчаса, сыто отвалившись на подушки, я попыталась доспать свое — все-таки утро было еще совсем раннее, — но так называемая «нежная кольчуга» начала страшно раздражать кожу, тело невыносимо зачесалось. Потому я побрела в ванную. Помыться и постирать «кольчугу»,

с которой решила не расставаться ни на миг ближайшие дней десять.

А потом, переодевшись в короткую юбочку и маечку — иной одежды в гардеробе не оказалось — и обложившись учебниками и тетрадями со всех сторон, восполняла пробелы в образовании.

Дверь распахнулась настежь совершенно беззвучно.

— Можно? — Дьяр остановился на пороге комнаты.

Я фыркнула:

— Стучаться надо с той стороны двери, а не с этой.

— Владыки не стучат, — весело блеснули синие глаза. И, разумеется, он нагло прошел к моему столу, за которым я так уютно устроилась, подцепил когтем твердую обложку учебника «Основы темного воздействия на материю и сознание, часть третья». — Вижу, за ум взялась? Можешь пока не стараться. Празднества в мою честь продлятся ровно столько, сколько потребуется для твоего выздоровления, так что никаких пропусков занятий не будет.

И улыбнулся, обаяшка такой. Вот, я же говорю — хорошо устроилась!

— Ага, а потом нам всем надорваться от нагрузки? Программу-то никто не перепишет в вашу честь!

— Для тебя могут и переписать.

И чем расплачиваться? Ясно, что добрый, на все готовый сыр — только в мышеловке.

— Янге что-то говорил о домашнем обучении, — нахмурилась я. — Почему?

— Все равно магистры меня тут будут натаскивать, заодно могут и тебя тоже обучать, как мою ками-рани. Мне сейчас, как ты понимаешь, не по рангу в школу ходить, пусть и в высшую, — он посерьезнел и тяжело вздохнул. — Да и нет у них программы обучения владык. Ректоратом рекомендованы только индивидуальные занятия с наставниками из кланов.

— Из-за Теней? — догадалась я.

— Из-за них. Тринадцать великих Теней — основа Темного Трона. Чтобы он не рассыпался, моя связь с ними должна быть прочнее, чем у тринадцати моих князей. Кстати, о связи. Я обещал тебе безвозмездно снять остатки печати. Забыла?

Забудешь о ней! С магической печати, нагло нарисованной по приказу Дьяра вокруг моего пупка, и началась наша непримиримая война. Часть надписи он убрал, но она стала еще более издевательской: «О, е! Дьяр», — гласили руны на моем животике. Позорище какое для лунной девы! И ведь богине не пожаловаться, она же меня первая и прибьет за то, что допустила поругание.

— Снимайте! — милостиво разрешила я, сгребла учебники в сторону и откинулась на спинку стула.

— Сидя не получится. Разве что ты сядешь на стол для удобства, — его голос стал вкрадчивым, как у демонического котяры, а кончики пальцев скользнули по моей щеке.

Я отдернула голову, прошипела:

— Руки уберите, Ваше Темнейшество. У нас договор о нераспускании ваших конечностей, забыли?

— Как можно! Я просто настраиваюсь. Ты же должна помнить, что магическую печать снять не так просто, нужна подготовка, настрой. Я бы и не настаивал, но снять ее необходимо: Тени ее чувствуют не хуже меня, и через нее знают о том, где тебя искать. А лишаться из-за какой-то печати моей единственной... ками-рани я не намерен.

Пришлось лечь на ложе поверх покрывала.

Процесс снятия печати опять оказался долгим: Темнейшество бессовестно гладило, ласкало и всячески растягивало удовольствие, пока не осознало, что ему проще оживить статую, чем согреть лунную деву, не желающую согреваться. Сложив руки на груди, я терпела его ласку, закрыв глаза, чтобы не видеть странной нежности синих глаз, и изо всех сил представляла перед собой жуткое чудовище, сидевшее на Троне в ночь коронации.

— Все? — я открыла глаза, когда Дьяр, тихо выругавшись сквозь зубы, отстранился.

— Нет. Я не могу работать в условиях вечной мерзлоты! — Он убрал руки, сел на край ложа спиной ко мне. Спросил глухо: — О ком ты сейчас думала?

Я тут же одернула одежду, а для верности еще и в покрывало укуталась.

— О владыке на Темном Троне почему-то вспомнилось. Очень внушительное зрелище было.

Его плечи поникли.

— Понимаю. Я страшен. С такой рожей о любви и взаимности можно забыть.

— Почему же, там многие демоницы пылали восхищением, но больше вожделением к вашей необъятной персоне. Некоторые даже искренне.

Он фыркнул.

— Не к моей персоне, Лика, а к вакантному месту владычицы. К отцу они точно так же пылали. Я никогда не хотел становиться владыкой, но отец принял такое решение и не оставил мне выбора.

— Не рассказывайте деве юной сказки. Вы же его наследник! — натянув покрывало по шее, я тоже села. — Каким еще могло быть его решение? Это ваш долг.

— Наследником должен был стать Ирек, уродись он немного другим.

— Бастард?

— У нас важны не законность брака, а первенство крови и чистота магии. Мой брат — самый старший из детей Сатарфа. Первенец. А это важно для Теней. Отец был готов признать его и наделить всеми правами, но Тьма не смогла благословить Ирека и подарить ему Истинную, или Отраженную, тень.

— Истинную? Объясните мне разницу, я запуталась с этими вашими тенями, — взмолилась я.

Дьяр мученически вздохнул, но снизошел:

— Вообще-то об этом знают немногие, но ты, как моя ками-рани,ходишь в круг избранных. Клань серых, вечерних, ночных и даже утренних теней — это демоны, наделенные особой теневой магией. Тень в данном случае — обозначение их способности становиться для простого глаза невидимыми в самой обычной тени, отбрасываемой любым предметом на свету. Такие демоны могут ходить теневыми дорогами. Я тоже могу, естественно, ведь я их повелитель. А вот Отраженная тень, или Истинная, имеет в принципе другой характер. Это отражение моей сущности во Тьме, магическое второе тело.

— Еще одна боевая ипостась?

Сколько же их у него? Урожденная синеглазая, боевая демоническая, чудовищная на Троне, а теперь еще Отраженная! А не многовато для одного существа?

— Можно и так сказать, — кивнул Дьяр. — Но, в отличие от полностью физической боевой ипостаси, магическое тело полуматериально и, как любое отражение, не является вместилищем души. Ты же не можешь стать собственным отражением в зеркале, собственной копией. Но на этом сходство заканчивается, потому что все-таки отражение — магическое. Я могу управлять этим вторым телом, отправлять его в любое место по теневой дороге или спрятаться внутри, как в магическом доспехе. Рана, нанесенная магическому телу, абсолютно безвредна для физического. И наоборот. Такой особенностью обладает только правящая династия. Те, кого благословила Тьма. Кроме меня — это мой отец и сестра. Потому мой отец смог выжить и спастись, когда его убивали кинжалами Ошсах.

«А вот об этом даже богиня Лойт не знала, иначе сказала бы», — прикусила я губу. И должна ли она узнать? Вот в чем вопрос.

— То есть это ваша четвертая ипостась? Кроме боевой и тронной?

— Да. Кстати, то, что ты назвала «тронной» — высший боевой облик владык и одинаков для всех повелителей Темного Трона. Он аккумулирует силу тринадцати Великих Теней.

То есть теперь Дьяр теоретически сильнейшее существо в мире? Ого. Впрочем, Сатарфу все его могущество мало помогло против предательства и коварства. Судя по помрачневшему лицу Дьяра, его посетили те же мысли.

— А почему Тьма не смогла дать Отраженную тень Иреку? — спросила я.

— Попроси его как-нибудь показать крылья, поймешь, — уклонился он от ответа. — Иди к себе, Лика. Мне надо побыть одному.

— К себе — это куда? В Башню трех принцесс?

— В башню. Теперь можно. До вечера. Горгульи по тебе соскучились. Только пообещай ни в какие авантюры не ввязываться.

— Не могу обещать, но постараюсь.

Окинув меня еще раз странным, каким-то сожалеющим взглядом, Дьяр щелкнул пальцами, и между столом и шкафом нарисовались заманчивые контуры портала.

Что-то не нравится мне столь явное желание выпроводить меня. Без надзора богини он теперь не останется, в чем и был тайный смысл договора, но у меня беспокойно на душе. То говорил, что самое безопасное место для меня — у него за спиной, то отправляет подальше одну-единешеньку. Мне, конечно, надо бы проверить, как там мой дракончик поживает. Соскучился ли, как я по нему. Но уходить, как ни странно, не хотелось.

— А кто вас будет охранять, Ваше Темнейшество?

Он уже направился к выходу, но повернулся, смерил меня еще одним насмешливым взглядом.

— Как обычно, Янге и мои охранники, «тени». Думаешь, без тебя не справятся?

— Сатарфа тоже охраняли, и чем это кончилось? Я, пожалуй, тут посижу, попривыкну к новой клетке. Перышки почищу, а то горгульи испугаются. Конспекты напишу.

— Твое рабочее время закончилось, телохранительница. Если ты будешь рядом со мной круглосуточно, то еще больше меня возненавидишь. Я этого не хочу. Иди, пока я добрый.

Я поднялась, обулась, выругавшись про себя, дабы не нарушать субординацию: в качестве обуви мне полагались либо банные тапочки,

либо туфли на огромных каблуках. Пришлось надевать пыточные колодки. Осторожно обошла арку портала, подхватила рюкзак, выложила учебники, запихала в него свитер и «кольчугу».

— Дьяр, почему ты не спросил об Иреке? О том, какие чувства он к тебе испытывал на церемонии? Я ведь видела истину «оком сердца». Он тебя любит, но...

— Себя он любит больше, — усмехнулся синеглазый. — Это естественно.

— Скорее, жалеет себя. А вот тебя... не пожалеет. В смысле...

— Завидует, знаю, — перебил он. — Он всегда ревновал отца ко мне и Зарге. А что до жалости... мы — темные маги, Лика, мы не умеем жалеть. Мы для этого слишком рациональны. Но я благодарен тебе, что ты не сообщила Янге об истинных чувствах Ирека. Мы с братом сами разберемся. Уверен, присягу он не переступит.

Я пожала плечами, мол, мое дело — предупредить, и, бросив последний взгляд на усталого владыку, шагнула к черной дыре портала.

В этот миг серая полоса света, сочившегося из приоткрытой двери, мигнула, словно кто-то подошел с той стороны. Дьяр среагировал мгновенно — толчком придав мне ускорение, закинул в треклятый портал, а сам прыжком оказался у входа в комнату, на лету перетекая в боевую ипостась.

Я еще задержалась на пороге, чтобы увидеть, как распахивается заговоренная дверь, открывая взгляду огромную серо-мглистую крылатую фигуру с глазами-бельмами. Чудовище клубилось, как туман, и дымные клочья тут же растеклись по комнате, даже запах сырости долетел.

— Клан Предрассветных и я, Предвечный Сшантиш-граш, приветствуют тебя, сын Сатарфа из клана Полночного Звездопада, — по-змеиному прошипело жуткое существо, изобразив что-то вроде поклона. — Пусть твоя воля станет моей волей, а твоя душа моей душой...

«Какая странная формулировка вассальной клятвы», — мелькнула мысль. И «оком сердца» не посмотреть на гостя: у Великих Теней нет живого сердца.

Дослушать не удалось: Дьяр щелкнул невесть откуда появившейся в его руке шипастой многохвостой плеткой, разорвав туман в клочья. Коварный, но, видимо, слабый гость оглушительно завизжал, как побитый щенок. И тут мой портал схлопнулся, обрубив тишком потянувшиеся ко мне туманные струйки. Что бы ни задумывал этот Сшантиш-граш, Дьяр его раскусил.

Да и не слишком ли поздно приперся этот Предрассветный? Солнце

уже поднялось, значит, час его силы прошел. Хотя в этом моему работодателю повезло. Я подавила отчаянное беспокойство: все равно помочь в этой битве ничем не могу. В конце концов, при стольких ипостасях владыки какая-нибудь выживет.

ГЛАВА 3

Ирек, или Сделка со смертью

«Хозяйка! Спаси-и-и меня-а-а-а!» — шарахнуло по мозгам, едва я сделала шаг к Башне трех принцесс. И оглядеться не успела. Лишь краем глаза заметила, что моя комната уже вполне жилая, как прежде — ну, просто стремительно здесь ремонты делают! — и рванула вниз на второй этаж спасать Шурша. И, конечно, забыла, что до сих пор в туфлях на огромных шпильках, и навернулась.

Хорошо, что на винтовой лестнице не так легко, грохнувшись, пересчитать все ступени от верха до низа, но пяток я все-таки пересчитала, врезалась плечом в стену, едва не вышибив кость из сустава. Пока в глазах гасли звездочки, осознала, что мой дракончик задыхается... от смеха.

«Спаси, а то сдохну-у-у-у!» — подвывал Шурш.

В залу я еле приковыляла, держась за стеночку: подвернутая нога моментально распухла в лодыжке. Дверь на этаж была распахнута, и в глаза ударил такой яркий солнечный свет, что первой мыслью было: башня все-таки разрушена. Ну не могли узкие бойницы пропускать столько света.

Проморгалась. Прислушалась. Хотя, что уж там слух напрягать, Ирек просто орал на забившегося в угол дракончика:

— Видишь? Нет, ты посмотри, посмотри на меня, Шурш! Видишь, уродство какое? Как мне с этим жить? Я выродок! Я эти свои крылья с детства ненавижу! Ведь я темный! Я демон, а не фея! Я на таких крыльях и летать-то не могу — боюсь, вдруг кто увидит этот позор. Знаешь, что это такое у меня за спиной? Оружие массового поражения! От смеха весь Тархареш сдохнет, а меня обвинят в уничтожении демонической расы! Не отворачивайся, Шурш, смотри! И только попробуй заржать!

Дракончик пытался не пробовать. Он мелко трясся и давился спазмами беззвучного хохота. Он свернулся калачиком и обмотал хвостом собственную морду так, что доносился только сдавленный стон. Да еще и крыльями глаза прикрыл.

А зрелище было роскошным. Я, раскрыв рот от восторга, упивалась дивной картиной: на Шурша нападал, пока еще словесно, злобный демон со смуглой кожей, волной темных волос, когтями размером с ладонь и грозно распахнутыми крыльями — демонической формы с острыми перьями-копьями, но нежно-золотыми, сияющими, как невероятная

драгоценность. Совсем не смешные крылья.

— По-хорошему прошу, помоги мне, Шурш! — демон бесстрашно нависал над драконом смерти, теребил его, намереваясь вытащить спрятанную морду из колец хвоста. — Ты ведь моему отцу помог, научил его, как крылья вернуть. А мне не надо возвращать, мне надо всего лишь перекрасить этот ужас. Чтобы они стали нормальными, черными. Не могу я больше прятаться, надоело! Лучше уж сдохнуть! А ты мне отказываешься дорогу показать к своим родичам. Ну что с тебя, убудет? Почему ты отцу помог, а мне не хочешь? Какую цену тебе надо заплатить за тайну? Я все сделаю, что ты скажешь.

Шуршу — я почувствовала — внезапно стало не смешно. Понял мой умненький дракоша, что парень и впрямь на все пойдет. Он развернул кольца и так серьезно глянул в глаза просителя, что даже меня мороз пробрал, сердце замерло, а дыхание перехватило. Ой, что-то сейчас будет!

«Шурш, не надо!» — взмолилась я. «Надо, хозяйка. Пожалуйста, разреши». И я промолчала.

— Все сделаешь? — переспросил дракон Смерти на языке династии Холь. — Совсем все, что захочу?

Второгодник и злостный прогульщик Ирек его прекрасно понял.

— Скажи, что ты хочешь, Шурш.

— Что-то должно умереть, демон. Что-то очень ценное должно навсегда для тебя исчезнуть в обмен на твою сокровенную мечту. Иначе не будет превращения.

— И... что же? — сразу охрип парень.

— Отдай смерти свою любовь. Настоящую любовь, истинную, единственную в жизни. За крылья, какие тебе надо. Настоящие темные крылья и настоящую жизнь демона. Тебе и идти никуда не придется. Все произойдет здесь и сейчас.

Ирек отшатнулся и замолчал, опустив голову. Встопорщенные крылья потускнели, повяли, как осенние листья.

«Хозяйка, уйди, пожалуйста, — жалобно взмолился Шурш. — Твоя сила мешает его выбору».

Ладони непроизвольно сжались в кулаки. Мешаю, значит. Да я ничего не делаю! Стою, никого не трогаю. Не дышу почти.

«Лика, он должен сам. Не зови Лойт, пожалуйста. Ты не можешь мешать Судьбе».

Медленно, беззвучно я отступила на лестницу. Даже боль в ноге с перепугу прошла. Я не имею права вмешиваться, когда разумное существо, наделенное душой и сердцем, выбирает судьбу.

Драконы мудры. А драконы Смерти, которых лунные девы называют Исполняющими Желания, — мудрейшие из мудрых. Даже маленькие. Они смотрят до дна души и назначают соразмерную цену. Всегда.

Значит, мечта Ирека о темных крыльях демона и свободном полете в небесах Тархареша соизмерима с великим даром любви, дающимся каждому при рождении.

Какой же силы должна быть его мечта...

Или как мало он ценит дар любви.

Цвет крыльев, какая мелочь. Для кого-то.

Из-за их солнечного цвета Тьма не смогла дать ему Отраженную тень. Не знаю, что это такое, но, наверное, что-то очень важное, если Сатарф не решился признать сына. А каково расти без отца, я хорошо представляла. Я помню свою тоску и боль, но я-то девушка, а Иреку пришлось еще хуже.

Из-за сияния своих крыльев он не мог летать в стране демонов и добровольно лишил себя неба. Тоже могу представить. Мои запертые крыловые щели зудят и ноют, спину нещадно ломит: крылья рвутся на свободу, но здесь их нельзя раскрывать. Это мука. Но я-то ее терплю каких-то полгода, а он — всю жизнь.

Из-за них не он, первенец, стал владыкой.

Не потому ли так чернеет его сердце, когда он смотрит на Дьяра? Синеглазому досталось все, чего лишен Ирек: и трон, и отец, и небо.

Не хочу знать, каким сейчас будет его выбор. Не хочу. Потому что мне больно и страшно за него.

Я бесшумно спустилась на первый этаж.

* * *

Бабка Кикирус, кастелянша Академии, а по совместительству нянька Темного Трона, сидела, насупив седые брови, в своем излюбленном кресле-качалке. Спицы так и мелькали в ее руках, но само рукоделие оставалось невидимым. Нитка тянулась от клубка в корзинке и исчезала в пяди от ловких пальцев ведьмы.

Она глянула на меня исподлобья и еще сильнее нахмурилась, скорбно опутив уголки губ. Проворчала:

— Вяжешь им всю жизнь, стараешься как проклятая, а они... — ее ладошка вспорхнула и вытерла морщинистую щеку.

«Да она плачет!» — ахнула я про себя.

— Принесло же тебя к нам с этим яйцом чешуйчатым,

недовылупленным! Все ниточки мне перепутали! — причитала ведьма, снова взявшись за спицы. — Где ж это видано, судьбу так выворачивать с белого на черное? Златокрылый-то мой настрадался за свои годы, как и тебе не довелось. Только-только смирился с судьбой, оживать начал сердечком... Ох, зря я Шуршалу твоего в Тархареш пустила, змея подколодного. Еще и кормила его, заразу хвостатую, вкусненькое оставляла, ненароком будто бы, простынок ему не жалела, крахмалила, чтобы игрался. А он, неблагодарный, такую цену брать с моего мальчика вздумал.

— Они лишнего не берут, — вздохнула я.

— А то не знаю! Да не нужны Иреку черные крылья. Не нужны! Судьбой какие дадены, те и иметь ему надобно, дабы все узорчики этого мира один к одному легли, ни петелькой не исказились. Думаешь, зря мы с сестрой его такими крыльями наградили? Не дуры, знаем, что делаем. Все просчитали от первого дня до последнего, все увидели, предусмотрели, увязали воедино. А тут эта кошка драная гребенчатая, дракон твой недощипанный пробежал. Почто не остановила его? О любви ведь речь! Жрица ты али столб соляной, бессердечный?

Ее прервал донесшийся сверху вопль:

— Ты издеваешься, дракон?!

Кикируся подняла к потолку блестевшие влагой глаза.

— Вот. Слышишь? Торгуются. Еще не поздно вмешаться.

Закусив губу, я мотнула головой.

— Не могу. Нельзя нам приказывать в этих случаях.

— Нельзя, поди ж ты! — старуха раздраженно всплеснула руками, но тут же подхватила спицы, не дав им упасть, и сверканье стало нестерпимым — с такой скоростью они замелькали. — Кто ему хозяйка? Ты.

— И у хозяек есть предел власти. Они же нам не рабы и служат на определенных условиях.

— Жаль, — поджала она губы. — А ты подумай, что Ирек с непредназначенной ему судьбой, да любви лишенный, натворит? Брат на брата пойдет, схлестнутся и сгинут оба. Дьярушка тоже не лыком шит, не бечевкой вязан. Не уступит, хоть и младший. Да и сила теперь у него. А коли кончится их династия, вот тогда-то и порвутся чары, их кровью скрепленные, да высвободится кое-что похуже всех демонов, вместе взятых. Твоя же богиня взвоят, если уцелеет. Бессмертные-то быстро забывают, что и они тут только до скончания мира.

— И что же высвободится? — я лихорадочно вспоминала легенды. Уж

не о той ли пакости речь, которая якобы выползла из хурговой бездны и выжрала половину мира, в том числе Темного? Именно с победы над иномирной тварью и началось правление династии синеглазых владык.

— Да ничего, — отмахнулась ведьма. — Не дадим. Хватит лясы точить, Аэлика. Внучок-то мой, золотце мое горемычное, — не железный, чай. Он ведь сейчас думает, что единственная любовь, может, и так ему не светит и не греет, так и ждать нечего. Привык он уже, что нигде не нужен. Ни у матери, ни у отца. Везде не ко двору, что на том берегу моря, что на этом. Так хоть гордыню уязвленную залечить думает, перед Сатарфом крылья черные развернуть, когда тот вернется. Скажи своей моли рогатой, чтоб заменил цену, иначе быть беде. Мне-то нельзя, запрещено мне в события напрямую вмешиваться. И запрет тот сейчас никак не обойти. Все нити натянуты, аж звенят.

Странно, кто мог что-то запретить самой Кикерис? Но я не стала выяснять, не до того.

«Шурш!» — позвала я.

Как назло, он отозвался не сразу. Выслушал и вздохнул: «Уже не могу ничего менять, хозяйка. Будут у него черные крылья демона, но не сейчас, а когда и если мое условие выполнит».

Кикируся по моим глазам все поняла, понурилась. Соломенная шляпка заслонила ее лицо. Спицы замерли.

— Время нам дал, хоть на том спасибо, — прошелестела она совсем тихо. — А скажи-ка мне, жрица... каково жить будет той единственной, ему предназначенной, коли он от нее откажется?

— Это та цена, какую платит богиня Лойт за служение драконов Смерти ее жрицам. Мы все — чьи-то единственные.

— Да не богиня платит, Ликушка. Сердечки девичьи платят, на одиночество обреченные. Тоской и постылой жизнью платят, — она вздохнула горестно и... исчезла, как не было.

Я забилась в уголок, чтобы Ирек не заметил, когда будет уходить. Не хотелось с ним встречаться. Нельзя. Сейчас — нельзя. Могу не удержаться, потянуться мысленно к его губам, хранящим невидимый след поцелуя сельо. Могу остановить его, пока договор с драконом смерти не исполнен. Могу. Но не буду. Нельзя.

Не заметил. Мелькнул тенью. Грохнула дверь. Торопливо простучали подошвы по ступенькам.

«Шурш, какое условие ты ему поставил и сколько времени дал на его выполнение?»

«Не скажу, — уперся дракончик. — Тайна договора».

В голове было пусто, в сердце осела горечь. Перед глазами вспыхнула картинка последнего вступительного испытания, когда я гонялась верхом на жутких тварях за хохочущим парнем с нелепой накладной бородой, когда под смех и улюлюканье трибун Ирек поцеловал меня.

Я вспомнила звезды, отражавшиеся в речных водах, и мужские ладони, скользившие по моей коже. И его глаза, когда он увидел оскорбительную печать Дьяра на моем теле. Не это ли стало последней горькой каплей, почти убившей его чувства к брату?

Как телохранительница, я не могу допустить их вражды. Что мне делать, богиня?

Молчишь? Тогда еще вопрос.

Если Ирек получит черные крылья и, как первенец, подвинет Дьяра с трона, то кого убийца назначит последней жертвой в своем чудовищном ритуале? Я не могу охранять обоих. Договор дважды не заключают, а еще одну жрицу-хранительницу в Тархареш нельзя отправлять.

Я поднялась, ступила и снова чуть не грохнулась: забыла, что каблук у туфли сломан. Может, в комнате, куда, как я мельком заметила, вернулись кое-какие вещи, и более удобная обувь найдется?

В комнате нашлись и удобные сапоги на толстой подошве, и более подходящая, чем юбчонка, одежда. Комбинезоны, штаны и черная учебная мантия были аккуратно сложены в шкафу. Переодеваясь, я проверила, какая буква с печати стерта на этот раз. И замерла в изумлении: кожа была чистой. Ни следа, ни крапинки!

Хоть что-то хорошее с утра.

«Шурш! Ты не знаешь, где мне найти Миранду?»

«Не видел, не знаю. Я скучал! — упрекнул малыш. — Давай поиграем?»

«Доигрались уже!»

Сбежав по лестнице, я распахнула наружную дверь и едва не налетела на Ирека.

Он сидел на нижней ступеньке лестницы, обхватив ладонями лоб. Услышав шум, медленно оглянулся. И от пустого взгляда его темных глаз стало страшно. Не мог же Шурш меня обмануть! Или мог? Или за эти несколько минут Ирек уже выполнил неведомое условие?

— Привет, Ирек.

— Мы уже виделись сегодня, Лика. — Он поднялся и размашисто зашагал прочь.

Догнала, засеменила рядом по выложенной булыжниками тропинке между пожухлыми газонами, приноравливаясь к быстрому шагу демона.

Он его еще ускорил, словно желал поскорей избавиться от моего драгоценного общества.

— Ты куда, Ирек? Ты же меня ждал?

Дернул плечом.

— Не тебя. Просто сидел, думал. А сейчас исполняю приказ владыки держаться от тебя подальше.

— Ну, мне-то он не приказывал. Можно за тебя подержаться? — и хватить его за локоть.

Он молча отцепил мои пальчики.

— Ирек, да стой же ты!

Остановился, мученически возведя к небесам глаза. Как будто я не заметила, как подозрительно они блестят. А еще говорят, демоны не плачут. Шурш, ты распоследний гад. У него и так было не много любви в жизни, а ты отбираешь даже надежду, что все еще будет.

Я решительно перегородила парню тропинку.

— О чем ты говорил с моим драконом, Ирек?

— Спроси у него.

— Он не скажет. Но ты можешь сказать. Какое условие он тебе поставил?

Ирек опустил на меня изумленный взгляд, мгновенно ставший злым.

— Ты о чем?

— О твоих крыльях, — максимально деловой тон. — Я их видела.

Он стиснул зубы. Прощедил грубо:

— А тебе-то что? Какое тебе до меня дело, если ты стала фавориткой Дьяра?

— Телохранительницей! — вспыхнула я.

— Кого ты хочешь обмануть? Кто в это поверит? Над этим бредом с телохранительством все во дворце ржут. Малахольная девица взялась охранять самого владыку Тьмы и Теней. А теперь еще и советница, камирани! Молодец мой братец, быстро же он выиграл пари. — Ирек окатил меня презрением, развернулся и пошел обратно к башне.

У-у-у! Как мне надоели эти два идиота!

И куда это он направился? Зачем кикирусиному «золотцу» в башню возвращаться? И спина у бастарда такая... прямая и решительная. И кулаки сжаты. И подбородок вскинут, как у героя перед последним смертным боем.

«Шурш, сгинь!» — скомандовала я.

«Куда?» — удивился смертеньш.

Да куда угодно, лишь бы подальше.

«В Белую империю, например, — предложила я. — Своего дружка-грифона проводить».

«А можно? — вспыхнул радостью дракончик. — Ур-ра-а-а!»

Ирек взбежал по ступенькам, рванул дверь, едва не заехав мне локтем по лбу, так как я не отставала. Все-таки плохо, что ведьма Кикерис покинула сторожевой пост и никто теперь не гоняет непрошенных гостей. Ломятся тут всякие, как к себе домой. А это моя башня!

Между тем второгодник уже ворвался на второй этаж. Ха, ищи-свищи. Нет тут уже никого!

Это его не смутило.

— Дракон Шурш! — громко воззвал он. — Я согла...

Воззвание перешло в сдавленное мычание. Ага, с кляпом во рту не покричишь, а поцелуй сельо, даже четырехмесячной давности — это такая штука, скажу я вам... Несмываемая. Хуже кляпа. Мне и прикасаться не надо к жертве, чтобы заставить ее онеметь. На любом расстоянии действует. Не дам я тебе подтвердить ваш договор! Ни за что! И пусть Шурш сколько угодно обижается и отказывается мне служить после такого вмешательства.

— Мм... — Глаза бастарда округлились, он схватился за губы. Наверняка их сейчас как льдом прихватило.

Он повернулся ко мне, уловил мое торжество и все понял, умненький. Зрачки сузились, полыхнули злющей багровой искрой, когти удлинились.

— Хрр! — с утробным рычанием онемевший демон ринулся на меня.

Оу, а в боевой форме он тоже красавчик!

Мы выскочили из башни в обратном порядке, и бежать мне пришлось очень быстро. Еще быстрее!

А дорожка между клумбами и газонами — узкая, извилистая, заколдованная, чтобы неразумные демоны не мяли ножищами бесполезную с их точки зрения травку и цветочки.

— Шрр! Рррввв! — доносилось в спину все ближе.

— Мамочки! — заорала я. — Горгулечки! Убиваю-у-у-ут!

Каменные птицы мигом проснулись и обрушились с крыши.

Увы, они не посмели напасть на сына Сатарфа, пусть и незаконного. Да и невидимый магический поводок не давал опуститься на землю. Но и птенчика без защиты не оставили: замелькали над головами, угрожающе каркая. И одной — о чудо! — удалось просунуть крыло между мной и дышавшим в затылок Иреком.

Ох и врезался он со всего маху в птичку! Крыло-то у нее каменное.

Ирек, взревев от боли, замедлился. Я нарезала круги вокруг самой

большой клумбы с чахлыми, уже прихваченными холодами астрами, пока не оказалось, что это не бастард за мной, а я за ним гоняюсь.

Приотстал. Разрыв уменьшился, и рычание злобного демона стало торжествующим.

Ну что ж он не успокаивается? Пора бы уже!

Нет, так дело не пойдет. Устала я. Вспотела. Волосы растрепались и лицо залепили. Убирая в очередной раз с глаз влажную от пота прядь, я оцарапала лоб колечком. Папа, спаси меня!

Вспыхнули руны: «Катись, катись колечко, на папино крылечко...»

Засияла арка светлого портала. Я быстренько нырнула в нее, пока академическая охрана не сработала.

ГЛАВА 4

Светлый маг предупреждает...

Вылетев из портала, как пробка из бутылки, я споткнулась о стул и перекатилась по мягкому бежевому ковру. Следом ворвались горгульи. Смахнули аккуратные стопочки черных папок, возвышавшиеся на столе.

Бум! — в стену напротив одна за другой со всего маху врезались три каменных крылатых тела. И проломили насквозь.

А за ними тут же влетел золотокрылый демон, пронесся молнией и канул в образовавшемся проломе.

С шорохом осыпались белые листки из разлетевшихся по комнате папок. Ну, как всегда...

«Шурш! Если ты здесь, отправляйся в Серые холмы, передай привет моей маме», — не забыла я скомандовать. А то мало ли, найдут друг друга...

«Не хочу!» — донеслось в ответ. И правда обиделся на мое вмешательство. Эх. Еще одного друга потеряла.

Справа раздался невнятный звук, и я мгновенно взвилась, приняла боевую стойку. Лунный меч скользнул в ладонь.

На пороге стоял светлый архимаг с ошалелыми глазами, держался за косяк и силился что-то сказать.

— Привет, пап! — обрадовалась я, но на всякий случай меч не убрала. — Ты приглашал меня в гости? Вот, я пришла. Птичек моих не убивай, пожалуйста, они со мной. Ну, и этот урод, то есть Ирек, он тоже как бы мой друг. Вчера еще был. А что с тобой? Ты не рад меня видеть?

Выпалив все на одном дыхании, я замолчала, переводя дух и прислушиваясь к шуму за проломом. Там что-то выло, каркало и рычало. Алиан, переведя взгляд с меня на разломанную стену, тоже прислушался.

— Прости, мы тут немножко намусорили. Я уберу, честное слово, — не теряла я надежды на благополучный исход вторжения. — У тебя водички не найдется? А то пить ужас как хочется!

Алиан кивнул, щелкнул пальцами.

Черно-белый сугроб бумаг и папок растаял. Обломки стены зашевелились, как живые, и, вздыбившись с пола фонтаном, залепили пролом. Трещины затянулись, безобразное пятно покрылось краской, лепниной, позолотой, и вскоре ничто не напоминало об учиненной разрухе.

А на столе появился хрустальный графин с прозрачной жидкостью, стакан и поднос с чашками, дымящимся чайником и блюдом, закрытым высокой крышкой.

— Может, лучше чаю? — улыбнулся архимаг.

У меня прямо от души отлегло, и лунный меч растаял в ладони. Похоже, папуля не злится.

— Ну, здравствуй, дочка. Рад тебя видеть. Прости, что сразу не поздоровался. Надо было успеть принять меры, чтобы темные создания сдуру не пострадали. Так и знал, что без птичьего помета тут не обойдется.

— А...

— Все живы, не волнуйся. Да ты сама посмотри, — он кивнул на окно.

С моего прошлого разрушительного визита его уже успели восстановить. Створки по кивку мага распахнулись, решетка разошлась в стороны.

Подбежав, я высунула голову на улицу. И прыснула в кулачок. Дальше окружающих замок стен никто не улетел: застряли в саду. Ирек с птичками, плотно обмотанные сетями с головы до ног, маятниками раскачивались между деревьев, недовольно рычали и хрипели, но вырваться не могли.

Грифон и Шурш сидели на земле, запрокинув головы и разинув пасти, и провожали загипнотизированными взглядами четыре маятника, особенно один, блестящий на солнце золотыми крылышками.

— И долго они там будут висеть? — обернулась я к отцу.

— Пока не укачает, — усмехнулся он. — Говоришь, Ирек — твой друг? У него нестандартные для демонов крылья.

— Он — мой однокурсник. А крыльев очень стыдится и обычно скрывает. Никто в Академии о них не знает.

— Ясно, — усмехнулся белый маг. — С такой яркой и явно недемонической приметой его бы и не приняли в Академию Тьмы. Что у вас с ним произошло?

— Э-э... заигрались в догонялки.

— Детский сад! — фыркнул Алиан. А голубые глаза лучились смехом. — То-то ты ворвалась взъерошенная и напуганная, как воробей ястребом.

— И ничего не напуганная!

— Пирожные будешь? Или лучше полноценный обед? Моя кухарка — одна из лучших поварих империи. Божественно готовит.

— Мне только чаю, — посмотрев на стол, я вздохнула. — Жаль, опять личные дела темных магов не увижу. У меня как раз до вечера время свободно.

— Увидишь еще. И все-таки мне удивительно твое любопытство. Расскажешь, зачем они тебе понадобились?

Я подумала, пока поглощала любезно предложенный чай. Почему бы и не рассказать? Алиан, похоже, искренне хочет мне помочь. К тому же он опытней и умней. И вообще ректор. К своим архивам может допустить, если я сумею его убедить.

Светлые кланы первыми пострадали от серийного маньяка. И две жертвы были адептками Академии Света. Если Верховная ошиблась и злодей не из темных демонов, то нужно искать у светлых. Самую главную подозреваемую — принцессу Заргу — пришлось перенести в конец списка. Теперь, когда я смогла прочесть в ее сердце через призму крови Дьяра, уже ясно, что она не желает зла брату. Но кто-то использовал ее как инструмент, кто-то вложил ей в руки кинжал во время коронации. Точнее, надоумил посредника, который уже мертв.

И я рассказала Алиану все, что когда-то говорила Сатарфу. Умолчала лишь о том, что Верховная собралась ловить убийцу на меня в качестве живца.

— Вот оно что... Лунная мистерия. Как же я, дурак, сам не сообразил? Старею... — вздохнул архимаг, не забыв подлить мне чаю и подвинуть тарелку с пирожными. — Получается, на Сатарфе убийца опробовал кинжалы и поторопил события, чтобы к Лунной мистерии новый владыка уже занял Трон, но не успел войти в полную силу. Темным владыкам нужно не менее года, чтобы укрепить связь с Тенями. Но почему вы решили, что преступник — из демонов?

— А зачем светлому магу присваивать тело владыки Тьмы? Мы подозревали Заргу, но или ее использовали, или ее контакт с убийцей был случайностью.

— Женский голос, услышанный вашей жрицей перед смертью, мог быть искажен и только похож на голос темной принцессы, чтобы пустить вас по ложному следу. Да, согласен, очень похоже, что их конечная цель — Темный Трон. Но круг подозреваемых нужно расширить.

— Почему?

— Потому что демон не смог бы с таким размахом действовать в Белой империи. Как ни ленива наша канцелярия сыска, но демона они засекли бы. Видишь ли, дочка, расследуя ритуальные убийства, мы сначала заподозрили оборотней. Именно они контрабандой завозят к нам амулеты богини любви, а ее изображения найдены почти у всех жертв. У всех девушек была неразделенная любовь, вот они и обращались к Лойт. Следы преступника, насколько мы смогли проследить, тянутся от Серых пределов.

Оборотни у вас там узаконены, а их жены, взятые из ваших девушек-сельо, все еще почитают вашу богиню. Связь очевидна.

— Ты думаешь, и в Академию Тьмы затесался оборотень? — Я умяла пирожное и потянулась за вторым. — И даже стал магистром? Но это невозможно, папа. Одна из наших погибших девушек видела мантию темного магистра боевой магии. Значит, он из высших магов. А Дьяр говорил, высшие от укуса не обращаются, а умирают.

— Мантия еще ни о чем не говорит. Одежду несложно украсть. Если оборотень — из обращенных низших, то вполне мог просочиться в Академию. Не все же там высшие. На факультете зелий темная магия почти не нужна, хватит и универсального бытового уровня. Уверен, что в Академии Тьмы есть оборотни. Как, впрочем, и на наших кафедрах. Мы нашли среди наших учителей трех таких магов-оборотней. Один даже дослужился до звания магистра первой ступени. Алиби есть у всех, но все равно мы их тихо убрали.

— Убили?

— Зачем? — удивился Алиан. — Обработали, обвешали заклятьями и сослали в глушь, чтобы они следили за своими и нам докладывали. С оборотнями только зазевайся, и они уже всю страну обратят.

Что-то в этом есть. Оборотни...

— Не понимаю, зачем оборотню Темный Трон?

— Да хотя бы затем, чтобы узаконить свой народ, как в Серых холмах. Но если эта версия верна, у преступника ничего не получится. Он возьмет тело и душу владыки Тьмы, станет полноценным демоном и возненавидит вчерашних родственников. Я попробую облегчить тебе работу, дочка. Прикажу просеять все личные дела темных магистров, но вряд ли это что-то даст. Искать надо среди незаметных. В академиях, кроме преподавательского состава, работает масса служащих. Ассистенты, лаборанты, охрана, наконец. Рабочие убирают помещения, следят за оранжереями, зверинцами и прочим. Да и адепты тоже не все из высших. Кстати, ты не передумала насчет обеда?

— Попозже, пока не хочу. Папа, если владыкам нужен год, чтобы войти в полную силу, то Дьяр беззащитен?

— Уже нет. Сатарф сделал лучшее из того, что еще мог: отдал сыну защиту Трона.

— Что-то ему самому она мало помогла.

— У врага уже не будет эффекта неожиданности. Кинжалы-близнецы — страшная вещь. Надеюсь, Дьяру хватит ума уничтожить попавший к нему в руки кинжал. Твоя служба при его персоне будет круглосуточной?

Как ты собираешься охранять нового Темного владыку?

«А вот это уже секрет, папа». Я пожала плечами, улыбнулась:

— Я лишь посредница. Договор, по сути, заключен с богиней Лойт, а боги не спят.

— Ясно. Лучше бы ты прямо сказала: не лезь не в свое дело. А то все на эту дряхлую стерву сваливаешь.

— Вот и Сатарф ее ненавидит, — пожаловалась я, подняв глаза. Интересно, что скажет папуля, когда я стану Верховной жрицей? Встретилась с его встревоженным взглядом. И опять показалось, что он читает мысли. Надо срочно менять тему, подальше от Лойт. — А ты покажешь мне свое истинное лицо?

Он отрицательно качнул головой.

— Пожалуй, не сейчас. На тебе чужой и мощный артефакт, Лика. Через него могут смотреть глаза моих врагов. Точнее, врагини.

— Какой еще артефакт?

Если он почуял печать... нет, Дьяр снял ее полностью. Ох, у меня же еще селенис есть, любимый камень изгнанной белыми магами богини Лойт! Неужели Алиан видит спрятанное под пологом невидимости украшение?

— У тебя на шее, — подтвердил он мои подозрения.

— Я закрою его, богиня не увидит, — и положила на камень обе ладошки.

Архимаг чуть поморщился, опустил веки и ничего не ответил. Но, когда он поднял взгляд, в комнате как будто стало еще светлее. На меня смотрели удивительные глаза. Не бледно-голубые, а зеленые, почти мои. Но и другие, совсем. Яркие, лучистые, как изумрудные звезды. Убийственно ледяные звезды.

Алиан резко помолодел. Кожа разгладилась и посветлела. Волосы приобрели золотистый блеск, а прямые брови, наоборот, потемнели и хищно изломились, складки у губ стали жесткими.

Больше ничего в нем не изменилось, но мне было явлено другое существо.

Если бы в нашем мире существовал бог войны, он выглядел бы именно так.

Я почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Даже Сатарф не наводил на меня такого страха. И Дьяр на троне. От белого архимага веяло чудовищной, жестокой и равнодушной мощью.

И только такая мощь могла одолеть смертельную магию гиньи и остановить превращение Эльды в тварь.

— Ничего себе! — прошептала я.

Глаза, осветившие истинный облик Алиана, померкли, и его лицо стало прежним. Красивым, благородным, но куда более скучным.

— Никому не рассказывай, хорошо? — попросил архимаг, довольный произведенным эффектом.

От окна послышался судорожный выдох. Я резко развернулась. Там, распутив блистающие крылья, стоял Ирек. Растрепанный, помятый и почему-то на одном колене, как рыцарь на присяге. Он уцепился когтями за край подоконника, таращась на лицо Алиана.

— Это и к тебе относится, демон, — отец и бровью не повел, но в голосе прогремела сталь. — Кому скажешь об увиденном...

Ирек промывчал что-то невразумительное.

Все-таки в том, что я — жрица, есть и плюсы: на тебя никогда не наорут. Намычат могут. Нарычат. Настонать. Но возразить, да еще и обругать — никогда.

Однако заклинание немоты надо все же снять с бастарда, а то прибить он может и молча.

— Не слышу тебя, гость, — Алиан недоуменно поднял бровь.

— П-понял, — выдавил Ирек, старавшийся на меня не смотреть. И, осознав, что дар речи к нему вернулся, облегченно вздохнул: — Не скажу. Да и не видел я пока ничего особенного.

— Знакомься, папа, это мой друг Ирек, — поторопилась я представить их. — Ирек, это архимаг Алиан, мой отец.

— Он — твой отец? Он? Ректор Академии Света?! — вскричал бастард. — Хургова бездна!

— Не смей ругаться! — зашипела я. — А то онемеешь навсегда!

Алиан вскинул руку то ли в угрожающем, то ли приглашающем жесте.

— Входи, юноша, раз уж пришел. Присаживайся к столу, поговорим.

Ирек не стал стесняться. Спрыгнул на пол, уселся за стол, украдкой показав мне кулак, и нахально притянул к себе графин со стаканом.

— Вы позволите? — покосился он на архимага. — Пить очень хочется.

Алиан позволил. Мы понаблюдали, как жадно демон выхлестал три стакана подряд. А потом архимаг поинтересовался:

— И зачем же внебрачный сын Сатарфа гнал за моей дочерью?

Грохнув опустошенным стаканом о столешницу, парень вызверился на меня:

— Отшлепать! Жаль, не догнал. Это ты ему разболтала, кто я?

— Ничего я не говорила!

— Тихо! — Архимаг поднял ладонь, и воцарилась тишина.

Мы с Иреком злобно разевали рты друг на друга, пока не осознали, что ни звука из них не вырывается. Ничего себе! И без всяких колдовских поцелуев. Мне бы так.

Убедившись, что спокойствие в аудитории восстановлено, ректор Академии Света изволил просветить неразумных:

— Успокоились оба? — Мы дружно покивали, архимаг опустил ладонь. — О том, что из себя представляет каждый из тех, кто окружает в Академии Тьмы мою единственную дочь, мне известно от наших соглядатаев. Это во-первых. Во-вторых, мне известно многое из того, о чем и соглядатаи не догадываются. Например, факт рождения странного мальчика по ту сторону моря и факт появления через какое-то время в Кардерге не менее странного демоненка, к которому тогда еще молодой и неженатый владыка Сатарф проявлял весьма и весьма пристальный интерес. Я слежу за тобой с твоего рождения, Ирек Гил. И неслучайно позволил тебе войти в мой дом.

— Благодарю за честь! — фыркнул бастард, все еще злой, но уже не на меня, а на то, как светлый маг легко и непринужденно заткнул темного. — И за что же я удостоен?

— Пока ни за что. Вопрос нужно ставить иначе: для чего я позволил тебе попасть сюда и почему терплю наглость юного нахала? Так вот, я поговорил с драконом смерти и узнал кое-что о твоих планах. — Алиан покосился на мое возмущенное лицо — мне-то дракоша не раскололся! — и тепло улыбнулся. — Не сердись, дочка. Я хотел знать, почему Шурш на тебя обиделся, а ему хотелось кому-то пожаловаться на хозяйку. К тому же твой дракон слишком любит мед из нектара редких цветов, растущих только в наших высокогорных лугах. Он бы мне и душу бессмертную продал за баночку эдельвейо.

— Ябеда и взяточник! — пробурчала я.

Алиан хмыкнул и снова взялся за бастарда:

— Так вот, Ирек Гил. Считай, что ты пришел сюда выслушать мое предупреждение. Если ты попытаешься осуществить задуманное, будешь иметь дело не с той разрозненной и ослабленной Белой империей, какую вы знаете сейчас, не с престарелым императором и даже не с ковром белых магов. Ты сразу, не успев занять Темный Трон, получишь вызов от меня лично.

Ирек недоуменно поморгал и, осознав, что говорят все-таки о нем, возмутился:

— Да я и не собирался занимать Трон! С чего вы так решили? Я всего лишь хотел иметь нормальные крылья и не париться с иллюзиями. Достали

они меня уже! Да и вы все достали! Даже бабка Кикерис туда же: подозревать меня в заговорах против младшего братишки. Он — законный наследник, а я — бастард, и не рыпался никогда. Меня вполне устраивает моя роль в тени. Пусть у него голова болит о политике, интригах высших магов и преступлениях низших. Но я хочу летать, не трясясь, что кто-нибудь увидит мое уродство, поймите вы все!

— Или чтобы твоя мать не поняла, что ее сын не погиб в море, и не потребовала твоего возвращения?

— Не ваше дело, архимаг Алиан, — надменно вскинулась темноволосая голова. — Никакая сила не дает вам права соваться в мои дела и договоры с кем бы то ни было.

— Право не дают, его берут, — заледенели папины глаза. — И я не привык напрасно сотрясать воздух, Ирек Гил. Да и госпожа Кикерис — существо не от мира сего, но для мира нашего — не страдает привычкой болтать попусту. Она не стала бы зря беспокоиться о возможных переменах, если бы они не угрожали основам. Стоит тебе обменять одну мечту на воплощение другой, и ты забудешь о том, что тебя когда-то устраивала твоя второстепенная роль. Забудешь о любви. К брату, отцу, девушке... Жизнь есть любовь, а ты станешь мертвым. На Темный Трон сядет мертвец.

— Так вы почитатель богини Лойт? — хохотнул упрямец, но его лицо побледнело.

— Лойт и любовь — слишком разные сущности, чтобы проводить такие аналогии. Я предупредил, юноша. — Алиан для пущего эффекта пристукнул ладонью по столу. — Ты о своей матери подумал?

Ирек снова взвился:

— Ты ее не тронешь, маг!

— Разумеется, нет. Зачем? Просто сообщу ей о том, что ты жив.

— Сообщай, — парень дернул плечом. — Это ничего не изменит. Ей нет до меня никакого дела, и в Тархареш за мной она тем более не потащится. Да и кто ее пустит?

Мне надоело крутить головой, переводя взгляд с одного на другого. Я облокотилась о столешницу и опустила многострадальную, уже опухшую от обилия новых проблем голову в сцепленные ладони.

— Ирек, а кто твоя мама?

Бастард покраснел, отвел взгляд. Буркнул:

— Неважно.

— Неужели не догадалась? — удивился отец. — Крылья у него, как у солнечной девы. Цвет и сила, а не форма. Уникальный мальчик.

— Я не мальчик! — огрызнулся Ирек.

— Но ведь у солнечных дев, как и у лунных, не рождается крылатых мужчин! — растерялась я.

— Ты уверена? — Алиан иронично ухмыльнулся, напомнив мне почему-то Сатарфа. — Может, маленьким сельо просто неизвестно, что в вашем сугубо женском царстве случается с крылатыми мальчиками? Ведь такие рождаются только от высших магов, светлых или темных. Тот, кто наделен крыльями, наделен и магией, а конкуренция лунным девам не нужна. К тому же роды у сельо всегда принимают жрицы Лойт. Трудно ли избавить младенца от крыльев или даже придушить ненароком? Чтобы в Серых пределах не было угрозы власти женщин во веки веков. У солнечных то же самое.

— Неправда! — возмутилась я. Не понимаю, чего добивается отец такой наглой ложью? Зачем он пытается то Ирека выбить из равновесия, то меня зацепить? Какую интригу опять плетет? И я тут же заставила себя успокоиться. — Во-первых, жизнь для жрицы Лойт свята. Тем более жизнь ребенка. Во-вторых, можно сохранить один случай в тайне, но если крылатые мальчики-сельо рождались регулярно, скрыть такое невозможно!

Со светлого как с гуся вода. Безмятежно улыбнулся, сощурился фальшивые бледно-голубые глаза:

— У меня есть доказательства, и ты их потом увидишь. Да и само существование нашего гостя говорит о том, что небывалое бывает. — На этих словах Ирек дернулся, но промолчал, и довольный архимаг сдал мне его с потрохами: — Лика, твой друг — сын младшей дочери владычицы Золотого берега. Гейдара всегда была легкомысленнейшей и любопытнейшей из них. Уж не знаю, как она добралась до своей мечты — увидеть настоящего демона и сразить его красотой, но это случилось на каком-то из Вольных островов. Сатарф много путешествовал перед тем, как занять Темный Трон. Пытался обмануть Лойт. С солнечной девой почти удалось, но назвать ее владычицей Тьмы и Теней было немыслимо, сама понимаешь.

— Хватит, светлый! — Ирек демонстративно отодвинул блюдо с булочками, так их и не попробовав, и сжал кулаки.

Алиан не обратил внимания на угрозу.

— Гейдаре хотелось настоящего демоненка в игрушки. Пугать подружек. Дикие-то демоны, истинные воины Тьмы, им не по зубкам. Да если и попадают высшие темные на Золотой берег, то уже сломанные, с подрезанными крыльями, в рабских ошейниках — неинтересно. Непонятно, за какие заслуги перед Чистым Небом Гейдара получила от

судьбы невероятный крылатый подарок. Хотя даже это не заставило капризную принцессу признать сына наследником. Как можно, у него же клыки и прочие проявления Тьмы, невозможные для солнечных детей! Да и рожала она тайно, понятное дело. Даже ее царственная мать не догадалась. До сих пор в неведении. Растили мальчика рабыни. В подземелье, как пленника. Он же темный, ему полезно, решили эти солнечные дуры. Что, Ирек, твоя память это милосердно вычеркнула? — он посмотрел в глаза побледневшему парню. — А вот я о тебе все знаю. Почти каждый твой шаг отследил.

— Зачем? — хрипло спросил демон.

— Ты уникален, а я люблю собирать редкости, — с нарочитой циничностью ответил архимаг.

Вот зачем он хочет выглядеть хуже, чем есть? «А разве есть куда хуже?» — удивилась богиня на дне моего сердца. Ишь, бдит! Только ее нам тут не хватало! Но как лишить ее слуха и при этом не оглохнуть самой? Я сосредоточилась на пении птиц за распахнутым окном. Голос отца отдалился и доносился словно издалека:

— После встречи Гейдары и Сатарфа я, естественно, приставил лазутчиков и к ней. А уж первенца будущего владыки Тьмы тем более не мог оставить без наблюдения. И можешь не благодарить меня за то, что ты выжил и не ослеп в темноте. Более того, ты, Ирек, не стал идиотом, хотя тебя бросили в одиночестве и по твоей люльке бегали мыши, а в пеленках кишели вши и клопы. Кормить тебя еще кормили по приказу Гейдары. Из бутылочки с козьим молоком. Кормили, надев железные рукавицы на твои младенческие кулачки с острыми когтями. Но заниматься с тобой, учить и воспитывать никто не хотел даже по приказу. Кроме одной странной женщины, которую никто не замечал. Существа не от мира сего. Это моя суэнни Брегетта нянчила тебя до семи лет, и приходила она по моей великой просьбе. Когда Гейдара совсем о тебе забыла, суэнни вынесла тебя под носом у стражи.

— Я ее помню, ту старушку, — прошептал Ирек. Кулаки он давно спрятал под стол. — Почему же она не унесла меня сразу? Зачем было столько ждать?

— У полукровок только к семи годам становится понятно, какая сила победит, светлая или темная. Когда окончательно выяснилось, что ты все-таки выживешь, но в качестве темного мага, везти тебя в Тархареш моя суэнни категорически отказалась. Не любит она демонов.

— Не любит, но со мной нянчилась? — криво усмехнулся Ирек. — Даже догадываюсь почему. Ты хотел использовать меня в торговле с моим

отцом, да, светлый?

— А как Ирек попал к папочке? — срочно встряла я. Не хочу разочаровываться в недавно обретенном папе, у него и без того грехов достаточно. — Случайно?

— Когда за дело берется суэнни, все случайности закономерны, — пояснил Алиан. — Брекетта пришла с мальчиком в порт, проникла на подходящее, по ее мнению, судно и там отпустила темного ангелочка. Парень забился в трюм и обнаружили его только в море. Корабль, кстати, был пиратский, ни о каком возвращении к берегу и речи быть не могло.

Ирек поморщился.

— Лучше уж я сам расскажу, если позволите. Меня не обнаружили бы, пищи в трюме хватало, воды тоже, прятаться и ходить тенью я уже умел. Если б не крысы, так и доехал бы. Неизвестно куда. Я крыс испугался и начал душить их темной магией. Вот корабельный маг и всполошился, они у пиратов все темные. Да, а капитаном того фрегата был человек с Вольных островов, ставший вскоре тестем владыки Сатарфа. Благодаря мне дядька Грейт и стал им. Его маг, как увидел неучтенного пассажира, убедил пирата везти меня не на невольничий рынок и не к солнечным девам за выкуп, а в Тархареш. Мол, награда будет больше. Он тайно отправил весть Сатарфу, и так же тайно мой отец прилетел за мной. Брак с дочерью капитана был частью платы за меня. Мне потом уже рассказали, как это было.

— Неужели Грейту хватило смелости потребовать у владыки плату? — заинтересовался Алиан.

— Не ему. Капитан к тому моменту пьян был в стельку. Сатарфа принимала его дочь. Она и нянчилась со мной в пути, других женщин на корабле не было. Она и назначила плату. У нее была любовь с первого взгляда. Первая и единственная. А отец... — демон цинично усмехнулся. — Он тогда еще ни одной юбки не пропускал. Это после встречи с госпожой Эльдой он изменился.

Алиан мгновенно помрачнел.

А я представила золотой свет за спиной Ирека. И клыки, и шипы, и боевые когти. Потрясающий контраст. Особенно для изнеженных солнечных дев — полной противоположности лунным.

— А теперь к делу, Ирек, — голос архимага стал строгим. — Белую империю не устраивают такие перемены в Тархареше, когда к власти рвется не просто темная лошадка, а такая, от какой непонятно чего ждать. Я имею в виду готовящийся кровавый ритуал. Раз уж у нас общая беда, передай владыке Дьяру, что я предлагаю объединить усилия в поиске ритуального убийцы. Мне есть что сказать о кинжалах эпохи Шарх.

Ирек поднялся, растерянно посмотрел на раскрытое окно, за которым вовсю светило солнце в безоблачном небе. Полдень — не лучшее время для умеющих ходить тенями.

За плечами демона заструились яркие, как лучи, сполохи. Он что, собрался лететь? Через Серые холмы в Тархареш? Самоубийца. Наши сельо такого золотого мотылька ни за что не упустят, мигом приберут к жадным лапкам и схарчат.

Я тоже вскочила, выпалила скороговоркой:

— Пап, мне пора, я еще с подружкой хотела встретиться, спасибо за пирожные. Загляну к тебе завтра, заберу горгулий. Ирек, ты меня проводишь?

Колечко на моем пальце замерцало, с него сорвались и поплыли в воздухе светящиеся руны, обрисовывая контуры портала: «Катись, катись, колечко, в дом к милому сердечку...»

Что-о? К какому сердечку? Милому?! Да никогда!

Схватив вяло сопротивляющегося парня за руку, пока и он не прочитал всякую фольклорную чушь, я потащила Ирека в портал.

— А как же я, хозяйка?! — донеслось вслед паническое, смертельно-драконье.

Я проворчала:

— А ябеды добираются сами.

* * *

Портал открылся почему-то не в мою комнату в Темном дворце, а на второй этаж Башни трех принцесс — огромный, как парадный зал гномьей пещеры. Может быть, он запоминал точку отбытия?

Крепкая ладонь Ирека стиснула мое плечо, не дав сделать последний шаг на черные плиты.

— Ты что? Пусти! — возмутилась я. Неужели не понимает: если портал схлопнется, то нас просто разорвет в пыль!

Он что-то сдавленно прошипел, торопливо водя по воздуху второй рукой. Сияние арки погасло за спиной, и наступивший в помещении полумрак показался густым, как черничный джем, хоть ложкой черпай. Шурш любил темноту и законопатил краденными простынями и без того узкие бойницы.

— Защиту снимал, — пояснил Ирек, убрав с плеча ладонь. По его виску стекла капелька пота. Я запоздало охнула, а парень укоризненно

покачал головой. — Вот-вот. Забыла, куда идешь? Тут Академия Тьмы, а не лужайка светлого леса.

— Так я же уже ходила сюда порталом! И ничего не случилось.

— В тот раз няня Кикерис защиту успела снять, иначе бы тебя по стенкам разметало. А после светлых тут еще укрепили охрану. Дай мне свое колечко, надо настроить нашу охранную систему на него, чтобы ты могла ходить своим порталом без риска для жизни. Верну завтра, не переживай.

Я без раздумий стянула с пальца кольцо и отдала. Уйти я могу в любой момент и без папиного портала, Лунным мостом.

ГЛАВА 5

Советница при исполнении

Занятия в Академии все-таки начались. Видимо, новый ректор оказался не таким бесхребетным, как Вултон, и не уступил Дьяру. А может, синеглазый и не стал тиранствовать и вмешиваться в учебный процесс. Но прибыли не все: многие студенты, как потом оказалось, с чего-то решили, что каникулы продлятся, пока не пройдет тринадцать ночей.

Миранда тоже еще не приехала. А учитывая, что из тех, с кем я сблизилась за время поступления и первый семестр, четверо оказались светлыми предателями, мне было совсем одиноко. Только Ирек скрашивал мое одиночество за партой, но был он на удивление молчалив.

Преподавали кое-как: было видно, что наставники подавлены мятежом в стенах Академии и его разоблачением, и их ряды были несколько прорежены. На нашем курсе не хватало двух преподавателей, и был объявлен конкурс. Куратора Грида Сайка тоже еще держали под арестом.

Лекторы дремали на занятиях, включив амулеты с записями, студенты скучали, я зевала и тоже пользовалась атмосферой всеобщей расслабленности.

Днями и до поздней ночи мне приходилось присутствовать на бесконечных дворцовых церемониях. Хорошо, что лунные девы тоже ведут преимущественно ночной образ жизни и мне не привыкать к бдению. Моя работа советницы заключалась в том, что во время приемов в Малом тронном зале я стояла по правую руку от владыки Тьмы, рядом с Янге. Место по левую руку занимала могучая фигура Сэйвана, в чьей тени терялся глава ковена.

Каждая победа Дьяра над очередной Великой Тенью и его с ней слияние заканчивались тем, что прибывали посланцы от клана во главе с их князем и приносили Дьяру вторую присягу уже не только как владыке Тьмы, но и как повелителю Теней.

Естественно, прибывали гости со всем двором, уже более представительной делегацией, включая незамужних дочерей. Среди них Янге, глава ковена и я должны были отбирать тех, кто останется на завершающий церемониальный бал. Критерии были просты: красота претендентки, невинность и если не любовь, то хотя бы симпатия к владыке Тьмы и Теней. От каждого клана отбиралось по тринадцать

девушек. В Тархареше эта цифра считалась истинно демонической.

Пока я валялась с помятыми ребрами, Янге и новый глава ковена, архимаг Рахт, как-то обходились без меня, отобрав за пропущенные мной три аудиенции тридцать шесть девиц из ста шестидесяти девяти. Я не стала оспаривать их выбор, да это было и невозможно: девицы уже разъехались готовиться к церемониальному балу, которым, если Дьяр справится со всеми Тенями, закончится его борьба за Трон.

И все шло хорошо. Дьяр мужал и стремительно менялся с каждой победой, все больше приобретая черты лица и характер Сатарфа. Все меньше в молодом владыке оставалось мягкости, а сила чувствовалась даже во взгляде.

Честно говоря, новый Дьяр нравился мне гораздо больше. У меня даже сердце замирало каждый раз, когда я встречалась взглядом с его синими глазами. Но тем холоднее я делала лицо, прекрасно понимая, что эти странные, непривычные мне чувства — лишь результат магического договора между нами. Наверняка это трепетала капля крови Дьяра на дне моего сердца, что же еще.

Я даже не сомневалась, что он не даст Теням одолеть его, да и их шансы вырваться с каждой ночью уменьшались. Ночевала я в Башне трех принцесс, и об очередной победе узнавала только утром, от Ирека. Вот он, наоборот, мрачнел с каждой ночью все сильнее, и я держала Шурша как можно дальше от Тархареша в целом и от Кардерга в частности.

Тоска. Даже поговорить не с кем, кроме Кикируси, но ведьма тоже либо отсутствовала за стойкой кастелянши, либо красноречиво дремала.

Прошла решающая тринадцатая ночь после коронации. Меня привычно разбудил громкий клекот горгулий, ссорившихся во время кормежки. Я сразу «прислушалась», как там Дьяр. На душе было спокойно. Значит, ночь прошла без эксцессов, иначе Лойт подняла бы свою жрицу.

Я надела «кольчугу» под платье, сверху набросила мантию: сегодня было много занятий, да еще практика в вивариях до вечера, и у меня не будет времени переодеться для вечерней аудиенции, когда к присяге подведут последний, Тринадцатый, клан. Неужели совсем скоро сумасшедшие почти две недели закончатся? Еще бы бал пережить, и мне долго не придется нырять в небытие, чтобы взглянуть на мир «оком сердца». Хотя сегодня я буду присутствовать лишь для порядка — сердца неупокоенных мертвы, и из вампиров выбирать невест не придется.

Сердце екнуло, когда я увидела мертвенно-бледное лицо Ирека, уже сидевшего за партой в аудитории. До лекций было еще минут пять, и он бездумно постукивал кончиком карандаша по тетради, о чем-то размышляя.

— Привет. Ты почему такой мрачный? — Я вытащила тетрадь, карандаш и засунула рюкзачок под стол. — Что-то случилось?

— Нет.

— А с владыкой все в порядке?

— Да.

— А ночью Дьяр победил последнюю Тень? — спросила для проформы, потому что, будь иначе, Ирека тут не было бы.

— Нет.

Сердце оборвалось и подпрыгнуло к горлу.

— Как это нет?

Ирек оглянулся, посмотрел по сторонам, не подслушивает ли кто, и, склонившись к самому уху, прошептал:

— Тень Великого Неупокоенного не явилась, Лика. Впервые за многие века с момента объединения вампиров с темными кланами их Тень проигнорировала наследника.

— И что теперь будет? Война?

Ирек пожал плечами, а я подавила желание немедленно бежать во дворец. К тому же в кабинет вошел преподаватель, магистр Пирее, преподававший основы ядоведения для боевого факультета. Окинув взглядом реденькие ряды адептов темных наук, он скривился.

Еще сильнее высшего демона перекосило при взгляде на меня — он терпеть не мог мою персону, как и всех лунных дев. Еще бы. Тайны наших ядов я ему раскрывать не собиралась, как он мне ни угрожал после того, как моя истинная раса была раскрыта. Даже отчислением грозил, поганец, пока не вспомнил, что у него есть незамужняя дочь, которую неплохо бы пристроить замуж за Дьяра. После этого начался шантаж, пока намеками, пока не говорилось ничего такого, чтобы я могла пожаловаться на шантажиста. Темные все такие. Особенно изощренные в интригах магистры.

— Лика Тария, вас вызывают к декану вашего факультета... в сопровождении Ирека Гила.

Теперь одна я ходила только в пределах своей башни, больше нигде и никуда. Во дворце и Академии мою персону сопровождали «серые». Или Ирек, как сотрудник тайного сыска.

В деканате факультета боевых искусств околачивался сержант мракармии. И вообще что-то многовато вояк было в Академии, совсем как в день, когда Дьяр брал заговорщиков на горячем.

— Лика Тария, Ирек Гил, вас вызывает владыка, — поклонился сержант.

Я покосилась на второгодника. Интересно, почему Дьяр не вызвал его через Теней? Ведь братья свободно общались!

— Его Темнейшество просил передать, чтобы вы не пользовались тропами Теней. Запрет касается всех, кто не принадлежит к двенадцати живокровным кланам целиком и полностью.

Ясно. Мой договор с разжалованным князем клана Вечерних теней тут не прокатит, а Ирек... Может быть, именно на пути рода владык, последних из клана Полночного звездопада, и караулит непокорившаяся тринадцатая Тень Неупокоенного?

Переглянувшись, мы с Иреком направились к выходу в сопровождении охраны. И все же я тихонько спросила, коснувшись серьги:

— Янге, тут за нами конвой прислали. Нам идти с ними?

— Да, Лика, можешь доверять сержанту Урртану. Владыка собирает совет, — ответил мой шеф, которому я формально подчинялась как телохранительница.

* * *

До дворца мы добрались без приключений. К счастью, строение в виде гигантского рогатого кактуса находилось на соседнем холме. Я первое время пыталась зарисовывать еженощные метаморфозы дворца, но потом плюнула: не уследить. Мало того что он каждую ночь менял холм, выбирая один из тринадцати по какой-то только Тьме известной последовательности, так еще мог, стоя на одном месте, перетекать из одной формы в другую. К счастью, внутри эти метаморфозы не ощущались.

Совет был собран в Малом тронном зале, на самом деле — огромном помещении, в котором моя башня смотрелась бы как одинокая колонна. Малым он назывался потому, что Большой находился на крыше, под открытым небом, и использовался только при таких исторических событиях, как коронация и женитьба владыки Тьмы и Теней.

Дьяр восседал на четырехкрылом троне, как две капли воды похожем на большой, только раз в десять меньше. Выглядел трон как камень в перстне: от него по обе стороны ободком стояло полсотни кресел в два ряда. В центре круга был водружен низкий треножник, а в нем кипело черное пламя, выстреливая вверх фиолетовыми и синими протуберанцами. Отсветы падали на сосредоточенные лица советников: князей двенадцати кланов и сильнейших архимагов, ведавших различными службами Темного Трона.

Четыре кресла из полусотни пустовали, но два заняли мы с Иреком: одно — я по правую руку владыки, на второе, почти напротив трона, посадили бастарда, которому вообще-то присутствовать на совете было не по чину. Но после военного марша в Академии Ирека сочли фаворитом Дьяра, и никто не удивился его присутствию.

К моему удивлению, не одна я из женщин скрашивала демонический совет: я заметила нескольких магистресс и девушку, заменявшую в секторе Ночных шорохов отправленных в поход отца и брата. Она щеголяла татуировкой на черепе, обритом наполовину, и маленькими кольцами, вставленными в губу и бровь.

Все они были уже проверены на предмет лояльности новому правителю, лишь в «шмонарке» тлела обида за семью, но это чувство было настолько слабым, что ни о какой потаенной мести не могло быть и речи.

Дьяр поднял руку с выставленными мизинцем и указательным пальцами — «рога», жест благословения Тьмой, и в мгновенно наступившей тишине разнесся его голос:

— Я призвал вас, мои преданные советники, дабы решить вопрос уничтожения Тринадцатого клана, чья Тень посмела нарушить тысячелетнюю клятву преданности Тьме и Трону. Так как это деяние, подрывающие устои нашего союза, я не могу принимать такое решение в одиночку.

— Война! — обрадовались все до одного демоны.

— Наконец-то мы избавим Тархареш от трупной вони! — азартно подхватили демоницы.

— В одиночку тебе с ними и не справиться, молодой владыка, — фыркнул и расправил мощные плечи князь Багряный, тоже не самый покорный из демонов.

Дьяр перевел на него сверкнувший гневом взгляд:

— Я и не собираюсь пачкать руки о неупокоенных мертвецов, забывших клятвы, князь Трирш. И моим подданным не позволю.

Трирш расхохотался:

— И как же ты их уничтожишь? Силой мысли? Вижу, свалившиеся власть и сила совсем вскружили тебе голову, сын... корабельной женщины.

Синеглазый презрительно усмехнулся, и взгляд его преисполнился жалости к мыслительным способностям правящего князя.

— Так же, как тебя, Трирш. Отзову Тьму.

По моим наблюдениям, Дьяр и бровью не повел. Лишь его синие глаза потемнели до чернильной густоты ночи, а треножник в центре круга полыхнул высоким языком мрака, словно раскололся воздух и само бытие,

сама реальность дали трещину в небытие. Это было настолько жуткое зрелище, что я задрожала, а Янге протянул руку и молча сжал мое плечо.

В этот миг, когда замерли даже сердца ужасающих демонов, Трирш захрипел, а из его груди выплеснулся черный поток — нет, не крови — магии. Той темной силы, которой живут высшие демоны. Сполох влился в щель, развернутую над треножником, и темное пламя опало, а трещина закрылась.

Все выдохнули с облегчением. По лицам демонов стекали капли пота, а кое у кого затряслись руки, и в первую очередь у Трирша. Он еще дышал, неверяще глядя перед собой. Но через миг радость от того, что остался жив, сменилась диким ужасом. Князь захрипел, сполз, встав на колени, и тут же повалился ничком.

— Верни, — шептал он. — Верни мне силу, владыка. Рабом буду... ноги целовать... верни...

Шепот угас: сердце демона остановилось. А еще через несколько мгновений его тело распалось на туманные клочья и развеялось. Тьма забрала все.

Повисшую тишину расколол спокойный, словно и не случилось бунта и немедленной казни, голос Сэйвана:

— Думаю, вампирам этого будет мало. Не все они бывшие демоны.

— Остальных добьем, их останется мало, — как ни в чем не бывало так же спокойно и равнодушно ответил Дьяр. — А что скажет моя камирани?

Я еще не пришла в себя и тихонько тряслась. Дьяр как владыка был, конечно, прав. С такими подданными, как демоны, правителю полагается демонстрировать молниеносные и жестокие решения, а бунты подавлять в зародыше. Но я никогда не привыкну к той легкости, с которой власть забирает жизни.

— Скажу, что подданные не виноваты в грехах покровителя. Я имею в виду Тень.

— Видишь ли, Лика. Договор и клятву хранит именно Великая Тень, — просветил меня владыка. — Она отслеживает и наказывает отступников на своей территории или передает прерогативу наказания князю клана. И если Тень не явилась подтвердить договор с владыкой, он считается расторгнутым и возобновляются отношения войны.

— А... нельзя найти другую Тень?

Я даже почувствовала, как сгустились вокруг меня пресловутые тени, которым очень не понравился мой вопрос. У меня аж волосы на голове зашевелились от дохнувшего в затылок ужаса.

— Не смей! — Дьяр поднял левую руку, и жуть отступила. — Можно, Ли́ка. Для этого нужна жертва от клана — кто-то, кто добровольно примет развоплощение и откажется от посмертного покоя во имя своих кланников. Обычно это действующий князь, — и влады́ка красноречиво посмотрел на пустое кресло князя Багряного.

— Зан-о-Мьирр никогда на это не пойдет, — слышались голоса.

— Слишком древняя и трусливая тварь.

Дьяр дал советникам минуту, чтобы выплеснуть обуревавшие демонов эмоции. А потом поднялся, прошел к треножнику и простер над ним правую руку.

— Слышишь ли ты меня, князь Зан-о-Мьирр? Призываю тебя Тьмой.

Очень долго не доносилось ни звука: советники затаили дыхание и прислушивались, вытянув шеи. Наконец из треножника донеслось:

— Да, мой влады́ка. Я слышу.

— Ты мертв, князь, и считаешь, что тебе уже нечего бояться? — спросил Дьяр. — Тень клана не явилась подтвердить договор.

— Я не властен над ней, мой влады́ка, — поспешил заявить вампир.

— Так выполни древний ритуал или найди того, кто добровольно займет ее место. Я дам неупокоенным трое суток.

— Боюсь, это невозможно, повелитель Тьмы и двенадцати Теней. Для этого нужно раскопать холм в Кардерге и уничтожить амулет, надетый на тело вампира, ставшего Великой Тенью.

— Тогда попробуй убедить своего покровителя, что он совершает ошибку, и через три дня, если Тень не явится, вы будете уничтожены.

— Не торопись, мой влады́ка. Не торопись. Ты забыл, по чьей земле сейчас ступает тот, кто тебе дорог. Твой отец, не-влады́ка Сатарф, в моих руках.

По рядам кресел пронесся быстрый шепоток. Дьяр стиснул кулаки, но отступить уже не мог.

— Я даже не буду пачкать руки моих демонов, пока еще князь. И не буду тревожить госпожу мою Тьму по таким пустякам. Если ты забыл, от какого врага защищает тебя и твоих кланников Темный Трон, то я напомню. Я всего лишь открою границу Тархареша со стороны гор Смерти. Как ты думаешь, сколько мгновений потребуется драконам смерти, чтобы славно поохотиться, найти и упокоить всех неупокоенных? Безвозвратно, в окончательном небытии, вампир.

— Ты не сделаешь этого. Твой отец...

— Сначала попробуй его поймать, Зан-о-Мьирр, — усмехнулся Дьяр. — Я не из тех, с кем можно блефовать, и твой блеф я уже не забуду.

Трое суток. Отсчет пошел.

И, резко погасив темное пламя, синеглазый развернулся.

— Открыть границу драконам? Гениально! — восхитились советники.

Ну вот, начались лести и угодничество. И никто не подумал, что драконов так просто не остановить без помощи сельо.

— А моя ками-рани подскажет нам, как сделать так, чтобы драконы не прихватили никого лишнего, — улыбнулся этот невозможный тип на троне.

Я пожала плечами.

— Надеюсь, до этой меры не дойдет, владыка. Иначе придется снимать запрет на пребывание сельо в Тархареше.

— А разве он не был снят? — удивился Дьяр. — В тот момент, когда капля крови сельо была принята Темным Троном, а та, что ее подарила, названа ками-рани, посещение Тархареша стало безопасно для сельо.

Это почти победа, богиня. Не этого ли ты добивалась, отправив меня в Тархареш?

В тот вечер по понятным причинам не было аудиенции Тринадцатому клану, и Дьяр, на мгновение заколебавшись, отпустил меня в Академию в сопровождении Ирека, открыв нам портал напрямик в башню.

ГЛАВА 6

Заговор

Столица Темного Трона бурлила: слухи разошлись мгновенно, и демоны праздновали будущую победу над вампирами, хотя срок ультиматума не вышел и окончательного разрыва кланов еще не произошло.

Злачные заведения были переполнены, и кабаре «Пляски скелета» не стало исключением. Закрытые ставни спасали посетителей от неяркого солнца. В искусственном затемнении мерцали алые огоньки демонических глаз, посверкивали клыки и когти. Гроыхала музыка, клубился дым от табачных трубок.

В центре на круглом подиуме отплясывали полуголые низшие демоницы. Зрители орали тосты, пили и рукоплескали, хохотали над попытками особо рьяных поклонников забраться на магически защищенный подиум и составить компанию танцовщицам. Особенно усердствовали адепты Академии, соскучившиеся по женскому обществу.

Публика была разношерстная, и мало кто обращал внимание на столики в самом затемненном углу зала, где сидели посетительницы далеко не юного возраста.

— Ох ты ж, чего вытворяют! Тьфу, разврат какой! — ругалась бабка Рагана, не сводившая, однако, глаз со сцены, где мелькали голые ножки в пенных кружевах юбок. — Хороши, заразы темные! У нас в Серых пределах такого не увидишь. Но скажи, Кикерис, неужто другого места не нашлось для наших посиделок, поспокойнее? Что я, девок голых не видала? Да я их вынянчила столько, что самой тошно!

Ее товарка залихватски сдвинула на затылок соломенную шляпку, сунула два пальца в рот и оглушительно свистнула:

— Долой! Надоели! Мужика давай!

Под громовой хохот пьяной публики демоницы убежали со сцены по воздушному мостику, к немалой радости зрителей, успевших заглянуть им под юбки. А вместо девушек появился сногшибательный рогатый экземпляр метра под два ростом, одетый лишь в черные ленточки. Музыка сменилась на тихую и плавную, верзила начал покачиваться, одеяние скользило по смуглой коже облаком змей. Собственно, змеями оно и оказалось, к восторгу зрителей.

— Все-таки зачем ты притащила нас именно сюда, сестра? — брезгливо поморщилась третья ведьма, сидевшая за столиком с видом оскорбленной невинности. Она имела интеллигентнейшую внешность старой девы — надзирательницы пансиона благородных ангелиц (что, собственно, было не так далеко от действительности).

В отличие от сестер, ведьма за собой тщательно следила: белая блузка с кружевным воротником под горлышко тщательно выглажена, на темно-синей юбке — ни пятнышка осенней грязи, как и на лакированных сапожках. Брови на морщинистом старушечьем лице тонко выщипаны, ресницы и губы слегка накрашены. Пенсне в золотой оправе довершало строгий, но благородный облик.

О состоянии нервозности говорила лишь одна не замеченная ведьмой деталь: крашеный лиловый завиток выбился из гладкого узла на затылке и топорщился, как средний палец в неприличном жесте.

— Поговорили бы в твоей башне, раз уж ты ко мне в гости не захотела прийти, — ворчала она.

— Занята моя башня! — отмахнулась Кикируся. — Птичник там несусветный, надоел уже. В Академии все разбежались праздновать. А я что — рыжая? Я к народу ближе быть хочу!

— Ну так будь, мы тут при чем? Для чего ты нас звала?

Полюбовавшись на извивавшегося демона, Кикируся щелкнула пальцами, и тьма вокруг столика сгустилась до полной непроницаемости. Свеча, стоявшая на столешнице, вспыхнула ярким голубым огоньком, а гомон зала совсем затих.

— Так лучше? — Кикируся, опрокинув рюмочку вишневой наливки, вытащила спицу и понюхала острый кончик.

Рагана, вздохнув не без сожаления, придвинула к себе чашку кофе, наполовину разбавленного коньяком.

Третья ведьма принципиально пила минералку, используя в качестве соломинки трансформированную вязальную спицу. Синяя свеча ее тоже не устроила, и под сердитым прищуром старухи огонек затрещал, почти погас до синей точки, но тут же взметнулся радостным золотисто-оранжевым язычком.

— Вот так лучше.

— Скучная ты, Брегетта, до ужаса, — покосилась на нее Кикируся. — У нас мало времени, сестры. Мне еще за Дьярушкой присмотреть надо, а то Тени-то совсем расшалились, того и гляди из повиновения выйдут. Некогда мне развлекаться. А нам решить надо, что с мальчишками и нашей девочкой делать будем. Ирек-то, слышали, что отчудил?

— Ничего страшного, чтобы пугаться, — фыркнула Брегетта. — Знаю я, о чем мой Алиан с драконом говорил. Не найти Иреку такого демона, который с ним крыльями поменялся бы. Моя девочка все равно не для него. И, дорогая Кикерис, не для твоего любимца Дьяра. Нечего делать моей малышке в этом темном вертепе.

— Не заговаривайся, сестра! Не твоя девочка, а моя! — возмутилась Рагана. — Ты еще ни одного узелка не связала из этого клубочка. Занимайся своим светлейшим Алианом, а к моей девочке даже думать не могли соваться. Не дам! И не тебе решать, с каким клубочком я эту нить свяжу.

— Как это не мне? Я что — чужая? Да мы с Алианчиком...

— А ну, тихо! — рявкнула Кикируся. — Поздно драться-то. Пока вы спорите, да один клубочек с двух концов вязать пытаетесь, мерзавка Лойт ее у вас обеих увести пытается.

— Она давно пытается, с Ликиного рождения, да не выйдет у нее ничего! — отмахнулись сестры.

— Вы еще новостей не знаете, как я погляжу, многомудрые мои да всеведающие, — ехидно прищурилась Кикируся. — Да и Лойт-то, зараза лунная, думала — не узнает никто до поры. А я узнала, потому что сердце Лики сейчас каплю Дьярушкиной крови хранит. Через ту каплю я и услышала, что богиня хочет ее своей Верховной жрицей сделать. И уже обещание у нее вырвала, паучиха дрянная!

Две ведьмы ахнули, переглянулись, и распря тут же была забыта.

— Вот поэтому срочно надо девочку вашу влюбить. — Кикерис откинулась на спинку стула и спрятала хитрый прищур под полями съехавшей на глаза соломенной шляпки. — Решайте, сестры, тянуть дальше некуда. И, кстати, две замечательные кандидатуры у меня имеются. Оба красавчики. Вот только если Ирек, дурак такой, крылья поменяет и лишится способности любить, то сердце у девочки разбитым окажется. Так что думайте тщательнее.

— Да что тут думать? Не отдам ее за бастарда. Остается Дьяр, — поморщилась мадам Брегетта.

— Ни за что! — из чувства противоречия уперлась Рагана. — Не бывать темному владыке мужем сельо! Небеса против! Забыли, чем предыдущая попытка закончилась? Да и моей Эльде Ирек больше по душе пришелся как будущий зять.

— Ты себя-то всеми Небесами не называй, ишь, возомнила! — возмутилась младшая ведьма. — Не твоей Эльде соваться в сердечные дела дочери! А за бастарда не дам девочке выйти! Костями лягу, а не дам.

— Ну сама посуди, Брегги, нам ли с тобой кочевряжиться? Вот пусть независимый кофейный дух покажет, кто ее судьба, — Рагана допила кофе и опрокинула чашку на блюдце вверх дном. — Девочка-то у нас тоже не в законном браке рождена. И все из-за тебя, младшая.

— Из-за меня?! — возопила Брегетта. — Да ты мне в ножки должна поклониться! Да если бы я Алиану вовремя не открыла путь в Серые пределы, ни Лики бы не было, ни твоей разлюбленной Эльды!

Кикерис кашлянула, и ссора двух ведьм быстро увяла.

— Ох, и хитра же ты, средняя, — Брегетта сверкнула на нее стеклышками пенсне. — Думаешь, я не понимаю, почему ты об Иреке заговорила? Если Лика в него влюбится, о черных крыльях он сразу забудет, и твой любимчик Дьяр на Троне усидит. Так ведь?

— Они у меня оба любимчики. Ты не о том думай, младшая. Я-то любую судьбу приму и в нужный узор вплету. Ты о том думай, как Лойт обмануть, а то и припугнуть. Она ведь, как ни крути, богиня любви у нас, и в сердце своей жрицы днюет и ночует. Любой огонек романтических чувств в девочке гасит, не дает разгореться.

Брегетта залпом опрокинула остатки минералки, ее пергаментные щеки мгновенно покраснелись, и двум старшим сестрам показалось, что в стакане была уже отнюдь не безобидная водичка.

— Хорошо! — Младшая ведьма хлопнула пустым стаканом по столу, и он сразу наполнился.

— Виски? — принялась Кикирус. — Из другого мира небось? Туточки такое еще не гонят.

— Шотландский. Кстати, у нашей старшей арманьяк в кофе был налит. Варварши вы обе. Такой продукт переводить!

— Зато ты у нас, фифа, виски хлещешь, аки лесоруб. Плесни-ка и мне, люблю Шотландию. Жаль, отпуск от дел праведных еще не скоро, прогулялась бы. Или лучше Туманный Альбион шугануть? А то уж забыли там нас поди...

Брегетта опустила в рюмочку сестры соломинку, поболтала в пустоте. Вмиг оказалось, что соломинка размешивает не воздух, а прозрачную жидкость.

— Благодарствую. — Кикерис хлопнула рюмашку, блаженно улыбнулась, понюхав кончик спицы. — А у тебя что там вырисовалось, Раг? Показывай, не стесняйся.

Рагана прибегала к гаданию на кофейной гуще только в спорных случаях, и обычно после свидетельства непредвзятого духа спор оказывался решенным в ее пользу. Увы, на этот раз разбавленный коньяком

кофе подвел: гуща полностью сползла в блюдце, и стенки чашки оказались девственно чистыми.

— Странный эффект, — удивилась Рагана.

Кикерис, сунув нос, хмыкнула:

— Полная аннигиляция. Вот что значит тащить один воз в разные стороны.

— Это она все испортила! — Рагана показала спицей на хихикавшую Брегетту.

— Ну, я. — Младшая и не думала скрывать, что колданула, почистив чужое гадание. — Мы что, сами не справимся? Я согласна и на Ирека. Даже спицы в клубки вставлять не буду, клянусь. Но при одном условии, Раг. Ты дашь хотя бы один шанс моему Алиану. Не прошу о большем, знаю все об Эльде и Сатарфе. Всего один шанс, Раг. А ты, Кикерис, помолчи. Мы тебе твоих темненьких спасаем? Спасаем. А разве мой светленький не заслужил хотя бы прощения?

Голубенькие глазки Кикерис засверкали, но она, фыркнув, прикусила губу и отвернулась. Рагана кивнула, правда, напонила строго, что «внучата» сами решают, а забота нянек — следить, чтобы узор их жизни не перекосило всякими неразумными решениями.

— Теперь надо подумать, как нам Лойт обвести вокруг пальца, — вздохнула Рагана. — Сплетем заговор, сестры?

Она потянулась к огоньку свечи, вытянула из него светящуюся ниточку, словно из кудели. Младшие сестры вскинули спицы, и вскоре под колдовские бормотания закипела работа в шесть рук, вывязывавших круг из огненной нити.

Три ведьмы, отгородившись от шумного мира, так увлеклись, что не видели и не слышали происходящего в «Плясках скелета». Ни звука до них не долетало сквозь завесу. Кикерис знала: появления Дьяра она не упустит, а остальное неважно.

Мир вмешался в заговор вершительниц судеб ужасающим образом: на белоснежную скатерть столика шлепнулась темная капля, просочившаяся сквозь невидимую щель в дощатом потолке. Еще одна звонко булькнула в стакане с виски, окрасив его в розовый цвет. Третья капля упала на свечу, погасив ее и оборвав колдовскую нить.

— Ах! — горестно воскликнули ведьмы, не успевшие завершить заговор. Сплетенный круг сразу утратил яркость и растаял на глазах.

А через миг сверху щедро полилась тонкая струйка, расплываясь на ткани безобразным багровым пятном.

— Кровь! — ужаснулась Брегетта. — Там кого-то убили!

— Тут через день кого-нибудь режут, — пожала плечами Кикерис. — Это темная столица, сестра. Демоны кровожадны. Не знала? Тьфу, такое плетение нам испортили!

Брегетта вцепилась в Рагану:

— И ты все еще хочешь связать сердце нашей девочки с темным? Одумайся, сестра!

— Мало ли что я хочу, — огрызнулась старшая. — Не по моей и не по твоей прихоти земные пути выются!

— Хватит уж вам. — Кикерис решительно поднялась, поправила шляпку. — Ну-ка, свистать всех наверх. Посмотрим, что за мерзавец испортил нам обедню. На наших глазах, почитай, зло сотворил! Вы как хотите, а я такую наглость спускать не намерена. Может, он и подслушать нас смог? Сверху-то защиты не стояло, только по бокам.

Ведьма сняла полог как раз в тот момент, когда шум в кабаре стал запредельным: со второго этажа заведения, где располагались уютные кабинеты для желавших уединиться, раздался истошный визг.

* * *

В моей башне царила подозрительная тишина: ни Кикерис не прибежала посмотреть, кто явился, ни горгульи не побеспокоились. Привыкли уже, наверное, что за их подопечной арестанткой не уследишь. А грифон с Шуршем давно переселились в Белую империю, за моим папулей присматривать.

— Лика, можно тебя попросить об одолжении? — Ирек не торопился прощаться. Склонился, заглядывая в глаза. — Не говори ничего Дьяру.

— О чем именно?

— О моей сделке с драконом смерти.

Со времени сделки прошло уже столько времени, что я удивилась: странно, почему Ирек раньше не попросил? Потом догадалась: бастард хотел признаться брату, все это время мучился, и только сегодня принял окончательное решение молчать. Почему?

А раз так, я тоже приняла решение.

— Не могу обещать, Ирек. Как телохранительница, я обязана доложить об угрозе...

— Какая угроза, Лика?! — прорычал он, слегка потрянув меня. — Да я никогда ничего против него не сделаю, клянусь! Я люблю брата! Понимаешь? Да где тебе, у тебя же ни братьев, ни сестер никогда не

было...

— Какое условие поставил тебе Шурш?

— Я же сказал — невыполнимое.

Скептически поджав губы, я не отводила взгляда от черных глаз. Кто кого пересверлит.

Ирек сдался первым, отпустил меня и отвернулся.

— Твой дракончик — тот еще шутник, Лика. Он предложил мне найти высшего демона, который захотел бы поменяться со мной крыльями. А где я его найду? Таких дураков нет.

«Шурш в своем репертуаре», — хмыкнула я про себя. Действительно, условие невыполнимое. Беспокоиться не о чем. Я повеселела.

— А ты не думал, Ирек, что цвет крыльев — не главное в демоне?

— Может, и не главное. Но Тьма так не считает, — вздохнул он. — Ладно, отдыхай. Дьяру я сам скажу. Потом. Он будет в бешенстве, конечно.

— Подожди. Покажи мне их.

Парень недоверчиво покосился на меня, стиснул зубы.

— Издеваешься?

— Нет! Они такие красивые! Ну, пожа-а-алуйста-а-а!

Он вдруг ухмыльнулся:

— Покажу, если ты мне покажешь свои. Идет?

— Нет! — шарахнулась я. И не важно, что всяк, кому не лень, видел мои крылья на коронации Дьяра. Но сам же говорил: чары в башне усилены, а крылья — это магия. И как я потом снова иллюзию на спину наложу?

— Башня заперта, тут никого нет, кроме нас, — подзадорил парень. А глазищи-то как разгорелись предвкушением. — А места достаточно. Никто не увидит, Лика. Полетаем? Я помогу потом замаскировать твои крыловые щели, как было.

От одной мысли распахнуть крылья хотя бы на миг, спину свело болью, а сердце забилося где-то у горла. Слишком долго я их не раскрывала. Случай на коронации — не в счет, там я полетать толком не успела, только в воздух прыгнула, чтобы Дьяра заслонить от летящего кинжала. А тут... И правда же никого нет. Сила рвалась, распирала меня изнутри.

— Ну, давай, — шепнул подлый провокатор. — На счет «три». Раз, два... три!

Полумрак вспыхнул золотым маревом, разгоревшимся за спиной Ирека. А через миг в зале стало еще светлее — на угрюмых каменных стенах заиграла россыпь перламутровых лучей, а по спине прокатилась

волна прохлады, и душа замерла от ликования и... Свобода! Какое пьянящее, волшебное чувство!

Крылья прорвались сквозь ткань свитерка, как могучий поток, снесший плотину. Они тоже отличались от обычных лунных, но я никогда не комплексовала по этому мелкому поводу. Подумаешь, перламутровые радуги вместо ровного и бледного лунного света.

Я взвилась под высокий свод. Ирек рванул за мной, и мы носились, забыв обо всем, как два мотылька — золотой и жемчужно-радужный. Виток, другой. Бастарду явно не хватало тренировок, заметила я по угловатым движениям парня и неловкости, с которой он едва разминулся со стеной.

В башне полыхали отблески света. Мы хохотали, как сумасшедшие, гоняясь друг за другом. Почти как на вступительных испытаниях. Только без жужелек и толпы ликующих зрителей.

Упс. Один все-таки был.

Заметив замершую в дверном проеме высокую фигуру, завернутую в непроницаемый черный кокон, я от неожиданности кувыркнулась в воздухе. Ирек, обрадованный, что сумел догнать, налетел на меня:

— Попалась, пташка!

— Ирек, там... — я повернула лицо к двери.

Бастард тоже повернулся.

— Подсматриваешь? — зло сощурились его черные глаза.

— Брат, ты мне нужен, — ответил необычно глухой, словно мертвый, голос Дьяра. — Идем.

Мы опустились на пол, дружно втянули крылья. Мои колени отчего-то ослабели. Не от полета и избытка эмоций. Такой Дьяр — холодный, мертвенно-бледный, без единой кровинки на лице — вгонял меня в тоскливый трепет. У него даже глаза из ярко-синих стали какими-то тускло-пепельными. Лицо равнодушное, каменное, губы плотно сжаты.

— Срочно? — переспросил бастард. — Мне надо Лике помочь ее крылья спрятать.

— Срочно. Лика, из башни никуда не выходить.

— Это арест? За что?! — от возмущения у меня сел голос.

— Не спорь с ним, — шепнул Ирек. — Что-нибудь придумаем. Видишь, сейчас он немного не в себе?

— Что случилось, Дьяр? — кипела я.

Он промолчал.

Ирек развернул меня. Мягкие теплые ладони прошли вдоль позвоночника, погладили лопатки. Щекотно же!

— Сойдет, — сказал он через минуту моего хихиканья. — Потом получше иллюзию наложу.

— Не годится, — подал голос отстраненно наблюдавший Дьяр. — Любой, не самый лучший магистр, заметит такую топорную работу. На коронации в суе некто ничего не понял, даже крылья не успел разглядеть. Тебя все еще считают сельо-полукровкой, не способной толком летать. У полукровок могут появиться слабые открылки, пробить временные крыловые щели, которые уже должны затянуться. Потому не порти игру, раз уж начала.

Говоря, он подошел чеканным шагом, эхом отдававшимся под сводами. Словно стал тяжелее раза в два. Я боялась повернуться: жутко не хотелось встречаться с ним взглядом.

Прикосновений почти не почувствовала, если не считать касаний морозных воздушных потоков. Спину словно панцирь сковал. Через миг иллюзия ледяного плена исчезла, как будто лед впитался под кожу и растворился, оставив ощущение легкой стянутости под лопатками.

— Вот теперь все.

Ирек восхищенно вздохнул:

— Круто ты продвинулся в магии!

— Это не моя магия, а сила владык, — со странной горечью заметил синеглазый. — Толку, что теперь эта чужая сила — у меня? Отец был сильнейшим, а после отречения стал слабее низшего демоненка.

— Ты не прав. Мечник тоже заведомо сильнее безоружного, если владеет мечом.

— Если... Нет времени на споры. Поставь усиленную охрану к башне, — распорядился Дьяр.

— Подожди! — дернулась я за ними. — Зачем охрана? Почему мне нельзя выходить?

Не поворачиваясь, синеглазый пояснил на ходу:

— Убийца снова вышел на охоту. Сегодня он напал на девушку из Тринадцатого клана, а это еще мои подданные. Нагло, чуть ли не при всех. Видимо, испугался, что не успеет до появления драконов смерти. Вырезал ей сердце. Следующей жертвой, как нетрудно догадаться, он выберет сельо. Ты должна казаться слабой, но охраняемой дичью, Лика. Тогда будет шанс обмануть ловца.

Врет. Он просто решил, что убийца не должен иметь никаких шансов. Правильно решил, нечего и возразить. Но сидеть взаперти я не буду!

— Тринадцатый клан — это же вампиры! — удивилась я. — Но ведь убийце нужны для ритуала живые сердца, а вампиры — нежить!

Дьяр замер. Развернулся, вперив мрачные очи:

— Да, вампиры — это неупокоенные мертвецы, но в момент поглощения чужой крови и несколько дней после сердце вампира снова начинает биться. Не знала?

Ну вот что он злится? Что подданную не уберег? Так и Сатарф не уберег. И Алиан своих беленьких адептов не уберег. За каждой девчонкой не уследишь. Кстати...

— А вы провели переговоры с моим отцом, Ваше Темнейшество?

— О чем? — Дьяр вышел из зала.

— Да, точно, я же тебе докладывал, — подхватил Ирек. — О тех кинжалах эпохи Шарх. Он что-то о них знает.

— Не до того было, — вздохнул синеглазый и свернул на лестницу. — Даже если он что-то знает о кинжалах, как это может помочь найти убийцу?

Ирек последовал за ним. Я не отставала. Может, проскользну под шумок, раз оба отпрыска Сатарфа изволят ножками по бренному камню ступать, а не теневой дорогой. Не хочу я быть узницей! И кольцо надо забрать у бастарда — это мой единственный путь к бегству, если эти гады башню запрут.

ГЛАВА 7

Не-владыка

Сатарф торопился как мог, а мог он куда меньше, чем прежде. Тот, кто вкусил вершины могущества, кто был почти равен богам и даже изгонял их со своей земли — для начала обнаглевшую Лойт, — оказался отброшен на самое дно. Сейчас бывший владыка Тьмы и Теней чувствовал себя младенцем бескрылого низшего демона.

Без одного глаза, без крыльев, без магии. Почти без магии. Все-таки он оставался демоном, сыном Матери Тьмы, которая не сняла с него благословения. Наоборот, помогала поскорее заживить раны, а глухими ночами выгоняла дичь под его умелые руки.

Путник мог бы сократить время путешествия и пройти за Грань тенями, на это остатков его темной силы еще хватало. Но потустороннее царство Теней сейчас лучше не беспокоить, пока новый владыка, его сын Дьяр, не укрепит свою силу над ними. Тринадцать Теней, тринадцать столпов Темного Трона пока слишком шатки.

Теневой путь Сатарф оставил на самый крайний случай. К тому же тот, кто идет к драконам смерти, должен сам пройти свой путь, без чужой помощи. Вот и растянулось его путешествие на две недели.

Сатарфу оставалось миновать земли Тринадцатого, самого кровожадного и непокорного из темных кланов. Не лучший путь, что и говорить.

Взвесив все за и против, одноглазый калека решил все-таки рискнуть. «За» — это экономия драгоценного времени. В обход — слишком долго, да и вампирская вотчина охватывала клешней врезавшиеся в нее одним концом, как пика, Драконьи скалы. Другой путь был не только длиннее раза в два, но пришлось бы завернуть в царство Серых холмов, а с лунными девами ему ни к чему встречаться. Второй раз царица его не отпустит или следом увяжется.

Нет, только не это. Лучше уж вампиры. Если идти только днем и маскироваться по ночам, можно и просочиться. Главное — на стражей не наткнуться.

Полдень — не лучшее время для демонов. Счастье, что для низших вампиров солнце совсем невыносимо, и кровососы забиваются глубоко под землю, в самые глухие отнорки своих пещер. С высшими хуже, у них, как

доподлинно знал Сатарф, имелись баснословно дорогие амулеты, защищавшие их от смертоносных лучей. Но их сила небесноконечна, и даже высшие не искушали лишний раз судьбу.

Калека старался не выходить на открытые пространства, шел глухими лесами, предпочитая встретиться с диким зверем, нежели с бывшими подданными. Никто не должен увидеть его искалеченное тело. К тому же огромные сосны и ели создавали огромные сумеречные шатры, и ночное существо прекрасно себя чувствовало даже в полдень.

Обычно в это время он уже спал. Но в землях вампиров пришлось изменить распорядок, и теперь Сатарф поднимался с солнцем и шел весь день, делая небольшой привал только в полдень. Днем костер не так заметен, как ночью, а питаться сырой дичью бывший владыка не привык.

Найдя в лесной чаще небольшую прогалину, он расчистил место для костра, наломал сушняка и разжег костер. Потом запек в глине пойманную утром куропатку, поел, обжигаясь от спешки, завернул оставшуюся часть в листья и спрятал в дорожную сумку: до логова драконов еще неизвестно сколько добираться, а в царстве смерти так и совсем пожрать нечего — все живое обходит злое место далеко стороной.

Закончив с обедом, демон раскидал веткой угли кострища и с помощью ножен меча набросал сверху земли — как простой смертный, лишенный магии. Оставшиеся крохи сил ему еще пригодятся. Проследив, чтобы ни единой искры не осталось тлеть, он вытер ножны пучком пожухлой осенней травы и поднялся.

— В путь, — благословил он себя. — Чем быстрее доберусь, тем быстрее вернусь.

И опять ощутил укол совести: может, и надо было остаться в Кардерге, затаиться, подсказывать сыну. Убийцу и своего мучителя выловить, в конце концов. Отомстить, чтобы мало не показалось. И только тогда отправляться в горы Смерти в надежде на возрождение. Ведь знал же Сатарф: шанс вернуться живым и крылатым невелик. Зато если вернется, то уже никто не посмеет угрожать ни его детям, ни Темному Трону.

Никто. Никогда.

Даже боги.

Сатарф отстегнул ножны с мечом от пояса и закрепил ремнями на спине: по лесу далеко не уйдешь, придерживая меч на боку, — о каждую ветку начнет цепляться. Не привык высший демон по земле ползать. Ничего, вот вернется с крыльями... Сатарф вскинул взгляд в небо, опутанное ветками, посмеялся про себя: не успел уйти, а уже мечтает вернуться.

Но очень уж тревожно было на душе. Даже не кошки, а горгульи скреблись.

Двигаясь по лесной чаще мягким неслышным шагом, легко перепрыгивая через сучья и полусгнившие, укрытые плотным ковром мха стволы поваленных деревьев, он вспоминал последний разговор с младшим сыном.

— Скажи, — допытывался Дьяр, — почему ты Ирека так и не признал официально, прежде чем уйти? Он очень расстроен.

Сатарф ответил не сразу. Он покрутил в искаленной руке государственную печать, подбросил на ладони. Усмехнулся:

— А ты бы хотел, чтобы не Зарга, а Ирек стал частью заговора?

— Брат не пойдет против меня.

— Сын, я не устаю напоминать: ты слишком доверчив для будущего владыки Тьмы и Теней. Ирек любит тебя, это так. Но ты — младший, и этого уже не изменить.

— Вот! — вспыхнули синие глаза, такие же яркие, как у отца. — А я и говорил всегда, что из меня не получится повелитель!

Как же надоела Сатарфу эта песня! Едва Дьяр, уже будучи подростком, узнал, что у него есть старший брат, пусть незаконнорожденный и непризнанный, его усердие в усвоении необходимых для наследника наук весьма пошатнулось. Демоненок плешь проел отцу, уговаривая изменить завещание в пользу Ирека. Подумать только — это злобный по определению демон! Темный маг! Сын владыки! Да он любого должен загрызть в борьбе за власть. Как его сестра Зарга.

Но в синеглазом мальчишке, как оказалось, слишком сильна кровь его матери, дочери пирата. И Сатарф никогда не скажет ему, кем на самом деле была эта женщина, которую ненавистники обзывали за глаза корабельной шлюхой. Никогда не признается, что на самом деле случилось с ней в ночь рождения младшего сына.

Да, такому, как его синеглазый сын, не нужна власть над землей и подданными. Не нужен даже Темный Трон. Он будет жаждасть иной власти, когда и если осознает себя.

Начиная с ночи рождения Дьяра, владыка с ужасом ждал, когда в его наследнике проснется иная жажда, которая отнимет у него сына, и торопился, всю жизнь торопился опередить, заглушить, обуздать. И только Госпожа Тьма могла преодолеть материнскую силу. Потому владыка провел первое посвящение сына, не дожидаясь его семилетия, потому связал Тьмой, долгом и всеми мыслимыми и немыслимыми

клятвами. А теперь — до срока возвел на трон. И тринадцать Теней Темного Трона станут нерушимыми якорями для Дьяра, будут держать до самой его смерти. За Тархареш можно не беспокоиться.

— Получится, все у тебя получится, — жестко осадил Сатарф наследника. — Как раз ты и обладаешь необходимыми качествами. Или ты считаешь, я глуп, недальновиден и не знал, что делал? Твоя излишняя мягкости доверчивость быстро пройдут. Куда сложнее, если сердце изначально ожесточено, как у Зарги или Ирека. Такое сердце не сможет судить по закону и справедливости, не сможет встать над добром и злом, пока не избавится от груза придуманных обид и не смирится с судьбой. Ты ведь понял, сын, должен был понять, когда говорил с Тьмой, почему над злобными и кровожадными демонами должен стоять не более жестокий и кровожадный тиран, не еще более злобный повелитель, а тот, кто не судит ни добром, ни злом, но только по закону?

— Понял, — буркнул Дьяр, отворачиваясь от пристального взгляда одноглазого калеки. — Равновесие.

— Вот именно. Ты таков, что тебе без разницы, светлые у тебя подданные или темные. Думаю, ты и с Белой империей вполне справился бы, хотя у белых коварства столько, что нам, демонам, еще учиться у них и учиться.

— Выдумал тоже, — рассмеялся Дьяр. — Но что ты все обо мне! Ты лучше скажи, что мне брату передать?

— Я ему уже говорил. В Тархареше не только демоны живут, да и наши тринадцать кланов, включая неупокоенных, — все разные, у каждого свой изъян, своя слабость или, наоборот, сила. Если Ирек до сих пор не смирился с самим собой, каков он есть, то как он сможет принять и понять других? Я уж не говорю о том, что его не смогла принять Тьма, и ты знаешь почему.

— Крылья можно и перекрасить, — вздохнул Дьяр, окончательно прощаясь с мечтой свалить заботы на плечи брата. — Но ты тоже не смирился с увечьем!

— Это другое. Я рожден крылатым. Можно смириться с тем, что дано или не дано тебе от рождения, принять и идти дальше и выше. Но с тем, что из тебя сделали или пытались сделать, мириться нельзя. Есть разница, сын. Твой брат добровольно отказался от неба. Насмешек боится, подумать только! А Темный Трон — не для трусливых. Ирек не готов драться и защищать свое право быть таким, какой он есть. Как он сможет защищать других? Он заранее сдался, и я этого не простил. Тот, кто предал себя, предаст и другого.

— Ты не прав, отец. Он не такой.

— Посмотрим, — вздохнул Сатарф, еще раз подкинул печать и с грохотом опустил на давно подписанный свиток с отречением от трона. Дьяр поморщился — свершилось.

Бывший владыка полюбовался на мерцающий огненно-багровый оттиск, дождался, когда печать остынет до угольной черноты, свернул документ и протянул наследнику:

— Держи, сын. Благословляю на царство. Владей, а не властвуй. Суди, а не осуждай. Бей чужих, чтоб свои боялись. Вернусь, проверю, как справился с заданием. А Иреку передай: когда он примет себя таким, каким он рожден, я признаю его. Если вернусь, конечно.

— Только попробуй не вернуться! — всполошился Дьяр.

Сатарф улыбнулся и ласково взъерошил его волосы.

— Спасибо, сынок. Вернусь, никуда не денусь. Как я могу не вернуться, сам посуди? Я только-только обрел любимую женщину. Можно сказать, едва жить начал!

Наследник тоскливо возвел очи в небеса, и Сатарф легко расшифровал его мученический вид: мол, некоторые тут жить начинают, а Дьяру теперь хоть с тоски вешайся, спихнули на буйную юную голову государственные заботы, и в кусты.

Впереди посветлело, между огромными стволами появился чахлый подлесок. Наконец стена исполинов раздвинулась, путник вышел на крутой, высокий берег реки, вившейся между холмами. Взгляду Сатарфа открылась панорама на долину внизу, на покатые холмы вдали, а за ними на горизонте белели горные пики обиталища драконов.

Далековато еще, прикинул демон. И через реку не перелететь. Но бывший владыка тщательно готовился к путешествию и помнил карты: неподалеку есть развалины древнего моста, оставшегося с незапамятных времен, еще до эпохи Единения.

К разрушенной переправе он вышел часа через два, и увиденное огорчило: от каменного настила ничего не осталось, а раскрошенные, покосившиеся каменные глыбы свай слишком широко отстояли друг от друга, не перепрыгнуть. В этом месте река сужалась, течение становилось таким быстрым, что нечего и думать пересечь препятствие вплавь. Не с его едва затянувшимися ранами на спине от выдранных крыльев.

Сатарф оглянулся на стену высоченных елей, поискал взглядом сухостой — хватит ли высоты стволов, если соорудить мостки из пары бревен и перебрасывать со свай на сваю. Но, во-первых, мечом такие

толстые, хотя и сухие, деревья не повалить. Так и без оружия недолго остаться. Во-вторых, даже если исхитриться и выкорчевать пару деревьев магией, то их высоты не хватит: ближе к противоположному берегу, как он заметил, одна свая едва виднелась над водой, разрыв становился в два раза длиннее и казался непреодолимым.

Он прищурился на солнце, медленно клонившееся к верхушкам леса. Прикинул, как протянутся тени на закате, зацепят ли сваи друг друга, свяжет ли их потусторонняя теневая тропа.

Нет, поморщился демон, проблема оставалась той же: разрушенная почти до поверхности воды свая не давала тени. Точнее, ее тень цепляла следующую сваю глубоко под водой. Но если вынырнуть и взобраться наверх по разрушенным камням, то можно успеть до того, как тени станут неразличимы.

Ирония жизни высшего демона в том, что для того, чтобы ходить тенью, ему нужно хотя бы немного света. Если, конечно, он не владыка Тьмы и Теней. Уже не владыка.

«Уж не жалеешь ли ты, идиот?» — усмехнулся Сатарф. Тряхнул густой гривой волос. Не о чем жалеть. Вся его власть, все его могущество оказались бесполезными, когда два заколдованных куска железа искромсали его тело и выпили его силу.

Так лучше уж рассчитывать только на себя. На то, с чем рожден и что никто не отнимет, пока жив, — на дух, ум и волю.

Сатарф терпеливо ждал, устроившись под ветвистым кустом ракиты. Листва с нее почти облетела — дыхание глубокой осени дотянулось и до юго-восточных пределов Тархареша, но куст был густой, раскидистый и нависал, словно паутина, скрывая притаившуюся под ним фигуру демона.

И все-таки с тех пор, как Сатарф покинул лесную сень, его не оставляло ощущение взгляда, сверлившего спину. Он осторожно оглянулся. Принюхался. Увы, ветер дул от реки, и даже чутье демона не могло уловить ничего подозрительного.

Опасности не ощущалось. Взгляд сверлил. Да еще жажда после куропатки одолела.

Как ни хотелось путнику пить, — до реки, дразнившей тихим плеском волн, рукой подать, — но он не шелохнулся, застыв изваянием. Нельзя исключать, что вон та стая из шести воронов, вылетевшая из-за леса и с карканьем умчавшаяся далеко за реку, — это воздушная стража вампиров. Хотя куда чаще их вторая ипостась — летучие мыши. Вороны скорее настоящие, но как-то связанные с разумом кровососущей нежити.

Много загадок хранит Тринадцатый клан. О них не осведомлен даже

владыка Темного Трона, которому подчинен Великий Хранитель клана Неупокоренных. Самый непокорный клан, от которого больше проблем, чем пользы.

Наконец ленивое солнце ушло за лес, протянувшиеся тени достигли кромки берега, накрыли воду, вскарабкались на позеленевший от влаги камень ближайшей сваи.

И фигура, затерявшаяся под спутанными ветвями куста, совсем исчезла, как не было.

А через долю мига на вершине сваи появился бескрылый силуэт. И тут же растаял, чтобы материализоваться на следующей гряде камней, торчавших из холодной воды.

Так он почти преодолел разрушенную переправу.

Почти.

Как и предполагал Сатарф, тень от разрушенной сваи не дотянулась до следующей, и он оказался в ледяной осенней воде. Демон от души ненавидел воду и в здоровом состоянии, хотя в молодости немало морских лиг преодолел. Но не вплавь же!

Изнаненную спину свела мощная судорога, едва затянувшиеся раны вскрылись, закровоточили, и Сатарф, потеряв сознание от боли, ушел под воду.

Седой волк, терпеливо наблюдавший за демоном с опушки леса, рыкнув, метнулся к реке, перекувырнулся на бегу, и с крутого берега нырнуло в воду нагое, сильное мужское тело.

Стая воронов, уже почти достигшая вершины одного из холмов и ставшая едва различимой в вечеряющем небе, резко развернулась и молча устремилась назад.

Над развалинами моста стая сделала пару кругов, затем от нее отделились два ворона и помчались обратно, а оставшиеся разделились пополам: две птицы уселись на сваю, наблюдая за происходящим в воде, еще две устроились на берегу в ветвях вяза.

А посмотреть было на что: волкодлак пытался то ли сожрать, то ли спасти тонущего, истекающего кровью демона. Скорее, сожрать, потому что вытасченный на поверхность воды, полузахлебнувшийся одноглазый сын Тьмы пришел в себя и пытался утопить напавшего. Кто ж не знает, что демоны ненавидят и презирают оборотней хуже диких зверей. В руке калеки мелькнул кинжал, но оборотень поднырнул, уходя от удара, выметнулся со спины оборонявшегося и выкрутил ему руку, заодно притопив. При этом он едва разборчиво рычал:

— Дурень, утонешь!

— Ты сорвал мой меч! — не менее угрожающе рычал демон, отплеываясь и стуча зубами от холода. — Он утонул!

— Железо тащило тебя на дно! Тебе меч дороже или жизнь?

— Убери свои мерзкие лапы, падаль! Убью!

Оборотень не выдержал, грохнул жертву кулаком по макушке и потащил обмякшее тело, придерживая его одной рукой, а второй выгребая к берегу. Ворча при этом:

— Что я царице Эльде скажу, если ты утонешь, дурак одноглазый?

Его сил едва хватило выбраться из воды самому и вытащить на песок бессознательную жертву и привести ее в сознание оплеухами.

— Ты на кого руку поднял, сволочь мохнатая?! — изумленно выдохнул Сатарф, когда откашлял остатки воды из легких.

На голом теле оборотня действительно густо росла шерсть, но не настолько же. Он встал на четвереньки, встряхнулся, нагло рассыпая брызги во все стороны. Глянул на взбешенного бывшего великого владыку Тьмы и Теней, на стремительно темнеющее небо, по которому от холма к реке скользили быстрые летучие силуэты. Десятка два. Вздохнул:

— Вампиры. Сам князь пожаловал. Ну, прощай, демон Сатарф. Я еще присмотрю за твоей спиной, если смогу.

И бросился в реку. Два ворона тут же сорвались со сваи и закружились над его головой, ныряющей в быстром течении. Вскоре к ним присоединились несколько крылатых фигур вампиров, но Сатарфу было уже не до наблюдений: его самого окружило полтора десятка неупокоенных, а в пяти шагах опустилась на песок невысокая щуплая фигура подростка с глазами тысячелетнего старца. Не самый древний из неупокоенных, но самый хитрый, жестокий и беспощадный, умудрявшийся держать свой клан кровососущих мертвецов в абсолютном повиновении.

Сатарф гордо выпрямил спину, но не поднялся навстречу, наоборот, сел поудобнее, скрестив ноги и поигрывая кинжалом. Жаль, что хищники увидели его таким вот, искалеченным и беспомощным, но ничего не поделаешь. На то, чтобы уйти магией теней, тоже нужны силы, а их нет даже на то, чтобы встать, не шатаясь, на ноги. Да и негоже повелителю, хоть и бывшему, скакать и суетиться. Вот минут через пять можно попробовать прыгнуть в тень.

— Кого я вижу! — усмехнулся Сатарф, умудрившись из положения сидя глянуть на прибывших свысока одним глазом. — Князь неупокоенных ко мне пожаловал на аудиенцию! Не дожидаясь полного заката явился. Давно не виделись, Зан-о-Мьирр, но сегодня я не принимаю гостей.

Великий князь с минуту оторопело взирал на калеку, не в силах

поверить, кого он видит перед собой. Его узкий рот дергался, взгляд ощупывал каждый изъяз перед безукоризненного сильного тела. Ноздри трепетали, втягивая запах свежей крови высшего... нет, высочайшего из демонов. Наконец мертвое бледное лицо рассекла уродливая усмешка: — Зато я сегодня принимаю гостей, не-владыка Сатарф. Долго же я тебя искал...

ГЛАВА 8

Чужие тут не ходят

Князь неупокоенных, демонстративно поправ этикет, не только не поклонился вчерашнему повелителю, он нагло обошел вокруг «гостя», словно пред ним сидел раб. Впечатление усиливала излюбленная, сложенная вдвое плетка князя, которой он похлопывал по ладони, как бы аплодируя открывавшемуся зрелищу на разодранную спину лишенного крыльев демона. Плетка была чистым фарсом — ни одна лошадь не подпустит к себе вампира.

Сатарф и бровью не повел в ответ на вопиющую наглость, а продолжал молча и с той же усмешкой взирать единственным здоровым глазом на хозяина кровососов всея округи, когда щуплая фигура Зан-о-Мьирра с непропорционально большой головой снова замерла перед ним, а взгляд тусклых мертвых глаз вперился в его лицо, жадно рассматривая рану на месте выбитого второго ока демона.

Пауза затягивалась. И с каждым мгновением незримой схватки двух волей проигрывал вампир: запах свежей крови темного мага дурманил голову, разжигая бешеную жажду.

А уж свита Неупокоенного и подавно не обладала такой титанической выдержкой. Бывшего владыку все знали в лицо, изможденное состояние тоже оценили — не дураки. Хотя чем могут думать мертвые головы существ, подчиненных только Зову и воле породившего их старших? Вампиры тихо выли, скребли когтями, и лишь неслышимый приказ князя удерживал стаю.

Сатарф чувствовал, как натягивается невидимая струна — аж воздух вибрирует от напряжения. Не сказать, что он застигнут врасплох или совсем безоружен. Но к последнему средству прибегать не хотелось, и он выжидал, когда противник даст слабину. Тьма терпелива.

Князь наконец принял решение. Растянул губы в дружелюбном оскале.

— Прими мое приглашение отужинать, не-владыка. Нехорошо идти по землям клана и не заглянуть к своим бывшим подданным. Или ты думал, Тень Великого не оповестит меня о таком госте?

Демон, запрокинув голову, негромко рассмеялся, но резко оборвал смех.

— С каких пор я гость на землях моей страны, Зан-о-Мьирр? —

спросил он, зло сощутив синий глаз.

Но древний кровосос был воистину древним, то есть не впал в старческий маразм, а сумел обрести если не мудрость, то хотя бы осторожность. Бывают ли владыки бывшими? Необъяснимое чутье, благодаря которому Зан и стал князем, удерживало его от расправы над бессильным на первый взгляд противником.

— Думаю, с тех пор, как ты окривел и обескрылел, Сатарф, — жестко сказал он. — В тот момент ты потерял трон и страну и вынужден был передать власть сыну. А милость Тьмы и Теней ты потерял еще раньше, если они позволили случиться такому. Кто посмел и, главное, сумел искалечить нашего владыку? — Вампир выбросил вперед руку со свернутой плетью, указывая на выбитый глаз собеседника. — Не скажешь? Не ему ли нам поклониться? Я много старше тебя, не первый век живу и еще дольше — не-живу. Но я никогда не видел, чтобы высший демон, потерпев поражение, остался жить и позорно бежал. Я даже помыслить не мог, чтобы тот, перед кем склонился даже я, признав в тебе своего повелителя, стыдился ран и шел украдкой, как вор, прячась от своих подданных! Ты проиграл, но не в этом беда Тархареша. Беда в том, что ты оказался трусом, не-владыка.

Демон посерел, но сохранял невозмутимость, и тогда князь ударил с другой стороны:

— Но самое печальное, что сейчас на Темном Троне сидит сын труса, взявший власть при живом отце. Никогда такого не было, и я намерен исправить столь вопиющее нарушение традиций.

Вампиры за спиной князя одобрительно загудели, ожидая отмашки. Сатарф хранил презрительное молчание. Он знал, что Зан-о-Мьирр — самый болтливый из тринадцати князей. И чем дольше он работает на публику, тем больше у демона времени на восстановление сил.

— Молчишь? Сказать нечего? — скривился Неупокоенный. — Дьяр должен был сначала уничтожить тебя вместе с твоим позором, а потом отомстить тому, кто посмел поднять на тебя руку. И только после, подтвердив свою власть и силу делом, он имел бы право взять венец и пристроить свой зад на Темный Трон. Но вы все скрыли. Решили, что никто ничего не узнает. Вы — династия не только трусов, но и лжецов. Зачем вы нам?

Все хорошо в меру. Дальнейшее молчание означало бы признание слабости и правоты «собеседника». Этого демон не мог допустить. Что ж... кто сказал, что путь к драконам Смерти должен быть легким?

— Ты хвастался, что стар, Зан-о-Мьирр. Но старость не равна

мудрости, — насмешливо произнес Сатарф, сознательно обостряя конфликт, показывая, что не намерен спускать оскорбления. — Старый хищный подросток, вот ты кто. Твой детский ум так и не развился за эти столетия, а память уже начала подводить.

Стая вампиров яростно взывала, но князь поднял руку с плеткой, сдерживая кровососов. Сатарф, сделав паузу, лениво продолжил:

— Ты забыл, князь, кому обязан властью? Кто во время коронации сразился с твоим предшественником и убил тысячелетнего мерзавца за сверхнаглость? Ты, похоже, не усвоил урок, если решил пойти по его стопам. Нет, я не требую благодарности, душа в тебе умерла еще до твоего обращения. Я всего лишь пытаюсь пробудить твою память. Сила князя зиждется только на силе тринадцатой Великой Тени, на силе покровителя твоего клана. А что будет, если я ее отзову?

Вампир в ярости подался вперед, оскалил длинные, желтые от возраста клыки, но тут же взял себя в руки и выпрямил спину.

— Ты блефуешь-ш-шь! — прошипел. — Не сможешь-шь! Ты уже не владыка!

Сатарф слегка, чтобы не потревожить едва затянувшихся ран на спине, пожал одним плечом.

— Какое это имеет значение для Теней? Я еще жив, Дьяр забирает власть постепенно, и тринадцатая Тень еще связана моим, а не его словом, моей, а не его кровью. Хочешь попробовать, насколько крепко? Берегись, Зан, ты рискуешь бессмертием всего клана, не только своим. Драконы Смерти давно точат на вас зубы.

Князь невольно бросил взгляд на горизонт, где уже виднелись зубцы гор, самых опасных в мире для всего живого. Отвратительное соседство. Вампиры для драконов — вечный вызов, и Сатарф умело на этом играл. Угроза лишить клан покровителя равнозначна приговору. Но если бывший владыка все еще правит, хотя бы отчасти, то почему Тени не помогли ему? Значит, все-таки блефует.

Сатарф воспользовался мгновением, чтобы подняться, незаметно опершись о землю. Нельзя показывать слабость. К его внешнему виду неупокоенные попривыкли, но, стоит пошатнуться, Зов пересилит страх перед князем. Увы, страха перед Сатарфом в них нет и в помине. Да неужели? Совсем обнаглели.

Он встретился взглядом с князем, вынужденным приподнять подбородок, — росточком он не доставал и до плеча бывшего повелителя.

Демон чувствовал, как вместе с остатками силы в нем волной поднимается гнев. И с каких пор он, потомок Звездной Тени, опасается

препятствий на пути к цели? Прав Зан: с момента укола двух кинжалов. Словно эти древние куски железа не только выпили его магию, но впрыснули в сердце неведомый прежде яд. Не его противники, а он начал испытывать страх — за детей, за Эльду, за... то, что не сумеет или не успеет отомстить убийце. Словно не тело ему искалечила древняя магия, а душу.

Хватит.

— Ты осмелел, Зан, — процедил Сатарф, расправляя плечи.

— Я достаточно вежлив для предавшего всех нас. Следуй за мной, не-владыка. У меня есть к тебе вопросы, которые не могут остаться без ответа. Ах да... ты же теперь бескрылый, — последнее слово вампир будто выплюнул — с таким презрением оно прозвучало. — Ничего, тебя, как гостя, сопровождают мои подданные.

Неуспокоенный выпустил конец кнута и резко взлетел. Это послужило сигналом. Только не учел Зан-о-Мьирр или не захотел учесть, что его кланникам, сходявшим с ума от запаха крови высочайшего из демонов, только и нужно было, чтобы между ними и жертвой исчезла грозная преграда в виде князя. Вампиры, едва сделав шаг в сторону «гостя», сорвались и ринулись на жертву толпой, уже не обращая внимания на запоздалый окрик Зан-о-Мьирра.

Затаившийся поодаль в кустах волкодлак сплюнул от досады:

— Эх, не уберег... Ну... против стаи неуспокоенных мои зубы не помогут. На такое мы не договаривались. Хургова задница, я даже с женой не попрощался. Ненавижу вампирюг! Да и Сатарфа твоего тоже, царица!

Оборотень вздохнул, коротко взвыл и метнулся на помощь ненавистному демону, погубившему немало его собратьев на своей земле. Но через миг отпрянул в сторону, едва сумев увернуться от волны неимоверной силы.

Распластавшись на брюхе, вонзив клыки в почву, ошеломленный оборотень уже не дергался, жадно наблюдая за неравной схваткой немоощного калеки и элиты клана неуспокоенных. Будет что волчатам рассказать.

Там, где только что стоял безоружный Сатарф — точнее, уже лежал под грудой рвущих его неуспокоенных, внезапно вздыбилась огромная фигура, полная мерцающей тьмы, словно сама звездная ночь спустилась на землю и обрела плоть. Рогатую голову исполина, с развевающимися вороновым крылом волосами, венчал венец из сияющих звездных самоцветов. За спиной чудовища развернулись четыре крыла мрака, по

которым с оглушительным треском змеились алые и голубые молнии.

Вампиров раскидало в стороны одним взмахом крыльев. Их воронов-соглядатаев, ждавших на ближайших деревьях своей кровавой доли, смяло и откинуло аж на другой берег реки. Река и та отхлынула, обнажив илистое дно, чтобы тут же вскипеть бурунами, ухнуть на берег мощными волнами и слизнуть мокрыми языками тела оглушенных кровососов.

Князя неупокоенных смело с неба, как муху ураганом, швырнуло к ногам черного исполина. Гигантская нога поднялась, чтобы раздавить досадную мошку.

— Пощади! — взмолился Зан-о-Мьирр.

— Пощади! — громовым эхом пронеслось по небу, окрашенному багрянцем угасающего заката.

И перед исполином соткалась еще одна гигантская фигура. И хотя она была высотой в три человеческих роста, но существу, возникшему на месте Сатарфа, едва дотягивала до пояса. Похожая на дохлого паука — бледная, худая, с несуразно длинными и тонкими руками, с серыми нетопыриными крыльями за плечами, она казалась воплощением уродства, даже плащ и капюшон не могли скрыть изъянов. На мертвенно-белом лице зияли провалы черных глаз с багровой искрой на дне.

— Пощади моего потомка, высочайший, — фигура склонила голову, пряча глаза в тени капюшона. — Я прошу за него.

— Он не справился с обязанностями князя и превысил полномочия, — возразил исполин.

— Я накажу его сам, если позволишь. Отзову свою силу, и Зан-о-Мьирр в полной мере познает то, что познал ты, Сатарф. Это будет лучшим наказанием. Равным твоей боли. И, разумеется, он уже не будет князем. Клан выберет нового.

— И ты не будешь замышлять против моего сына, Тень, и поддержишь его?

Сверкнули в насмешливом оскале вампиры клыки на бледном лице.

— Не смей меня, высочайший. Древние законы даже ты не сможешь преступить. Если Дьяр окажется достоин, наш договор с Темным Троном останется в силе. Все зависит от него.

— То-то ты не торопишься явиться к нему и узнать, достоин ли владыка власти. Я ведь знаю, все знаю, что происходит в средоточии Тьмы. Не боишься, что сын выполнит угрозу?

Тень передернулась, словно подул ураганный ветер.

— Я прослежу, чтобы ты сам не преступил закон, Тень. Ты явишься сегодня же ночью в Кардерг, Граэт, и подтвердишь присягу Трону. Не

сомневаюсь, что схватку ты проиграешь. Ты ее уже проиграл, когда струсил прийти. Забирай своего выкормыша. Мне не нужна его псевдожизнь. Но если он предаст мою кровь, будет уничтожен.

— Прости за любопытство, но как ты дотянешься, если уже лишен власти и, как я понял, навсегда покидаешь Тархареш?

Исполин захохотал.

— Власть власти рознь. Ты же помнишь, на коронации я скормил Зану каплю своей крови. По его же требованию. Ты думал, заполучив ее, сможешь влиять на меня, не так ли? А получилось наоборот: я контролирую каждую свою часть, до последней отданной капли.

Тень сникла, съежилась.

— Ты всегда был не по годам умен, Сатарф. А я-то думал, почему ты так легко уступил, даже без встречных требований? Списал на эйфорию от хлынувшей силы Трона. Учту на будущее. Спасибо, что пощадил моего неразумного праправнука.

— За тобой долг, Тень. Твой лично и клана неупокоенных. Заклинаю тебя твоим именем, Граэт-о-Мьирр, ты не уклонишься от того, чтобы отдать долг мне или моей крови. Надеюсь, ты не дашь забыть об этом и новому князю. Иди, отпускаю. У тебя образовалось много дел... и тел... Пададь тоже прибери.

— Ухожу-ухожу, высочайший, — усмешку Тени трудно было назвать любезной или покорной.

Уж чего-чего, а спеси и гонора у неупокоенных стократ больше, чем у живых. Оно и неудивительно: человеческого в вампирах не остается ничего, кроме очертаний тела, вот и вылезает все самое худшее, что еще сдерживалось при жизни. Что уж говорить о тысячелетней Тени.

— Да, кстати, о моих кланниках, Сатарф. Ты в курсе, что их стало еще на одну меньше?

— И какое мне до этого дело?

— Сейчас поймешь. Уничтожена юная вампирша... имя ее тебе ничего не скажет, потому опустим его. Но вот ее смерть... У бедняжки вырвали сердце. Только что оживленное кровью жертвы. И, полагаю, вырвала его та самая жертва.

С этими словами Неупокоенная Тень стала расплываться клочками тумана, сгустки протянулись к телам вампиров, усиливая сходство с омерзительным пауком.

Крылья исполинского демона дрогнули, породив вихри, сорвавшие листву с ближайших деревьев.

— Подожди-ка, Граэт!

— Я весь внимание, — полурасплывшаяся Тень вновь приняла четкие очертания.

— Ты ведь не случайно сообщил мне об этом. Полагаю, первым на месте такой странной гибели оказался ты. И о крови жертвы обмолвился тоже не случайно. Кровь убийцы еще вытекала из жил твоей кланницы. И ты наверняка к ней принюхался, если не попробовал. Что ты узнал? И сможешь ли найти по следам того, кто поймал неупокоенную в ловушку?

— Я скажу, что узнал, и мы в расчете, Сатарф. Долги будут закрыты.

— Кроме долга клана, — моментально внес поправку демон. — Они будут мне обязаны за смену давно надоевшей власти. Когда бы еще избавились от тирана и деспота Зан-о-Мьирра?

Тень расхохоталась, задрав к небу острый подбородок костлявого лица.

— Все-таки ты мне нравишься, демон. Даже жаль, что ты так рано покидаешь нас. Договорились. Моего личного долга перед тобой и твоей кровью не будет, а кланники пусть разбираются сами, я им с удовольствием сообщу о такой неприятности, глядишь, в князя перестанет рваться всякое трусливое отребье.

— Ближе к делу, Граэт.

— Я не знаю имени убийцы, но у него кровь высшего демона, умершего и каким-то чудом воскресшего. Не вампира. Он действительно вернул себе полнокровную жизнь. И я узнаю его кровь на расстоянии, если смогу подобраться достаточно близко. Увы, по свежим следам найти не удалось: он перебил запахи то ли амулетом, то ли заклинанием.

— И что ты хочешь за помощь в поимке?

— Ничего, — неожиданно расщедрилась ушлая Тень. — Это наше общее дело. Мне очень не нравится происходящее. Я не люблю, когда бездарно гибнут мои потомки, — и Граэт выразительно покосился на распростертого и на диво молчаливого Зан-о-Мьирра. — Прощай, Сатарф. Не буду скрывать: надеюсь больше не увидеться. Даже интересно, что тебе понадобилось у драконов Смерти. Уж не то ли самое, зачем Зан отправил к ним Даори Энриати?

Демон не повелся на новую уловку, а снисходительно смерил взглядом разговорчивую Тень. Гаэрт поклонился как равный равному и медленно, тягуче начал исчезать.

Для сторонних наблюдателей дальнейшее оказалось скрыто поплывшей по берегу пеленой белесого тумана. Когда дымка развеялась, только волчьи глаза могли разглядеть в сгущающейся ночи глыбу мрака с угасающими звездами венца. А когда тусклое сияние совсем померкло,

волкодлаку словно пеплом в глаза сыпануло — такой плотной стала тьма на несколько мгновений. Он помотал головой, преодолевая нестерпимое, чисто человеческое желание протереть глаза.

Зато слуху ничто не мешало. До ушей донесся тихий стон, потом протяжный вздох ветра и хриплое:

— Нельзя. Я должен сам.

Еще один небывалый, всепроникающий, протяжный звук, словно сама земля тяжело вздохнула, и тьма схлынула, как морская вода.

Оборотень проморгался, наконец, и увидел совершенно пустой, на первый взгляд, берег. Исчез Зан-о-Мьирр, бесследно пропали тела его свиты. Даже покалеченных и мокрых ворон что-то не видно, душу отвести не на ком.

Недоверчивый оборотень лежал, не шевелясь, прислушиваясь. Ни звука. Тогда он поднялся и замер, едва сдержав разочарованный вой.

Тело Сатарфа — уже привычных, а не исполинских размеров — неподвижно лежало на спине, раскинув руки, словно демон пытался взлететь в последний раз. Грудь не вздымалась, единственный уцелевший глаз смотрел в небеса, не мигая.

— Помер ведь. Ох ты ж, волчья ягода в сад! Помер! Что ж ты так, а? — Волкодлак судорожно сглотнул, не веря глазам.

Выждав еще минуту — не моргнет ли труп? — волчара приблизился, обнюхал лежащего — пахло кровью, болью и смертью — и, не удержавшись, лизнул щеку когда-то грозного повелителя Тьмы и Теней. И тут же взвизгнул, закашлялся, судорожно пытаясь сплюнуть попавший в пасть и мгновенно впитавшийся яд. Нюх подвел лохматого полузверя. То, что он принял за черную грязь, пахнувшую землей и потом, оказалось каплями крови высшего демона.

— Зря ты это сделал, — хрипло сказал «труп», прикрывая веко здорового глаза. — Ты же слышал, что я говорил о моей власти над кровью. И не отпирайся, я давно заметил тебя. Это ведь ты меня вытащил из воды?

Оборотень, едва справившийся с приступом кашля, кивнул.

— Зачем ты шел за мной? — голос бывшего владыки был полон неприязни. — Вряд ли для того, чтобы напасть, иначе давно бы попытался. Зачем следил?

Волкодлак пришел в себя, отвернул морду с независимым видом. Не скажу, мол, хоть пытай.

— Я жду, — мягко сказал Сатарф, приподнявшись на локтях. — Кто тебя отправил? Неужели Эльда?

Хвост оборотня нервно дернулся, а лицо не-владыки озарилось

улыбкой.

— Эльда, значит. Я так понимаю, бесполезно приказывать тебе убираться восвояси? В лучшем случае уберешься с глаз, но продолжишь слезку?

Волк скорбно кивнул.

— А теперь подумай, мохнатая башка, если у тебя есть мозг, почему я не пользуюсь тропой теней, чтобы облегчить себе путь и шагнуть к самой границе? — жестко спросил Сатарф, резко поднимаясь на ноги. Слишком резко. Ослабленное тело покачнулось и завалилось, оборотень едва успел подставить загривок и принять на себя немаленький вес демона. — Потому что я должен идти сам, без чьей бы то ни было помощи, — успел сказать Сатарф прежде, чем тьма укрыла его сознание. Слишком много сил отняло у него противостояние с Великой Тенью вампирского клана, уже за гранью возможного.

Оборотень лег и осторожно перекатил демона на холодную почву, подгреб лапами пожухлую сухую траву с одного бока, с другого улегся сам, да еще и беззастенчиво положил мощную лапу на владыку Тьмы в отставку. У демонов, конечно, жаркая кровь, но морозы ночью вполне зимние, не простыл бы. Что он тогда скажет царице?

Он лежал тихо, не боясь никаких вампирских патрулей: не до нарушителей границ неупокоенным, если они нового князя выбирают. Смотрел на луну, царившую в безоблачном небе, и размышлял над словами Сатарфа. Без помощи, ишь. Драконы Смерти за каждый миг спросят, так зачем становиться былинкой, которая может перевесить чашу весов? Оборотень и не помогает, еще чего. Так просто лежит, имеет право где угодно валяться, так почему бы и не под боком у бывшего врага? Кто ж знал, что выбранная волкодлаками царица, в честном бою завоевавшая право возглавить стаю, отдаст сердце и жизнь злейшему и ненавистному врагу волчьего племени? А стая всегда идет за вожаком.

Сатарф очнулся незадолго до полуночи. Резко сел, скинув с себя мохнатую лапу задремавшего надзирателя.

— Ты обнаглел, парень, — несмотря на грозный тон, в голосе демона проскользнула смешинка.

— Действительно, курам на смех: оборотень не перегрыз горло вчерашнему врагу, а с собачьей преданностью охраняет сон. Тьфу. Самому противно, — проворчал волкодлак. — И какой я тебе парень? Седины не видишь? Ты одноглазый, да не слепой.

— Как тебя зовут? — «одноглазого» демон пропустил мимо ушей.

— Никак не зовут.

— Тогда получишь кличку, если имени нет. Ворчун — вполне подойдет.

Оборотень досадливо рыкнул, но имени не назвал. Имя — это святое, а всякие там темные властелины недостойны приобщиться к святости.

— Теперь слушай меня внимательно, Ворчун. — Сатарф запустил пальцы в густую шерсть волчьего загривка, рывком разворачивая его морду и заглядывая пронзительно-синим оком в рыжие глаза. — Ты сейчас уйдешь обратно — к той, которая тебя отправила за мной. И передашь, что план с «наживкой» неприемлем. Не перебивай, — повелительно оборвал он трепыхание зверя, — просто слушай и запоминай. Это очень важно. Раз убийца до сих пор не клюнул на подсадную утку, значит, он прекрасно осведомлен о ее роли, возможностях и планах. Следовательно, прежний план лунных не имеет смысла, надо его немедленно менять на запасной.

— Какой план? — Волк попытался вывернуться из железной хватки, но понял, что проще остаться без шкуры.

— Меньше знаешь, дольше живешь, Ворчун. Просто передай мои слова. И позаботься, чтобы никто не услышал, кроме царицы. Предатель среди сельо. Кто-то из самых посвященных. Пусть присмотрится к Верховной. Я почти уверен, что она — сообщница убийцы.

— Вот сам и передай, крюк-то небольшой.

Сатарф отрицательно качнул головой, вздохнул совсем не повелительно.

— Не могу. Ритуал начался с первого шага по дороге в горы Смерти. Нельзя прерывать. Второй попытки не бывает.

Оборотень поднял морду к луне, но невероятным усилием подавил позыв взвыть от отчаянья.

— Так ты и не прервешь, демон. Ты чуть задержишься в пути, делов-то. Вон, драка же тебя задержала.

— Это небольшое испытание, а не задержка. — Сатарф при ближайшем знакомстве оказался на диво терпелив. Или просто у него сил на злость не осталось.

И волкодлак рискнул еще чуть-чуть продвинуться за черту дозволенного, вдруг получится? Но на всякий случай отошел на пару шагов к реке, готовый сорваться во всю прыть.

— Я передам, не вопрос. Но в обмен на то, что ты сейчас тоже меня выслушаешь.

— Гхм... Ты не забыл, с кем говоришь?

Оборотень окинул искалеченную фигуру взглядом исподлобья, ехидно оскалится:

— С бродягой. А что, не так? Статусы ты оставил, когда сделал первый шаг, магом тебя не назвать. Не знаю, какой фокус ты провернул, чтобы вызвать ипостась исполина, но магии в тебе почти нет. Так что ты теперь обычный бродяга. И рискованный авантюрист. Почти как мы, промышляющие контрабандой аж в трех соперничающих друг с другом государствах.

— Уел, — расхохотался бывший повелитель Тьмы. — Хорошо, у тебя есть пара минут, говори.

«И что он сделает через пару минут?» — заинтересованно блеснули волчьи глаза, но их обладатель не стал рисковать и медлить.

— Так вот, стоя поручила мне передать тебе слово до того, как ты ступишь на территорию драконов Смерти... Но сначала вопрос. Мы догадываемся, что ты задумал и почему, — желтый глаз покосился на пальцы Сатарфа, носившие следы пыток. — И у нас, представь, сохранились смутные легенды о существах, исполняющих последние желания. То есть предсмертные. Ты задумал умереть в обмен на месть, так ведь? Вряд ли даже на крылья меняешься, что бы ты царице ни говорил. Не дурак же ты, помереть даром, зато красивым и крылатым.

— Подслушивали, — сощурился синий глаз.

— На страже стояли. Ну, острый у нас слух, что поделаешь, профессия такая, что поневоле приходится чуйку точить... Крылья — лишь красивая отговорка. То, что надо для влюбленной и когда-то крылатой женщины.

Демон дернулся, но передумал возражать, лишь жестом велел продолжать. Волкодлак отступил еще на шаг: ноздри полузверя прекрасно уловили запах зарождающегося гнева. И все-таки продолжил:

— Да и пожалуйста, помирай на здоровье, мы будем только рады, если б не тот печальный факт, что вместе с тобой умрет и наша царица. Или ты забыл, что теперь она связана с твоей жизнью словом и магией селъо? И если у тебя еще есть мифический шанс одолеть смерть и вернуться, то она-то умрет окончательно. Насовсем. Ты уверен, что сделал лучший выбор между жаждой мести и любимой женщиной?

К концу речи оборотень, пятившийся под тяжелым, немигающим взглядом Сатарфа, оступился и плюхнулся с обрыва в реку. Вовремя. Демон, яростно взревевший было что-то вроде: «Да как ты смеешь, блохастый пес?» — поперхнулся, и его кулак, целившийся в морду мохнатого негодяя, пропорол воздух. Драки не случилось, но и разговор не удался. Никудышные из волков дипломаты.

Ворчун отгреб от берега подальше и выбрался, основательно встряхнувшись. Вздохнул, увидев лишь спину Сатарфа, стремительно

удалявшегося в сторону гор. И рванул следом.

— Сын Тьмы, не злись! — догнал и потрусил в десятке шагов позади. — Прости, был не прав, не наше дело. Просто жалко нам ее... Молчу, молчу! — он увернулся от брошенного сгустка мрака. — Я скоро отстану. Не в горы же за тобой тащиться, что я там не видел... Даже просьбу твою выполню и передам слово в слово, что ты там говорил о наживке. Но вопрос у меня есть. Ответишь?

Демон остановился, глянул вполоборота.

— Ну?

— У тебя ведь есть крылья в боевом теле. Аж целых четыре! Почему ты не поделишь их между своими ипостасями? И к драконам идти не пришлось бы... А?

Сатарф поморщился, но ответил:

— Вот ведь настырный... Крылья мои ему покоя не дают... Если б мог, давно бы перераспределил энергетические потоки, но тот, кто меня захватил, ударив в спину бесчестным оружием, сломал не только видимое волчьему глазу, но и разорвал магические структуры. У меня нет связи с боевой ипостасью, волчара.

— Но как же... Я же видел!

— Обман зрения, — дернул плечом демон и устремился вперед.

— Но ведь вампирская Тень тоже видела, даже трепетала!

— Очень качественный обман зрения.

— А неупокоенные, из которых напрочь дух вышибло? Ты их тоже обманом расшвырял?

Демон опять остановился. Сверкнула в ночной темноте яркая звезда синего глаза.

— Что бы ты ни видел, Ворчун, забудь. Пока на своей шкуре не испытал силу того... хм... обмана.

— Забыл, — полужверь тоже умел быть покладистым.

— А теперь брысь. От твоей скорости зависит жизнь дочери твоей госпожи.

«Ага, щаз-з-з», — фыркнул оборотень, но покорно потрусил в противоположную сторону, решив придерживаться той же тактики, что и прежде: идти позади и не высовываться. Расприказывались тут всякие бывшие темные властелины. О дочери Эльда волкам ничего не говорила. Своих волчат она и сама защитит, да и стая вся с ней. А он кровную клятву дал царице и не отступит. Да и просьбу демонскую передать не проблема.

И абсолютную тишину ночи прорезал протяжный волчий вой. Где-то далеко ответил еще один волк, и еще. Эхо прокатилось далеко за пределы

Тархареша, до самой столицы Серых холмов.

* * *

Сатарф проводил оборотня долгим взглядом, поморщился, услышав волчьи песни — совсем обнаглели, еще бы на ухо заголосили! Немудрено, что после такого оглушительного концерта, как демон ни прислушивался, звуков преследования не засек. Неужели Ворчун действительно отправился восвояси? Можно было б у Теней спросить, но тревожить их по таким пустякам — себя не уважать.

И путешественник быстрым шагом отправился к цели. Недолго осталось. Жаль, что пришлось прибегнуть к последнему резерву — вызвать истинную тень. Очень жаль. Не навредило бы. Драконыш Шурш предупреждал.

Он улыбнулся: даже Граэт решил, что видит перед собой боевую ипостась бывшего владыки. И вампир рассудил, что видимое глазу тело бессильного, магически истощенного калеки — всего лишь искусная иллюзия, к которой зачем-то прибегнул повелитель в отставке. Для испытания подданных, не иначе. Вот Граэт и поспешил выслужиться.

Ведь что такое боевая ипостась? Это всего лишь магия. Чистая магия и агрессия, выбирающая для себя наиболее удобную форму. Нет магии, нет и волшебной формы. Нет агрессии, нет и боевой ипостаси.

А Истинная тень — это дарованное Тьмой отражение сущности демона Сатарфа. И пусть в тот миг, когда два кинжала Ошсах вонзились в его спину, была прервана его связь и с Тьмой, и с магией, и с Истинной тенью. Но сущность-то не изменишь и не подменишь, она не зависит от состояния тела. Более того, она вполне может действовать самостоятельно на иных пластах бытия. Именно истинная тень, стремясь воссоединиться с телом, и спасла его из плена. Не ожидал его убийца такого поворота, иначе цепи надел бы покрепче на бессознательную жертву.

Истинная тень владык Темного Трона бессмертна, как бессмертна Госпожа Тьма.

На то и расчет.

Эльда не умрет.

Но если драконы Смерти поймут, что их, непревзойденных мастеров иллюзий, пытается обвести вокруг когтя какой-то демон, у Сатарфа могут появиться проблемы.

ГЛАВА 9

Заточение

На первом этаже уже заступила на свой пост наша кастелянша — ведьма Кикируся, строгая и недовольная. Она сидела на стульчике у двери и вязала бесконечный шарф, строго поглядывая на нас из-под шляпки. Кончик шарфа был засунут в карман передника. Из второго кармана тянулась нить. И мне казалось, что начало вязанья где-то там распускается и сматывается обратно в клубочек. Ни разу еще не видела, чтобы Кикируся закончила какую-то вещь.

Дьяр явно обрадовался ее присутствию.

— Нянюшка, ты уже пообщалась с мастером Сэйваном? — он вопросительно взглянул на старуху.

Та сунула рукоделие в необъятный карман и важно кивнула:

— А как же! Поговорили мы с синеньким, рассказала я ему все, что видела, а видела я только лужу крови. И сестры мои ничего не почували, даже старшенькая.

Так у этой древности еще и сестры живы? Уж не бессмертна ли она?

— ... И если у тебя нет неотложных дел... — издалека подкатило Темнейшество.

— Не тяни хурга за хвост, чего надоть? — перебила кастелянша.

— За Ликой бы в башне присмотреть.

«Вот и надзирательницу назначил», — тоскливо вздохнула я, понимая, что против древней колдуньи, подозрительно напоминавшей мою няню Рагану, я ничего не смогу сделать, даже если призову саму богиню. Ладонь произвольно погладила невидимый селенис в ожерелье — можно и Лунный мост сотворить и сбежать, но этот выход мне еще пригодится на самый крайний случай.

— Отправлю сюда еще парочку мракаров, на всякий случай, от излишне любопытных. Да и моей ками-рани по статусу свита положена.

— Свита для сопровождения положена, — не выдержала я. — А если мне запрещено выходить из башни, то так и говори: надзиратели.

— Как хочешь, так и называй, — поморщилось Темнейшество. — Потерпи всего лишь десять суток. Только в башне ты будешь в полной безопасности. Здесь Тени Трона до тебя точно не доберутся, а за это время, может, мы и маньяка поймаем. Или, еще вариант, можешь отправляться в

Белую империю к папе.

— Непременно, когда закончится срок договора, сразу после Лунной мистерии, — улыбнулась я во все клыки. Не говорить же тирану, что тогда у меня сразу вступит в силу договор с богиней Лойт. Пожизненный. — А хотя бы с подругой Мирандой я могу увидеться? Последний раз я ее еще при прошлом правителе Сатарфе видела! В Тархареше, можно сказать, уже и эпоха сменилась, новые и явно не лучшие времена настали!

И этот мерзкий тиран запретил:

— Нет. Миранда — из клана Вечерних теней, ее семья потеряла мое доверие.

А пока я в ошеломлении разевала рот, этот деспот прошел мимо, распахнул кованую входную дверь и замер на пороге.

— Магистр Нирт? — удивленно спросил Дьяр. — Что вы хотели?

— Ваше Темнейшество, какая честь видеть вас в этих стенах! — услышала я густой и вкусный, как черничный джем, голос. — Не ожидал встретить вас. Я пришел лично засвидетельствовать мое почтение многоуважаемой мадам Кикерис, кастелянше Академии, вверенной под мое управление.

— После праздников засвидетельствуете, ректор, — усмехнулся синеглазый, оглядываясь на мечтательно и в то же время ехидно улыбавшуюся ведьму.

Судя по искрам в глазах, старуха уже продумывает пакости новому начальству: что-то слишком долго ректор до нее добирался. Видимо, некому было его просветить, что кастелянша тут второе по важности лицо после владыки Тьмы и Теней.

— Гхм... каких праздников? — хмыкнуло невидимое руководство, выбранное магами вместо изменника ректора Вултона. — Трехдневные в честь вашей коронации уже давно закончились.

— Видите ли, магистр Нирт, я решил отменить коронационные праздники, но ввести новую традицию: неделю празднеств после окончательного утверждения власти над Тенями. Полную победу праздновать логичнее, не так ли?

— Неделю? Какой кошмар... То есть я хотел сказать, какая радость! А как мы будем компенсировать отставание по учебной программе?

Невидимый оппонент Дьяра мне заранее нравился.

— Может быть, и меньше. Уверен, мы что-нибудь придумаем, мэтр Нирт. Например, сократим зимние каникулы. Не желаете обсудить? — и повелитель демонов шагнул на крыльцо, не оставив ректору ни малейшего шанса заглянуть в башню.

Вот гад! Он что, решил не дать мне шанса попасть на Лунную мистерию, которая как раз попадает на каникулы?

* * *

Вот так я оказалась в заточении.

Ирек даже колечко портала не торопился мне отдать, хотя исправно принимал от меня письма маме и папе и приносил ответы: короткие записки от царицы Серых холмов и объемные свертки, а то и коробки от светлого архимага, ректора Академии Света.

В свертках папуля присылал длиннющие письма — удивляюсь, как у него времени хватало их строчить? — и, вопреки своему же запрету, копии личных дел магистров темной Академии.

Я отложила очередную просмотренную папку с личным делом бывшего ректора Вултона. Ничего подозрительного.

Прав отец, вряд ли мы что-нибудь найдем в этих папках. Только время теряю. Хотя куда мне его теперь девать? Дьяр категорически запретил высовывать нос из башни, пока убийца не пойман. Они его еще сто лет не поймают! Я тут состарюсь!

Не идиот же убийца, чтобы прийти за мной сюда. На первом этаже круглосуточно дежурит кто-то из теней. На второй этаж, в свое логово, Шурш никого не пустил, сам бдел. Зато на мансарде окопались двое демонов из команды Янге. Да и сам серебристый зачастил, по несколько раз на дню появлялся.

Они сверяли сведения белых магов о темных магистрах с собственными архивами. Стены нашей гостиной вместо обоев и гобеленов теперь были испещрены схемами и заметками. Надо сказать, ректор Алиан не врал: о темных магах светлые знали такие грешки, что и тайной службе Его Темнейшества не снились.

— Ничего, мы тоже о них много что знаем... этакое, — ревниво скрипел клыками Сэйван, обнаружив очередной, упущенный его канцелярией факт. Уязвленное самолюбие он тешил контрабандным элем, когда Кикерис не видела.

Устроили тут штаб-квартиру.

И зоопарк.

В гостиной на одном из диванчиков развалилась мантихора. Она взяла меня под опеку и ходила по пятам, как собачонка. С балкончика на нее язвительно поглядывал наш грифон.

С люстры печально свисала Шурка: она еще тосковала по Шу, погибшей, как выяснилось, во время коронации Дьяра. Зверек хеммо, изображавший в ту ночь мою прическу, попал под удар антимагического оружия — кинжал, не задевший меня, зацепился за кольчугу и каким-то образом вытянул из хеммо магию вместе с жизнью.

Только мой дракоша мог развеселить ее дочку (или сына? Хеммо размножаются делением, и понятие пола к ним неприменимо) Шурку, да еще огромный ездовой пес. Псимург бродил по всей башне, гонял Шурша, а на ночь устраивался у двери моей комнаты.

С такой охраной и с такой грудой дел не заскучаешь, но я умудрялась. Особенно скучала по Миранде. Мне даже пожаловаться некому! Не с кем косточки одному темносовестному перемыть! Так и свихнуться недолго — все в себе держать.

Но Миранду, если даже она и вернулась на занятия, и близко не подпускали к башне. Так я думала до тех пор, пока Сэйван, устав от моих расспросов, не проговорился, что моя подруга взяла бессрочный академический отпуск.

Это было удивительно и странно: не для того мы с ней прорывались с боем в Академию Тьмы, чтобы бросать учебу. Ладно, выйду из заточения, разузнаю все. Хотя догадка есть: Миранда была родной внучкой князя Вечернего клана, и теперь нужно, чтобы улеглась шумиха вокруг его изгнания.

Это у нормальных разумных существ дети за отца и внуки за дедов не отвечают, а демоны — до седьмого колена зло вспоминать будут.

И сам тиран Дьяр не появлялся, нагло наплевав на наш договор, по которому телохранительница должна быть рядом в рабочее время. Этот монстр объявил, что отправил меня во внеочередной отпуск за особые заслуги перед Темным Троном. Это он мое заточение в зоопарке отпуском называет, находчивый какой. Хорошей новостью было лишь то, что он выиграл схватку с явившейся-таки Тринадцатой Тенью. Плохой — то, что церемониальный бал в честь восшествия на престол и полной победы этот тиран отменил до поимки маньяка. Мол, какие тут балы, пока не устранена опасность миру.

Ладно. Не расслабляемся, работаем.

Я потянулась за следующей папкой.

Псимург опередил — метнулся и притащил мне вожделенную папку, заодно ее обслюнявив. У-у-у! Доведут они меня тут.

Почистила папку заклинанием и раскрыла.

Ага! Наконец-то папа вспомнил о моем бывшем кураторе, былинном

богатыре Гриде Сайке! Почитаем-с, — потерла я ладошки в предвкушении и вытащила бумаги. К этому типу я особо предвзята, потому изучать решила тщательно.

Тут дверь резко распахнулась.

— Ли́ка, привет! — ворвался в помещение взъерошенный Ирек. — Скучаешь?

Я и охнуть не успела — листки вылетели и рассыпались по всей гостиной. Мантихора тут же рванула играть бумажными птичками. Шурш, услышав шорох, влетел в дверь и ринулся в бой. Псимург не дал кisku в обиду, Шурка — дракона, и завертелось!

В моей руке остался только один мятый листочек.

Психанув, я убежала в свою комнату и хлопнула дверью, поставив на нее магический запор и заглушку. Дверь беззвучно содрогнулась. Даже выяснять не хочу, кто там рвется — Ирек, мантихора или Шурш.

Глубокий вдох. Выдох. Спокойно, Ли́ка.

Зря я на них злюсь. Они же не виноваты.

Листок, забытый в кулаке, безбожно смялся. Положив на столешницу, я расправила его. Взгляд зацепился за строчку, потом за другую, а через минуту сердце дрогнуло — неужели след?!

Я распахнула содрогавшуюся от стука дверь.

— Ирек! — бастард, колотивший ногой в дверь и потерявший равновесие, пролетел вперед — я вежливо посторонилась. — Мне срочно нужно увидеть принца... тьфу, владыку!

Он чудом удержался на ногах. Развернулся, откинул упавшие на лоб пряди волос:

— Он занят. Зачем тебе?

Я прищурилась:

— Поговорить. По статусу kami-рани имеет полное право в любое время суток требовать аудиенции. Без объяснения причин. Разве не так?

Ирек пожал плечами, молча, но многозначительно посмотрел на потолок и перевел взгляд на меня. Подмигнул.

— Я тебе ничего не говорил.

— А я ничего и не слышала, — проворчав, я обшарила взглядом пресловутый потолок, ничего особенного не нашла. Может, Ирек имел в виду стражников на чердаке?

И я, ступая по сунувшимся под ноги лапам и хвостам, спотыкаясь на лестнице (до чего же они всегда неудобны в древних сооружениях!), помчалась на чердак к охранникам.

Искомый «Тьфувладыка» распивал в теплой компании что-то пенистое и вонючее, словно тут не элита темного царства собралась, а какие-нибудь тролли.

— Ага! — от моего торжествующего вопля кружка с пенистым пойлом дрогнула в руке Дьяра, и он поперхнулся то ли глотком, то ли ругательством, и вдобавок облил свой дорогуший костюмчик.

Он еле откашлялся, пока я хлопала ресницами на набившуюся под крышу толпу: за круглым столом на чердаке сидели пять теней Дьяра, синекожий Сэйван, элегантный до чертиков Янге и даже сержант Драхис!

Интересно, что отмечают? Очередную победу Дьяра над какой-нибудь Тенью, судя по всему. Дворца им мало? Это моя башня!

— Устроили тут кабак! — вырвалось.

Его наглейшество, придя в себя, попыталось завернуться в крылья и сбежать, но я уже вцепилась в упругие перья:

— Ваше Темнейшее величество! Как славно, что вы изволили почтить своим присутствием мою скромную тюрьму!

— Лика, прекрати, — поморщился он, отведя взгляд. — Ну какая тюрьма?

— А как еще называются места лишения свободы? Хотя бы колечко мне верните!

— Какое колечко?

— Драгоценное! Которое Ирек у меня отнял под предлогом, что надо на него настроить охранную систему башни, и до сих пор не вернул. Не слишком ли долго настраиваете?

Синеглазый кошмар моей жизни нахмурился, переглянулся с Янге. Тот отрицательно качнул головой.

— Еще не готово, — перевел Дьяр.

— Значит, вы так и не встретились с моим отцом? Он же просил!

Чем скорее они объединят усилия по поимке убийцы, тем скорее я покину эту хургову башню!

— Мы ведем переговоры о встрече на официальном уровне, — гигант Сэйван с сожалением поставил недопитую кружку на стол. — Ты должна понимать, Лика, что владыка Тьмы и Теней не может просто так, по-приятельски, встретиться с ректором Академии Света. Архимаг Алиан, можно сказать, второе лицо в Белой империи после императора. Даже глава ковена светлых — на третьем месте в неофициальной иерархии.

— Но они уже встречались, и ничего страшного не случилось, мир не перевернулся!

— Тогда наш владыка Дьяр был еще в статусе принца и не взял

полную силу Тьмы, — пояснил Сэйван. — Сейчас такая встреча невозможна без посредничества Серых холмов, а наш посол за это время так и не добился аудиенции у царицы Эльды. Якобы она удалилась в храм Лойт на молебен, и никто не смеет ее тревожить.

Уж не за возвращение ли Сатарфа мама молится? Она ведь уже давно не жрица, богиня ей может и не ответить. Да еще если учесть, что они друг с другом вечно из-за меня ссорятся. Ой, как все плохо! Стоп. Ведь Лойт заключила со мной сделку в обмен на мою пожизненную ей службу, могла бы и успокоить мамочку, что Сатарф вернется живым и крылатым! Что-то тут не то, опять богиня хитрит... Да и мама... За столько времени можно до настоящей луны пешком дойти, не только до божественной! Что ж, ночью попробую разобраться, когда луна будет в силе. Пока у меня другое дело.

— Ну так встречайтесь на неофициальном уровне! — упорствовала я.

— Лика, нельзя! — Янге возвел глаза к потолку.

Крючкотворы!

— А кому можно?

— Главе Академии Тьмы, но Вултон арестован и разжалован, а новый, хоть и вступил в должность, но чисто формально, он еще не инициирован Тьмой. Церемония состоится послезавтра.

— Вот хургов этикет! А глава ковена темных магов?

Вся компания с какими-то скользкими усмешечками воззрилась на самого главного тут начальника, но Дьяр мотнул головой:

— То же самое. Пока из официальных лиц переговоры может провести принцесса Зарга, но...

— Нет! — взвилась я. — Я, как советница, вам не советую! Пусть она сначала с моим Шуршем встретится! Он давно мечтает, аж слюнки текут. Вы думайте быстрее о неофициальной кандидатуре с официальными полномочиями, а то опять опоздаем, — толще намекнуть на Ирека было невозможно. Но пора и к делу. И я показала Дьяру мятый листок. — Кажется, я нашла зацепку. Извольте взглянуть, Ваше Темнейшество...

— Лика, я же просил, — скривился он от моего ледяного тона. — В неофициальной обстановке и в твое нерабочее время ко мне можно обращаться на ты и без титулов. Тут все свои.

— Я тоже много чего просила! Например, выпустить меня на свободу или предъявить официальное обвинение, по какому праву... — я осеклась под мрачным взглядом Дьяра. Ладно, потом погрызу его как следует. Пора и к делу. — Эммм... в общем, вот. Вроде бы это рукой нашего куратора Грида Сайка написано, но это копия из архива светлых.

И я отдала добычу.

Дьяр, прочитав бумажку, передал ее Сэйвану, тот, бросив беглый взгляд, присвистнул и... растаял в воздухе вместе с документом и кружкой с недопитым элем. Как не было.

А я-то ломала голову, как синекожий гигант сумел подняться по узкой винтовой лестнице и протиснуться в чердачную дверь?

Следом исчезли и тени. Из свиты владыки остался лишь недоумевающий Янге.

— Вряд ли в наших архивах есть копия этого документа, иначе мы бы уже знали, — Дьяр, избегая смотреть мне в глаза, задумчиво прищурился на сплетение балок под потолком. Проверяет, хорошо ли отремонтировали чердак? Неплохо, кстати говоря. Даже мертвое дерево точно так же висит вниз кроной над центром столешницы, словно сухой осьминог. Как будто не произошло столько событий с того дня, как тут сидел прежний владыка Темного Трона — Сатарф.

— Не соблаговолит ли мой господин обратить высочайшее внимание на его верного слугу и просветить... — вкрадчиво, со смертельной дозой яда в голосе протянул Янге, но не на того нарвался.

— Пр о-светить? — перебило Темнейшество и ехидно прищурилось. — Уж не перепутал ли ты часом, кому служишь, демон?

— Перепутаешь тут... — Янге вздохнул и втихаря скользнул по мне хищным взглядом, словно бы примериваясь, как половчее выпотрошить из меня сведения о том, что содержалось в той бумажке. Я заговорщически ему подмигнула, показав, что пыток не понадобится, во всем признаюсь... в обмен на что-нибудь полезное, и уже прикинула, что бы такого полезного требовать. Наверняка серебристый знает тайный ход из башни. Но наши перемигивания были вовремя замечены и пресечены.

— Соблаговолю, так и быть, — снизошел Дьяр. — У Лики в руках оказалась копия долговой расписки Грида Сайка. Еще будучи адептом пятого курса он якобы взял у ректора Вултона огромную сумму денег и, похоже, сейчас ежемесячно отчисляет в счет погашения почти всю свою зарплату. Неудивительно, что Вултон постарался обеспечить его стабильной работой в Академии, чтобы держать на глазах.

— Хм... Вултон, конечно, богат, но прижимист, и в долг никому не давал даже ломаного темми. Ему религия бабушки запрещает, она из подгорного народа.

— Это похоже на взятку, Янге. Взятки он точно брал.

— Неужели за место в Академии?

— Наш друг Сэйван допросит и Сайка, и Вултона, но, пока подлинника нет, этот недоросток, потомок гниммов, вывернется. Лику,

спасибо, ты очень помогла нам. Можешь пока идти к себе...

— Никуда не пойду! — уперлась я. — Имею право знать. Я могла бы и не отдавать вам ту бумажку! И вообще, если уж называли меня своей камирани, терпите.

Дьяр скрипнул клыками, но не выгнал.

Ждать пришлось около часа. За это время мы успели попить чаю с Кикирусиными плюшками. Бабка не стала лично подниматься на чердак — велика честь. Корзинка с прикрытой льняной салфеткой выпечкой сама собой материализовалась в центре стола под свисающей сухой кроной дерева, а следом за ней и три чашки с ароматным травяным отваром, и розетки с медом.

Я за целый час не проронила ни звука — в кои-то веки решила проявить благоразумие, не дергать демонов за хвосты и не лезть на рожон. Сама себе удивилась.

Дьяр и Янге вяло болтали о сущей ерунде — строили несбыточные планы, как и за кого выдать замуж принцессу Заргу.

Через час глава службы безопасности Сэйван появился на том же месте, где пропал, но вместо кружки с элем в его руках были две черные папочки — потолще и потоньше, которые он тут же вручил Дьяру вместе с моим мятым листочком и словами:

— Вултон и Сайк доставлены в столичное отделение для допроса.

Синеглазый кивнул, вдумчиво пролистал бумаги и тонкую папку подвинул к Янге.

— Это личное дело магистра Грида Сайка из архива Академии, ознакомься. А вот подлинника расписки в этом деле нет, — Дьяр придвинул и спасенный мной листочек.

— И в нашем архиве нет, — Сэйван грустно глянул на толстенькую папку.

— В таком случае, откуда копия? — поинтересовался серебристый демон.

— Из архива Академии Света, — Дьяр с досадой покосился на меня. — Лика получила ее от магистра Алиана.

— М-да... Полезно иметь в хозяйстве своего белого мага, да еще такого ранга, — хохотнул Янге.

— Он не ваш маг, а мой! — возмутилась я. — И если узнает, что вы меня держите тут в тюрьме...

— Лика! — синхронно выдохнули демоны. Какое слаженное трио.

— А какая связь между взяткой, точнее, долговой распиской и

серийным убийцей?

Дьяр зловеще, в духе классических темных владык, усмехнулся:

— А вот это нам Вултон и Сайк сами добровольно скажут.

— Ты что, будешь их... пытаться? — мысль, что я присутствую при рождении еще одного маньяка окончательно испортила мне настроение.

— Вот еще, руки пачкать. Их спросит сама Тьма. Я лишь... поприсутствую. Сэйван, пожалуй, доставь подозреваемых во дворец. Лица, ты можешь отдыхать.

— Чахнуть во цвете лет, — уточнила я. — Да в меня этот отдых уже не лезет!

Зная, что этим гадам дверь не потребуется, если захотят выйти, я все равно оперлась спиной о нее и скрестила руки на груди.

— Я тоже должна присутствовать на допросе!

— Нет! — отрезал Дьяр.

— Ваше Темнейшество!

— Ни за что! Это может быть опасно.

— Вот именно. Я телохранительница или кто?

М-да. Судя по вспыхнувшим синим глазам — последнее, что бы оно ни значило.

Сообразительный Янге первым почувствовал, что сейчас я выйду из образа белой и пушистой сельо и приобрету те самые вредные черты характера, из-за которых нас называли боевыми лунными суками. Вон даже коготки на моих нежных ручках подросли и заострились, и пушистая коса стала жесткой, как проволока.

Он что-то шепнул Темнейшеству, и Дьяр оживился:

— Лица, твои охранные таланты действительно сейчас не потребуются. Против Тьмы смертные существа бессильны, а подозреваемые предстанут перед самой Госпожой. Но, если тебе надоели выходные, для тебя будет задание, и вот тут нам, кроме тебя, просить некого. Ты же тоже мое доверенное лицо, ками-рани.

— Какое задание?

— Сопроводить полномочного представителя Тархареша Ирека Гида на переговоры с ректором Академии Света.

Ирека? Вот что бы они без моей подсказки делали, а? Наконец-то вырвусь!

Подозрительна, конечно, легкость, с которой тиран выпускает меня из заточения. Очень подозрительна. А не договорился ли он с мэтром Алианом за моей спиной, чтобы сменить темную тюрьму на светлую? В Белой империи меня его зловещие Тени точно не достанут. Да и убийца

вряд ли догадается, где меня искать. А значит, наш с богиней план под угрозой! Ничего, у меня еще селенис, о котором все забыли, на шее камнем висит. А Лунным мостом я сумею сбежать откуда угодно.

— А как же портал? — занялась я техническими проблемами.

— Твой еще не встроен в систему донжона, им нельзя пользоваться тут. Придется пробивать наш. Светлая сторона может нас неправильно понять. Нужна твоя сила, чтобы магистр Алиан ее опознал. Поможешь?

Я сощурилась с подозрением. За то время, пока мне тут якобы ребра лечат под присмотром Кикируси, на мое колечко можно всю столицу настроить! Или эти хитрющие демоны пытаются скопировать чары, чтобы они могли в любой момент в Белую империю десант забросить? Надеюсь, папуля предусмотрел, что его доверчивая дочурка может вот так глупо сокровищами разбросаться.

— Ну-у-у не зна-а-аю... — протянула я. — Только если обещаете рассказать все, что удастся узнать у Вултона и Сайка.

— Расскажем! — опередив возмущенного правителя, пообещал Янге. Обожаю этого демона! У него такие милые ямочки на щеках, когда он улыбается. — Ирека я найду и отправлю сюда.

— Меня опять тут одну запрут? — Я с предвкушающей улыбкой задрала голову и прицельно осмотрела только что отремонтированный потолок. Восстанавливать его пришлось полностью после того, как я бежала из этого помещения с помощью горгулий. Новенькие, беленькие дубовые доски источали аромат свежести и чар.

Присутствующие быстро вспомнили, с какой радости им пришлось крышу на башне заново возводить. Янге, переглянувшись с начальником, отрицательно качнул головой:

— Нет, на крышу лучше не покушайся, тут защита усилена, как и везде. Ты по-прежнему можешь свободно передвигаться в пределах башни.

Откланялись и ушли.

И замечательно.

Едва эти ходоки невидимыми тропами беззвучно растаяли в воздухе, я ринулась вниз по лестнице. Была мысль поискать еще листочки из личного дела куратора — вдруг еще повезет, но при взгляде на мусорную кучу, в которую превратились архивные копии, надежда испарилась. Местный зверинец славно поразвлекся в мое отсутствие. Потому я быстренько пробормотала заклинание «праха» из арсенала боевых темных магов, которому еще маменька меня учила. Ковер бумаг, ровным слоем устилавший пол, осел и рассыпался пеплом. Оставалось сдуть жалкие останки в камин.

Как ни мало я использовала сил на уборку, почему-то за это время жутко устала и проголодалась. Странно. Обычно темные заклинания не тянули из меня столько энергии. Как-то ведь я училась все это время и практиковалась в этой же башне! Уж не новая ли защита как-то влияет? Но ведь я за неделю заточения не раз упражнялась, отрабатывая заклинания на втором этаже, и ничего особенного не происходило? Или Дьяр перед уходом еще поколдовал? И как в таких условиях тут жить?

Проголодавшись, я отправилась в логово Кикируси на первом этаже.

Меня встретила тишина. Первый этаж разделялся коридором надвое: в одной, большей части еще недавно располагался склад мантий, полотенец и прочих тряпок для жизни адептов и вход в подвал, а во второй была кладовая с кормом для местного зверинца, кухня и личные покои кастелянши Кикерис.

Сейчас склад пустовал: огромные тюки с мантиями и постельным бельем куда-то исчезли. Оно и неудивительно, если башню превратили в хранилище одной-единственной особы, которая почему-то так активно не нравилась тринадцати Теням.

Страшная надзирательница, которой я боялась не меньше, чем в детстве няню Рагану, сидела на своем обычном месте за канцелярским столом, подперев острый подбородок рукой, и клевала носом. Соломенная шляпка забавно съехала ей на глаза. Со старушечьих колен, обтянутых шерстяной юбкой в темную клетку, свисало незаконченное вязанье. Клубок черной шерсти укатился к самому порогу.

Я подняла клубок и поразились: он был такой мягкий, нежный и горячий, словно уголек. И тончайшая нить пульсировала как живая. Осторожно сматывая волшебную пряжу, я подошла к колдунье, положила клубок перед ней на стол. Старуха встрепенулась, выпрямилась, приоткрыв левый глаз.

— Чего надоть? — проворчала она, цапнула клубок и положила в рукоделие. — Ходють тут и ходють, никакого покоя старухе!

Бабка была явно чем-то раздражена больше обычного. Вопросы о том, что могло спровоцировать магическое истощение, мгновенно исчезли с языка. Нужно было срочно придумывать более вескую причину моего здесь появления.

— Так уже полдень. Псимург, грифон и мантихора так голодны, что сожрали все мои бумаги, — пожаловалась я. — Может, их покормить чем-то более существенным?

— Проглоты! — разошлась старуха. — Нечем мне кормить такую

ораву! Я служанкой в цирк не нанималась. Сама привела, сама и корми!

— Грифона я точно не приводила, — обиделась я на несправедливость.

Кикерис, раздраженно сверкнув на меня голубенькими глазками, швырнула на стол связку ключей.

— Вот. Поди на кухню и приготовь, страдалица ты наша. А мне некогда. Видишь, думаю думаю, рукоделием занимаюсь, недосуг руки пачкать. Возьми-ка троллье мясо в леднике и покорми зверяток. Можешь и мне супчик приготовить.

Я сложила руки на груди, вздернула подбородок. Этим ведьмам только позволь, сразу на шею сядут и помыкать начнут, по Рагане знаю. Заявила нахально:

— Не царское это дело, собственным надзирательницам супчики варить.

Старуха оживилась, глазки-то аж заблестели, и всплеснула руками, не заметив, что клубок опять скатился с колен на пол.

— Ах ты ж, какая цаца выискалась! — восхищенно поцокала она языком. — Белоручка и барчучка! Лунные пальчики сажей испачкать боится, лунными извилинами пошевелить ленится, а туды ж, в советницы подалась! То-то мой соколик чернокрылый сбагрил тебя с глаз подальше. Этакая насоветует!

Что-то куда-то не туда разговор свернул. И зачем только я к этой драконше сама голову сунула?

— Я не навязывалась ни в какие советницы, — напомнила гордо.

Кикируся поднялась, бросив вязанье на стул, вооружилась свободной спицей и обошла вокруг меня, словно примериваясь, куда воткнуть оружие. Я опасливо косила глазом: вспомнилось, как виртуозно кастелянша умеет обращаться со спицами, даже пытаться... дистанционно. И тут я увидела, что каблук Кикирусиного башмака, снабженного металлической набойкой и шипами, как любая демоническая обувь, зацепил и потянул волшебную нить, а ведьма, не заметив, пошла вокруг меня по второму кругу.

— У вас ниточка зацепилась, — предостерегла я.

— Какая ниточка? Что ты мне зубы заговариваешь? — Кикируся сделала шаг назад, намотанная на каблук тоненькая, как паутинка, нить натянулась... и порвалась с таким оглушающим звуком, словно лопнули все струны гигантской арфы.

Кикерис охнула, пошатнулась — я едва успела ее подхватить под локоть.

— Что я натворила! — всхлипнула она.

Пронзительные, жалобные звуки еще не затихли, как в комнате забрезжил еще один женский силуэт. Я с изумлением узнала в светящихся контурах черты няни Раганы.

— Что у тебя случилось, сестрица?

Не успела я удивиться столь неожиданным родственным связям няни, как призрак Раганы взглядом прошелся по комнате, оценил композицию и рявкнул:

— Что встали? Еще не поздно вернуть, пока эхо не утихло! Лови клубок, пока не истаял!

Эти слова словно подстегнули кастеляншу, и, вырвав локоть, она кинулась ловить клубок. Тот, тая на глазах, как снежный ком, с юркостью мыши уворачивался, отпрыгивал, норовил спрятаться под стол, а ведьма носилась за ним, как огромная летучая мышь. Какое счастье, что склад был пуст, а из мебели остались только конторка, стул и я.

— А ты что глазеешь, Лика? Хватай обрывок нити, быстрее! — привел меня в чувство на диво деятельный призрак Раганы. — Изо всех сил держи! А мы с Бри с другого конца подержим, пока Кикерис их не свяжет.

И призрак исчез.

Я с трудом увидела оборванную нить — она стала совсем прозрачной, как и все изделие, над которым трудилась Кикерис. Когда я потянулась к оборвышу, кончик вильнул в сторону. Но так вяло, словно спящая ящерица. Нить и была холодной, как ящерица. Но стоило мне взять кончик двумя пальцами, как она, яростно дернувшись, вырвалась и хлестнула меня по руке. Хорошо, что удар пришелся по кончику длинного ногтя — нить оказалась стальной, острой, как меч, и я отделалась только срезанным ногтем. Прощай, маникюр.

Ах так! Жутко разозлившись, я сдернула с косы пеструю ленточку с наложенным на нее парализующим заклятием.

Пока я воевала с едва видимой нитью, стремившейся то захлестнуть мне шею, то живодерски отрезать руки-ноги, Кикерис метнула в шустрый, ставший совсем крошечным клубок спицу и пришила его к стене. Каменной! Сложенной из сверхпрочных базальтовых глыб! Не зря я боялась ведьминого оружия. Беглец остервенело задергался, но удивительная кастелянша уже подскочила и, крепко удерживая в кулаке, осторожно сняла.

В этот момент и я поймала ненормальную нить, захлестнув ее кончиком ленты. Не ожидая такого коварства, нить дернулась один раз и сделала вид, что упала в обморок, — обмякла, притворившись шелковой.

А Кикерис с плененным клубком уже подскочила ко мне.

— Дай! Быстрее! — и вырвала полуобморочную добычу из моих рук.

Оглушительный аккомпанемент невидимых порванных струн, под который происходила эта странная битва, уже затихал, когда ведьма дрожащими пальцами грубо связала кончики нитей и замерла, зажав узелок в кулаке, шепча над ним заклинание на непонятном мне языке. Ее голос умолк вместе с эхом.

В наступившей тишине, нарушаемой только нашим судорожным дыханием, старуха раскрыла коричневую морщинистую ладонь. Место разрыва тускло светилось багровым и выглядело безобразным утолщением, но нить снова была целой.

С ума сойти, какие переживания из-за какого-то недовязанного шарфа! Пусть и колдовского.

— Успели! Спасибо тебе, девочка! — Ведьма всхлипнула, вытерла слезу, скатившуюся по морщинистой щеке. Крепко обняла меня.

Я не стала говорить, что, не заявись я сюда, ничего и не случилось бы: кто их знает, эти волшебные клубки, да и вязальщицы более чем странные. Вот и Рагана, оказавшаяся сестрой Кикируси, постоянно сидела над вязаньем.

Пока я изумленно хлопала ресницами, Кикерис куда-то припрятала и клубок, вернувшийся к первоначальному объему, и вязанье. Когда она, ссутулившись, пошаркала к выходу, в руках у нее уже ничего не было.

— Что за жизнь! Сплошные стрессы! Не один, так другой в беду попадет! Как уследить-то за всеми, шалопаи мои ненаглядные? — бормотала она, пока не скрылась за дверью, оставив меня совершенно одну в башне, если не считать притихший на верхних этажах зверинец.

И о ключах на столе расстроенная кастелянша совсем забыла.

ГЛАВА 10

Сюрпризы

Первым делом я бросилась проверять, к каким дверям и тайнам подходят кованные из черной стали фигурные ключи. Увы, к выходу (он же вход) из башни ни один из связки не подошел. Уж кто-кто, а мадам Кикерис совсем не Дура.

Я обошла владения ведьмы, куда могла проникнуть. Кухня, две кладовки, ледник в погребе. К какой двери подходил самый маленький ключ, так и не выяснила. Такие изящные — с половину мизинца — обычно к ларцам делались.

Сварить, что ли, суп, порадовать ведьму, а то скоро совсем готовить разучусь на казенных харчах. Но прежде чем возиться с котелком и разжигать огонь в очаге, сделанном по старинке из грубых камней, обмазанных глиной, я решила поискать ингредиенты и, взяв с разделочного стола топорик для рубки мяса, полезла в погреб.

В леднике царил такой адский холод, что я попала туда со второй попытки: пришлось возвращаться за теплой накидкой. Магический огонек и тот замерзал — еле тлел. Потому я не сразу увидела, что в леднике были две камеры. В одной висели свиные и оленьи туши. А во второй, огромной, с пещеру, но запертой на тот самый маленький ключик, у дальней стены действительно лежал замороженный тролль.

Я знала, что демоны постоянно с кем-то воюют на своих границах. Война — их стихия и суть. Перемирие с Белой империей дурно сказывалось на их характере: им остро не хватало битв, когти почесать не об кого. И они принялись за ближайших соседей. То с орками схватятся, то с нежитью, то с троллями.

Но зачем тащить труп поверженного врага в Академию? Для опытов? Тогда почему именно в мою башню?

Что-то тут не так.

Особенно если учесть, что холод троллей лишь усыпляет, но не убивает. Хотя этот экземпляр был явно мертв — пасть раззявлена, огромный язык вывалился, а крупная голова свернута набок и вмерзла в окровавленный лед.

Зачем хитрая ведьма отправила меня к троллю? Вот вопрос.

У меня уже зуб на зуб не попадал, но, зафиксировав дверь тяжелым

табуретом, чтобы случайно не захлопнулась, — а то знаем мы любовь Кикируси к ловушкам! — я шагнула вглубь камеры.

Тут же поскользнулась, наступив каблуком на сосульку, одну из многих, хаотично валявшихся на полу, и услышала громкий металлический лязг. От испуга я снова поскользнулась и едва не въехала дохлomu троллю в пасть, наступив на эту демонскую сосульку с металлическим стержнем внутри. Выпнула его наружу и выскочила следом, пока рядом с троллем не застыла моя собственная замороженная статуя.

От удара о каменную плиту пола ледяная корка на моей находке раскололась, под ней оказался длинный кухонный нож. Сначала я подумала, что Кикируся его случайно обронила и он тут уже сто лет валялся, обрастая льдом. А когда привычно коснулась пальцем невидимого селениса на шее, камня проявляющего скрытое куда лучше магических сканеров Академии, от которых я успешно пряталась почти полгода... И где-то в древних стенах точно так же прятался убийца...

Невозможно было не узнать спрятанную иллюзией узорчатую рукоять кинжала. Второй раз в жизни я видела этот отвратительный черный узор из свитых клубком, ощеривших пасть змей на багровом фоне цвета запекшейся крови.

Вот только который из двух кинжалов, пьющих магию, я нашла? Кого из зубастых братьев Ошсах, искалечивших владыку Сатарфа?

Один, найденный мной и Иреком совсем случайно, должен быть спрятан в тщательно охраняемой сокровищнице Темного Трона. Оттуда его взяла Зарга, якобы не зная о способностях кинжала, и напала на брата во время его коронации. Но ледник с троллем — явно не сокровищница. Неужели это второй кинжал?

И кто же его здесь спрятал?

Только тот, у кого был доступ к леднику в любое время. Подозревать Кикирусю в том, что она убийца или пособница — верх безумия. Почему-то же она меня сюда направила, именно в камеру с троллем.

А если она знала о кинжале, почему не сказала Дьяру? Не успела? Или, как в случае со сделкой Шурша и Ирека, ведьма не могла вмешиваться напрямую, потому и меня попыталась заставить? Ох, как много вопросов!

Мне нужно срочно выбираться отсюда. Немедленно!

Я осторожно подняла за рукоять кинжал, обжегший пальцы холодом. Во второй ледник даже заглядывать не стала — какой уж тут супчик на обед!

Оружие хотелось выбросить в нужник. Но не надо быть магом, чтобы понять: бесполезно. Такие артефакты нужно нести в горы и бросать в

раскаленное жерло вулкана в час затишья между извержениями, чтобы обратно не выплюнуло. Тогда, может, и расплавится магия, и не пострадает никто, потому что вокруг вулкана точно никого в живых уже не будет.

На такое путешествие я была не готова. Да мне бы из башни выбраться до того, как сюда явится владелец этого подлого оружия!

Стоп. Кинжал ведь антимагический. Лучшей отмычки вообще немислимо придумать!

И с радостной ухмылкой я направилась к массивной входной двери.

И остановилась. Защитные чары кинжал выпьет, а дальше что? Дверь-то на замке наверняка!

Потому я сначала наведалься в кладовку, нашла с применением поисковых чар веревочную лестницу и отправилась искать подходящую бойницу, в которую не только стрела могла протиснуться.

На первом этаже это оказалось бессмысленно: древняя постройка, созданная для защиты, не предполагала широких окон. И на высоченном втором этаже не нашлось никаких подходящих для бегства отверстий. А жилой третий, переделанный под спальни трех адептов Академии Тьмы, располагался так высоко, что никакой веревочной лестницы не хватит, а по канату мне не спуститься, помню-помню предыдущее бегство...

В подземелье лезть очень не хотелось, потому, взяв кинжал и надеясь на удачу, я решительно направилась к двери.

Стоило направить кончик кинжала к двери, как он ожил: рукоять пошевелилась в ладони, словно приносясь. Острие повело в сторону, наверняка в магический «узел» охранного заклятия. Чутко ловя малейшее движение кинжала, я помогала ему: водила рукой, очерчивая дверь по контуру. Оружие теплело и тяжело с каждым мгновением, пока пило магию, словно паук. Узоры оплетки сыто лоснились, а металл начал багрово светиться, все ярче и ярче, но жара не было. А было ужасное ощущение, что эта мощь течет прямо в сердце.

Я не могла разжать пальцы и бросить эту дрянь — она прилипла! Она сливалась со мной, будто прорастала! Я даже богиню не могла позвать на помощь: мой язык онемел, а мысли остановились, парализованные ужасом.

Пот стекал по вискам и лбу, заливая глаза. Помогая себе левой рукой, я разжала пальцы правой по одному, перевернула кисть ладонью вниз, и кинжал медленно, нехотя, отлип и шмякнулся на каменный пол с мягким глухим звуком, как прыгает ленивый обожравшийся кот.

Дверь с тихим скрипом отошла, открывая выход.

Но, прежде чем покинуть башню, я еще раз наведалься на Кикирусину кухню, позаимствовала вышитое полотенце и только тогда подняла кинжал

и завернула в тряпку. У ведьмы ничего случайного в доме не бывает, и где еще вышивать обереги, как не на полотенце? А ведь у кинжала были ножны. Наверняка специальные ножны, блокирующие опасную силу. Искать их я не стала: никакая сила не могла заставить меня вернуться в ледник с троллем.

* * *

В приемной ректора за секретарским столом сидела незнакомая демоница. Очень молоденькая, щупленькая, но нагленькая, как большинство особ этого племени. Мелкие черные кудряшки обрамляли невысокий лоб, казавшийся еще уже из-за широких бровей. Из-за них же взгляд черных глаз был тяжелым, как Темный Трон. Или из-за толстого слоя краски на ресницах.

Друг другу мы не понравились с первого взгляда. Демоницы вообще с трудом переносят всех прочих лиц одного с ними пола, сразу записывая их в соперницы. Миранда была почти единственным исключением.

Секретарша смерила меня взглядом с головы до ног, уголок алых губ насмешливо вздернулся. Да, выглядела я не слишком презентабельно после битвы с прилипшим кинжалом.

— Могу я видеть ректора? — я постаралась вежливо улыбнуться.

— Господин ректор не принимает, — подчеркнула демонишка первое слово. — Вас записать? Ближайший прием... — она раскрыла посередине и лениво пролистала толстый ежедневник цвета засохшей крови, дошла до последней страницы и захлопнула картонный переплет, — ближайший через полгода.

— Запишите, — еще шире поползла моя улыбка, — ками-рани Его Темнейшества Лика Тария.

Потрясающий эффект!

Спесь мгновенно слетела с надменного личика, демоница побледнела, судорожно подхватила с конторского кресла. Выпалила:

— Один миг, я сейчас спрошу. Уверена, мэтр вас немедленно примет!

И вот она уже распахнула солидную, упакованную в магическую броню и замаскированную под дерево дверь и метеором, на полураспахнутых сизых крылышках, влетела в кабинет начальства.

— Папа! — донесся до слуха ее громкий шепот, прежде чем дверь закрылась. — Там ками-рани пришла, представляешь? Прими ее немедленно, потом пообедаешь! И не забудь представить ей меня!

Через пару мгновений шустрая демоница выскочила, блеснула алчным взглядом и присела в церемонном поклоне:

— Мэтр Нирт вас ждет, госпожа Тария.

Я прошла в кабинет, дождалась, когда взбудораженная Кудряшка закроет дверь с той стороны, и в это время изучала нового ректора. Демон оказался благородной холеной внешности, с клиновидной черной бородкой и щегольскими усами, в которых застряли крошки трапезы. Прикрытый салфеточкой поднос, под которой выпирало что-то вроде высокого кофейника, был отодвинут на край стола, а магистр что-то дожевывал и суетливо отряхивал обшлаг черной форменной мантии с траурной оторочкой. Некромант, значит.

— Простите, что помешала, мэтр Нирт, но я долго вас не задержу.

— Ничего, ничего! — пробасил ректор, проглотил, наконец, кусок и радушно улыбнулся. — Присаживайтесь. Пара минут у меня всегда найдется для лучшей адепки нашей Академии!

Я села на ближайший стул, положила завернутый в полотенце кинжал на колени. Хм, однако... Когда это я стала лучшей? Мой куратор Грид Сайк поспорил бы, конечно, с таким титулом. Но до чего неприкрытый подхалимаж! Даже прежний проворовавшийся ректор Вултон был не таким лизоблюдом.

— Чай? Кофе? — поинтересовался некромант и тут же, не дожидаясь ответа, активировал амулет связи и заказал у секретарши два чая, решив сэкономить на дорогом заморском продукте.

— Коньяк, — чисто из вредности попросила я.

— Не держим на службе, — глазом не моргнул этот чиновник от науки.

— Да вот же, под салфеточкой, — пошла я ва-банк. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, отголосок магии кинжала Ошсах сделал мой взгляд пронизательным, а язык колким.

Ректор слегка зарумянился, со вздохом сдернул салфетку, под которой действительно оказался штофчик с напитком, по цвету подозрительно похожим на коньяк. К штофчику прилагались пузатая рюмка и тарелка с колбасной нарезкой.

— Не зря говорят легенды, что ками-рани смотрят в сердце, — пробормотал ректор.

И я заподозрила, что в седой древности, откуда произошел странный обычай назначать советниц правителям Тьмы, ими были сплошь лунные девы. Кто же еще практикует «око сердца»?

Нет, не везет Академии Тьмы с ректорами. На первый взгляд Нирт

казался пьяницей и лгуном, только что пойманным за руку. К его чести, просить у меня скрыть происшествие он не стал. Значит, еще не все потеряно. Впрочем, я в нем сильно ошиблась, как показало дальнейшее.

— Вчера сына женил, — признался ректор, вытащил из ящика стола еще одну рюмку и плеснул жидкости на самое дно. — Сегодня вся кафедра зелий бессильна снять похмелье. Не целители они, видите ли, а противоядие только одно. Я не жалуясь, не подумай... те. И оправдываться не буду. Сатарф понял бы, а его сын не мелочен, за один раз казнить не будет.

— Вот я как раз и хотела спросить...

Меня прервал вежливый стук, ректор тут же накинул салфетку на рюмки, а штоф сунул под стол. Дверь открылась и всплыла секретарша. За прошедшую пару минут она сотворила с собой невероятное: с глаз исчезла тонна туши, а ресницы стали выглядеть гуще и длиннее, кровавую помаду сменила нежная розовая. Даже вздорные кудряшки демоница успела выпрямить, и теперь слегка волнистая прическа смотрелась вполне элегантно. Была бы я демоном — оценила бы старание.

Скромно потупив глазки, секретарша поставила передо мной тарелочку с пирожным, розетку с шоколадом и чай. Стрельнула глазками на ректора, подмигнула, на что-то намекая, но тот сделал непонимающую морду:

— Свободна, Марисса. Никого не пускай, у нас важная беседа.

— Хорошо, мэтр, — невинно хлопнули реснички. — Госпоже камирани еще что-нибудь нужно?

Я почувствовала себя такой же древней, как тот проклятый гримуар, откуда Дьяр вытащил этот проклятый обычай. А ведь надо привыкать.

— Нет, благодарю.

Девушка с угрозой прищурилась на отца, но ретировалась молча. Штоф тут же вернулся на стол. Нирт вздохнул.

— Моя дочь хотела, чтобы я похлопотал за нее, но хватит того, что я ее временно пристроил на это место, пока не найдем подходящего для этой дрянной работы мага. Никто не хочет терпеть спесь магистров и выходки адептов практически бесплатно. — Ректор, морщась, осушил свою рюмку, занюхал кусочком сыра, придвинул ко мне второй сосуд. — Налейте напиток в чай, леди. Одна капля творит чудеса, сразу взбодритесь. У вас вид такой, словно все горгульи на голову свалились и раздавили. Что случилось?

— Мне нужно срочно попасть во дворец к владыке. У вас же есть стационарный портал?

— С таким блуждающим по холмам объектом, как Темный Трон, внешнего стационарного портала и быть не может, только наведенный. У вас постоянная связь с главой охраны Янге, насколько мне известно. Пусть он скинет маяк, а я помогу навести портал.

Я покраснела. Ага, им скажи, тут же беглянку за косу и в башню. А там тролль дохлый!

— Мне не хочется посвящать в это дело ни Янге, ни Сэйвана, господин ректор. К тому же они оба сейчас очень заняты.

— Хм... — мэтр Нирт изучающе прищурил черный глаз на меня, словно впервые увидел. — Вы же не простая советница при владыке. Вы — ками-рани. Воспользуйтесь данными вам привилегиями... — поймав мой непонимающий взгляд, он спросил: — Вам что-нибудь рассказывали о вашей должности... — и снова на лету схватывающий магистр осекся, поняв, что никто ничего мне не рассказывал. — Ясно. Вы были ранены, и ваш покой владыка берег, решив пока не посвящать в эти тайны. Да и спрятал вас подальше, пока не выздоровеете...

Мэтр Нирт замолчал, слегка пошевелил пальцами, словно бы в задумчивости. И я успела заметить, что это был запирающий магический пасс в сторону двери, только потому, что под завязку была напита́на ворованной магией кинжала. Вот как. Ректорская предприимчивая дочурка еще и подслушивала!

— Я уже вполне выздоровела и готова приступить к занятиям! — обрадовала я ректора.

Он скептически ухмыльнулся.

— Возможно. Но пока на ваш счет не поступало распоряжений. Вы же находитесь на особом, привилегированном положении, как особа, приближенная к повелителю, как член семьи. Таким статусом обладала только адептка Зарга, но сейчас она взяла академический отпуск.

— Зарга училась здесь?! — от потрясения я поперхнулась глотком чая. — И на каком курсе?

— На старшем. Разумеется, дабы не смущать однокурсников, она приходила на занятия под иллюзией. Потому вот уже пять лет в защите Академии ослаблены распознающие амулеты. Как вы понимаете, именно по этой причине вам удалось скрыть свои врожденные особенности при поступлении, Лика Тария.

«Пять лет! Они с ума сошли! Вот и убийца успешно маскируется где-то тут», — мрачно подумала я. А ректор, отпив глоток коньяка и закусив ломтиком сыра, откинулся на спинку кресла и окончательно подобрел.

— Владыка настаивает на вашем домашнем обучении, леди.

Я поморщилась, показывая свое отношение к тирании. Главный темный деспот мог бы и моим мнением поинтересоваться!

— То есть, — продолжил мэтр, — посещение занятий не вменяется вам в обязанность, и как раз сейчас мой помощник составляет план вашего дальнейшего обучения с учетом вашего положения и... гхм... особенностей магических талантов. Теорию вы пройдете дистанционно, но вот практические занятия по боевой темной магии и прочим наукам вам придется осваивать на наших полигонах и в лабораториях. Во дворце защита не позволит. Согласны?

— Конечно! — это была хорошая новость, я отсалютовала ей чашкой чая, наполовину наполненной коньяком.

— Кстати, о защите. Сейчас я не вижу нужды ослаблять заклинания, потому аккуратно восстановим их в ближайшие дни. Но, если вы предпочитаете, чтобы основная масса магистров и адептов не знала о вашем истинном облике и талантах, можем отключать на время ваших сюда визитов.

А вот это интересно. Если ректор врубит защиту на полную мощь, ничего не подозревающий убийца сразу засветится? Или будет предупрежден и станет еще осторожнее? И насколько ректор посвящен в наши поиски? Ох, как же мне нужно увидеть Дьяра! Впрочем, его команда наверняка подумала об этом.

— А что вам посоветовал Янге? — поинтересовалась я. — Он же занимается безопасностью владыки и приближенных к нему особ, должен выработать тактику.

— Янге настаивает на том, чтобы оставить все как есть до особого распоряжения. Но я отвечаю за безопасность всех находящихся здесь лиц и, разумеется, меня не может устраивать творящееся в этих стенах безобразие. Мало нам заговоров, мало убийств? А так как даже воля владыки имеет в этих стенах рекомендательный характер...

Смешок сорвался с губ непроизвольно, не успела поймать. Помнила я, как Дьяр тут военный переворот устраивал! Ректор недоуменно моргнул и... тоже расхохотался:

— Ну, хорошо, хорошо... Подавляюще рекомендательный характер! Никто не может запретить мне... э-э... аргументированно возражать.

— Я приму любое решение, господин ректор. Давайте вернемся к причине моего визита, — поторопила я. А то башня без присмотра осталась, вдруг дохлый тролль вылезет и пойдет на запах украденного мной кинжала.

— Ах да! — Демон с сожалением посмотрел на недопитый штофчик.

Потом подмигнул мне. — Думаю, маленькую месть владыке за вмешательство во внутренние дела Академии Тьмы и Теней мы можем себе позволить. Идемте!

Ректор, закинув в рот ломтик ветчины, закрыл следы разгула салфеткой, шепнул что-то невнятное, после чего салфетка стала невидимой вместе со спрятанными под ней предметами (интересное заклинание, вот бы шпаргалки так прятать), и, жуя на ходу, направился к двери. Я спешно последовала за ним, так спешно, что едва не уронила на пол сверток с кинжалом, пригревшийся на коленях, как кошка.

Нирт резко распахнул дверь, забыв, что сам же накладывал «полог безмолвия» и наших шагов со стороны не было слышно. Хотя, может, и не забыл, — подумала я, глядя на отлетевшую к стеночке секретаршу, на лбу которой стремительно набухла громадная шишка. А он точно ей отец? — перевела я взгляд на довольно ухмылявшегося демона.

— Марисса, ты не сильно пострадала? — Зловредный папаша даже не думал помочь родной кровиночке. — Я отлучусь на четверть часа. Если срочно понадобится, задействуй амулет экстренной связи.

Ректор положил на край секретарского стола кольцо с крупным красным камнем, оправленным черным металлом. Моя рука машинально дернулась к серьге в ухе, но усилием воли я сделала вид, что поправляю выбившуюся из косы прядь.

Потирая шишку, Марисса поднялась и, пошатываясь, направилась к столу. Во взгляде демона мелькнула тень раскаяния, но он, процедив сквозь зубы: «Еще учить и учить негодяйку!» — направился в коридор.

— Терпеть не могу, когда у моих дверей вырастают лишние уши, — все еще ворчал ректор, громяхая сапогами по мраморному полу. — Была бы она мне родной дочерью, давно бы ремнем выдрал. А тут... иные методы приходится изыскивать.

— А куда мы направляемся? — начала я отвлекающий от семейных разборок маневр.

— В библиотеку, конечно! — покосился на меня ректор. — Думаете, я так глуп, чтобы подставляться владыке и лично раскрывать вам вековые тайны? Глуп, конечно, раз вообще ввязался в это дело, но не настолько, как можно подумать. Я лишь покажу вам источник знаний Дьяра, а дальше вы уж сами сообразите, что с ним делать.

То есть он предлагает мне книжку почитать?!

— Но это же долго! Мне нужно во дворец как можно скорее! Да я пешком быстрее дойду, чем буду разбирать древние каракули!

— С вашими-то талантами? — Демон снова оглянулся и чуть замедлил

шаг, заметив, что я уже запыхалась за ним бежать. — Я наслышан о вашем вступительном испытании, когда вы потрясли наших профессоров знанием древних наречий.

«Да, было что-то такое», — припомнила я свой случайный триумф. Но ведь мне и не восстановить вот так сразу то хургово заклинание, когда я тайно вызвала духа языка! Не какого-то определенного языка, а глобального — любого языка от начала до конца времен.

— Нет, — остановилась я. — Мне некогда демонстрировать вам свои познания, господин ректор.

— Не волнуйтесь, адептка Тария, много времени это не займет. Мы уже пришли.

Эту дверь я уже хорошо изучила за несколько месяцев пребывания в Академии, но никогда еще она не казалась мне такой злобной: глаза вырезанной на створке химеры ало полыхнули, считывая ректорский пропуск, пасть рыкнула и лязгнула клыками:

— Раз-з-р-решено!

И дверь распахнулась. Ловко ухватив меня за локоть, которым я удерживала неудобный, выскальзывающий сверток, ректор втянул меня в скудно освещенное помещение и, дождавшись, когда створка сама захлопнется за нашими спинами, тут же отпустил.

Библиотекарь — сухонький низший демон со смешным венчиком седых волос, топорщившихся вокруг лысины — вскочил из-за конторки, молча поклонился Нирту и тут же, услышав ректорское: «Работайте, магистр, не обращайтесь на нас внимания», — снова уткнулся в лежавший на столешнице пухлый манускрипт. Листал он его затянутыми в тонкие перчатки руками.

Тусклые световые шары, плававшие у потолка, спустились ниже и вспыхнули ярче. Из полумрака проступил настоящий лабиринт забитых учебниками стеллажей. В самой глубине огромного читального зала стояли пустовавшие по случаю внеплановых каникул столы.

К слову, демоны не способны создавать белые светильники. Как существа, чей способ жизни — сплошные крайности, они управляют синими и багровыми оттенками светового диапазона. А при подобном освещении сложно читать древние каракули. Хотя для демонического зрения их вполне достаточно, но в Академии учились и работали не только чистокровные демоны. Библиотекарь вот — явный полукровка, у него даже ногти мягкие и круглые, как у светлых магов.

Потому в библиотеке использовалась запрещенная в иных местах Тархареша магия. И, вероятно, в читальном зале тоже ослаблена темная

защита, сообразила я. Иначе светильники не могли бы гореть. Эти шары явно куплены у посредников или даже контрабандистов, потому что официально Темный Трон не ведет торговых операций с Белой империей. Между ними последние два столетия держится мир исключительно сквозь зубы.

— Подождите меня здесь и никуда не уходите, Лика, — шепнул мэтр. — Я договорюсь, чтобы нам открыли проход в особое хранилище.

И он скользнул в незаметную боковую дверку за конторкой библиотекаря.

Я осталась стоять у конторки и чувствовала себя преотвратительно. Голова почему-то закружилась, к горлу подступала тошнота, почудился запах крови и подвальной плесени. Может, тут вентиляция испортилась?

Через миг показалось, что кинжал вот-вот превратится в змею — уже шевелится, пытаюсь выбраться из полотенца и укусить меня. Перехватив сверток, я покрепче зажала его двумя руками.

Библиотекарь резко поднял голову, на меня уставились странные, тусклые и неподвижные глаза непонятного цвета. Как у мертвеца. Не успела я испугаться и попятиться, как входная дверь распахнулась, впуская шумную группу адептов.

— Нам бы книги получить! — зычно пробасил знакомый голос Тая — официального жениха моей подружки Миранды.

Наваждение слетело: библиотекарь чуть склонил голову набок, блеснул вполне живыми темными глазами и, аккуратно стянув перчатку, протянул костлявую ладонь.

— Список! — потребовал он каркающим тоном, очень похожим на голос химеры-привратницы.

Тай протянул внушительный свиток, мгновенно оказавшийся в цепкой лапе. Мельком глянув на содержимое бумаги, библиотекарь отправился к дальним стеллажам. А я повернулась к Таю, усиленно делавшему вид, что я тут пустое место. Может, и пустое, но упорное в достижении целей.

— Привет, как поживаешь? Где Миранда? — Я взглядом прошлась по лицам демона и его группы поддержки.

Кончики ушей адепта факультета превращений слегка заалели.

— Я нормально. А как и где твоя подруга поживает, понятия не имею.

«И как это понимать?» — удивилась я равнодушному тону и смущенному виду демона. Миранда была непризнанной, но любимой внучкой аж самого князя Вечерних теней! Тай за ней ухлестывал чуть ли не с детства, и помолвка была чисто его инициатива, чтобы девушка не улизнула. Он окружил ее таким беспощадным вниманием, что Миранду

даже слегка подташнивало, особенно от обилия тортиков и мороженого.

— Она не только моя подруга, но и твоя невеста.

— Помолвка разорвана. — Тай отвел глаза.

— И кто инициатор?

— По взаимному согласию, — в глаза мне по-прежнему не смотрели, а группа поддержки слегка отодвинулась от нас. И правильно. Ненавижу предателей.

— То есть ты ее бросил, Тай? — свистящим шепотом прошипела я. — Как раз тогда, когда новый владыка вышвырнул ее деда из страны, а я валялась со сломанными ребрами, да еще и под замком, и у нее в столице не осталось ни одного друга!

— А новый ректор отчислил без причины, — бросил черноглазый адепт, стоявший ближе всех к нам. Я постаралась запомнить его породистое лицо с тонким аристократическим носом и желтыми тигриными глазами. Потенциальные союзники мне понадобятся.

— Отчислил? — сощурила я глаза на дверь, за которой скрылся ректор. Все-таки ничем не лучше Вултона, жаль. Снова повернулась к Таю: — То есть ты бросил ее, когда ей особенно была нужна твоя дружба!

— Ты ничего не знаешь, Лика, — предатель упрямо вздернул подбородок, глаза сверкнули. — Не я, а она меня бросила! Она давно уже влюбилась в... кого-то, — осекся он, увидев возвращающегося из глубин хранилища ректора.

Пока я осознавала сказанное — Миранда влюбилась? И давно? И мне ни слова? В кого?! — мэтр Нирт недобро сверлил Тая взглядом. Очень недобро. И уголок его губ брезгливо кривился.

— Тай Онвиес, что вы тут делаете? — поинтересовался ректор. — Разве вам не сообщили, что по решению магистерского совета вы отчислены за неподобающее поведение? Или вы пришли сдать учебники?

С лица Тая схлынули все краски, руки сжались в кулаки, невзирая на то, что когти удлинились.

— Нет, господин ректор. Таких сообщений я не получал.

— Ах да, ваш куратор тоже на допросе... Зайдите к моему секретарю, вам сделают выписку из решения и моего приказа. Так как за вами не числится иных прегрешений, чем случившееся, я оставил вам право на вторую попытку при наличии положительного решения вашего местного отделения Темного ковена на восстановление, но не ранее чем через пять лет.

Тай молча развернулся и направился к выходу, даже не поклонившись.

Пять лет отлучения! Интересно, что он натворил? Я недолюбливала

его, но мирилась с выбором подруги. На мой вкус, этот демон всегда был слишком осторожным и правильным, чтобы пускаться в авантюры. Зануда он, если честно.

— Да, и еще, — бросил ему в спину ректор, — без благословения Тьмы и Теней вы можете пользоваться только магией низшего и бытового уровня. Странно, что вы не почувствовали изменения вашего магического резерва.

— Я думал, это с похмелья, — буркнул бывший адепт.

— Оно продлится пять лет, — жестко усмехнулся Нирт. — Или более, если вы не пройдете проверку, Тай Онвиес. Скажите спасибо, что семья не отлучила вас и Вечерняя Тень сохранила покровительство.

— Благодарю покорно, — Тай фиглярски поклонился и попытался хлопнуть дверью, но та оказала недюжинное сопротивление, а резная химера едва не покусала ему руки.

Мэтр Нирт приглашающе кивнул мне:

— Идемте, адептка Тария!

«И когда ты прекратишь доверять кому попало, Лика? — вздохнула я, ступая на узкую полутемную лестницу, ведущую в подземную часть библиотеки. Ведь интуиция — или глас богини, ослабленный защитой? — просто вопит о том, что не надо бы мне сегодня шастать по подземельям, не лежит у меня к ним душа!»

ГЛАВА 11

Твари из подземелья

Чтобы как-то заглушить голос рассудка, я спросила у ректора, точнее, у маячившей впереди спины:

— А что натворил Тай?

— Это не те знания, к которым нужно стремиться, — уклонился демон от ответа.

— А Миранду за что отчислили? Ай!

Мы как раз спустились на нижний ярус, и Нирт так резко остановился, что я ткнулась носом в него, как в железную скалу. Скала повернулась по оси на сто восемьдесят градусов, отодвинулась и строго так сообщила:

— Вот только не надо делать поспешных выводов, адептка Тария. Ваша подруга была зачислена на третий курс с нарушением всех писанных и неписанных правил. Вы в курсе, что Вултон потребовал с ее деда взятку за обучение внучки? Нет? Никто не знал, даже Миранда, к ее чести. Когда мы узнали, ей было предложено либо пересдать экзамены и подтвердить право учиться, либо покинуть эти стены. Она выбрала второе. Сдалась.

Непохоже на Миранду. Моя подруга из тех, кто не сдается до последней слезы. После чего она переходит в наступление.

— А вы турнули ее случайно не за то, что она близкая родственница изменника?

Ректор поморщился:

— Пфе, как дурно вы обо мне думаете, барышня. Хотя не поручусь за всех членов магистерского совета, но лично у меня таких мотивов не было. Я лишь навожу порядок во вверенном мне заведении. Никаких взяток, никаких поблажек ни за красивые глазки, ни за влияние семьи, ни за высокие должности при дворе.

Я поняла намек.

— То есть мне тоже надо будет пересдать экзамены?

— Разумеется, — кивнул рогатый деспот. Еще один на мою головушку. Каково высшее начальство, таковы и подчиненные. — Но мы совместим их с текущими, не собирать же ради одной адептки комиссию. У вас будет время на подготовку, Лика.

Вот обрадовал! Пока я, пришибленная новостями, пыталась их осознать (где же мне время взять на все?!), демон справился с охранными

амулетами и распахнул массивную дверь в темноту хранилища. Ни один светильник из группы нас сопровождавших, не посмел залететь внутрь.

— Не расстраивайтесь, — пожалел меня мэтр. — Если не справитесь, я вам, как и Миранде, оформлю академический отпуск. Кроме того, вы всегда можете начать с самого начала, с первого курса. У вас хватит сил и знаний выдержать стандартные испытания.

Вот теперь я разозлилась. Он что, считает, что я тоже взятку дала за поступление? Вот гад! А еще мы с ним коньяк за одним столом пили!

— Я все сдам! — вздернула я подбородок, заодно осматривая «ночным» взглядом помещение. Совсем пустое, если не считать невысокий круглый подиум и метровый столб в его центре. Странное сооружение: для кафедры низковато, для ритуального алтаря маловато и неудобно.

— Не сомневаюсь в ваших талантах. Ну вот мы и на месте. — Ректор щелкнул пальцами, зажигая свет тревожного алого цвета. В храмовой школе селю шарами такого цвета обозначались аварийные выходы.

Повинуясь еще одному жесту мага, вспыхнул фиолетовый светильник над «кафедрой», от него побежали огненные ниточки, расцветивая хранилище дивным узором, они мгновенно окружили мои ступни и начали карабкаться по обуви! Я замерла, вцепившись в кинжал, который среагировал на всплеск магии алчной дрожью и, казалось, только не урчал. Нити, почуяв мою замаскированную под колготки и водолазку «нежную кольчугу», замерли и попятились, как живые.

Я вскинула взгляд и наткнулась на внимательнейший прищур ректора Нирта.

— Интере-есно, — протянул он, обходя меня по кругу и нагло попирая кружевные плетения. — Защита на вас не среагировала. Или...

«Наоборот, сработала», — хмыкнула я про себя, но вслух... лишь пожала плечами. Ничего, мол, не знаю.

— Как вы сумели нейтрализовать заклинание? Ладно, — не дождавшись ответа, мэтр махнул рукой. — Пусть вашими загадками занимается владыка, мне до этого дела нет. Но, надеюсь, вы мне потом расскажете, почему вас не тронула охранная сеть.

— А зачем вы хотели набросить на меня сеть? — как можно более равнодушно поинтересовалась я, сжав покрепче рукоять кинжала Ошсах.

— Не набросить, а познакомить, — задумчиво молвил ректор, обойдя на этот раз вокруг кафедры, словно проверяя, в порядке ли система заклинаний. — Но так даже лучше. Видимо, владыка дал вам иммунитет от возможных опасностей. Подойдите сюда, Лика, и положите ладонь.

— Нет, — не сделав ни шагу, я мотнула головой. — Пока вы мне не

объясните, зачем вам это нужно.

— Похвальная осторожность для будущего темного боевого мага, — сязвил Нирт. — Мне, собственно, ничего не нужно. Это нужно вам, если вы хотите открыть наводящийся портал во дворец, где бы сейчас он ни находился. Точнее, прямиком к тому демону, чьей ками-рани вы являетесь. Сделать это можно только с помощью магии крови. Вашей крови, разумеется.

— И... — в горле пересохло, и я сглотнула, — и много нужно?

И подумалось так вовремя, что моя новая должность — настоящее благо для убийцы. Он же одним ударом сразит две цели. Так ведь, богиня?

Лойт, как всегда, промолчала.

— Литра достаточно, — совершенно серьезно заявил некромант.

— Шутите? — попяtilась я.

— Безусловно, — так же серьезно, без тени усмешки, кивнул демон. — Ну же, решайтесь.

— Но ведь таким способом можно было даже из вашего кабинета шагнуть во дворец. Зачем понадобилось спускаться в хранилище?

Ректор задумчиво побарабанил когтями по «кафедре».

— Действительно, зачем? Может быть, затем, что с этой древней порталной площадки легче и безопаснее пробить пространственный канал? Еще на первом курсе адептам вдалбливается: стихийное перемещение, да еще и на кровной магии, опаснее в разы. Но вы-то через первый курс перемахнули не глядя. Двойка, Лика Тария. Теперь вам точно от пересдачи не отвертеться.

Не больно-то и хотелось. Я молча шагнула к подозрительной «кафедре», которая все больше походила на плаху. Высоковатую, зато на колени вставать не надо.

И в этот момент на пальце некроманта вспыхнул амулет.

— Папа! — ворвался в хранилище визгливый голос ректорской приемной дочери. — Папа, это ужас! Ужас! — визг мгновенно стал деловым и на октаву ниже. — Господин ректор, вас вызывает господин Сэйван. Срочно! Говорит, у нас Башня трех принцесс то ли рухнула, то ли вот-вот разрушится.

Жаль башню. Перестарался кинжальчик.

— Иду! — коротко рявкнул Нирт и хлопнул ладонью по кольцу. Снова стало тихо, как в могиле на глубине пятидесяти метров. Ректор с сожалением посмотрел на оставшийся голодным «алтарь». — Не успели. Впрочем, вы и сами можете провести ритуал. Языки древности вы знаете, разберетесь. Хотите? Или вместе на вашу башню посмотрим? Может, вам

вещи спасти нужнее, чем встретиться с Его Темнейшеством?

Кажется, он что-то заподозрил.

— У меня почти нет там вещей. Башня же на ремонте была.

— Была, — кивнул ректор. — И вот опять... наверное.

— Она такая древняя, неудивительно, — пробормотала я. — Встреча с владыкой важнее. Разве я стала бы вас беспокоить по какому-то капризу?

— Тогда дерзайте, — вытащив из-за пазухи черной мантии свиток потрепанного пергамента, ректор положил его на «кафедру-алтарь», пристроил рядом большую иглу из черно-синего металла с навершием в виде вписанной в круг пентаграммы. — На всякий случай, имейте в виду: я зайду проверить вас через полчаса. Не думаю, чтобы кто-то или что-то могло действительно повредить башню Шарх. Так она раньше называлась, до разрушительной оккупации нашей Академии лунными девами.

Усмехнувшись, этот странный магистр некромантии ушел. И дверь, разумеется, за собой запер. Магически. Нам с железным братом Ошсах эта очередная тюрьма не страшна, правда же?

«Сиен Ошсах», — просвистел в ушах невидимый и неосязаемый ветер.

«Нет. Нет-нет-нет. Только не это!» — едва не взывала я. Хватит с меня того, что дракон Смерти вторгается в мое сознание, а в сердце — богиня Лойт. Я уже не маленькая девочка, прекрасно знаю, что любое чудо требует платы и любое волшебное существо небескорыстно появляется перед смертными, даже перед магами.

— И что тебе от меня нужно, Сиен Ошсах, если ты со мной сам заговорил? — спросила я почти беззвучно, но вслух. Высшее проявление негостеприимства для того, кто без спросу лезет в голову. Это очень важно: дать понять, что не рада снизошедшему до тебя существу магической природы, иначе оно мгновенно на шею сядет и ножки свесит, а то и насовсем в голову переселится, знаю я их.

А я и в самом деле совсем не рада этой проклятой древней железяке. Избавиться бы от нее поскорее.

«Я не железяка, — обиделось это... изделие из металла и магии. — Я воин».

— Ты убийца, а не воин, — вспомнила я искаленную фигуру Сатарфа. — Всего лишь инструмент для чужих преступлений.

«Ты права, — признал кинжал, и у меня аж в голове засвербело от его мысленного вздоха. — Но разве ты сама — не орудие своей богини, сельо? И разве ты можешь оценить ее планы, в которые она вряд ли посвящает своих жриц? Так не суди меня. Не я направлял руку убийцы».

— Если ты не соучастник, скажи, кто убийца? Ты не можешь не знать его имя.

«Мой создатель».

От такого признания колени у меня подогнулись, и я села, где стояла. Мерцавшее кружево охранных заклинаний шарахнулось в стороны, расчистив для нас с кинжалом место на каменных плитах пола. Положила сверток на испещренный клиновидными рунами камень и проверила, не развернулось ли вышитое полотенце. Затянула потуже.

— И кто твой создатель, Сиен?

Вредное оружие промолчало. Но я помнила легенду о темном владыке Ошсе, создавшем два кинжала специально для убийства своей светлой супруги. С мгновения ее смерти закончилась эпоха Единения и наступил век раздора Шарх.

Что ж, тогда понятно, почему убийца нацелен именно на Темный Трон: бывший владыка возжаждал вернуть себе власть. Жуткий ритуал позволит ему взять внешность последней жертвы. Если это будет Дьяр, то никто, кроме меня, не заметит подмены. Так ведь, Сиен?

Молчание.

«Ты имеешь в виду Ошсу Ревнивца, чье имя вы с братом и носите? — перешла я на мысленную речь. — Он же давно истлел! Или нет?»

Мне не ответили. Наверное, этой одушевленной железяке нужен более тесный контакт с собеседником. Я взяла в руки сверток и повторила вопрос.

И тут выяснилось, что вопросы надо уметь задавать, не зря дознавателей обучают этому непростому делу. Под создателем и убийцей Сиен действительно подразумевал древнего демона, но это был не тот убийца, который в наши дни строил ритуальный жертвенный круг. А вот имени своего последнего владельца кинжал не смог назвать.

«Ты накормила меня древней магией башни и освободила от заклинания подчинения, — сказал он мне, — но запрет на разглашение имени прежнего хозяина не снят».

«А что для этого нужно?»

«Последний маг напоил меня своей кровью. Такую магию может уничтожить только более сильная кровь».

Все-таки он сказал «маг», а не «магиня»! Значит, точно не принцесса Зарга.

«Разве у владыки Сатарфа кровь была слабее?» — удивилась я.

«Запрет на разглашение», — тоном зануды сообщил кинжал.

Придется обратиться к Сэйвану. Вот уж кто способен развязать даже

железный язык. А это возвращает меня к необходимости попасть во дворец. Или хотя бы выбраться отсюда.

Я взяла свиток с «кафедры», постаравшись не коснуться зловещей некромантской иглы. Не нравилась она мне до жути. Развернула пергамент, покрытый весьма подозрительными бурыми пятнами. Вот досада! Руны были почти все знакомыми, но смысла написанного я не понимала. Словно какой-то шутник сложил руны в стаканчик, перемешал и вывалил на лист в хаотичном беспорядке. Мы не договаривались, что это будет шифровка, господин ректор!

«Помочь?» — поинтересовался Сиен.

«А ты знаешь, как это расшифровывается?»

«Нет, но могу узнать».

«Как?»

«За тысячелетие мы с братом впитали очень много разной магии. От многих... жертв. Я храню часть их памяти».

Какой ценный свидетель! Может, не стоит таким оружием разбрасываться? В нем же тройная мощь: стали, магии и знаний. Себе оставить — будет самым мудрым. А если их будет два...

«Записывай, сельо. Или запоминай...»

И Сиен прочитал мне странное, очень странное заклинание и инструкцию к нему. Мне предлагалось некромантской иглой проткнуть себе сонную артерию и, пока вытекает кровь вместе с жизнью, успеть прочитать заклинание переноса, которое якобы «соберет» мою кровь, тело и сознание в другом месте.

В хурговой бездне, например.

«Я бы не дерзнул», — признался кинжал, закончив дешифровку.

Ведь не мог же ректор Нирт всерьез замышлять убийство ками-рани Его Темнейшества?

Конечно, если верить в правдивость перевода.

— Ты уверен, что это не месть твоей жертвы — направить нас по ложному пути? Некоторые духи, увы, так же лживы после смерти тела, как были при жизни.

Дух, заключенный в сталь, обиделся и промолчал.

«А как ты попал в ледник к троллю, Сиен?» — наконец-то догадалась спросить я.

Молчание.

Разозлившись, я расстелила свиток на полу, положила ладонь на селенис в невидимом ожерелье и погрузилась в медитацию. Все приходится делать самой, никому верить нельзя в этом Темном царстве!

Главное — найти ключ к шифровке, уловить закономерность.

Я билась над загадкой минут пять.

И только благодаря селенису, умеющему видеть сквозь иллюзии и делать тайное явным, а еще легкому сквозняку у самого пола, сообщившему об открытой где-то двери, я успела взвиться с места и отпрыгнуть в сторону, когда на меня что-то набросилось сзади. На периферии зрения мелькнуло смазанное, стремительно двигавшееся пятно. Я метнула первое, что попало под руку, — кинжал Ошсах.

Попала. По ушам резанул жуткий вопль, словно ядовитое жало пробило полотнище баньши.

А через долю мига все исчезло: и воющее «пятно», и сквозняк, и — вот досада! — бесценный кинжал.

Я подбежала к месту, где пропало напавшее на меня существо, но обнаружила совершенно пустые стены и пол, сплошь покрытые вязью нетронутого заклинания защиты.

А через миг «кафедра-алтарь» треснула продольными линиями и распустилась лепестками, как цветок гигантского черного лотоса. И в центре вместо пестика возник встревоженный и крайне недовольный владыка Дьяр.

— Какого хурга! Что тут происходит? Лика?!

Никогда еще я так не радовалась этим злым синим глазам и хищно встопорщенным черным крыльям, острые кончики которых поблескивали вороненой сталью! Теперь главное — направить грозу на какой-нибудь ненужный миру объект.

— Быстрее, туда! — призвав на помощь все свое нахальство, скомандовала я и показала на угол, где исчезло неопознанное существо. — Оно где-то тут! Оно не могло далеко уйти, я его ранила!

Дьяр, не теряя раздражения во взгляде, умудрился скептически приподнять смоляную бровь. Еще бы. Угол был издевательски пуст, если не считать мерцавшей защитной пелены. Кстати, почему-то она даже не вякнула, когда на меня напали! Почему? Не могу же я предположить, что начала страдать галлюцинациями! Причем слуховыми тоже: визг подранка до сих пор стоял у меня в ушах.

— Что все это значит, Лика? — Дьяр сложил руки на груди, показывая, что никуда по моей указке бежать не собирается. — Почему ты не в башне и как сюда попала? И зачем применила заклинание вызова демонов?

— Сколько вопросов! Ничего я не... А, ладно, пусть будет заклинание, — махнула я рукой. — Давай я тебе потом все объясню, а сейчас нужно поймать ту непонятную дрянь, которая утащила кинжал

Ошсах. Она промелькнула и исчезла там, в углу.

С каждым днем я замечала перемены в моем работодателе. Избалованный принц становился настоящим владыкой. Или это слияние с Тенями так на него действовало? Вот и сейчас, если Дьяр и удивился, когда я произнесла древнее имя, то ничем это не показал, а решение принял моментально.

— Хорошо, — кивнул. — Я буду ловить, а ты — объяснять, кого и зачем.

Через миг он уже сосредоточенно осмотрел место исчезновения существа. Не успела я приступить к рассказу, как Дьяр уже сделал вывод:

— Да, тебе не показалось, здесь кто-то прошел, — синеглазый выпрямился и еще раз обвел помещение внимательным взглядом. — Можно подумать, тут побывал кто-то из «теней», но им нет нужды пользоваться ключом перехода.

И он подал мне руку:

— Идем.

Я вложила узкую ладонь в его широкую и когтистую, он слегка сжал мои пальцы, развернул крылья, чтобы сомкнуть над нашими головами, и вот мы уже стоим в каменном коридоре подземелья, тускло освещенном вспыхнувшими при нашем появлении фиолетовыми шарами. Ноздри Дьяра затрепетали: он втянул воздух и резко выдохнул.

— Что бы это ни было, оно прошло здесь.

Сложно возразить, когда под ногами видишь густые черные капли, очень похожие на свежую кровь.

— Осторожно! — Дьяр не дал мне и шагу ступить, подхватил на руки и плавно двинулся вдоль коридора.

Судя по слабой тени на шероховатой стене, Темнейшество не касалось ступнями напольных плит, паря над ними на расстоянии локтя. Сельо тоже так умеют левитировать, не распахивая крыльев, — мы скользим над землей не клочком тьмы, а лунным лучом. Но я не стала мешать упряму, пусть тащит, раз так хочется. Даже обняла его за шею, исключительно для удобства.

Этот сообразительный нахал тут же прошелся мягкими губами по моей щеке.

— Эй! — дернулась я.

— Тише, беглеца спугнешь! — шепнул он на ухо. — Итак, я слушаю, Лика.

Пока он летел по петляющим переходам, я рассказывала весьма сжатую версию происшедшего с того момента, как осталась одна в башне.

Дьяр, к моей досаде, никак не комментировал, даже уточняющих вопросов не задавал. Делал тихонько свои выводы и не делился. Обидно.

Впрочем, долго откровенничать мне не пришлось. Подозрительные пятна вскоре кончились, как раз на развилке, где подземный ход пересекался с еще одним, более широким и высоким. Судя по отсутствию трупа, либо беглец остановил кровь, либо она закончилась, и мертвец бежал на голом энтузиазме.

«Сюда, сельо, я тут!» — шевельнулся в голове очень слабый, затухающий голос Сиена, похожий на лязг железа. Оно и неудивительно, это же кинжал. Я обрадовалась ему так, как отцу родному не радовалась. И не беда, что кинжал замолчал. Направление я уловила, словно натянулась невидимая нить.

— Туда! — махнула я направо.

Дьяр остановился, шумно вдохнул воздух и спорить не стал, умница. Сжав меня до хруста в недолеченных ребрах, молча свернул в правый ход.

Лязг усилился, он звучал уже не только в голове, но и долетал до ушей. Кто-то рубился на мечах в глубине подземелья.

— Пусти! — попыталась я вырваться из цепких когтистых ручонок.

Темнейшество с сомнением глянуло на меня, на пустые стены, на тьму впереди и позади. Поставило на каменные плиты и отрывисто молвило:

— Держись сзади. Высунешься — лучше лично убью, чем еще кому-то доверю.

Какой он все-таки милый! Я кивнула, стараясь спрятать победную улыбку, а Дьяр быстрее стрелы рванул вперед, на лету перетекая в боевую ипостась. Вот почему тут такие большие подземные ходы — чтобы сами же демоны не застряли, если кулаки и рога зачешутся.

Позади несущейся скалы нетрудно держаться: даже если захочешь вперед выскочить, не протиснешься ни справа, ни слева. И не видно ничего, что страшно злило. Поэтому, когда Дьяр вылетел в огромный подземный зал, как пробка из узкого горлышка, а я выплеснулась следом, то не сразу разобралась в происходящем, а воин должен видеть, кого атакует.

И я рискнула, понадеявшись на мощь прикрытия: с ночного видения перешла на «око сердца». Очень опасный для жизни сельо трюк, потому что такой глубокий транс — явно не для схватки. «Оком сердца» лунная жрица видит эмоции живых разумных существ, направленные на нее либо на объект ее охраны, но не заметит ни разящего меча, ни вспышки заклинания, ни летящей стрелы. Но сейчас жизнь моего работодателя важнее.

Какое счастье, что у меня была целая ночь практики во время

коронации нового владыки Темного Трона. Иначе я не смогла бы двигаться во время транса, требующего полной сосредоточенности от новичков. Сейчас же я наловчилась смотреть сердца на бегу, одним глазом, и контролировать обстановку хотя бы на слух.

Справа, откуда доносился оглушительный лязг стали, зияло облако жуткой, палящей ненависти. С ним схватилось нечто, вспыхнувшее радостью при виде влетевшего в пещеру Дьяра.

Слева, в самой глубине пещеры, затухало еще одно облако, но оно ненавидело не прицельно, а жаждало высосать и поглотить все живое, абсолютно все. Такую алчную бездну я встречала живьем только в сердцах хисс — перерожденных сельо, ставших хищными чудовищами. Но как эта мерзость оказалась в Академии Тьмы и Теней?

И именно оттуда, выбив меня из транса, донесся хриплый, даже какой-то ржавый зов кинжала: «Сюда, жрица! Оно меня отравит! Помоги, вытащи меня!»

Значит, то, что так походило на хиссу глубиной и масштабом ненависти, каким-то образом сумело прорваться в хранилище, чтобы напасть на меня. Именно ее я ранила!

Все эти мысли промелькнули в мгновение ока.

— Справа! — крикнула я Дьяру, но он уже сам сориентировался и развернулся, а я метнулась влево, к существу, всю опасность и коварство которого могли понять только лунные девы.

— Держись, Нирт! — громыхнул голос владыки.

Так вот кто был так рад его появлению — ректор! А я-то уже подозревала его в злодейских замыслах.

В ответ противник Нирта заверещал на такой высокой ноте, что ушам стало больно. А я уже добралась до лежавшего ничком существа, пинком перевернула лежащего лицом вниз, чтобы вытащить драгоценный кинжал, и успела заметить, как умирающий невероятно похож на Дьяра. Невозможно похож. Те же синие угасающие глаза под длинными ресницами, бросающими тень на тонкую, фарфорово-бледную кожу, короткий ежик черных волос, упрямая усмешка...

Именно невозможность этого сходства спасла мой разум от безумия.

В следующий миг включилась логика: на губах лже-Дьяра не было следа моей метки — колдовского поцелуя сельо.

Это не хисса, пришла догадка, а чудовище из легенд. Гинья. Тварь, куда страшнее самого хищного демона, больного бешенством, — существо, способное прочесть память жертвы, извлечь наиболее близкий и дорогой образ и, «надев» чужой облик, подобраться вплотную и убить.

А то, что «самым дорогим» неожиданно оказался Дьяр, легко объясняется моей работой телохранительницы, которой я, несомненно, очень дорожу, и спецификой роли ками-рани, и только.

Тварь из последних сил потянулась ко мне — даже вошедший в ее живот кинжал Ошсах не смог осушить до конца ее магию. Взгляд на рану показал, почему оружие, поразившее когда-то самого владыку Тьмы, еще не убило эту жертву: слишком живучая гинья, способная принимать чужую личину, перестроила плоть в месте, куда вонзилось лезвие, и магия кинжала захлебнулась ядовитой силой, похожей на его магию. Потому и кровь остановилась.

«Вытащи меня, сельо! — простонал Сиен. — Не могу больше, я словно пью брата!»

Я протянула руку. И едва успела отпрянуть от когтей рванувшейся вперед твари, поднырнуть, выдирая из ее тела кинжал. С поворотом и оттяжкой, взрезая струп на ране сверхоборотня. И без того умиравшее существо за пару мгновений истекло визгом, ненавистью, злобой, кровью и магией. И сдохло — растаяло, оставив лишь сладковатый гнилостный запах.

Прощай, бывшая сестра, и прости меня.

Сельо после смерти не оставляют миру своей плоти. Тают, как лунный луч. Даже бывшие сельо — переродившиеся, потерявшие человеческую сущность гиньи.

В этот миг позади нас что-то взорвалось, яркая вспышка разогнала мрак подземелья и ослепила глаза. А грохот осыпающихся камней оглушил.

Меня накрыло спасительным крылом тьмы, и железная хватка — до синяков чувствуется знакомая рука! — выдернула из рушившегося подземелья. Зато моя ладонь сжимала стальную рукоять ликующего Сиена Ошсах: «Спасен!»

ГЛАВА 12

Разбор подземных полетов

Дьяр молчал, — и это было особенно неудобно, — мерил шагами ректорский кабинет и только глазами сверкал. Причем не на меня, а на ректора Нирта. Меня Темнейшество явно видеть не хотело. Да и мне что-то было нерадостно.

Некромант тоже еще рта не раскрыл. Откинулся в кресле, опершись затылком о спинку и задрав обожженный нос к потолку. Над его лицом колдовал магистр с факультета зелий и ядов — тощий, похожий на высушенного кузнечика. Он хмурился и шептал заклинания, накладывая на глаза пропитанную мазями повязку. Хоть бы подольше получил драгоценное здоровье нашего замечательного ректора! Ясно же, Дьяр всего лишь ждет, когда уйдет непосвященный в наше приключение, чтобы обрушить громы и молнии.

Но, едва магистр откланялся, сообщив, что зрение мэтра Нирта восстановится к вечеру, Дьяр уселся за стол в кресло посетителя и устало бросил:

— Все, с меня хватит. Сегодня же отправляешься домой, Лика. Разрываем контракт.

— За что?

— За все. Одной только башни Шарх достаточно. Она, конечно, стоит на месте, но это голые камни. На них теперь ни одно заклинание не цепляется, как ураганом сметает. Горгульи не могут на крышу сесть, гнезда лишились. Куда их теперь? Только твоему Шуршу все нипочем. Хоть бы Кикирусю пожалела. Где ей теперь жить?

Я хотела посоветовать поселить старушку во дворце, но чувствовала, что за такой совет Темнейшество точно меня в порошок сотрет, хотя что тут такого?

— Это не я, это он, — на стол легло смиренное и тихонькое оружие, даже ни единым камушком на рукояти не отсвечивало.

Меня спас ректор. Оживился, пробормотав: «Да, это интересно!» — протянул руку, безошибочно найдя кинжал, но не коснулся, а подержал над ним раскрытую ладонь.

— Это точно один из близнецов? Магии даже не чувствуется, — разочарованно сказал он. — Неужели та тварь его опустошила? А ведь

должно быть наоборот.

Меня тоже смущал этот факт, но Сиен Ошсах словно бы впал в спячку — не отзывался, а сталь покрылась жуткой на вид черной коркой. Его бы почистить, но Дьяр категорически запретил.

Мэтр Нирт попросил, чтобы я повторила рассказ о находке, и я с удовольствием это сделала, тщательно следя за тем, чтобы рассказ совпал с тем, что слышал Дьяр. Собственно, скрывать мне нечего, кроме очередности событий. Это не я захотела свободы, это свобода внезапно случилась со мной. А я всего лишь собиралась по просьбе мадам Кикерис приготовить ужин из тролля.

— Что? — удивился Нирт. — Мы с Сэйваном обшарили каждый закуток, заглянули в каждый ларь, но не видели никакого тролля. И что ему там делать? В башне — запасной ледник для продуктов, а не морг!

Вот зачем он так со мной? Мне же теперь дурно станет: это чем же меня Кикируса кормила?

Дьяр перестал мельтешить по кабинету, оперся кулаками на стол:

— К хургу тролля! У нас разве, кроме дохлой каменюки, никаких пропаж нет и расследовать нечего? Тебе не о чем рассказать мне, мэтр Нирт?

Ему было что сказать, и я, наивная, узнала из его речи, что ректор всего лишь выполнял приказ Дьяра никуда меня не выпускать. Отправлять меня во дворец порталом он и не собирался, а заманил в самый охраняемый, как считалось до сегодняшнего дня, но давно неиспользуемый порталный зал, запечатанный еще со времен Единения. С одной лишь целью: чтобы я больше никуда не сбежала и ничего не натворила.

Никакого секрета ками-рани и специального заклинания переноса не существовало. Нирт подсунул мне вовсе не зашифрованную древнюю рукопись, а только что сотворенную совершеннейшую белиберду, в расчете, что умненькая сельо никогда не последует самоубийственному «совету». А иглу дал, чтобы у меня не возникло подозрений, для антуража. Лишь бы задержать беглянку, пока Нирт втайне связывается с Сэйваном, чтобы сдать меня начальнику темного сыска с потрохами.

Лжец. Бесстыжий, наглый лжец без грамма совести! Демон демонский. Все они тут такие!

Пока я злилась, Дьяр благосклонно кивал, но вдруг подался вперед и цепко ухватил ректора за плечо.

— Самое защищенное в Академии помещение с тысячелетними печатями, говоришь? Такое защищенное, что на Лику тут же напала какая-то лунная тварь! Я почуял ее магию, уже сталкивался с такой в Серых

пределах, ни с чем не спутаю. Именно угроза жизни моей ками-рани втащила меня в тот самый портал, который будто бы запечатан и не действует! А если бы у Лики не было кинжала Ошсах, единственного оружия, которым она могла остановить хиссу?

Не единственного, у меня был еще лунный меч — оружие богини Лойт, которым она одаривала избранных для служения сельо, но об этом ни к чему рассказывать при ректоре.

— Гинью, — шепнула я. — Это следующий этап после хиссы. Гинья воздействует на разум жертвы, и та видит совершенно безобидное для себя существо. Мать — ребенка, муж — жену, влюбленный — возлюбленную...

Только мне почему-то пригрезилось синеглазое вреднейшество, но в этом я ему ни за что не признаюсь.

— Интересно, чье лицо было у того существа? — задумчиво прищурился Дьяр. — На кого у тебя все-таки поднялась рука, сельо? Впрочем, не настаиваю на немедленном ответе. Сейчас мне интереснее, кого видел магистр Нирт и что случилось с его противником в итоге. Начни с того, как ты оказался именно там.

Я с удивлением осознала, что опять погрузилась в «око сердца». Это означало одно: все-таки не доверяю я темному ректору. Впрочем, именно для этого я тут, в Академии. Пока не пойман убийца, подозревать нужно всех.

Странно, почему Нирт так смущен и хочет оказаться как можно дальше отсюда? Чего он боится? Точнее, опасается? Да и голос у него внезапно охрип так, что он сначала откашлялся:

— Кхм... Только не серчай, владыка. После случая с Даори Энриати я, вопреки твоему приказу слушаться инструкций Янге и Сэйвана, счел необходимым восстановить и даже усилить охранные контуры хотя бы в подземельях. Здесь-то, решил я, сплошь служебные ходы и помещения, адептам ходить запрещено, и точно нечего делать без пропуска ни вашей сестре, если Тьма вернет ей покровительство и силу, ни тем более вашей ками-рани.

— Решение правильное, но в следующий раз согласовывай. То есть сработала сигнализация. Но почему она не сработала в старом порталном зале?

Нирт смутился еще сильнее.

— Там я лично проверял и укреплял тысячелетние печати, — вздохнул он. — Они работают, правда, на Лику с ее магией сельо среагировали странно. Впрочем, тут и кинжал Ошсах мог быть причиной. Так вот, напавшей на Лику... как ее... гинье кто-то открыл вход. Если учесть, что

доступ в зал имеется только у ректора, то есть у меня, и зрителя... — уголок некромантского рта дернулся в саркастической усмешке. — Получается, что тварь впустил кто-то из нас двоих.

— Где сейчас тот зритель?

— Именно с ним я и дрался. Обнаружил его на месте разрыва охранных чар. Он, разумеется, не знал, что они там восстановлены, и пытался открыть портал и вывести из Академии раненую тварь. Но ушел тем порталом один, когда понял, что проиграл.

Мы с Дьяром переглянулись. Эх. Убийца был почти у нас в руках! Это точно он. Но почему гинья его не тронула?

И тут я вспомнила разговор с отцом Дьяра, владыкой Сатарфом, так не вовремя ушедшим менять судьбу к драконам Смерти.

— *Ли́ка, а можно ли управлять лунными тварями? — с чего-то вдруг озарило Сатарфа.*

Бред! Никогда о таком не слышала. У хиссы уже абсолютно измененный разум. А гинья... Можно ли управлять бешеным животным?

— Почему вас это интересует, владыка?

— Если сначала я думал, что женщина, за которой я погнался, безумно похожа на повзрослевшую за столько лет Эльду, то теперь, когда увидел царицу в зеркале, понял: мне подсунули абсолютную копию. Те же черты, взгляд, улыбка... даже движения. Иллюзию я бы раскусил сразу, они на меня не действуют. А если не иллюзия и не Эльда, тогда кто? По твоим рассказам, гиньи могут принимать для жертвы облик, не отличимый от оригинала, но я не следил за жизнью твоей матери. Знать ничего не хотел. Из моей памяти гинья могла взять только облик юной Эльды. Это значит, кто-то, кто хорошо знает царицу Серых холмов, «настроил» тварь перед охотой на меня и выпустил приманкой. Кто-то, кто не мог знать о том, что я более не встречался с твоей матерью. Это исключает Заргу.

— Ли́ка? — вернул меня в реальность встревоженный голос Дьяра.

— Я тут, — откликнулась. — Ваш отец предположил, что кто-то мог приручить гинью, и он не ошибся. Получается так, хотя это невозможно. Это все равно что научиться управлять бешеным животным или, что точнее, извержением вулкана.

Какая-то мысль мелькнула на периферии сознания, но я не успела поймать ее: Нирт положил ладонь на глаза и глухо пробормотал:

— Не понимаю. Зритель Хувар — ничем не блиставший низший демон, так и не закончил факультет превращений, перевелся на темную

артефактику, получил низшую магистерскую степень. Единственно, чем он блистал, — безупречной памятью. И совершенным неумением ею пользоваться. Полный бездарь, никакой маг. Он способен запомнить сложнейшее плетение, увидеть малейший изъян в чужом заклинании, но абсолютно не способен на что-то свое, его сил и знаний хватало только на то, чтобы амулет задействовать. Потому и назначен смотрителем еще Вултоном. Я не стал увольнять.

— Но, судя по вспышке, это был светлый маг, — Дьяр задумчиво сцепил пальцы в замок перед собой, но мне показалось, он незаметно задействовал какое-то заклинание. Воистину общение с кинжалом Ошсах не прошло бесследно, если я научилась замечать тонкую темную силу. — И портал был пробит светлой магией.

— Лика тоже пользовалась светлым порталом, это еще ничего не значит, — справедливо возразил Нирт. — Даже демон может разломить светлый амулет. Последствия непредсказуемы, но не всегда смертельны.

— Как это ничего? — Дьяр вопросительно заломил бровь. — Лика — не демон, у нее светлый отец. Если учесть, что убийца действовал сначала в Белой империи, затем с тем же, увы, успехом, в Темной стране, то...

— То это говорит лишь о том, — бесстрашно перебил ректор, — что кто-то хорошо знает магические хитрости времен эпохи Единения. Тогда даже порталы были едиными, и мы до сих пор можем пользоваться, например, светильниками из Белой империи или задействовать целительные амулеты, созданные враждебными нашей сути магами. Только потому, что мы хоть и демоны, но живые существа, а их заклинания оказались основаны на универсальных принципах жизни.

— Именно это я и хочу сказать, Нирт. Создать амулет, подчиняющий гинью, и научить вашего смотрителя им пользоваться мог только светлый маг. Причем из самых сильных.

Дьяр не повернулся в мою сторону, но я сразу вспомнила, что мой отец как раз из таких. Но ведь это бред же. Не мог Алиан оказаться настолько чудовищным существом, несмотря на его жутковатое прошлое! Да и зачем светлому магистру Темный Трон, если он и собственный не торопится занимать?

— Не только, — упрямо помотал головой Нирт. — Маги эпохи Единения превосходили нас в искусстве волшебства, и сила их не зависела от цвета. Могли сохраниться тайные знания, рукописи. И мог сыскаться ум, способный их прочитать и усвоить. Одно ясно точно: ни чисто светлому, ни чисто темному не по силам такое провернуть в обеих странах.

И оба почему-то повернули головы ко мне, хотя Нирт вряд ли мог

увидеть мой гневный румянец. Это не опять кого-то из сельо подозревают? Но ведь убийца — мужчина! Да и нет среди нас никого, кто обладал бы магическим потенциалом, превосходящим Темных владык. Даже Верховная вряд ли справилась бы без помощи богини.

— Сэйван, ты все слышал? — неожиданно спросил Дьяр.

По кабинету пронесся тихий шелест:

— Да, владыка. Нужно созывать общий совет с белоимперским сыском, впервые за тысячелетие.

— Дозволяю, пусть твое ведомство займется. Что еще скажешь?

— Кинжал Ошсах настолько бесценная вещь, что ее не могли оставить в качестве приманки для Лики. Да и если бы не мадам Кикерис, адептка не сунулась бы в ледник. Значит, кто-то следит за каждым шагом вашей камирани. Это может быть следящее заклинание.

— Это я сам проверю, — и меня захлестнуло синее пламя его глаз. Но он тут же отвел взгляд. — Магистр Нирт, я даю разрешение на полную реставрацию охранной системы Академии. Доигрались уже, хватит. Тем более принцессы Зарги тут уже нет и не будет.

— Тоже отчислена за измену? — я сразу вспомнила о Миранде.

— Лишена силы Тьмы, потому ей бесполезно учиться, — сквозь стиснутые зубы пояснило злейшество, и я поняла, что сестру он еще долго не простит. — Лика, нам нужна встреча с твоим отцом, и без тебя тут не обойтись. Ирек ждет тебя в башне, проводи его к мэтру Алиану. Это просьба, камирани.

Я бросила взгляд на кинжал. Показалось, что безобразная корка на нем стала тоньше и покрылась трещинками.

— Кинжал останется у меня, — перехватил Дьяр мой взгляд.

«Ты останешься, Сиен?»

Молчание. Как от обычного бездушного железа. Мне стало жаль ушедший дух, и совсем не потому, что Темный Трон лишился такого ценного свидетеля. Он мне жизнь спас, а я не успела отблагодарить.

— Кажется, Сиен мертв, — с сожалением выдохнула я. И, заметив острый взгляд Дьяра, пояснила: — То есть кинжал.

Ректор тут же вцепился в меня и вытащил все о моем недолгом знакомстве с запертым духом. Нирт даже о ранах забыл — так воодушевился.

— Похоже, у вас особые отношения с миром духов, адептка. То дух знаменитой лингвистки с легкостью идет с вами на контакт, то один из Ошсах... — уважительно заметил он и снова почесал повязку на глазах. Поморщился. Раны зарастали, и в ближайшее время демон будет крайне

раздражен — бедная секретарша.

Однако о какой лингвистке он говорит? Но выяснять я не стала, а то еще вспомнит о пересдаче.

— Лунные девы всегда легко общались с миром ушедших, иначе мы бы не сумели договориться с драконами Смерти, — напомнила я.

— В таком случае мы попытаемся спасти вашего знакомого, хотя лучше бы эти кинжалы расплавить, — некромант ожесточенно поскреб повязку на глазнице. — Хургово отродье! Доберусь, заставлю сожрать его же прах!

* * *

Темнейшество собственной персоной доставило меня к башне. Причем не внутрь, а оставил снаружи, метрах в десяти. Вероятно, для того, чтобы я могла полюбоваться плодами своего бегства и раскаялась.

Башня выглядела грустно. Она постарела на тысячу лет. Камень обветшал и местами обвалился, в стенах виднелись разломы и трещины, кладка продолжала осыпаться. Только что отремонтированной крыше не на что стало опираться за отсутствием стены с одной стороны, и она съехала. Снаружи донжон напоминал изъеденный червями и покусанный ежами гриб со свернутой набок шляпкой.

Внутри было опасно заходить. Но раз Дьяр лично проследил, чтобы я мимо двери не прошла, значит, решил, что башня сама меня накажет. Даже если каменная горгулья на голову свалится — заслужила.

— Подожди, — удержал меня синеглазый, когда я спешно выпуталась из его крыльев и, даже не поблагодарив средство передвижения, направилась к зданию. — Я должен проверить, есть ли на тебе маячок.

Остановилась. И тут же оказалась притянута к широкой груди и поцелована. В макушку. Потому что голову я упорно не хотела поднимать. Интересные у демонов методы проверки следящих заклинаний! Даже Лойт не додумалась до таких.

— Лика, — выдохнул объект нашей с богиней охраны, в основном дистанционной. — Как же я скучаю! Посмотри на меня.

— Чего я там не видела? — пробормотала я в черную ткань его куртки. Простой суконной куртки, в таких у нас садовники работают, а у демонов — темные владыки щеголяют. Страшно признаться самой себе, не то что богине, но я тоже скучала по этому невыносимому типу. — Пусти... те.

— Не держу, — разозленное Темнейшество прибрало лапы, сунуло их в карманы куртки. — Маячка на тебе я не обнаружил. И это мне совсем не нравится. Пусть еще твой отец проверит. Отдай ему письмо, кстати, — он вытащил из кармана тугой свиток и вложил в мою ладонь.

Жаль, послание запечатано, — я бы не отказалась одним глазком глянуть, о чем пишет правитель Тархареша высокопоставленному подданному Белой империи. Самое главное: не попаду ли я из одной клетки в другую?

— Передам, — забрав бумагу, я поднялась по хлипкой приставной лестнице — Кикируся наотрез отказывалась ее заменить на нормальное крыльцо, — толкнула покосившуюся дверь.

Внутри было не так страшно, как снаружи. Видно, что камень успели укрепить. Причем не заклинаниями, а банальным цементом, как простые смертные.

Ирек нашелся на тайной тренировочной площадке начинающих летунов. То есть у Шурша на этаже. Он совершенно безбоязненно тренировался под пристальным взглядом дракона.

И правильно, зачем волноваться о падающих на голову шатких камнях, если рядом дракон Смерти — уж он-то точно знает час твоей естественной кончины и не допустит преждевременной от нелепой случайности. Это будет позорным промахом, а Шурш берег драконосмертельную честь смолodu. У него еще родовое посвящение впереди, старшие за каждую ошибку спросят, могут и развоплотить неумеху.

Мои друзья были так увлечены уроком практической аэродинамики, что соизволили заметить наблюдательницу через добрых пять минут, хотя в этой тесноте только синяки набивать и крылья ломать.

Сверкающее золото Ирековых крыльев отбрасывало блики на сумрачный камень, и казалось, в зале пляшет живое солнечное пламя, и я любовалась, затаив дыхание.

Наконец Ирек выбился из сил и повис вниз головой, уцепившись носками сапог за крюк, на котором когда-то красовалась люстра, и балансировал распахнутыми крыльями. Не понимаю я, как можно такой красоты стесняться! Я бы в одни крылья влюбилась, а к ним еще и весь Ирек прилагался: великолепно сложенный демон-обаяшка с острым умом и дружелюбным характером. Красавчик.

«Лица! Ты моя жрица!» — рывкнула в сердце богиня и запустила острый коготок. Ох... Умеет Лойт наказывать...

— Плохо, — вздохнул дракон. Повернул ко мне морду, дав понять, что давно знает о моем присутствии. — Хозяйка, придумай что-нибудь. Ему

простор нужен, иначе мышцы ссыхаются. Может, все-таки иллюзии?

— Пробовал я иллюзии, — признался бастард. — Не первый год на свете живу. Не держатся они, как проклятие какое наложено!

С трудом отдышавшись после возмездия Лойт, я сказала:

— Есть одно замечательное место, где иллюзия не понадобится.

— Где? — воскликнули оба.

Ирек даже соизволил слететь вниз и встать на ноги, а Шуршик понятливо мне кивнул. Догадался, малыш. Я улыбнулась:

— Переговоры с владельцем той глухомани я беру на себя.

— Переговоры! — панически воскликнул Ирек, хлопнул себя по лбу и рванул к выходу, едва не впечатав меня в створку двери.

Я увернулась, а торопыга впечатался со всей дури.

Двери выдержали. Они и Шурша выдерживают. А вот у переговорщика что-то хрустнуло.

Вокруг Ирека внезапно взметнулись черные хищные плети, завились в тугой смерч. А так как я отпрыгнула не слишком далеко, шага на два, меня зацепило краем разворачивающейся воронки и притянуло к парню.

Шурш запаниковал и, мысленно взыв: «Хозяйка! Меня! Меня забыли!» — пошел на таран.

— Что это? — всхлипнула я, врезавшись в грудь Ирека.

— Не бойся! — очень информативно проорал он, стараясь перекричать утробный гул вихря. Его рука подхватила меня за талию, да я и сама вцепилась в демона покрепче, чтобы не унесло куда-нибудь в хургову бездну.

Нас все-таки унесло.

Сомкнулась воющая тьма, полыхнула росчерками молний. Давненько мне не было так страшно. Мама! Папа! Ну, все, теперь от башни и камней не останется.

Хрясь!

Что-то опять сломалось. Опять ребра? Боли нет. Значит, не мои.

* * *

Какое небо голубое... В Тархареше такого не бывает — там темные защищаются от палящего солнца магической дымкой.

И в Серых пределах такой прозрачной синевы не увидишь. Там лунный диск торчит в самом зените, как приклеенный к небу, невозможно не заметить. А вокруг диска — розоватая корона божественного ореола,

затмевающая полнеба.

Такой необъятный небесный простор, который открывался моим заслезившимся от обилия света глазам, может быть только в Белой империи.

Я попыталась пошевелиться, но тело было чем-то плотно спеленуто, и мне удалось лишь слегка повернуть голову. Хоть немного, но обзор увеличился: в поле зрения попал изумительной работы ажурный забор, кромка высокого густого леса за ним и длинный, объемный, дрыгающийся сверток из лиан перед ним.

Слишком активный для такого умиротворяюще мирного фона сверток верещал дивные ругательства на пяти языках древности и двух современных.

— Шурш, это ты? — поинтересовалась я на всякий случай. И у кого это он научился так виртуозно ругаться? Неужели у бабки Кикируси?

— Хозяйка, освободи! — жалобно взмолился Шурш.

— Ты дракон Смерти или кто? — раздался справа голос Ирека.

Я повернула голову на звук и узрела еще один кокон, подвешенный между деревьями на фоне белой стены, когда-то живописно увитой плющом. Сейчас в стене зиял безобразный провал, порванные плети плюща укоризненно свисали, покачиваясь от легкого ветерка.

Знакомое здание, кстати. Папа опять рассердится.

— Дракон, — печально шепнул Шурш. — С-с-смерти...

— Ловушки созданы из живых лиан, — сказал Ирек. — Попробуй их состарить смертельно, так, чтобы рассыпались в пыль.

Через мгновение самый большой кокон пыхнул пепельным облачком, а растерявшийся от неожиданности Шурш со всего маху брякнулся оземь.

— А теперь развеи мои лианы, только поаккуратней! — приказал Ирек.

У Шурша было другое мнение.

— Хозяйка! — возликовал дракончик и ринулся к моему кокону.

Через миг мои косточки точно бы пострадали, потому что подвешена я была на высоте метров четырех. И не над мягкой травкой, а над дорожкой из булыжников — где уж настигла меня папочкина охранная система.

Но грохнуть мне не дали. Путы рассыпались, а тело продолжало висеть! Я почувствовала себя мухой на невидимом стекле.

— Лика? — наконец-то объявился хозяин положения и всех окрестных земель на лигу вокруг.

— Привет, папуль! — жизнерадостно отозвалась я, пытаюсь встать на державшем меня незримом «стекле». Получилось подняться только на

четвереньки. — Как поживаешь? А мы тут с Иреком к тебе на переговоры! Неофициальные!

Стоявший в проломе Алиан тяжело вздохнул:

— Дорогая дочурка... — посмотрел направо, перевел взгляд налево, затем поднял очи вверх, оценивая размах разрушений, — очень дорогая дочурка! Как же я рад тебя видеть в добром здравии! А я уже беспокоиться начал, что ты так долго не даешь о себе знать. Но скажи на милость, почему ты пришла не моим порталом, который настроен и уравновешен, как ювелирные весы, а с помощью кувалды стихийного темного портала? Стихийного! Как вас троих не разорвало и не размазало по всему вашему пути от темнославного града Кардерга до моего загородного дома?!

К концу речи голос светлого звенел тщательно сдерживаемой яростью.

— Пап, да все же в порядке! — запоздало струхнула я. Стихийный портал, подумать только! Да подобными только самоубийцы пользуются!

— И какому идиоту пришло в голову пользоваться такой неустойчивой магической конструкцией, я спрашиваю?

— Па...

— И не тебя спрашиваю, Лика, а вон того демона, имевшего наглость второй раз вломиться в мой дом, как боров в курятник!

Ирек перестал дергаться в своем коконе и обреченно молвил:

— Это случайность, мэтр Алиан. Амулет портала сломался от нечаянного удара, и магический выброс...

— Ах, случайность! — взорвался светлый маг. В чистом небе далеким эхом громыхнул гром. — Нужно быть последним троллем недоумком, ушибленным на каменную голову раз двести, чтобы таскать в карманах незащищенные амулеты порталов! Таких случайностей мои студиязусы учатся избегать еще на первом курсе! Недоучка! Темнота крошечная! Ты рисковал не только собой, но и моей единственной дочерью! И драконьим малышом! Да если бы что-нибудь с ними случилось, ты лично, хотя и посмертно, обеспечил бы вековую войну с Тархарешем и Серых пределов, и всего племени драконов Смерти, и, само собой, Белой империи!

Мой дракончик выпучил глазенки и присвистнул, случайно уничтожив в порыве восхищения одно из двух гигантских деревьев, между которыми висел спеленутый Ирек, тем самым лишив его одной из опор. Парень охнул, брякнувшись оземь. Все-таки чьи-то ребра тут точно пострадали. И главное, не мои!

Алиан поморщился, махнул рукой. То ли целительную магию задействовал, то ли прикончил жертву.

— Вот и полежи тут, демон, подумай о своих ошибках, о жизни,

которую, можно сказать, только что начал второй раз, — спокойно завершил маг. — И скажи спасибо, что вас каким-то чудом забросило именно сюда, а не в хургову зад... эм... глотку! — Алиан виновато покосился на меня и улыбнулся. — Пойдем, Лика, попьем чайку, что ли, а то я что-то разволновался...

ГЛАВА 13

Прятки солнечных зайчиков

Архимаг провел меня по воздушному и невидимому, но твердому, как стекло, мостику через пролом в разгромленную гостиную, а оттуда, легким и непринужденным взмахом руки восстановив целостность стен и интерьера, отправился в трапезную с накрытым на двоих столом.

На двоих! Когда успел?

Либо он меня ждал, либо я долго провалялась без сознания. Вон вечереет уже. Лихо же меня приложило стихийным порталом, м-да.

Меня опять прогнали в умывальню. И то сказать, выпачкаться я когда-то успела изрядно. Там же меня ждало обновление гардероба. Белоимперский аристократ давал понять, что не потерпит бродяжку в лохмотьях. На плечиках висело голубое платье в пол, с вырезом каре и открытой спиной, под ним стояли на ножной скамье туфли в тон. Все точно по размеру: шпионка Зулия не зря все мои платья, штаны и туфли перемерила, пока островитянкой притворялась.

Я быстренько умылась, переоделась и, сунув письмо Дьяра за пояс, так как карманов изысканный наряд не предусматривал, поковыляла на каблуках в трапезную.

Алиан усадил меня, опустил в кресло напротив с неторопливым достоинством и чуть расслабился. Вот тогда и выяснилось, что нервы у папули не железные: когда он взял бокал с водой, рука заметно дрожала. А у губ пролегли усталые складки.

— Счастье, что я услышал твой зов и успел вмешаться, — устало вздохнул он.

— Какой зов? — теперь и у меня начался тремор конечностей.

— А кто кричал душой «мама, папа»? — маг вскинул на меня взгляд. Очень ласковый. Вот только... невзрачный голубой цвет глаз будто кто-то стирал, и лучами прорывалась неистовая морская зелень.

— У тебя глаза линияют, отец. Но как ты меня услышал? Ты телепат?

— Нет, не телепат, бог Свет миловал, — маг, смутившись, похлопал себя по карманам. — Ага... тут он. Тоже повезло, что с собой захватил, как чувствовал, — он вытащил хрустальный фиал, испарил из бокала недопитую воду, проведя над ним ладонью, и набулькал в освободившийся сосуд густой, янтарного цвета жидкости. Выпил одним глотком и прикрыл

веки, тяжело опершись локтем о столешницу. — Сейчас. Сейчас я восстановлюсь, как новенький... А как услышал... Ты — моя дочь, Аэлика. Наследница древнего рода! — он горделиво улыбнулся. — У нас свои секреты, ты узнаешь все, когда твое задание у темных закончится. Я тебе доверяю, но вот твоим темным приятелям и особенно... работодателям, извини, не могу. Привычки менять нелегко в моем-то возрасте. А пока Расскажи-ка, что за переговоры и на предмет чего?

Я задумалась. Дьяр намекал, что убийцей может быть светлый маг, причем из сильнейших, чтобы создать амулет, подчиняющий гинью, и научить темного смотрящего им пользоваться. А еще железный дух Сиена Ошсаха говорил, что заклинание, сотворенное на крови, может перебить только сильнейшая кровь. И если даже Сатарф в расцвете сил не смог справиться с колдовскими кинжалами-убийцами, то кем может быть маг, подчинивший их?

Не мой отец. Только не он. Не могу сказать, что за несколько встреч успела полюбить того, кто меня зачал. И для полного доверия не настолько хорошо я его узнала. Но я не верила в причастность Алиана. Ритуальные убийства были слишком подлыми и жестокими, а ректор Алиан — слишком благороден и светл. Да и как бы второе по значимости лицо Белой империи проникло на территорию Тархареша незамеченным? От него светлой магией за версту несет. Такую силу иллюзией не прикроешь.

— На предмет поимки маньяка, — сказала я наконец. Вытащила из-за пояса свиток, положила на стол и щелчком отправила к магу. — И еще курьером подрабатываю. Нынешний владыка Тьмы и Теней письмо тебе передал. Видимо, тут то, что он не захотел передавать через Ирека, а сам он не может с тобой встретиться без посредничества Серых холмов.

Алиан развернул свиток, быстро пробежал глазами. Судя по краткости ознакомления, там была всего пара строчек, но содержание папуля не изволил мне открыть. И ни единый мускул у него не дрогнул. И «око сердца», в который я окунулась на мгновение, открыл мне лишь ровное сияние любопытства и полное спокойствие мага.

Лишь глаза у него снова полиняли до невзрачного голубого оттенка, когда он вскинул на меня взгляд, вот и все эмоции.

Либо он так хорошо собой владеет — научился за сотни лет, либо он осведомлен о моей попытке лунной магии и способен защититься. И последнее предположение совсем не радовало: не доверяет. Мне — и не доверяет! Как он может?

— Не хочет, Лика, — сказал Алиан, вспышкой света уничтожил прочтенное письмо и откинулся на спинку кресла. — Он мог бы

встретиться неофициально, но либо не считает важным, либо меня боится...

— Тебя? А что ему бояться? — изумилась я, и подозрения ожили с новой силой. — Он получил силу темных владык.

— И пока еще не умеет с ней обращаться. А я, признаюсь без ложной скромности, неслабый противник, доченька. И подозреваю, твой друг Ирек не сдержал данного мне слова и рассказал Дьяру о том, чему стал случайным свидетелем. О моем истинном облике.

— И что?

— Девочка моя, мы позже вернемся к этому вопросу. Ты опять ничего не ешь! Попробуй салат из солнцерада. Листья этого редкого даже в наших краях растения освежают тело и быстро восстанавливают магические силы, — светлый придвинул мне блюдо с каким-то оранжевым, на вид банально морковным салатиком, и сам уделил блюду пару минут.

Фыркнув — не хочет говорить, зачем начинать? — я вяло поковырялась в своей тарелке. Мм... а и впрямь вкусно!

— Мой тебе совет, Лика, — продолжил маг через пару минут, — при анализе поступков власть предержащих исходи из того, что в них не бывает простоты. Непозволительно это нам. Задумайся, почему Его Темнейшество Дьяр, словно в насмешку, посылает такого посредника, как Ирек? Прекрасно зная, что официальный ранг переговорщика не позволит принять сколько-нибудь стоящее совместное решение. Почему Дьяр выдумывает всяческие поводы, чтобы самому избежать этой первой за многие века, а значит, исторически значимой встречи владыки Темного Трона со светлым магистром не последнего ранга?

У меня была только одна догадка: взбунтовались Тени и накинулись на наследника, вот ему и не до переговоров.

— И почему же? — спросила.

— Не хочет, а скорее всего, не может брать на себя ответственность, — вынес вердикт архимаг. — Зелен он еще, хоть и темен. Но, так как в Тархареше совершено еще одно убийство и объединение нашего расследования неминуемо, это значит, что объединять наши силы будет не Дьяр. Он лишь временный хранитель Темного Трона. Насколько мне известно, его отец вполне жив... — тут Алиан поморщился, как оборотень от зубной боли, ибо маги этим недугом не страдают. — Мы знаем, что Сатарф ввязался в некую рискованную авантюру. К слову, ты случайно ничего не хочешь мне рассказать об этом?

Я мотнула головой и вернула подленький приемчик:

— Мы позже вернемся к этому вопросу.

Алиан недовольно побарабанил подушечками пальцев по столешнице и улыбнулся:

— Позже... хм... Что ж, ты быстро учишься, это похвально.

Я вернула и улыбку, чувствуя себя на дипломатическом приеме. У мамыли во дворце насмотрелась, когда в храмовой школе отпускали на каникулы.

Рассказать или нет о кинжале и подозрениях Дьяра? Кто, как не ректор Академии Света, знает всех сильнейших белых магов? А пока не приняла решения, заполнила паузу другим вопросом:

— Пап, ты полагаешь, если авантюра Сатарфа закончится удачно, то он потребует трон обратно?

— Вполне может быть. Не помню случая, чтобы Темный Трон переходил к наследнику от живого отца. Ситуация уникальна. Но я теоретически представляю, как действует сила Тьмы. Если Дьяр покажется Госпоже менее достойным, чем его отец, она заставит Сатарфа вернуться и взять власть, даже если ему придется переступить через труп сына.

— Не верю. Он его любит.

— Демоны и любовь несовместимы, — заявил непререкаемо Алиан, хотя я могла бы и поспорить. Если бы Сатарф не любил мою мать по-настоящему, то... Додумать не успела, потому как маг продолжал ворчать: — Такова их подлая природа. Тут ни родственные, ни любовные связи и клятвы ничего не значат. Как Тьма велит, так и будет. Он Тьме не хозяин. Он — ее послушная рука. Ее раб.

— А у вас, светлых, по-другому? — не могла не спросить.

— Конечно. Ты узнаешь все, что захочешь. А пока вернемся к странному поведению твоего Дьяра.

— Он не мой!

— Ты уже не телохранительница?

— Я в отпуске, — надеюсь, скрип моих зубов он не услышал.

— Понятно, — Алиан усмехнулся, прищурившись. — Так вот, Лика... На переговоры со мной отправлен Ирек, а это говорит о том, что Тьма уже разочарована. Дьяр слишком мягок для демона. Подумать только, пощадил всех своих реальных и потенциальных врагов. Всего одна показательная жертва при дрессировке темной Академии и ни единой — при коронации владыки Темного Трона. Такого не бывало. Это почти святость праведника! Великая Госпожа Изнанки... — при этих словах я недоуменно выгнула бровь, и Алиан запнулся: — Никогда не слышала о таком эпитете?

— Не доводилось.

— Мы считаем Тьму изнанкой Света и тем самым признаем дуализм

принципов мироздания, впрочем, у нас тут не философский коллоквиум... Итак, их Госпожа такого мягкотелого владыку долго терпеть не будет. Уверен, она держит бастарда в качестве запасного варианта, если Сатарф погибнет. К тому же Ирек все-таки первенец, что очень важно для Теней. Белой империи этот намечающийся расклад крайне невыгодней.

— Ты ошибаешься. Тьма не сможет принять Ирека. Из-за его солнечных крыльев.

— Это решается, спроси у Шурша. Возможно, Тьма сама подвела своего адепта к такому нестандартному решению, если загвоздка только в крыльях.

Опять двадцать пять! Надо срочно что-то делать с этим их дурацким договором!

Именно в этот потрясающий момент у меня возник гениальный план, как разрушить договоренность Ирека с драконом Смерти.

Его надо срочно влюбить в Миранду!

«Хм... — ожила в душе великая сводница Лойт. — Ты уверена? Мне казалось, этот золотокрылый мальчик тебе нравится, дорогая».

«Очень нравится, но для любимой подруги ничего не жалко!»

«А самое главное, он влюблен в тебя, а не в Миранду».

«Оу!» — восхитилась я собственным успехом. Вытащить из богини признание, что какой-то парень влюблен в ее жрицу, — дорогого стоит. А ну как жрица променяет служение Лойт на служение мужу и некому будет статуи богини от пыли и птичьего помета отмывать? Или это она меня в очередной раз испытывает? Не дрогнет ли мое сердечко?

Дрогнуло. Слегка. Совсем слегка.

Или не совсем?

Я крутила в руках золотую чайную ложечку и смотрела, как под сводом громадного зала мерцают яркие сполохи, напоминающие о крыльях Ирека, о теплых золотисто-карих глазах...

«Ничего страшного, перевлюбится, — ответила я богине. — Я же твоя жрица или кто? Или ты передумала делать меня Верховной? А если нет, то зачем мне обраться неразделенными влюбленностями? Они утяжеляют крылья селю. Ты же поможешь ему разлюбить? А дальше я сама справлюсь».

«Конечно, помогу, милая! — с облегчением рассмеялась богиня, и я поняла — это была проверка. Обмолвится она случайно, жди. Раскроется перед смертной, как же... — Ты создана для великих дел, моя жрица! Скорее бы Лунная мистерия, мне не терпится разделить с тобой... мою власть».

Хоть бы никогда не было этой хурговой мистерии! С другой стороны, Темная сторона богини Лойт даже лунным девам уже надоела.

— О чем задумалась, Лика? — Алиан подвинул мне дымящуюся чашку с чаем и тарелку с аппетитными булочками. — Ты ешь, дочка, у меня правда замечательная повариха. Попробуй хотя бы.

— Рот мне затыкаешь?

— Зачем магу такие варварские методы? Для этой цели у меня есть в запасе маленькое заклинание. Ты ешь, слушай и запоминай. Подыгрывать Тьме я не намерен, и моим посредником будешь ты, а не Ирек. На этого золотого мотылька у меня другие планы.

«Планы у него... Не зря меня Сатарф к папе отпускать не хотел. И я сама его еще не совсем простила за мое счастливое детство», — мрачно думала я, вонзив зубы в хрустящую булочку с ежевикой.

Мм-м-м! В жизни не ела ничего вкуснее! У нас в храме так не готовят. Все, уговорили, на каникулы отправлюсь жить к папочке, пока Лойт на меня лапу не наложила и к своей статуе на сто лет не приковала. А потом... потом, когда стану Верховной, выгоню главную храмовую повариху и переманю к нам папулину. Решено!

Отец, словно почуяв, разрушил мои коварные планы неожиданным, но совершенно правильным вопросом:

— Ты не думала, Лика, где убийца мог взять столь древние кинжалы, да еще и узнать, как ими пользоваться?

— Думала, но... ничего не придумала.

— Тогда слушай внимательно, потом передашь Дьяру. Двести лет назад, когда я бежал из Белой империи и скитался по морям, судьба столкнула меня с двумя высшими демонами, братьями Храшарг, черными археологами. Я познакомился с ними, когда они раскапывали очередной могильник Единой эпохи, и нанялся к ним чернорабочим. Их познания в истории ранних веков я до сих пор считаю непревзойденными. И еще они были гениями некромантии. У них даже обломок кости говорил, а камни шептали. Потом донеслись слухи, что Мриаш Храшарг погиб при раскопках очередного кургана, а его брат Ундиш там же заразился неизвестной болезнью с летальным исходом. Такие вот гении-пустоцветы.

— Это как — пустоцветы?

— Они почти ничего не сбывали из найденного на сторону, не оставили никому ни своих коллекций, ни научных трудов. Пусто. Крайне скрытные жлобы и скряги. Лишь в моем личном архиве хранится их путевой дневник, доставшийся мне благодаря... кхм... удивительной случайности. Там упоминаются поиски кинжалов-близнецов Ошсах. Но в

то время интересующие нас кинжалы еще не были найдены.

— Тогда зачем ты о них рассказываешь? Может, освободишь Ирека, пусть тоже послушает?

— Нет. Ему полезно в кои-то веки головой подумать. Хотя он в данный момент спит самым беспардонным образом. Слуги доложили, — усмехнулся Алиан на мою мысль, что все-таки он телепат. — Слушай дальше, не отвлекайся. Еще через полсотни лет после якобы гибели братьев Храшарг, у темных внезапно прославился похожим некромантическим даром некий Унгайве Тшас. У него тоже имелся брат, но талантами не блистал. Могилы эти братья не рыли. Оба — высшие демоны, но прикидывались низшими нищевородами. В то же время неизвестно, на какие средства объездили полсвета, даже в Белой империи нелегально побывали. Искали нечто конкретное. После того как оба добрались до Золотого берега, там произошел скандал с грабежом сокровищницы солнечных дев. Братьям пришлось спешно бежать на плохоньком корабле. Удрали они с очень ценной добычей, потому как гнался за ними чуть ли не весь флот Солнцеликой. Корабли попали в шторм, и на глазах у погони грабители утонули. Случилось это более ста лет назад. Солнечные дуры скрыли... прости, Лика, это крайне недипломатичный эпитет, зато верный...

Я нетерпеливо мотнула головой:

— Да ладно, я прощаю, а ты меня в следующий раз тоже за что-нибудь простишь. И что скрыли девы?

— Только вчера, когда я пригрозил им внеочередным солнечным затмением, владычица Наира призналась сквозь зубы, что вместе с ворами утонули очень ценные кинжалы эпохи Шарх. Самые ценные. А что может быть ценнее «близнецов Ошсах»?

А ничего у него разведка работает, если владычицу раскололи...

— Но если железо чудом всплыло, значит... они не утонули на самом деле?

— Всплыло не только железо, моя умница. Сто лет назад всплыли и грабители — живыми, здоровыми и даже помолодевшими, правда, под именем братьев Фьерон.

Разведка разведкой, но утопленники живыми не всплывают.

— Ты уверен? — вообще-то мне казалось, что такого глупого вопроса я вслух не задавала, только подумала.

— Абсолютно, — ответил маг. — Им удалось спастись и от погони, и от шторма. И они использовали мнимую гибель, попросту сменив имя и легенду. Звезда Фьеронов возшла стремительно. Якобы мать Тьма

вдохновила. Не заканчивая никаких академий, братья вмиг стали признанными в мире знатоками древних языков и собирателями книжных раритетов. Фьероны занимались ростовщичеством и коллекционированием древних свитков, пока одного из братьев не занесло в Серые пределы. Там он и пропал бесследно. Возможно, попал в зубы какой-нибудь гинье или баньши, или еще какой твари, на которых так щедры земли Лунной сводницы.

— Па! — кинулась я на защиту мундира... то есть жреческой тоги. — При чем тут Лойт? Это издревле земли сельо! Богиня пришла к нам позже.

— Ах, она и у вас приживалка! — фыркнул развеселившийся маг.

Я дипломатично пропустила укол. Потом отыграюсь.

— Почему ты решил, что все эти Храшарги, Тшасы и Фьероны — одни и те же личности? Мало ли кто увлекается древностями и раскопками!

— У этих трех пар слишком много общего, не укладывается в теорию случайностей. Кроме того, видел я кристаллы с запечатленными образами. Братья хоть и сильные маги, но никогда не отличались умелыми иллюзиями, а хуже всего иллюзию держит боевая ипостась. У демона Унгайве она как две капли воды совпала с боевой формой Мриаша Храшарга, а уж его-то я знал как облупленного. Даже локтевой шип у Унгайве отрублен так же, как когда-то его срубил я.

— Неубедительно. Но в качестве рабочей гипотезы сойдет.

— У тебя есть гипотеза лучше? — он вопросительно поднял бровь.

— Ты в прошлый раз намекал, что тут могут быть замешаны оборотни.

— Мы отрабатываем все варианты, дочка. Я не говорю, что оставшийся в живых некромант — убийца. Но если кто и знает о кинжалах Ошсах, то только Мриаш, он же Унгайве. Полвека назад он носил имя Фьерон. Мои соглядатаи выяснили, что он после исчезновения брата обитал в самой глуши Тархареша, на границе с Серыми холмами. Вот карта, где отмечено его логово. Пустое, увы. Но пусть его следы ищет Дьяр. С ума сойти, до чего я дошел. Еще никаких договоров с темными, а я уже отдаю ценнейшие сведения, лишь бы твой темный наниматель не терял времени на поиски.

Отец раскрыл перед собой ладонь, и в него с чистого потолка картинно упал свиток, перевязанный белой лентой. Все-таки белый маг Алиан чуть-чуть позер.

— Ну, ты же не темным отдаешь, а мне, — я рачительно прибрала свиток за пояс. Архимаг-эстет поморщился, и через мгновение на мои колени, как кошка, из ниоткуда прыгнул клатч, идеально подходивший к пояску. Папуля еще и стилист.

— Да лишь бы в радость, — подмигнул Алиан. — Хотя не верю я, что чистоплун Дьяр сможет справиться с этой задачей. Ему бы белым магом родиться, с его-то понятиями о долге и чести. Удивительно, где только понабрался, если учесть, что его отец — главный демон Тархареша, а мать... гхм... потомственная пиратка. Он, по моим сведениям, вместо кабаков и борде... хм... — папулю явно одолел бронхит, — вместо чисто демонских развлечений, в архивах штаны просиживает, а под его личиной «тени» отдуваются, и дерутся, и девок портят за себя и за того парня, своего хозяина. Репутацию темную ему сохраняют. Надо же додуматься! Какой из него владыка Тьмы? А тут когтистые ручки нужно будет пытками пачкать. Братья-некромансеры были отъявленными мерзавцами. Впрочем, все демоны мерзавцы, за редчайшим исключением. И Дьяр к исключениям не относится, дочка.

Я слегка оторопела от таких откровений. Ох, невзлюбил папуля моего работодателя!

Мне бы радоваться, что мы с ближайшим родственником тут почти единомышленники, но капля темнейшей крови, принятая в сердце, не позволила. Любая негативная эмоция в адрес охраняемого объекта — угроза для его целостности и сохранности. Белые проклятия, например, куда хуже черных — накладываются незаметно, с улыбкой и лаской, а снимать их замучаешься. Богиня Лойт частенько так прокликает назойливых и склочных бабенок, всего-то исполняя их желания, — не придерешься, а результат такой, что несчастные, которым уже нечего пожелать, руки на себя накладывают.

Потому я, как телохранительница, обязана устранять врагов или хотя бы нейтрализовывать.

— А демоницы? — спросила я, с невинным выражением лица убирая карту в клатч. — Отъявленные мерзавки?

— Все, кроме твоей матери, — спохватился отец, — но Эльда — полукровка. Дорогая, если ты как-то нейтрализуешь свое невидимое украшение, я покажу тебе тот дневник. Заодно и с моей Академией познакомлю, вдруг тебе у нас понравится больше, чем у темных? На воинов Света глянешь. Тебе должно быть интересно, как будущему боевому магу. Кстати, ты знаешь, что боевые приемы сельо во многом являются лишь эхом наших заклинаний, а ваша магия в основе ближе к нашей светлой, чем к демонической? Это неудивительно, если вспомнить, что и луна светит отраженным светом.

Да этот архимаг, которого богиня (а кто еще?) послала мне в отцы, меня нагло переманивал!

— А как же Ирек?

— Еще не проснулся, — усмехнулся мой коварный родитель-искуситель, переводя взгляд на окно.

Глянуть на знаменитую Академию Света хотелось хоть одним глазком.

Если об ужасах и кошмарах Академии Тьмы и Теней я слышала рассказы из первых уст от царицы Эльды, обладавшей магистерской звездой третьей ступени темной иерархии, то о чудесах и диковинах цитадели белых магов я знала только из учебников, а они написаны весьма предвзятыми авторами. Даже разгневанными, если вспомнить, сколько горя хлебнули лунные жрицы при их изгнании из империи и разрушении храмов Лойт.

Но не сегодня.

Дневник археологов-некромантов — это, конечно, интересно. Вот только мне он ничего не даст. По древнему дневнику на убийцу не выйти, даже если он его составитель. Или посторонний, узнавший из рукописи о магии кинжалов и о том, где их искать. И если документ хранится в сокровищнице Академии Света, это опять приводит нас к версии Дьяра о белом маге. Кто имел доступ к хранилищу? Опять незаметный смотритель или уборщица? Какой-то заговор смотрителей получается.

И я решилась. Но сначала...

— Пап, а о чем тебе написало мое начальство? — демонстрируя, что никуда не тороплюсь и приглашение принимать не собираюсь, я потянулась к чашке с чаем.

Алиан отрицательно качнул головой, сопроводив жест решительным:

— Не скажу, Лика. Если Дьяр не сообщил тебе о содержании послания, я тем более не собираюсь.

— А если я расскажу тебе кое-что о кинжале Ошсах, чего даже ты знать не можешь?

— Сомневаюсь, что тебе о них известно больше, чем мне, — усмехнулся архимаг. — Откуда тебе знать, от Лунной богини?

— От самого Сиена Ошсаха, — призналась, внимательно глядя в полинявшие голубые глаза, добавила: — Я держала кинжал в руках.

Отец от неожиданности едва не уронил салфетку, которой аккуратно промокал губы. Сжал ее в кулаке, а в глазах мгновенно прорвалась неистовая морская зелень.

— Лика... Девочка моя родная... — он быстро спрятал ладонь под стол, но я уловила мелькнувшую яркую искру. Наверняка от несчастной салфетки только пепел остался. Дыма не было — чисто работает. — Ты понимаешь, что... впрочем, ты взрослая девочка, конечно, понимаешь. —

Как это произошло?

— Папа, твои глаза! — подсказала я. И, пока он цедил в бокал зелье из флакона, напомнила о своем интересе: — Так что там было в письме Дьяра?

Мне было стыдно шантажировать отца, но он сам меня до такого довел. В конце концов, это вымогательство можно интерпретировать как равноценный обмен информацией.

Алиан тихо рассмеялся.

— Узнаю родную кровь. А просто так не расскажешь? Что ж... Дьяр сообщил о покушении на тебя и просил не выпускать его невесту из Белой империи, пока есть угроза твоей жизни.

В этот миг я как никогда ранее оценила и способность Дьяра мгновенно становиться самым ненавистным для меня существом на свете и выдержку белого архимага. Сидеть, вести деловые и не очень беседы, когда ему сообщили одной строчкой о трех убийственных фактах, один из которых, конечно, лживый, но ведь папа даже спрашивать не стал, когда это я успела стать невестой Темнейшества и почему моей руки у него никто не просил. Ведь не просил? Как и моего согласия!

Но каково же это синеглазое гадейшество! Так и подозревала, что не случайно он меня в Белую империю под благовидным предлогом отправил, еще и брата приставил, чтобы не сбежала по дороге.

— Я ему не невеста, — спокойно отпила чай и поставила чашку, рука даже не дрогнула. Я пребывала в ледяном бешенстве.

— Так я и подумал, — кивнул маг, улыбнувшись. У глаз сразу собрались лукавые «гусиные лапки». — Демоны — страшные лжецы и собственники, и я не собираюсь потакать дурному характеру темного самозванца в женихи. И единственную дочь за кого попало не выдам. На что только он надеялся, мальчишка! Подумаешь, темный властелин, и не таких видали, — подмигнул папуля и перешел к делу: — Итак, дочка, что там с кинжалом?

Выслушав мой слегка почищенный от излишних подробностей рассказ, Алиан надолго задумался. Солнце уже опустилось низко и заглядывало в окно, бросая на пол золотистый ковер лучей, в которых не плясала ни одна пылинка — воздух был чист на диво. В этом же прямоугольнике красовалась едва заметная тень драконьей головы. Сам подслушивающий Шурш оставался невидимым, а тень отбрасывал, как любое материальное существо.

Алиан, поднявшись и подойдя к окну, почесал между рогов невидимую голову Шурша, улыбнулся:

— На свету все тайное становится явным, лишь бы света было достаточно, — он кивнул на рогатую драконью тень. — Кстати, у своих посланников Смерти не спрашивали, кто забирал жизнь жертв?

— Спрашивали. Верховная говорила, что такие смерти закрыты даже от драконов. Правда, Шурш?

Тень на полу кивнула, но разомлевший под ласковыми пальцами мага предатель даже мысленный шепот поленился издать.

— Твой рассказ все меняет, Лика, — Алиан, не переставая гладить смертельно опасного малыша, задумчиво смотрел вдаль, на открывающийся в окне пейзаж.

И очень мне не понравился сухой, безжизненный тон архимага. Я даже проверила «лунным взглядом», не тянет ли тихонько уснувший Шурш из него жизненную силу? С драконышами такое случается: они еще не умеют контролировать себя во сне, а Смерть никогда не спит. Но ничего подозрительного не обнаружила.

— Что именно? — поторопила я отца, не спешившего уточнить, что же поменялось в его неизвестных мне раскладах. Лишь бы не решил меня все-таки запереть.

— Я сильно недооценил нашего врага, девочка, — Алиан, усыпив дракона, развернулся. — Если верить словам Сиена Ошсаха, конечно. Но какие основания ему верить?

— А какие — не верить? Он мертв, а мертвые не лгут.

— Скажи это вампирам, — зло усмехнулся архимаг. — Особенно князю неупокоенных Зан-о-Мьирру. Ему понравится. Я не удивлен, что в твою хорошенькую головку внедрен этот лживый штамп, будто мертвые не способны лгать. Тринадцатому темному клану выгодно поддерживать эту ложь, да и некроманты с допросов трупов свой хлеб имеют. Но они-то знают, как допрашивать.

Успокоил, прикусила я губу от досады. Противно ощущать себя наивной дурочкой.

— Где сейчас кинжал, Лика?

— У Дьяра.

— А второй?

— Понятия не имею.

И глазки у меня — сама невинность. Я и правда не знала, возвращен кинжал в сокровищницу или перепрятан. Проницательный Алиан вздохнул, но настаивать не стал.

— Понимаешь, дочка, если Сиен не лжет и его покорила магия, превосходящая даже Темного владыку в расцвете сил, то у меня даже нет

предположений, кто это может быть. В Белой империи точно никто не мог бы потягаться с Сатарфом.

— Даже ты?

— Ну... я... кхм... кха... — Алиана снова свалил затяжной приступ бронхита. Он даже покраснел от натуги, схватился за свой незаменимый хрустальный флакон с янтарным бальзамом. — Видишь ли... С владыкой Тьмы на равных мог бы сразиться только владыка Света. А его, как ты знаешь, в Белой империи нет уже сотни лет. Ни наш император, ни наш глава Белого ковена не имеют такой силы и не облечены Светом в должной мере.

Я, каюсь, немного позлорадствовала: все-таки проклятие богини настигло Белый Трон, если в земле светлых, изгнавших Лойт, больше не рождался владыка Света — самый сильный и благородный маг, способный совладать с магией «Светозарного Клинка». Да хотя бы в руки его взять. То оружие даже не охраняют толком: любой может пойти на главную площадь перед храмом Света и поднять меч. Да только как брошен он — то ли убитым, то ли исчезнувшим давным-давно Проклятым императором, — так и лежит до сих пор. Никто даже прикоснуться не может толком — отводит Светозарный чужую руку. Его только огородили веревочками и полог навесили, чтобы какой-нибудь бродяга ночью не споткнулся и лоб не расшиб, да птичий помет лишний раз не оскорбил знаменитый клинок.

— Вот! — оживилась я. — Так, может, ваш супербелый маг появился, а вы и не в курсе.

— Абсолютно исключено, — непререкаемо заявил ректор. — Он бы сразу свой меч подобрал. Кроме того, зачем владыке Света Темный Трон? Владеть им он не сможет — сила-то противоположна самой его сути.

— Так ритуал же, — напомнила я. — А ритуал как раз выворачивает саму суть, белое делает черным, и наоборот. А раз круг строится женским, то венчать его будет мужское сердце.

— Только весь вопрос, чье? Так ведь? Чье место хочет занять убийца? Чью силу выпить? И тебе не кажется, что и ты, и твоя богиня ошиблись в предположениях? Темную силу близнецы уже испили вдосталь, если самого владыку Сатарфа опустошили.

«А ведь я ему ничего не говорила о Сатарфе. Откуда только узнал?» — прищурилась я.

— Одно хорошо, — задумчиво молвил отец, — оборотней можно отбросить, им не по плечу такого уровня интрига, да и магией, кроме оборотнической, не владеют. Хотя они могли выполнять поручения втемную. Передай Дьяру, что нет смысла ждать посредничества Серых

холмов. Царица Эльда до сих пор на молебне. Подозрительно долго, тебе не кажется? — он просверлил меня взглядом. Я кивнула — еще бы, учитывая, какие острые были у мамы отношения с богиней, то вымаливать милости Лойт ей придется долго. — Если Дьяр даст мне возможность явиться в Тархареш, гарантирует безопасность и обеспечит секретность встречи, я готов рискнуть хоть сейчас.

Мало моему принцу... то есть владыке, конечно... проблем с тринадцатью Тенями, а еще светлого архимага от демонов охраняй!

— А другого места нет? — забеспокоилась я. — Какого-нибудь нейтрального? Давай я с нашей Верховной свяжусь. Храм — вполне себе нейтральная территория, где могут встретиться столь противоположные силы, как темная и светлая. Не обязательно же царице самолично при вашей встрече присутствовать. Или я Лунный мост могу построить для ваших переговоров, тогда совсем никому из вас ходить на враждебную территорию не придется.

— Лунный мост? Твою богиню мы не приглашаем, Лика. А вот твоим статусом ками-рани ты вполне можешь воспользоваться. Даже твоя должность — это отголосок времен Единения, когда лунные девы призывались магами Тьмы и Света для помощи и контроля противоположных сил. Только ты и сможешь вдохнуть жизнь в артефакты связи. Неужели, великий бог Свет, я дожил до этого времени? Глядишь, и мечта моя может осуществиться.

— Какая?

— О новом Единении мира, дочка. Пусть не так, как раньше, да и невозможно это. Но магия едина, только полюсы разные, жизнь едина, только цели разные, сознание едино, только языки разные. Так почему мы, разумные существа, не можем объединиться?

— Ты же сам сказал: цели разные, — пожала я плечами. Папа, оказывается, идеалист. Ничего, бывают случаи и похуже.

— У нас как раз сложилась ситуация, когда цель одна. Подождем захода солнца — это самое лучшее время для реставрации артефактов Единения. А теперь пора твоего спутника будить.

Через пять минут дверь беззвучно открылась и впустила злого и взъерошенного демона. Даже поблекло золото крыльев, которые он не считал нужным скрывать, раз уж Алиан их видел.

Кстати, о крыльях...

— Отец, а можно Ирек у тебя тут полетает?

Какие бы раздраженные слова ни рвались из кривящихся губ демона, но от моего вопроса Ирек онемел, даже магию селю не пришлось

задействовать.

— А действительно, — воодушевился белый маг. — Тебе ведь, наверное, сложно приходится с таким наследием в Тархареше, демон? Летай тут. Никто не увидит, я позабочусь. А если и увидят совсем издалека, так кто разберет, что за искра в небе кружится?

Ирек замотал головой, а у самого глаза карим золотом полыхнули:

— Ты серьезно?

— Если Лика не будет против. Это ее дом, дарственную я уже оформил.

— Не буду, — спешно согласилась я.

Летай, Ирек, летай. Может, и перестанет тебя жечь застарелая горечь.

Он судорожно вздохнул. Снова отрицательно качнул головой, но ослепительное золото уже струилось с его плеч.

— Да можешь хоть сейчас, — Алиан размашисто показал на окно. — Но недолго. Мышцы с непривычки перенапряжешь, да и мне отлучиться нужно, чтобы кое-какие дела порешать до встречи с твоим братом, подготовиться. До заката время есть, впрочем.

Ирек, забыв о своем негодовании по поводу вынужденной часовой спячки, одним прыжком оказался на подоконнике. А вторым взвился в небо. Сверху раздался ликующий крик. Я порадовалась за него, а спина, зараза такая, завистливо заныла.

— Ты тоже можешь полетать, дочка, — Алиан, похоже, все-все понимал. — Заодно присмотришь, чтобы твой друг не свернул себе шею. Сатарф мне этого не простит. Будь как дома, тем более что это твой дом. А я пока по делам прогуляюсь.

Я сиганула к окну еще быстрее Ирека. И... остановилась, с неимоверным усилием сдержав рванувшиеся на свободу крылья.

— Что же ты? — удивился маг. — Я потом замаскирую твои крыловые щели. Будет еще лучше, чем сейчас.

— Нет, — а голос так противно дрогнул. — За ним Шурш проследит. А мне нельзя. Ирек, может быть, впервые свободно, без всяких оглядок и страхов познает небо. А я слишком хорошо помню, какое это волшебное чувство. Если он разделит свое счастье со мной, радость свяжет нас.

И тогда его симпатия может перерасти в более глубокое чувство, а мне это не надо.

— Хм... — Алиан с трудом соорудил нейтральное выражение на лукавой физиономии. — И что тут страшного? Вот я, даже не будучи жрицей любви, заметил, что ты ему нравишься. А он тебе?

Нравится. Но я — жрица. И теперь еще — хранительница темного

владыки Дьяра, и не имею права ответить взаимностью на чьи-либо чувства. Они исказят мое чутье. А уж о моем соглашении с Лойт лучше не вспоминать. Сердце Верховной жрицы должно быть свободно, только тогда оно станет идеальным зеркалом для чужих чувств и проводником между смертными и бессмертной богиней.

Я оглянулась. Голубые глаза мага задумчиво прищурены, а из-под маски проглядывает тот, другой, холодный и жуткий.

— А ты манипулятор, отец. Ты решил таким образом подтолкнуть Ирека, чтобы он влюбился и не вздумал сделать последний шаг в сделке с драконом Смерти?

— Вообще-то я хотел, чтобы ты расправила крылья. Я их еще не видел, а крылья много скажут о силе мага. Но и задняя мысль была, ты права. Мне понравился этот парень. Я бы его даже к себе в Академию пристроил, если честно.

— Демона?

— И что? Их у нас тайком обучается с десяток. Думают, я не знаю. Большинство из них — соглядатаи, и к серьезным знаниям их не допустят. Отчислю всеми правдами и неправдами или переведу в провинцию, а самых способных перевербую и пристрою себе на пользу. Но пусть сначала пропитаются нашей атмосферой, нашими бедами и радостями, подружатся со светлыми магами. И вражды в мире станет меньше. Если и будут они ненавидеть светлых, то меня, а не друзей-однокурсников. А я как-нибудь переживу. Ты знаешь, какая у меня мечта — вернуть золотой век магии. Ради этого я выжил. Прячусь столетиями. Но мне нужно с кого-то начать, чтобы обмен с Тархарешем стал открытым. Ирек идеально подходит. Демон, но не совсем.

Он подошел к окну, поймал взглядом блистающую, суматошно мечущуюся в небесах звездочку. Улыбнулся мечтательно:

— Этот золотой мотылек стал бы символом нового единения магических наук.

— Ты, кажется, собирался по делам? — жестоко подрезала я папины «крылышки». Кстати, я бы тоже не отказалась посмотреть на его настоящие крылья.

— Я быстро. Полчаса, не более, — усмехнувшись, светлый маг направился к двери. Интересно, почему он не захотел при мне портал открывать?

Я кивнула, а сама не могла оторвать взгляда от нестерпимо сверкающей в небесах золотой искры.

ГЛАВА 14

Разоблачение

«Великая Тьма, дай мне силы отпустить ее!» — почти простонал Дьяр, сжав кулаки и наблюдая, как исчезает за кованой дверью башни стройная, вызывающе светловолосая фигурка.

Никогда еще синеглазый темный маг так не пугался, как в тот миг, когда его позвала магия ками-рани.

Тьма ласково поцеловала его сердце и словно окутала мягким толстым одеялом — все чувства стали приглушеннее. И тоска, и нежность, и ревность. Дьяр не мог не заметить влечения своего брата к этой девушке.

Если бы молодой правитель не знал, что лунные девы не выносят принуждения, как не поет в клетке соловей, то он ни за что не позволил бы Иреку приблизиться к Лике даже на шаг.

Но он помнил слова Сатарфа, сказанные перед уходом: «Я слишком поздно понял тайну сельо, сынок. А ведь это так просто: луна светит только отраженным светом. А это значит, что она откликнется только на твои настоящие чувства. Чтобы зажечь любовь лунной девы, ты должен стать для нее солнцем, а она должна стать для тебя богиней, для которой ты горишь. Тогда твое сердце сумеет заговорить с ней на одном языке. Сельо отдает тебе жизнь, сердце и душу, но ты сумеешь их взять, только если сам готов отдать ей все».

Но как может стать «солнцем» такое темное и мерзкое существо, как владыка Тьмы и Теней? Вон, девчонка до сих пор содрогается, забыть не может его кошмарный лик в ночь коронации. Каков «свет», таково и отражение. Демоны могут испытывать только страсть, похоть и вожделение. Это хищники, не способные на светлые чувства. А любовь — это к рыцарям Света, магам Белой империи. И уж отец Лики, как назло, оказавшийся архимагом Света, вряд ли смиритсЯ с высшим демоном в качестве зятя.

А Лике только запрети...

Так что пусть девчонка посидит взаперти у белого папаши. Наверняка Алиана взбесит написанная Дьяром записка, где Лика названа его невестой, и архимаг сделает все, чтобы запереть драгоценную дочку подальше от Тархареша и его рогатых обитателей, в том числе от притаившегося где-то тут убийцы. А он, честный и благородный Дьяр, как-нибудь сумеет

вызволить из светлого плена свою ками-рани, но не раньше, чем та затоскует по свободе.

Правда, в этом замечательном плане был маленький изъян, даже два. Первый: саму Лику никто в известность о ее ближайшем будущем не поставил. И второй: ректор Академии Тьмы будет недоволен и опять будет грозить отчислением. Но впоследствии лунная бестия не сможет не согласиться: лучше быть отчисленной, чем мертвой.

Коварный демон, буравивший взглядом захлопнувшуюся дверь башни, усмехнулся и исчез, завернувшись в крылья Тьмы.

Через миг владыка появился на том же месте, откуда его выдернул в подземелья Академии беззвучный призыв Лики, и Дьяр порадовался, что его ками-рани пока не знает всех своих возможностей и не перенеслась к нему в минуту смертельной опасности. Место это было совсем не предназначено для визитов нежных барышень. Дьяр ступил на влажный от подвальной сырости камень допросной, расположенной в нижнем этаже тайного сыска.

— Убрал свое сокровище подальше? — любопытствовал серебристый демон, лениво поднимаясь из грубого кресла, чтобы приветствовать повелителя стоя.

При Сатарфе он был бы более расторопен, ухмыльнулся про себя Дьяр. Хургово семя! Эти демоны словно постоянно испытывали его терпение, а ведь это еще ближайшие соратники, самые верные ему души!

— Ты слишком интересуешься моими сокровищами, — грозно сверкнули синие глаза.

— В самый раз. Мне, как начальнику охраны Вашего Темнейшества, положено знать, где находится моя подчиненная, — осклабился серебристый.

— Не смешно, Янге. На чем мы остановились?

— На том, что Вултон неожиданно сдох.

— Разобрались, от чего?

— Нет, владыка. Ядов не обнаружено, сердце здоровое. Страх он испытывал, конечно, но не трепетал, как загнанный заяц, а был готов сотрудничать и говорить только правду, надеясь если не на помилование, то на казнь вампирским укусом. Остаточной магии ни я, ни Рахт не нашли. Посмотри, может, ты сумеешь что-то поймать, хотя время упущено.

Дьяр досадливо поморщился. Труп бывшего ректора лежал в центре пентаграммы, а над ним склонился новый глава Темного ковена — седовласый магистр Рахт, вычерчивавший черной краской руны на

посиневшей коже мертвеца. Обычно таким способом скудоумные чернокнижники Белой империи вызывают демонов. Правда, жертва должна быть живой, смазливой и желательно девственной — демоны такие привереды. Ничем таким мертвый карлик, увы, уже не обладал. Да и требовалось не рвать портал по живому, а куда большее искусство — поймать и удержать душу поблизости от тела, пока не началось ее падение в Бездну.

Услышав Янге, глава ковена выпрямился, готовый уступить место владыке Тьмы и Теней. Но Дьяр махнул рукой и даже смотреть не стал: если и было магическое нападение, которое даже его наставник не сумел отследить, то следы давно развеялись, а Тени слишком обижены на наследника Трона, чтобы подсказывать.

Пока магистр готовил ритуал, Дьяр воспользовался неожиданной паузой в захватившей его круговерти событий, сел в кресло, облокотился и сцепил ладони у лица. Янге не мешал его размышлениям, углубившись в чтение записей предыдущего допроса. Дьяр, отличавшийся превосходной памятью, в бумагах не нуждался, он помнил каждое слово Вултона наизусть и, рассеянно вращая печатку на пальце, мысленно прокручивал его ответы.

Ничего особенного в них не было на первый взгляд. Обычный проворовавшийся чиновник и заговорщик, разве что чин высоковат. Третий по важности в Тархареше. Внешний вид обманчив: магические способности у карлика оказались столь выдающиеся, что в его душе гордыня вытеснила все лишнее — и ум (умный не попался бы), и преданность (Тьма не терпит предателей), и осторожность (а Тени не терпят слишком наглых).

Дьяр знал главное: Вултон устраивал Сатарфа на должности ректора. Если отец его терпел, то либо не знал в полной мере о делишках зарвавшегося взяточника, либо польза от карлика до какого-то момента была больше ущерба.

Вултону платили многие магистры. Как правило, за тепленькое место в Академии, за право «первой крови» в темных ритуалах, необходимых при аттестации, или, наоборот, за то, чтобы испытание на очередную магистерскую степень проходило в тиши кабинета. Или за то, что бывший ректор закрывал глаза на множество нарушений, а то и преступлений магистров. К примеру, даже чтение теоретических трудов по магии Света — это государственное преступление. Однако в Академии Тьмы и Теней существует целое хранилище книг по светлой магии и артефактов. Разумеется, доступ к тайнам был строго ограничен, но деньги —

универсальная отмычка.

Или взять дело Грида Сайка. Куратор, как выяснилось на очной ставке, платил Вултону вовсе не за сомнительное счастье надзирать за агрессивными адептами или — тут Дьяр тоскливо вздохнул — взбалмошными адептками третьего курса темномагического боевого факультета. А за то, чтобы его позорная тайна не стала известна непосвященным: на задних дворах Академии в вольерах, где держали скот, подопытных животных и даже пленных орков и троллей, была спрятана его единственная кровная сестра, пострадавшая от укуса оборотня. Грид Сайк таким парадоксальным образом пытался спасти ее от смерти, надеясь, что магистры факультета превращений изобретут противоядие.

Дьяр поднял потяжелевший взгляд на серебристого демона. Тот, отложив бумаги, уже помогал магистру Рахту наносить на веки мертвеца тонкую вязь заклинаний. Сюда бы настоящего профессионала — главу темного сыска, но Сэйван сейчас занят — пытается спасти то, что осталось от Сиена Ошсаха — единственного свидетеля множества злодеяний. А больше такие государственные тайны доверить некому.

— Янге, — позвал Дьяр. — А что у нас с Гридом Сайком?

— Пока жив, — хмыкнул демон.

— А его сестру привезли?

Янге отрицательно мотнул головой:

— Пока нет. Не смогли опознать, там аж пять самок на цепи сидит. По имени не отзывалась. Может, уже разум потеряла, а Грида туда везти не было времени.

— Не самое срочное дело, Вултон важнее, — кивнул Дьяр, но на сердце стало еще беспокойней.

Итак, для естественной смерти Вултона нет причин. Значит, убит. Причем магически.

Заклинание? Подземелья тайного сыска устроены так, что блокируют любое направленное извне магическое воздействие. Никакое заклинание не могло проникнуть, сработала бы охранка. Да и Дьяр, находившийся в тот момент в единении с Тьмой, почувствовал бы.

Он поймал косой взгляд наставника, в котором чудилась насмешка, и снова разозлился. Вот Сатарф уже наверняка нашел бы ответ, кольнула ревнивая мысль. Что ж, пора признаться самому себе, что воспринимает свалившуюся корону, к которой оказался морально не готов, не как сокровище, а как вызов. Неужели он окажется недостойным наследства? Проклятие владык: их всегда сравнивают с предыдущими.

— Мы готовы, — выпрямился Рахт. — Но должен предупредить:

Вултон оказался настолько истончен, что его хватит на минуту-две. Начинаем?

— Минуту.

— Тянуть нельзя, еле зацепил, может соскользнуть. У нас одна попытка.

— Значит, ты сделаешь все, чтобы его удержать, или сам пойдешь за ним, — равнодушно бросил владыка.

Рахт недовольно поджал губы, но смирился под насмешливым взглядом Янге. Оба промолчали, к счастью.

Дьяр лихорадочно пытался поймать ускользавшую мысль.

Итак, Вултона наверняка убило заклинание. Причем отсроченное. Иное просто нереально: в присутствии владыки Тьмы ничто не проскользнуло бы, а магическое поле было чистым, пока не взорвалось вулканирующей силой магии ками-рани, позвавшей на помощь. Именно в тот миг Вултон и замер на полуслове, а его взгляд остекленел.

Дьяр вспомнил оглушившее его чувство тревоги, к которому примешалось что-то еще, словно эхо... Вот оно! Двойная опасность, и он успел среагировать только на ту, что угрожала его избраннице, и открыл портал.

Тогда получается, бывшего ректора нечаянно убила Лика? Точнее, ее магия?

— Скажите, мэтр, — Дьяр поднял взгляд на наставника. — Во времена эпохи Единения кто мог стать ками-рани владык Темного Трона?

Если седовласый демон и удивился неожиданному вопросу, то ничем этого не показал, лишь на миг задумался, припоминая:

— Советницы правителей, что у нас, что в Белой империи, всегда избирались из девушек сельо. Они выполняли роль посредниц, связующего звена между темной и светлой магией. Живой мост.

Живой мост... И вряд ли паникующая девчонка, отбившая атаку напавшей на нее твари, могла сознательно выстроить этот мост и тем более открыть его для чужого заклинания. И, возможно, заклинание, убившее Вултона, было нацелено на молодого владыку, и его спасла только скорость, с которой он нырнул в портал. А если так, то кто-то воспользовался Ликой. Кто-то, кто еще помнил о тайнах эпохи Единения и силе ками-рани, кто просчитал все ходы наперед.

И этот кто-то находился по другую сторону «живого моста». Неужели богиня Лойт?

Если так, то неуловимый убийца — лишь ее оружие.

Дьяр не стал гадать о том, что могло сподвигнуть богиню любви на

столь кровавую игру, какую цель преследовала бессмертная. Возможно, жажда мести. Или власти. Какая разница? Его захватила другая тревога: Лика — ее жрица. И богиня может настичь ее в любой момент где угодно, даже под крылышком Алиана в Белой империи. Тогда какой смысл оставлять девчонку там? Нужно сделать все, чтобы вытащить ее из чужих лап, будь это белые или лунные.

— Кхм, — кашлянул Рахт. — Время, владыка.

— Начинайте, мэтр, — Дьяр уже знал, о чем будет спрашивать мертвеца. Главное — не ошибиться в формулировке.

* * *

— Долгих лет, ваше императорское величество. — Алиан вошел в роскошно убранный кабинет и склонил голову перед маленьким седым человеком, сидевшим за столом в мягком кресле с инкрустированной золотом высокой спинкой.

— Садись, Алиан, не мельтеши перед глазами, — старик махнул рукой, и золото в инкрустации отразило блеск огромного бриллианта в императорском перстне.

Пластинки, как и перстень, были мощными артефактами, и ректор Академии Света, прекрасно знавший их силу, поторопился отойти в сторону, к стоявшему сбоку от стола креслу, но садиться не стал.

— Мой император, я прошу доступа в вашу тайную сокровищницу, — выдохнул он без всяких дипломатических «разогревов». — Мне необходим артефакт времен Единения.

Старик отодвинул лежавшую перед ним папку, поднял на него водянистые глаза:

— Зачем?

— Не буду скрывать: для переговоров с молодым владыкой Тьмы и Теней.

— Рехнулся на старости лет? — фыркнул правитель.

Алиан, выглядевший раза в три моложе старца, даже не усмехнулся. Наоборот, взгляд его был полон сочувствия: проклятие богини Лойт не могло пробить его щиты, но отыгрывалось на его приемных детях и близких друзьях. Всех, кто был дорог архимагу, настигала преждевременная старость, бесплодие и невозможность взаимной любви. Его же самого, как выяснилось, коснулось только последнее. Эльда никогда не полюбит своего насильника.

Император брюзгливо проворчал:

— Не мне напоминать архимагу: все артефакты времен Единения находятся в ведении ковена. Пиши прошение, иди к Раминию, я не буду возражать против выдачи. Напишем, что для эксперимента. Знаешь же, какая у нас бюрократия.

— Этот артефакт находится в твоих руках, повелитель. Ковен давно забыл о его существовании.

В тусклых глазах зажегся огонек интереса.

— И что это?

— Обручальные кольца, мой император. Точнее, одно из них, мужское, оказавшееся в руках императорской семьи после Разрыва. Учитывая преемственность власти, оно и сейчас должно быть в фамильной сокровищнице.

— А где женское?

Алиан пожал плечами:

— Понятия не имею, где оно в данный момент. Возможно, в недрах Темного Трона. После Разрыва никто не мог ими пользоваться, так как силы стали не просто противоположны, а враждебны. Вы же помните историю: темные и светлые маги правящих семей обменивались родовыми кольцами, как бы принимая нового члена в род на испытательный срок, чтобы мягко адаптировать его магию к новой среде. Без таких обменов Единение было бы невозможно.

— Я еще склерозом не страдаю! — вспыхнул венценосец.

— В последний век Единения, — невозмутимо продолжил архимаг, — белая наследница вышла замуж за темного владыку Ошса, и на церемонии их обручальные кольца были заменены супружескими, после чего мужское, связывавшее владыку Тьмы, вернулось в сокровищницу Белой империи, а женское, подчинявшее свет наследницы императора, осталось в Тархареше.

— Я не выдам за молокососа Дьяра свою приемную дочь, — неожиданно брякнул император.

Алиан удивленно вскинул бровь:

— Этого не требуется, мой император. К тому же Ани давно уже замужем. Кольцо нужно, чтобы установить с Дьяром связь для переговоров.

— Я помню, что она замужем! — крикнул старик с такой запальчивостью, что забрызгал слюной лежавшие перед ним документы. Вскочил, и только тогда выяснилось, что император сидел в кабинете в одних подштанниках и босиком, а ноги держал в золотом тазу с магически подогретой водой: старик страдал подагрой, не поддававшейся никаким

заклинаниям. — Нам не о чем говорить с демонами!

— Всего лишь о выдаче маньяка, орудовавшего на территории нашей империи несколько месяцев назад. Порталы заблокированы с двух сторон, обычной дипломатической почте я не могу такое доверить. Остаются нестандартные меры: кольцо. Я нашел способ оживить древнюю реликвию, чтобы она послужила нашим интересам.

Коронованный старикашка плюхнулся в кресло и поморщился. «Наверняка дал о себе знать неизлечимый геморрой», — вздохнул Алиан. Месть Лойт не только жестока, но и мерзка.

— Так ты дашь мне допуск? — напомнил он.

Император почесал крючковатый нос, хитро взглянул на посетителя из-под набрякших век.

— Тебе очень надо, Алиан, да?

— Очень.

— Вот как? Жизненно необходимо? — старик даже подался вперед, чтобы получше разглядеть подслеповатыми глазами выражение лица архимага.

Тот помедлил, но кивнул.

— Ага! — император потер сухонькие ладошки. — Наконец-то! Я слышал, у тебя нашлась дочь?

— У меня их было много. Которую ты имеешь в виду?

— Приемных много. А родная — одна-единственная. И мое императорское повеление — выдать ее за моего приемного сына!

Алиан сцепил ладони за спиной, чтобы нечаянно не шарахнуть заклинанием по идиоту. Не жалко, но дурь не выбьет, проверено.

— Принц женат.

— Разведется. Детей-то нет, сам понимаешь. А я давно хочу с тобой породниться, мой верный слуга.

— Мы и так родственники, — напомнил маг.

— Это не по-настоящему, — отмахнулся император. — Кровь наш род не связала, а теперь свяжет.

— Как, позволь спросить? Принц Милан — твой приемыш, причем последний из тех, кто выжил.

— Да? — поморгали бесцветные глазки.

— Увы.

— Я забыл, мой друг, — пригорюнился старик. — Совсем забыл. Я скоро умру, знаешь? Усну и не проснусь. А корону оставить некому.

Алиан знал. И ничего не мог поделать. Проклятая Лойт.

— Бери все, что хочешь, друг мой, — старик полез за пазуху, достал

трясущимися руками ключ, подвешенный на простую бечевку. И только Алиан знал о ее необычных волшебных свойствах. — Хоть колечко, хоть корону. А хочешь, я тебя наследником назначу? Будешь императором...

— Упаси Свет! — Алиан сделал отвращающий знак.

— Кто еще, кроме тебя? — глаза старика неожиданно прояснились, и он, забыв о шнурке с ключом, повисшем поверх мятой рубахи, вцепился в протянутую руку мага.

Ректор Академии Света покачал головой, осторожно отцепил пальцы собеседника, подержал в ладони, незаметно вливая силу в старческое тело. Скольких уже он посадил на трон, скольких похоронил их, своих приемных детей или друзей-единомышленников — впавших в безумие, глубоко несчастных, а пару раз и проклинавших его перед смертью, словно мало ему еще проклятий. Одно только поразило его в самое сердце — проклятие Эльды, лунной девочки, которую он полюбил и спас от смерти. Увы, для этого пришлось поступить с несчастной самым жестоким образом, и Алиан сам себе не простил той ночи. Зато царица его сердца выжила и родила ему красавицу-дочь.

Император, ослабев после вспышки эмоций, сонно моргнул, отнял руку и придавил ладонью лежавший перед ним лист с витиеватой росписью и государственной печатью, сиявшей золотыми чернилами.

— Это мое отречение, друг мой, — прошептал он. — Сил у меня уже нет, а я не хочу умереть безумцем. Я все-таки мужчина и государь. Пока меня не признали недееспособным мои придворные крысы, пока мое слово хоть что-то значит, я назначаю тебя своим преемником.

Алиан ошеломленно поморгал на маразматика, процедил сквозь зубы:

— Не ожидал от тебя такой вопиющей глупости. Твое решение только спровоцирует наших недругов, тебя мигом признают безумцем и назначат регентский совет, а ценность моей головы многократно возрастет. За что ты меня так подставляешь?

— Ты справишься со всеми, Алиан. Я в тебя верю, — хихикнул старик, но тут же посерьезнел и выпрямил спину. — Ты думаешь, за все десятилетия, что нас связывают, я ничего не понял? Не догадался? Ты можешь дурить ковен, академиков, лен-магов и весь мир, но ты делился со мной кровью после покушения, а я тогда был магом посильнее, чем сейчас, тогда меня еще не сожрало заживо лунное проклятие. И после я не одни штаны стер до дыр, просиживая в императорских семейных архивах. Не зря они за такими печатями в сокровищнице спрятаны. Но, друг мой, самое главное я нашел не там, а в развалинах старой императорской резиденции, сожженной в лихие времена. И сейчас я знаю, что за кровь в тебе течет, —

старик вытащил из-за пазухи еще один шнур, зеленый с золотом, на котором висел медальон. — Узнаешь, Алиан?

Побледневший архимаг медленно отстранился, отступил на шаг, забыв о ключе от сокровищницы.

— Я не дурак, Алиан, — с лица дряхлого императора не сходила довольная младенческая улыбка. — Как видишь, это копия той безделушки, которую я нашел в развалинах. Настоящая — в надежных руках, и будет предъявлена миру, если со мной что-то случится до того, как ты сядешь на трон Света.

— Ты меня с кем-то путаешь, мой государь. Какое отношение эта ржавая побрякушка имеет ко мне?

— Не притворяйся. За столько лет я тебя изучил. Возьми-ка ключ, — император дернул бечевку, прошептав заклинание. Веревка в его руках распалась туманом, ключ упал в ладонь. — И ступай, готовься принять государственные дела. Теперь-то ты не отвертишься, я все предусмотрел.

Алиан, приняв ключ, с недоумением пожал плечами, но в голосе прозвучала угроза.

— Мой император, боюсь, ты прав в своих опасениях насчет недееспособности.

Старик испуганно вскинул взгляд:

— Неужели ты меня предашь? — прохрипел мгновенно севшим голосом. — Ты, заменивший мне отца, ставший единственным другом? За что? Только за то, что я хочу покончить с вековым узурпаторством Белого Трона и вернуть истинного императора?

— Не понимаю, о каком истинном императоре ты говоришь, — поморщившись, архимаг подбросил на ладони ключ, поймал и сжал в кулаке.

— О Потерянном императоре. О Проклятом императоре.

— О том неудачнике, который был зарезан собственным дядей то ли двести, то ли четыреста лет назад?

— О владыке Света, больше не рождавшемся в Белой империи. Новый владыка и не мог родиться, потому что владыка Света не умирал. Вот о нем, — государь дрожащей рукой снял через голову шнурок с медальоном, щелкнул запором, открыв проржавевшую крышку. Под ней неожиданно сверкнуло чистое золото. — Смотри. Тут все, как в настоящей реликвии. Портрет скопировали, но, в отличие от оригинала, отреставрировали. Мастер-реставратор и подсказал, кто тут изображен. Узнаешь?

Алиан глянул краем глаза, фыркнул:

— Не встречал.

— Ты хорошо спрятал следы. Гениально, не побоюсь этого слова. Галерея с родовыми портретами императоров сгорела. Во всех энциклопедиях, учебниках и справочниках, во всех странах лица последнего владыки Света не сыскать: какой бы краской ни были они нарисованы, какими бы заклинаниями ни защищены книги, портреты вылиняли как от ярчайшего света или истлели вместе с бумагой и пергаментом. Но этот, подаренный кому-то самим императором, пострадал незначительно.

— Ну, точно, из ума выжил, — с жалостью посмотрел Алиан. — Да с чего ты решил, что это он и есть? Мало ли чей портрет завалялся? Фрейлина какая-нибудь обронила, а ты выдумал несусветное.

— Хорошо, можешь упираться. Я бы даже поверил. Но ты прокололся вот в чем: тебе даже не интересно взглянуть, каким был последний владыка Света. Это совсем не в твоём характере, Алиан.

Вздохнув, Алиан брезгливо взял реликвию двумя пальцами за шнурок. Вгляделся в болтающуюся кругляшку.

Император издевательски фыркнул, и архимаг с той же брезгливой grimасой опустил медальон в правую ладонь, чтобы рассмотреть поближе.

Ох и полыхнуло, едва металл соприкоснулся с кожей мага!

Ректор отбросил медальон, как гадюку. Поздно: она уже ужалила — заклинание активизировалось, по ладони растекался нестерпимый свет, со скоростью лесного пожара карабкался по плечу, охватывая уже всю фигуру мага, стекая сверкающей мантией до пят, поднимаясь по золотистым волосам вверх, ко лбу и затылку, слизывая иллюзорную внешность. Вспыхнули пронзительной зеленью глаза. Над головой сверхновой звездой зажглась лучистая корона.

Старик император судорожно сгреб ладонью рубаху на своей груди и восторженно, открыв рот, не замечая текущих по морщинистым щекам слез, смотрел на преображение, не в силах отвести полуослепших глаз. И медленно, придерживаясь второй рукой за столешницу, опустился на колени. Всхлипнул:

— Мой владыка... Наконец-то!

— Что ты наделал... — устало уронил Алиан, опустив руки. — Что ты натворил, безумец? Как сумел?

— Твой погибший оруженосец не унес с собой тайну подмены, владыка, — просипел счастливый старик. — Он любил тебя, но истину он любил больше. Под твоим портретом была его записка с признанием и клочок платка с твоей кровью. Мои дешифровщики постарались прочитать записку, и мы узнали о подмене. Ну, а со следами крови я сам поколдовал и

заклинание на медальон навесил. Сработало. А ты, помнишь, говорил, что я бездарь.

— Я говорил, что ты дурак, а не бездарь.

Сияние уже погасло, лишь тихие отблески пробежали по коже Алиана — словно соскучившийся пес лизал хозяина, да сияли на лице глаза цвета морской волны.

За запертой дверью послышался топот бегущих ног, кто-то кричал под окнами и в коридоре.

— Свет не спрячешь, Алиан, — император кивнул на открытые окна. — Его все видели.

В дверь постучали. Донеслось глухое:

— Ваше величество, позвольте войти!

— Вели обождать! — спешно сказал ректор.

— Но...

— Будешь спорить с владыкой, мой император?

Старик крикнул, хохотнул и послушно прокричал повеление.

— А что такого они видели, друг мой? — архимаг вытащил из кармана хрустальный флакон, отпил половину янтарной жидкости и, завинтив крышку, спрятал обратно. Затем поднял отброшенный медальон, защелкнул крышку, бросил на стол. — Скажешь, артефакт сработал, и не погресишь против истины.

— Пфе...

Снова постучали.

— Мой император! — пытался кто-то докричаться. — Это срочно!

— Сам глава ковена пожаловал, какая честь, — Алиан подошел к сиротливо пустующему креслу, посмотрелся в отшлифованную золотую пластинку. — Можешь впускать.

Венценосец, держась за поясицу, не торопясь уселся в кресло, опустил глаза на столешницу, судорожно перерыл лежавшие перед ним бумаги и выругался:

— Хургова Бездна! Где мое отречение?

— Ты сам назвал, где теперь эта писулька.

— Ничего, еще напишу, теперь это даже и не надо, у меня кое-что посерьезнее есть, — старик с хихиканьем открыл медальон. Ухмылка медленно сползла, и он неверяще уставился на черное пятно, красовавшееся внутри вместо портрета. Вскинул возмущенный взгляд на виновника. — Алиан! Это подло! Ты посмел уничтожить последнюю улику?!

— Так и понял, что ты блефуешь насчет копии. Не расстраивайся, в

твоим возрасте вредно. Тебе все равно никто не поверит, мой император. Никто же не видел, что тут происходило, кроме тебя. А ты боишься получить на шею Регентский совет. Так ведь?

— Еще и шантажируешь, — укорил монарх.

Алиан молча вскинул бровь.

— Ну... ладно, друг мой, — последовал тяжкий вздох венценосца. — Но выкручиваться будешь сам, и я тебе еще все это припомню.

— Договорились, мы еще вернемся к этому разговору. Мне интересно, кто тебе подсунул такую находку, — архимаг вальяжно развалился в кресле посетителя. — Впускай уже гостей, а то дверь вынесут.

— Входи, Гирсон! — велел старик, магически усилив голос до солидного грома.

Резные створки распахнулись, явив высочайшим заговорщикам высокую фигуру в изгвазданном грязью белом плаще и натужно-красное от избытка эмоций лицо белобрысого мужчины лет тридцати. Из-за его спины выглядывали еще три мага, в том числе один в лекарском колпаке, но войти не осмелились, так и мялись у порога.

— Ваше величество! Я счастлив видеть вас в полном здравии! — беловолосый гость возмущенно обвел взглядом присутствующих в кабинете, изучил интерьер, словно впервые видел, на миг задержался на ржавом и закопченном медальоне, лежавшем на столе, и лишь затем гость запоздало склонился в поклоне.

— А с чего бы мне заболеть, лучезарный ты наш? — император, сцепив костлявые пальцы на животе, соорудил недоуменную гримасу. — Еще утром ты, как глава ковена, был на аудиенции и не мог не заметить, что я, вопреки твоим лекарским стараниям, все еще жив и здоров.

— Стража видела необычный свет, озаривший окна кабинета, вот мы и перепугались.

— Удивительная забота, учитывая, что его императорское величество — первый маг и воин Света, — хмыкнул Алиан. — С чего бы светиться его заклинаниям, а?

— Но стража говорит, свет был невиданной мощи! — возразил маг.

— Всего лишь сработал древний артефакт, когда мы попытались его взломать, — Алиан ногтем пошевелил закоптившийся комок металла.

— Что? Без комиссии и протокола? Без охранных контуров? И вы, ректор, посмели так рисковать здоровьем нашего драгоценного Солнца империи? Это покушение! — с преувеличенным негодованием воскликнул Гирсон.

— Отстань уже от моего здоровья. Вот ведь, покоя оно тебе не дает, —

пробурчал император. — Ладно, друг мой, хватит меня покрывать. Мэтр Алиан тут ни при чем, он прибежал уже после того, как я побаловался с этой вещицей. Интуиция меня не подвела: этот артефакт точно когда-то лежал в сокровищнице какого-нибудь владыки Света. Видел, как полыхнула защита побрякушки? Красота! А ведь ржавчина ржавчиной, даже странно, с чего бы его так защищать? Увы, артефакт безвозвратно уничтожен моей неосторожностью, даже Алиан не помог спасти... — и блеклые глаза горестно уставились на комок металла. — Ступай, Гирсон, ступай, если у тебя нет ничего важного. Не так много времени мне осталось на свете, чтобы тратить его на пустяки.

Бросив еще один внимательный взгляд на медальон, глава ковена поклонился и, пятясь, выполз из кабинета. Его свита, вытягивавшая шеи, чтобы разглядеть источник переполоха, тоже нехотя убралась. Лишь лекарь озабоченно спросил:

— Вам точно помощь не нужна, вашество?

— Разве что моему геморрою, но с ним не справиться даже тебе, друг мой Ивиссон, — отмахнулся государь. Дождавшись, когда закроется дверь за последним гостем, он постучал по столу костяшками пальцев. — Совсем меня за младенца держат, никакого трепета.

— Непорядок, — ректор осуждающе качнул головой, снова дотронулся пальцем до почерневшей безделушки. — Так кто, говоришь, тебе подкинул медальончик? Ты ведь не сам его нашел. С каких пор ты археологией увлекся до такой степени, чтобы по развалинам таскаться? Там же из удобств одни лопухи. И кто подсказал, чтобы амулет именно мне в руки дать?

— Я правда не помню, — взгляд линиялых стариковских глаз стал трогательно беспомощным, а на морщинистом лбу прибавилось складок. — Кто-то предложил развлечь меня пикником в историческом антураже. Знаешь ведь наш курятник: мигом подхватили. Ты был занят, как всегда, сообщать не стали. Пикник не получился: слишком зловеще, гарью, кажется, до сих пор воняет на пепелище. Но впечатлений набрались, по комнатам заброшенным побродили. А там... словно кто прямо под ноги мне медальон подбросил. Наступил я на него почти. Думал, уголек валяется еще с тех времен. Адъютант мой новый поднял. Мириан.

— Протеже Гирсона?

— Он самый.

— А кто надоумил мне подсунуть?

— Да я бы всем сколько-нибудь годным магам показал, но с тебя начал. А в сокровищницу пойдем вместе, друг мой.

— Боишься, на царский золотой горшок позарюсь? — архимаг так задумался, что даже забыл усмехнуться.

— Хочу на кольцо то посмотреть сам. А пуще всего хочу по пути узнать, пока жив, почему ты до сих пор прячешься от мира. Сколько столетий-то прошло, не надоело? Кто не знает тебя, заподозрит трусость, но ты не трус, Алиан, — маленький император пальцами причесал седины, поправил ворот рубахи и начал тяжело подниматься. — Ну, идем, что ли...

Архимаг, сгребя медальон в кулак, вскочил первым, отодвинул тяжелое кресло и, выудив стоявшие под столом мягкие войлочные тапочки, дождался, когда монарх вденет в них узловатые, тронутые артрозом ступни, и повел еле ковыляющего старика к выходу, придерживая за локоть. Император на миг задержался у двери.

— С дочкой-то познакомишь, окажешь честь?

— *Сочту* за честь, государь.

— Чести много не бывает, владыка.

ГЛАВА 15

Катись, катись, колечко...

Я даже не заметила, когда перестала следить за полетами Ирека и дракона Смерти, едва заметной тенью скользившего рядом с демоном, — задумалась, глядя на играющее закатными красками небо.

Огромный дом давил пустотой: ни звука не доносилось ни из глубины комнат, ни из сада. Такой тишины я даже в ямах лунных испытаний не слышала. Если верить отцу — а оснований не верить у меня пока нет, — теперь это моя собственность. Впервые в жизни. Зачем он мне? Моим домом был и будет главный храм Лойт.

У меня с рождения не было ничего своего. Крышу над головой давала школа. Девочек-послушниц полностью обеспечивали: у каждой, вне зависимости от происхождения, одинаковая смена белья, обуви и сезонной одежды. Для обучения — книги, сферы и тетради. Еда трижды в день, из лакомств — фрукты из наших же садов и мед. Что еще нужно?

Все девочки-сельо от трех лет проходили через узкие ворота храмов, чтобы остаться там до семи лет, а то и дольше. Самые способные после первого посвящения становились послушницами, а после обучения — младшими жрицами богини.

Тогда нам открывался мир: выполняя задания Лойт, передаваемые через старших жриц, мы могли оказаться в любом дворце или лачуге, и обитатели Серых холмов обязаны были принять нас.

В этих же путешествиях девушки находили свою судьбу. А те, кто не сумел найти избранного или не хотел связывать судьбу с мужчиной, служили дальше в храмах. Как я, решившая никогда не влюбляться.

Слишком страшной оказалась судьба моей матери, чтобы я захотела любви для себя. Нет, конечно, как любая девчонка, я мечтала о единственном, которому стала бы идеальной парой, и хорошо бы он был не из блеклых мальчиков-сельо. Лунными ночами я томила и мечтала о преображении тела, о наслаждении и счастье, о детях, которых никогда не отдала бы в школу жриц, а воспитывала бы сама. Но я всегда была умной девочкой и понимала, что любовь — это иное слово для Смерти. Та я, к которой привыкла, перестану существовать. Разве это не страшно?

Я, жрица богини любви, боялась любви.

Так, наверное, боится Лойт завершения жуткого ритуала, после

которого она не умрет, но преобразится из богини любви в нечто противоположное. В бога войны, например.

Да и богиня не даст мне влюбиться без памяти. Именно она бережет мое сердце, вырывая малейшие росточки. Это я уже знаю так же точно, словно взглянула на бессмертную «оком сердца».

Но ведь можно хотеть любви для мира, и это служение казалось мне гораздо сложнее, почетнее и возвышеннее, чем служение богине через семью и детей.

Потому я, уже знающая свою судьбу лет на сто вперед, с усмешкой отнеслась к подарку отца. Но он же не знал, что у будущей Верховной жрицы не может быть собственности. Даже мое тело перестанет быть моим — его заберет Лойт во время Лунной мистерии, изменит для себя и впоследствии будет смотреть на мир через мое сердце. А это означало, что оно должно быть чистым, свободным от всех привязанностей и симпатий Аэлики Интаресс, тем более от любви.

Иногда мне кажется, что у царицы Эльды такая страшная судьба именно потому, что она когда-то не захотела становиться следующей Верховной жрицей. И Лойт отомстила ей. Я никогда не говорила с матерью на эту тему, лишь однажды подслушала разговор Верховной жрицы с главным евнухом — противным старикашкой, служившим при храме сто лет, с того же дня, как Вайра надела ожерелье высшей магической и жреческой власти.

Я тряхнула головой, прогоняя образ жрицы — костлявой властолюбивой женщины с пронзительными черными глазами ведьмы. Не потому ли богиня любви вот уже сто лет повернута к миру Черным ликом, что сердце ее Верховной, победившей соперниц в Лунной мистерии, оказалось полным ненависти и зависти? Или это богиня так воздействовала на Вайру, ведь сто лет назад та наверняка была прекрасна, невинна и чиста? А если Лойт и меня превратит в такую вот мегеру? Не хочу.

И опять почему-то вспомнился Сатарф. Его слова.

...кто-то, кто хорошо знает царицу Серых холмов, «настроил» тварь перед охотой на меня и выпустил приманкой. Кто-то, кто не мог знать о том, что я более не встречался с твоей матерью.

Знала ли об этом Верховная жрица?

Меня словно окатило ледяной водой. Даже пальцы задрожали. Вайра, конечно, следила за царицей Серых холмов, но мать прекрасно знала ее лазутчиц. Но дело даже не в этом. Если кто-то и мог приручить гинью, то

только Вайра. Именно она по приказу Лойт помогала Эльде справиться с приступами. Она и нянька Рагана. Именно Вайре наши ловчие везли всех пойманных тварей, от баньши до редчайшей гиньи, и Верховная силой любви Лойт либо усыпляла их, либо усмиряла и использовала для обучения сельо, либо приносила в жертву, вытягивая магию из тварей, как сливают кровь из дичи.

Кому, как не ей, знать все о лунных ритуалах и мистериях? Даже о таких, как кровавый Круг Изменения?

И только Вайра знала все о моей миссии, только ей я отчитывалась о каждом моем шаге. Единственное, о чем она не знала, — о селенисе, который подарил мне Ирек, и о том, что теперь с его помощью я могу сама ступить на Лунный мост, чтобы поговорить с богиней. И не узнает, если только не подслушает как-то с помощью своего селениса, ведь камни могут видеть и слышать друг друга, через них Верховная и передает приказы старшим жрицам храмов.

Я нащупала подарок Ирека, погладила теплый камень. Подавила желание его сорвать и выбросить в окно. Все равно не смогу: Сатарф так заколдовал замок, что снять сокровище можно только вместе с моей головой.

Но убийца — мужчина, на это кинжал намекнул довольно ясно.

Возможно ли, что маньяк, строящий ритуальный круг, — не главное лицо, а сообщник Вайры? Очень возможно. Верховная из тех, кто пойдет на все, чтобы не отдавать власть, которой она лишится совсем скоро, на ближайшей Лунной мистерии.

Скорее бы отец вернулся! Почему он так долго? У ректора, конечно, много дел, но мне казалось, Алиан не из тех, кто без серьезной причины может нарушить слово. Постепенно, по мере того как тускнело небо, в сердце закрадывалась тревога: что могло случиться?

Мир словно оцепенел. Ни ветерка не касалось по-осеннему желтых и багряных ветвей сада, ни облачка не проплывало в застывшем воздухе. Солнце казалось раной, истекающей ало-золотой кровью.

Нервы были так напряжены, что почти беззвучные шаги за спиной прозвучали, как гром.

Ирек выглядел смертельно уставшим, но сиял от счастья и радости так, что казалось: солнце снова взошло. Впечатлению способствовали и крылья, волочившиеся за спиной сияющим золотистым шлейфом. Что было кстати, так как светильников я в комнате не заметила, а уже ощутимо смеркалось.

— Знаешь, моя бы воля, я остался бы тут жить, — признался демон. —

А то какие-то академии, троны, интриги... Счастье же не в этом, правда? — он кинул взгляд на пустой стол и разочарованно вздохнул: — А пожрать ничего нет?

Я развела руками. Дом-то, может, и мой, но вот никто меня с его тайнами не познакомил.

— Пойдем поищем, где кухня? — предложила я.

Он кивнул, но, когда я проходила мимо, неожиданно сгреб в охапку и крепко прижал к себе.

— Лика...

— Пусти! — трепыхнулась я.

— Я тебе совсем не нравлюсь?

Вот ведь... демон! Я же сейчас ему весь кайф обломаю, жалко парня.

— Ирек, остынь.

— Твой отец сказал, что он не будет возражать, если я попрошу твоей руки.

— Когда это он успел?

— Он портал сотворил прямо в воздухе. Такого я еще не видел, чтобы светлые маги по облакам ходили. Даже не слышал, что такое возможно. Так как?

— Что — как?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— С какой стати я должна выходить за тебя замуж?

— Лика... — златокрылый демон провел ладонью по моей щеке, попытался заглянуть мне в глаза, но я отвернулась — знаем-знаем мы таланты детей Сатарфа, предупреждены богиней. — Лика, я полюбил тебя с первого взгляда.

Вот дурак!

— И мне неважно, кто ты и чья дочь. Неважно, как ты выглядишь и какая у тебя магия, — продолжал он уговаривать самого себя, потому что если действительно неважно, то об этом даже не вспоминают. — Когда ты накинулась на меня с ножом сбривать бороду, я понял, что ты — единственное, что мне нужно в этом мире.

Еще и вун. Больше любви ему нужны черные крылья.

Горячие пальцы легли мне на затылок, Ирек наклонился, чтобы поцеловать меня, но я спаслась бегством, применив заклинание «лунного ветра», или мгновенного, но, увы, слабощного портала. В руках демона еще сияло жемчужное маскировочное облако, а сама я перенеслась на пару шагов за его спину. В храме мы обожали играть в «лунные зайчики», и венки победительницы частенько красовались на моей бедовой головке.

— Ты не любишь меня, — сделал он правильный вывод, а крылья сразу потускнели и втянулись. — Но у меня есть шанс завоевать твою любовь?

Глупый. Никто никогда не мог завоевать любовь. Признательность, благодарность, участие, сострадание, жалость — что угодно, но не любовь. Это же не бастион, не армия, не территория. И даже не тело. Вот его — да, завоевать можно. Но сельо скорее умрет, чем ответит на любовь, не любя. Как ему это объяснить?

— Ирек, я сельо. Если бы для тебя это было интересно, ты бы знал, что нас нельзя завоевать. Любовь вообще не воюет, понимаешь, демон?

Нет, все-таки не дурак, мигом сообразил:

— Ты хочешь сказать, что то чувство, какое я к тебе испытываю, — не любовь? Мне лучше знать, сельо.

Я не хотела смеяться, само вырвалось:

— И ты говоришь это жрице богини любви?

— К хургу! Ты не можешь видеть мое сердце!

Увы, тут он не прав. «Око сердца» помог бы, но я не могла сейчас впадать в проstration. Кто знает, что на уме у этого демона, — вон как глазищи горят.

— Богиня может, — не растерялась я. — То чувство, какое ты ко мне испытываешь, называется иначе — вожделение. И вспыхнуло оно не в тот момент, когда ты меня увидел, а когда я догнала тебя и сидела на твоём животе, примеряясь ножом к бороде. Это острые ощущения и близость женского тела, вот и все волшебство.

Демон побагровел. Сжал кулаки, отвернулся к окну.

— Это Лойт тебе сказала? — глухо спросил он. — Мое сердце и душу защищает Тьма, богине не пробить этот щит, что она может увидеть и наговорить? Только сказки для своих одурманенных жриц.

Никакая Тьма или Свет не закроют истину от «ока сердца». Но... Тут Ирек недалек от истины: именно богиня открывала мне сокровенное, и я не могла ей не верить. Лойт не обманывает жриц, не нужно это ей. Тем более что наша магия могла проверить ее слова в любой момент. Но я не смотрела в сердце Ирека, хотя искушение велико, — зачем, если я не смогу ответить на его чувство, каким бы оно ни было?

— Ирек, хорошо, что ты вспомнил о том, что я жрица. Именно поэтому я не могу ничего обещать тебе и дать даже шанс на ответные чувства. Они невозможны. Никогда и ни к кому. Мое сердце должно быть свободным и чистым, чтобы мое служение богине...

— Глупышка, — перебил он, снова ловко поймал меня и потерялся о

макушку подбородком, а ладонь нахально скользнула на бедро. — Как ты можешь служить богине любви, если не знаешь и не хочешь знать, что такое любовь? Как? Телом? Но тебе и это не дано, если ты носишь пояс невинности.

— Да, ношу, — покраснела я, снова вырываясь из жарких объятий. — Было бы глупостью соваться к демонам без такой предосторожности. Весь мир знает, как похотливы темные маги, один ваш Дьяр чего стоит. И вообще, при чем здесь этот дурацкий пояс? Если я полюблю когда-нибудь, он исчезнет.

Ирек вздохнул, отошел к окну, за которым уже поблескивали звезды. Да где же отец?! — снова сжалось сердце от предчувствия.

— Меня одно успокаивает, — повернулся бастард. — Дьяра ты тоже не любишь. Я бы не пережил, если бы и ты досталась ему. Он и так все получил, что должно быть моим по праву рождения. Я не жадный, но хватит с него.

И он одним прыжком взлетел на подоконник.

— Ты куда? — всполошилась я, подбегая к нему.

— За едой. Дом тебе так же незнаком, как и мне. Неизвестно, какие тут ловушки стоят. Зато тут лес кругом, дичи полно. Ты же не откажешься от жареного на костре мяса, неприступная моя?

В животе сразу заурчало. Ирек усмехнулся и соскользнул за окно, распутив ослепительные крылья. И я снова задохнулась от восторга и даже не ответила на его горделивое:

— А я все равно тебя завоюю!

В жизни такого чуда не видела. Сумерки только подчеркивали их красоту и сияние. Сейчас Ирек не стеснялся и использовал магию крыльев в полную силу. Неужели какая-нибудь солнечная дева была его матерью? Чудеса. Никогда мне не понять, как в одном существе могут ужиться такие противоположные магические силы, как Тьма и Солнце.

Но где же папа?

— Ирек! — окликнула я.

Парень сделал искусный вираж и завис передо мной, едва трепеща крыльями.

— Ты хочешь меня поцеловать? — прищурился он. — Признайся, я тебе нравлюсь!

— В твои крылья я точно влюбилась! — серьезно сказала я.

— Ты серьезно? — удивленно расширились его глаза. И вспыхнули непередаваемым счастьем. — Значит, у меня есть шанс, селю!

Вот ведь... ладно, пусть порадуется, но недолго.

— Верни мне мое колечко.

Ирек нервно улыбнулся.

— Какое колечко?

Ах так...

— С порталом, которое мне папа подарил, — не теряла я надежды вернуть награбленное.

— Зачем тебе оно сейчас? — Ирек, заметив мои хищно удлинившиеся ногти, отлетел на метр, как будто его это спасет. — Ты и так в его резиденции.

— Только это колечко может доставить меня к архимагу, где бы он ни был, — какая же я терпеливая.

— Это слишком опасно. А если он на совете магов, и ты к нему свалишься, сельо? Ты еще не поняла, что он скрывает тебя от своих? Если бы он тебя не стыдился, давно бы представил своему другу императору и всей Белой империи.

— Кольцо! — я протянула руку ладошкой вверх.

— Ты точно хочешь его получить?

Р-р-р-р.

- Да!

— Давай уточним, — демон сложил руки на груди и, потеряв равновесие, едва не грохнулся, забыв, что умеет летать. Судорожно хлопнули крылья, и вот наглый сын своего отца, отличавшегося не меньшей дерзостью, снова смотрел мне в глаза. — Ты хочешь получить кольцо из моих рук?

Я была уже в ярости и с воплем: «Дай мне его немедленно!» — распустила крылья и выбросилась из окна на мерзкого ворюгу. Он попытался увернуться. Ха! Да я родилась в небе, когда мою рожаящую матушку тащили ее крылатые воительницы в храм и не успели. Среди жриц моего потока я летала всех быстрее, да и старших обгоняла легко, если сильно разозлюсь. А сейчас я рассвирепела, как цепной волкодлак.

Догнав и запрыгнув на демона со спины, я сжала ладонями его шею, оцарапав когтями до крови:

— Задуш! Откушу ухо! Проклян! именем Лойт!

«Хозяйка, помочь?» — отозвался издалика Шурш. И где его носит, интересно? Я послала ему мысленную улыбку. «Сама справлюсь, малыш!»

— Да возьми, возьми! — хрипло расхохотался проклятый демонюка. Тяжело ржать с передавленным горлом. — Кха! Только отпусти!

— И не подумаю! Давай быстрее, пока крылья тебе не сломала, а то у тебя и таких не будет! — отцепив правую руку, я помахала ладонью перед

его глазами.

Ирек перехватил ее, и на мой палец скользнуло колечко, а демон шепнул:

— Отдаю вместе с моим сердцем.

Меня словно льдом сковало и в пламя бросило одновременно. Показалось, мой палец сжало тисками и размозжило.

— А-а-а-а! — заорала я, отпустив злодея, и судорожно затрясла кистью руки. Сознание помутилось. — Больно! А-а-а-а!

«Хозяйка?» — перепугался дракончик.

Сильные руки схватили меня в охапку. Ирек с трудом, но закинул сопротивляющуюся добычу в открытое окно, от которого, к счастью, мы не успели далеко отлететь. Я упала и покатилась по полу, едва успев втянуть крылья.

Богиня, я сейчас без руки останусь. Палец, казалось, раздулся, как бревно. Как дом. Горящий в пожаре дом. Ах нет, это вспыхнули светильники, вспомнив о своих обязанностях.

— Сними! Сними его ради всех богов! — всхлипнула я, пытаюсь стащить проклятое кольцо и с трудом удерживая сознание.

Ирек, бледный, как кикирусина простыня, взял меня за руку и попытался помочь, но кольцо — почему-то черное, как сама Тьма, — не снималось даже с его усилиями, только стало еще больнее.

— Ай! — взвизгнула я. — Не надо, оставь!

— Я... не могу. — Он поцеловал мои несчастные пальчики и, к моему удивлению и радости, стало легче. — Прости, я перепутал их.

— Что?

— Кольца. В кармане лежало два колечка. Портальное и... это. В спешке не разглядел. Если бы ты меня не душила... — покаянно бормотал демон, не забывая дуть на почерневший, словно обугленный, палец.

— Поцелуй еще, Ирек. Это снимает боль.

Он с готовностью поцеловал, подул на пальчик и снова поцеловал. Я сморгнула проступившие слезы.

Шурш, появившийся в окне следом за нами, угрожающе нацелился на врага, причинившего мне боль. Если он убьет демона, я умру от болевого шока. «Нет, Шурш. Я... разберусь». — «Я пр-р-рисмотр-р-рю, сельо!» — прорычал дракончик, сверливший демона невидимым, но угрожающим взглядом.

— А где мое портальное, Ирек?

— Вот, — он вытащил из кармана серебристый ободок. — Но тебе его сейчас нельзя надевать. Тебя просто разорвет двумя потоками магии.

«Шурш, ты сумеешь разыскать моего папу?» — «Попробую, хозяйка. Я... сородичам сообщу, мы все поищем». — «Спасибо! Пусть он поторопится».

— Что за кольцо ты на меня надел? — Я немного успокоилась, но слезы неудержимо лились из глаз, а богиня помогать не собиралась. Ее присутствие не ощущалось совсем, словно никогда и не было.

Ирек из бледного стал розовым, отвел глаза.

— Ты только не злись, хорошо? Я сам не ожидал, что будет такая реакция. И... я не знаю, что делать в таких случаях.

— Ир-р-рек! — поторопила я увливающего от ответа демона. И всхлипнула.

Не знаю, что подействовало лучше, но он выпалил:

— Обручальное.

— Что-о? — слезы мгновенно высохли.

— Я надеялся, что ты примешь мое предложение и приготовился. И... мне хотелось, чтобы кольцо было тебя достойным, — это ходячее несчастье снова поцеловало мне изуродованный его подарочком пальчик. — Оно из родовой сокровищницы Темного Трона.

— Ты опять ограбил семейную сокровищницу.

— Это древняя реликвия, им давно никто не пользуется. У владык нашего рода другие обручальные кольца. А это хранится еще со времен Единения.

— И у него другая магия, — с горечью сказала я, до содрогания осознавая, как влипла. — Ты лжешь, Ирек. Ты ничего не перепутал, а специально окольцевал именно этой... реликвией. Почему ты трижды спросил меня, точно ли я хочу кольцо? Это входит в ритуал, так?

Он промолчал. Руку снова стало жечь. Получается, теперь я буду зависеть от настроения «женишка»? Кошмар-р-р. Только темные могли придумать такое пыточное обручальное устройство!

— Я не специально... — разлепил он губы. — К хургу! Да, специально, но не так, как ты думаешь. В кармане лежали рядом два кольца. Я загадал, что, если ты полюбишь меня и станешь моей женой, то я вытащу обручальное. А если мне ничего не светит, то попадетс порталное, и я готов был смириться и искать иной судьбы. И я не желал причинить тебе боль и не хотел обмануть. Мне сказали, что кольцо невозможно надеть, если невеста не согласна на обручение.

Звучало убедительно, вот только...

— А я трижды сама потребовала у тебя кольцо... Нет, Ирек. Не убедил. Заклинание действительно могло быть привязано к добровольно

произнесенным словам, но ты вырвал их у меня хитростью. А расплачиваться мне. И твое дурацкое гадание — это чушь! Я никогда не полюблю лжеца, а теперь ты потерял во мне и друга.

— Лика!

— Целуй! Мне больно! — Я с ненавистью сунула кисть руки в его лицо. Убила бы.

Он обреченно коснулся губами почерневшей кожи. Ничего, скоро этот обманщик так же меня возненавидит, как я его.

— Лика, да услышит меня Тьма, я найду способ снять кольцо еще до бала, если я тебе так противен, — поклялся Ирек.

— До какого еще бала? — простонала я.

— А ты не знаешь? В честь своего воцарения Дьяр объявил бал, и проходить он будет не во дворце, а в стенах Академии. Я... мечтал быть твоим спутником на этом балу. Уже как жених.

И утереть нос братцу. Я ему нужна только для того, чтобы сделать больно Дьяру. Если ему будет больно, в чем я сомневалась.

— И когда столь интересное мероприятие, женишок?

— Послезавтра. Если, конечно, брат переживет оставшиеся в испытании тринадцати Теней ночи. Но я в нем уверен, он стал существенно сильнее, если одолел даже Багрянника и Граэт-о-Мьирра.

Жаль, не увижу. Потому что умру от боли, хотя палец, кажется, стал чуть меньше болеть. Чуть реже. Ослепительными вспышками.

А хотелось бы на бал. Никогда не была — у сельо нет таких развлечений, ведь нам ни к чему соперничать друг с другом из-за мужчин. Делить некого: избранника лунной девы никто не сможет соблазнить. Конечно, танцы в Серых холмах бывают, но это совсем другое — скорее ритуальные пляски в одинаковых тогах под луной, чем развлечение. Потому мне ужасно захотелось увидеть бал демонов. Мама рассказывала — это потрясающее зрелище, даже получше, чем у манерных белоимперцев. Особенно Эльда расписывала бои перед балом, когда девушки могут оценить все ипостаси и мощь кавалеров.

Интересно, этикет позволяет владыке участвовать в боях? Или он, как заведомо сильнейший, только наблюдает и награждает? И что скажет Дьяр, когда увидит мое украшение? Все-таки братья они не только по отцовской крови, но и по изуверской душе. Один наградил меня подлой печатью, другой, не спросясь, обручился. Наполовину, ведь колец должно быть два, а от меня Ирек никогда ничего не получит.

— Лучше бы ты снял его немедленно, — я опустила взгляд на позорный знак обручения. — Мне не дожить до вашего бала.

Ирек снова усыпал поцелуями распухшую руку, но на этот раз почему-то не помогло. Может, мне и думать теперь о другом мужчине нельзя — артефакт накажет?

— Кто тебе сказал о таком необычном обручальном кольце? — спросила я, чтобы хоть как-то отвлечься. — Твой отец?

— Нет. Хранитель из нашей Академии, что-то вроде архивариуса. Он нашел упоминание в летописях.

— А с какой радости он с тобой поделился таким редким знанием? В программу обучения это не входит. Он подозревал, что ты — бастард Сатарфа и имеешь доступ в сокровищницу?

— Нет, — неуверенно сказал Ирек. — С чего ты решила?

— Просто ищу мотивы.

Демон задумался на минуту, пожал плечами:

— Нет, вряд ли Хувар знал о моем неофициальном статусе и хотел передо мной как-то выслужиться. Точнее, хотел, но по другому поводу. Я случайно увидел и прочитал страницу раскрытой книги из секретного хранилища, о чем свидетельствовала специальная печать, на его конторке и заинтересовался, почему рукопись вынесена в общий зал.

Что-то царапнуло меня в рассказе, но, оглушенная ноющей болью, я не могла поймать мысль. Ирек тем временем успешно отвлекал от страданий:

— По просьбе отца я присматривал за порядком в Академии, и такое вопиющее нарушение меня сильно разозлило. Никто не имеет права выносить раритеты из хранилищ, но Хувар отговорился тем, что получил задание срочно отреставрировать раритет, а смотритель читального зала заболел, и он вынужден совместить оба дела. И якобы ректор Вултон дал дозволение. Кстати, Вултон тут превысил полномочия. Такое разрешение мог дать только владыка или ковен полным составом.

Я уже не слушала Ирека. В моем мозгу словно щелкнуло, когда совместились слова «Хувар» и «смотритель», и я вспомнила пояснения нового ректора Нирта: *«Смотритель Хувар — ничем не блиставший низший демон, так и не закончил факультет превращений, перевелся на темную артефактику, получил низшую магистерскую степень»*.

— Ирек! — оборвала я его излишняя. — Хувар — это и есть тот убийца, которого мы ищем. И мы его чуть не поймали, но мерзавец сбежал.

Карие глаза демона из удлинённых стали квадратными. Точно, он же не знал о нашем с Дьяром приключении: как на меня напала гинья, а мы с владыкой отправились по ее следам и вышли на ректора Нирта, пытавшегося остановить Хувара. И я быстренько ввела бастарда в курс дела.

Как бы ни сердилась я на демона, но не могла не признать — соображал он быстро.

— Вряд ли он знал, кто я. Скорее, заметил, как я глазею на тебя, и решил подтолкнуть. Эх... я ведь еще твоему отцу успел о кольцах Единения рассказать и даже показать женское.

— Зачем?

— В той книге сказано, что мужское осталось в Белой империи.

Вот почему отец задерживается: колечко ищет! «Шурш!» — позвала я, чтобы отправить дракончика в сокровищницу — для Смерти замков не существует. Малыш не ответил. Наверняка слишком далеко забрался. Мал он еще, чтобы на любом расстоянии удерживать связь.

— Тебе не кажется, Ирек, что этот Хувар какой-то слишком проникательный виртуоз? — задумалась я вслух. — Откуда он мог знать, что ты решишь воспользоваться знанием о кольце?

— За исключением тебя, вся Академия знала, в кого я влюбился как мальчишка. А книга с описанием колец Единения оказалась на конторке после того, как тебя застукали в моей комнате. Помнишь?

Я-то отлично помнила, как, пользуясь отсутствием однокурсника, пыталась поспать на его койке, но мне казалось, что, кроме нас двоих и богини Лойт, никто не знал, какая девица скрывалась под пестрым париком. Опять Лойт, — похолодело в груди. Как раз в том месте, к которому прилип нагревшийся от моего тепла селенис.

— И он знал, что Дъяр выполнит одну мою просьбу. Любую. О нашем споре вся Академия знала, а брат проспорил. А любую — значит, я и древнюю реликвию мог попросить, если бы захотел. И Хувар сделал так, что я захотел, — покосившись на меня, Ирек смутился, но ответил на невысказанный вопрос. — По легенде, эти кольца могли разжечь малейшую симпатию до пламени любви, а я... очень хотел этого пожара.

Только почему-то только мне пришлось гореть живьем и без наркоза, покосилась я на черненький пальчик. Показалось или нет, что чернота слегка поблекла? Да и злость на Ирека слегка приутихла. Неужели правда древняя магия способна принудить к любви? Богиня, защити!

Но Лойт не ответила. С мгновения, как кольцо оказалось на пальце, ее шепот словно отрезало. Может, и селенис уже не работает, и Лунный мост мне не создать? Тогда рухнул план Верховной жрицы по поимке маньяка. Может, и к лучшему. Ведь я должна была заманить его на Лунный мост и переправить в храм для возмездия. А если главный маньяк — Верховная, а Хувар — лишь ее сообщник, то... Ничего. Ничего из этого не следовало.

Нет, не получается у меня стройной картины.

— Лика? — окликнул Ирек.

И только тогда я осознала, что рука женишка подкралась и обняла меня за талию, а второй он лапал мое плечо. И сидел вплотную, вжимаясь в бедро. Вот демон озабоченный!

— Так. Быстро отодвинулся и прибрал лапы! — прошипела.

Ирек нехотя отодвинулся. Кольцо куснуло за палец, но я героически стерпела. Не поддамся!

Интересно, а кольцо жениха так же сигнализирует о недовольстве невесты? Тогда я бы, пожалуй, рискнула надеть его на Ирека, чтоб ему руку откусило по шее. Фу, какая я злая, самой противно. Демоны плохо на меня влияют, а уж их обручальные кольца...

— Ты говорил, у этих ювелирно-магических изделий какая-то другая магия. Какая?

— Это же кольца Единения. Раньше ими обручались белые и темные маги правящих родов. Чтобы они друг друга не уничтожили в первую же брачную ночь, кольца должны были адаптировать противоположные силы друг к другу. Белой невесте вливалась порция тьмы. Своеобразная прививка.

— Но я на четверть демоница, да еще и адептка Тьмы и Теней третьего курса, уже должна быть адаптирована!

— Я на это и надеялся. Я тоже адаптирован к светлой магии, одни крылья чего стоят. Из нас вышла бы идеальная пара, Лика, — он вздохнул, но я продолжала буравить его недовольным взглядом — демон опять увильнул от ответа. — Говорю же: не знаю, почему у тебя такая реакция. Что-то в тебе очень сильно сопротивляется такому повороту.

— Уж не сердце ли? — ехидно осведомилась я.

— Кстати, о внутренних органах... — Ирек резво вскочил. — Мой желудок скоро самого себя сожрет. Мы хотели поискать кухню. Идем?

Хорошая идея. Жаль, запоздала. Есть я уже не хотела. Мне бы сначала с обручением разобраться.

«Хозяйка! — долетел долгожданный, но очень слабый голос дракончика. — Здесь пахнет смертью».

«Чьей?» — замерло сердце.

«Люди. Маги. Стража. Души уже ушли, не догнать».

«А папа?»

«Его не вижу. Много душ. Много крови. Сбивает. След потерян».

«Ищи. Где ты?»

Шурш в ответ показал мне картинку огромного, просторного подземелья с длинными рядами железных шкафов. Все ячейки в них были

с магическими сейфовыми замками. То ли морг, то ли архив. На квадратных дверцах светло-серого цвета выделялись яркие кровавые брызги и потеки. Словно мясник прошел. Тел мне дракончик не показал, щадя девичьи нервы. Неужели это сокровищница императора?

— Так мы идем, Лика? — голос Ирека развеял видение.

— Нет. А вдруг ловушки? Лучше уж дичь из леса. Ты обещал. Только папин портал отдай мне.

— Нет. Извини, любимая, но сейчас не отдам.

Я с трудом сдержалась: так меня покорило драгоценное слово в его устах. Словно стекляшкой по душе проскребли. А мое перекошенное лицо можно списать на боль от озверевшего кольца.

Ирек вздохнул и исчез в окне, а я рванула осматривать дом. На моей памяти здесь побывало немало гостей, особенно в самый первый мой визит, когда меня выкрали из Тархареша и доставили к папе. Где-то в доме должен быть стационарный портал! Я обязана кому-то из светлых сказать, где искать следы пропавшего ректора Алиана и навязаться поисковикам в качестве эксперта! И в тот момент я совершенно не думала, как будет воспринято белыми магами мое явление народу империи. Впрочем, думать об этом и не пришлось.

ГЛАВА 16

Авгура и демон

Отец действительно готовился к моему приезду и передаче дома, и это меня умилило до слез. Я не привыкла к такой заботе. Жрицы даже моей матери не разрешали видеться со мной. Раз в месяц в присутствии Верховной. А до десяти лет — раз в год. И никаких личных подарков, только пожертвования храму. А тут — целый особняк с охранной магией, настроенной на новую хозяйку!

Вспыхивали и медленно гасли светильники. Невидимые руки распахивали любую дверь, стоило мне приблизиться, и закрывали, когда я теряла интерес к помещению. Должен быть стационарный портал, должен! И наверняка где-нибудь в холле.

Пробежав второй этаж, где в основном располагались гостевые комнаты и столовая, я спустилась на первый по широкой мраморной лестнице. На роскошь интерьеров уже и не обращала внимания, не до того. Просторный вестибюль разочаровал: никаких следов портала ни по углам, ни в примыкающих комнатах. Обычный портал выглядел как испещренный рунами и чертами круг с вписанным многоугольником. Количество углов звезды зависело от влитой в артефакт силы, на вершинах черт обычно располагались накопители в виде самоцветов. Каждая руна концентрировала в себе заклинания, и приводились они в действие зрителем. Кто-то должен настроить артефакты, отрегулировать магические потоки — не дай боги, не хватит энергии! — и проследить за переходом.

Ничего похожего!

Бросилась наверх, на третий этаж, где нашла три спальни, библиотеку и огромный кабинет с отдельной ванной и комнатой для секретаря. И вот там-то обнаружилось, наконец, нечто, напоминающее порталный круг, — постамент из искрящегося, стального цвета камня высотой с ладонь, с выложенными по окружности полудрагоценными камнями. Над ним плыл какой-то странный сизый дымок. И пахло гарью. Впрочем, может быть, это Ирек жарил в саду пойманную дичь.

Я подошла ближе, и с первого же взгляда стало ясно: круг сломан!

Даже если теоретически предположить, что я смогла бы разобраться с шифром светлых магов и активировала заклинание переноса, причем в

неведомую мне точку в Академии Света, на рабочее место ректора, то сейчас надежды не осталось. Круг был разрушен физически: половина камней вытащена из гнезд, часть раскола вдребезги, линии рун, выгравированных в основании, разрушены трещинами.

Похоже, кто-то пытался взломать портал. Причем недавно: камни на ощупь оказались теплыми, а запах гари усилился, когда я разглядывала оплавившийся осколок.

Помянув хурга недобрым словом, я метнулась к столу секретаря, заваленному неразобранной корреспонденцией.

В этот момент стоявшее на краю стола сооружение, похожее на невысокую, с локоть, каменную вазу с крышкой, озарилось золотистым сиянием, крышка откинулась с механическим лязгом, и из отверстия выскочил свиток. Ага, вот так у них, в Белой империи, работает магическая почта.

Не смущаясь, я выхватила свиток, разгладила.

Мэтр Алиан, — гласила записка. — Если вы в загородной резиденции, немедленно отзовитесь! Я не могу достучаться до Вас ни по одному известному мне тайному и явному каналу! Ваш портал заблокирован, и никто не может явиться к вам лично. Дело настолько срочное, что я пренебрег секретностью и умоляю в срочнейшем порядке связаться со мной. Речь идет о жизни Его Императорского Величества!

(Подпись неразборчива.)

У меня закружилась голова, и я, придерживаясь рукой за стеночку, побрела в открытую дверь папиного — точнее, уже моего — кабинета.

«Шурш», — позвала я без всякой надежды и рухнула в кресло.

Взгляд упал на искалеченный палец и почти невидимую из-за опухоли полоску металла. Страшно представить, как отреагирует на это украшение Дьяр, а войну братьев я не должна допустить.

А ведь я считала Ирека другом, доверяла. Он мне даже нравился! И теперь-то, когда богиня не слышит, я могу самой себе признаться, что чуть не влюбилась, когда я увидела роскошные сияющие крылья. Если бы не звездные очи одного чернокрылого деспота и не моя клятва богине — точно бы влюбилась. Наверное, это наследственное: отец-то у меня светлый, вот и тянет меня на огонек, как бабочку.

Может быть, папа распилит злосчастное кольцо и вылечит мой

пальчик, и синеглазый тиран ничего не заметит: опухоль уже стала меньше, и кожа слегка посветлела. Интересно, что это означало? Что я смирилась? Ничего подобного! От меня вероломный «друг» никакого кольца не дождется, только на шею. Веревку.

Злость на златокрылого мотылька накрыла волной и тут же схлынула. Глупо злиться. Кольцо — не самое важное, что должно сейчас беспокоить. Но бастарда даже жалко: никто не может обидеть селю и остаться безнаказанным.

«Хозяйка! — коснулся меня слабый голос дракончика. — Я тут, хозяйка! Несу светлого мага».

«Он жив!» — обрадовалась я.

«Да. Но он ранен, а я не целитель. И такую душу я вернуть не смогу, если он уйдет — сил не хватит, я еще маленький!»

Я выцарапала сама себя из мягких и уютных объятий кресла и поплелась вниз: искать кухню. В храмовых школах изучали целительство. Там, где не требуется магия, все приемы универсальны, я знала, как вправить вывихи и лечить переломы, обработать и перебинтовать раны, облегчить боль травами. Но для этого тоже нужна вода и бинты. А за травами Ирека отправлю.

Эх, папа-папа... Кто мог так ранить одного из сильнейших магов Света, что даже дракон Смерти всерьез испугался за его жизнь?

* * *

Ирек летел, не разбирая дороги, кипя от гремучей смеси чувств: досады, гнева, обиды и упрямства. Ведь знал же, что ничего хорошего не выйдет из этой затеи, да и отец Лики просил не торопиться. Но... Ирек и не торопился бы, если бы младший брат не рискнул бросить жребий, и судьба распорядилась именно так. Почему Лика этого не понимает? Ведь он точно знает, что нравится девушке. Любой высший демон даже без «ока сердца» без труда поймет, что сумел очаровать объект своих желаний, а уж сын Сатарфа и подавно.

И ведь предупреждал же его Алиан!

Ирек, скрипя зубами, вспомнил унижительный разговор, каждое слово.

Алиан, как понял Ирек, специально выпустил демона полетать в своем небе, чтобы перехватить и поговорить вдали от глаз своей дочери. Такие мотивы демон мог понять, потому даже не удивился, увидев шагающую по

облаку фигуру белого мага. Крыльев он не раскрывал, но держался в воздухе свободно и прямо, как свечка, и туман клубился у его ног огромным пушистым зверем. Позер. В божка играет, фыркнул про себя бастард, но подлетел ближе и тоже не удержался, заложил пару виражей, продемонстрировав магу свою крылатую фигуру в выгодных ракурсах.

— Я заметил, моя дочь нравится тебе, демон, — ректор не стал разводить политесы. — Должен предупредить: интрижки я не потерплю — слишком хорошо осведомлен об особой магии твоей семьи, против которой не могут устоять даже селы. Да и давно ли ты разорвал помолвку с одной из дочерей Тьмы?

— Вы и это знаете?

— Было бы глупо и недальновидно не знать ничего о личностях, вьющихся вокруг моей единственной дочери.

— Меня предала та женщина и перестала что-либо значить для меня. А Лику я полюбил.

— Как у тебя все легко. Захотел — разлюбил, захотел — полюбил. Любовь демона... это, конечно, романтично, но неправдоподобно. Насколько серьезны твои намерения?

Тут Ирек и попросил Ликиной руки и показал приготовленное колечко, рассчитывая, что будущий тесть сможет повлиять на выбор дочери. Но тот даже слушать не захотел.

— Я не распоряжаюсь ее рукой и сердцем, демон, — сказал архимаг, издали разглядывая положенный на ладонь демона черный ободок с белыми искрами. Даже не притронулся к обручальному артефакту, то ли опасался, то ли брезговал. — Только она сама может тебе ответить.

— Она не может! — вспыхнул бастард. — Она с ног до головы окутана клятвами, как цепями: то этой ее лунной богине, то Дьяру. Нужно, чтобы она надела это кольцо, а потом уже ее спрашивать! Помогите мне, мэтр.

— Ты не мой ученик, чтобы так ко мне обращаться, — поморщился ректор. — Хотя я буду не против, если решишь поступить в мою Академию. Мы еще вернемся к этому вопросу. Надо бы высвободить в тебе ту магию, которую ты унаследовал от своей легкомысленной матери.

— Да что вы знаете о моей матери! — бастард зло хлопнул крыльями, и его едва не унесло ветром.

— Почти все, — мягко улыбнулся светлый. — Но об этом тоже потом поговорим. Давай-ка спустимся на твердую землю. Стар я уже, на сквозняке стоять.

И этот светлый, явно красуясь, прошелся по облаку, как по ковру в

собственной гостиной, и лишь потом выпустил крылья силы — удивительно тусклые для мага такого ранга, — и спланировал на лужайку.

— Это кольцо освободит ее сердце от оков богини, — выпалил демон, едва догнав светлого. — Она же как заколдованная ледышка!

— Никогда не принуждай сельо, парень. Она возненавидит тебя. И о каких оковах Лойт ты говоришь, сын моего врага?

— Вы знаете все о моей матери, но не знаете таких важных вещей о своей дочери? — не удержался демон, до того его взбесило обращение Алиана. — Лойт запрещает своим жрицам любить без ее приказа, замораживает их сердца. Потому лунные девы все холодны, как мертвецы.

Алиан расхохотался, вытер проступившую слезу:

— Извини. Это было неожиданно. Продолжай.

Ирек сцепил зубы и процедил:

— Стоит ли?

— Решай сам, но недолго, я тороплюсь.

— Это обручальное кольцо перехватывает или разрывает любую магическую связь, если она вредит будущему союзу.

— Насильно? Без согласия невесты?

— Почему же. Невеста должна трижды подтвердить свое согласие взять кольцо.

— Надеюсь, ты не забудешь сказать это Лике, когда будешь предлагать ей руку, сердце и этот странный артефакт.

— Ничего странного в нем нет. Это артефакты времен Единения, — и Ирек пересказал архимагу все, что успел прочитать в древней книге.

Алиан, забыв о времени, внимательно слушал, а потом устроил форменный допрос, выясняя, откуда студент третьего курса Академии Тьмы так много знает о традициях забытой эпохи. Тогда-то Ирек и вырвал у архимага обещание разыскать в сокровищнице императора мужское кольцо.

Теперь Ирек понимал, что зря: Лика не приняла его. Но может, такая бурная, до ненависти, реакция сельо случилась из-за того, что рвались опутывающие ее сердце лунные цепи, и бедной девчонке было просто невыносимо больно? А тут еще он к ней полез с признаниями...

Внезапно непривычные к полетам мышцы скрутило дикой болью, и демон кубарем сверзился с небес на землю. В терновый куст, давно потерявший листву, но не колючки. Зато вонзившиеся шипы должны мгновенно снять судорогу. Должны, но почему-то боль не утихала, одежда

на спине стремительно намокала, и бастард с изумлением осознал, что ранен. Кто-то подбил его подло, в спину. А значит, целил сверху.

Оставив попытку выбраться из терновника, Ирек вгляделся сквозь голые ветки куста в сумеречное небо. Обзор был никудышный: острые верхушки кипиров — особого вида остролистных деревьев, выведенного светлыми для приграничных лесов, обступали со всех сторон. Кипиры походили на десятирожковые канделябры, только вместо гигантских свечей от ствола отходили остроконечные копыя, для верности унизанные иглами. Очередное изуверство светлых магов над природой. Сквозь такой в полном смысле слова остролистный лес не продрасться ни крупному зверю, ни человеку, ни оборотню, если только они не одеты в железные латы.

Приграничье. Каждый защищается как может.

Со стороны близких Серых холмов тоже темнела стена деревьев, кипиров не было видно, но наверняка и на своей стороне селю напичкали несчастный лес какой-то дрянью. Нет, в небе куда лучше.

Что ж, Иреку еще повезло: терновник спружинил и не дал переломать кости, а кожа у демонов крепкая, особенно когда сверху прикрыта дубленой курткой и прочными штанами. А вот если бы он упал на воздетые копыя кипиров, то в полной мере ощутил бы, что чувствует вампир, пронзенный осиновыми кольями.

Кто же его подстрелил? Наверняка враг засек место падения, и стоит ожидать новой атаки.

Ирек перетек в боевую ипостась. Так-то лучше. Боль под правой лопаткой сразу уменьшилась, а черная с золотистым отливом чешуя затянула мелкие царапины от шипов.

Высоко над головой промелькнула белесая фигура. Не успел разглядеть.

Тут же клочок неба полыхающей кометой перечеркнула еще одна крылатая фигура, гнавшаяся за первой. И еще. Ирек попытался сосчитать, сколько их там кружило, но не преуспел.

Верхушки деревьев озарила ослепительная вспышка — явно работа белых. Не успели погаснуть отблески и сгуститься контрастная тьма, как высоко над крошечной полянкой фейерверками расцвели лунные «одуванчики» — опаснейшие заклинания селю.

На границе между Белой империей и Серыми холмами разгоралась жаркая схватка.

Вот и отлично. Можно под шумок выбраться из кустов и попытаться отыскать дорогу к особняку Алиана. Вот только это будет не так просто, а распускать крылья пока нельзя. Да и получится ли? Враг целил в самое

уязвимое место высшего демона — крыловую щель. Перевязать бы. Если даже боевая ипостась не помогла, то задели его всерьез.

Ирек, ломая ветки, выполз из кустарника, бесшумно скользнул к опушке и остановился под первым же деревом. Дальше идти было невозможно: видимо, недавний ураган переломал и изогнул кроны кипиров так, что они сплелись шипастой стеной. Можно было только проползти на четвереньках под древесными колтунами. До ближайшей ловушки, которыми богаты приграничные земли с обеих сторон.

А ведь с противоположной стороны лес казался нормальным. Да и свечи кипиров стояли реже, разбавленные обычными лиственными деревьями.

Похоже, Ирек упал не просто в приграничном лесу, а на самой линии, разделявшей два государства. Какая точность.

Он сосредоточился, пытаясь пробиться на теневую дорогу. Кто бы знал, как для него это тяжело! Тени его признавали, но вот наследие матери и тут подпортило: то, что с легкостью давалось Дьяру и Зарге, для Ирека было мучительно и долго, голова начинала гудеть, словно он ею, как тараном, пробивал железные ворота орочьих укреплений при осаде. Если бы Тьма признала его, все давалось бы легко, как дыхание.

Не успел он в очередной раз проникнуться к себе жалостью и обидой на отца, так неудачно выбравшего его мать для зачатия первенца, как над головой вспыхнуло особенно ярко, с неба раздался отчаянный визг, а кусты опять затрещали: на не успевшее остыть местечко спикировало подбитое тело с разорванным жемчужным крылом. Второе тщетно било воздух, но не могло удержать воительницу. Длинные, заплетенные в косу волосы и развевающееся колоколом платье не оставляли сомнений, что это была лунная дева. Ирек никогда не мог понять, как можно воевать в таком постельном виде.

Через миг с победным криком на поляну опустилась еще одна женская фигура, но в штанах и шлеме, сложила золотистые, сиявшие ослепительнее, чем даже у Ирека, крылья и замерла, не решаясь атаковать и добить врага.

— Сдавайся, сельо! — прозвенел яростный девичий голосок.

Совсем молодая, и как такую соплячку в патруль поставили? — удивился демон, замерший на пороге теневой тропы. Пользуясь незаметностью, он опять сменил ипостась. Может, и зря. Ему бы бежать, раны зализывать и будущую невесту покормить ужином, но... что скажет Лика, если узнает, что на его глазах покалечили сельо, а он даже не попытался защитить? А жрица Лойт узнает, он даже не сомневался. И

демон не мог упустить ни одной возможности выглядеть в ее глазах героем.

— Эй, Иннея, ты меня слышишь? Вылезай и сдавайся! — белая магиня усилила боевые заклинания, горевшие в ее ладони огненными шарами. — Ты что, шею там свернула?

«Да они знакомы?!» — чуть не присвистнул демон. А дрались всерьез.

— Не дожدهшься! — прошипело из куста. — Только подойди, Лиель, и я тебя тоже подстрелю. Этот хургов терновник — на нейтральной черте. Если ты сейчас ударишь, это будет нападением на стража границы, и на этот раз наши получают мой отчет. И я не буду скрывать акт агрессии со стороны Белой империи, причем уже на нашей территории!

— Ты первая напала на нашего мага, я видела! Ты его ранила, и я всего лишь прикрывала, чтобы он мог уйти порталом.

— Не я, а охранная система заклинаний. Она автоматически сработала, когда он пересек границу без дозволения. Что ваш маг делал в нашем небе?

— Да он и пересечь не успел, как его сшибли! И с какой стати у вас боевой режим охраны границы, сельо?

— Да с такой, светлая. У нас отличная система оповещения, и мы уже знаем, что ваш император пропал. Естественно, в отрядах повышенная бдительность.

С каждым произнесенным словом голос сельо слабел, а светлая теряла злость, даже ее световые шары потускнели. Лиель оставила ровно столько света, чтобы рассеивалась подступающая ночная мгла. Совсем стемнело, нахмурился Ирек. Как там Лика? Мало того что он оставил ее злой и расстроенной из-за этого дурацкого кольца, так еще и голодной. А голод, как известно, благости характеру не прибавляет.

— Иннея, ты сильно ранена? — в голосе светлой послышалось беспокойство.

— Тебе-то что! — огрызнулась лунная стражница.

— У нас говорят: спасший жизнь имеет право поинтересоваться, как ее используют в дальнейшем.

— Я не просила меня спасти! — рывкнула сельо.

— Ну прости, так получилось. Не могла же я допустить, чтобы ты в тот день утонула, а твой труп течение прибило бы к нашему берегу. Оправдывайся потом... — подкинув один шар вверх, магичка подвесила его над поляной, как люстру, а второй все же приберегла, но уменьшила до минимума, и он ползал крохотным светлячком по ее ладошке. — Прошу перемирия, сельо. Я к тебе сейчас подойду, помогу выбраться и осмотрю раны, только не делай глупостей. Договор?

— Ты лучше вашему паршивцу помоги, — сельо повернула голову и

взглянула прямо в глаза Ирека.

«Глупец!» — спохватился он. Давно надо было улизнуть. Видел же, что продолжения драки не будет, геройствовать не придется, так почему не ушел? Он не мог сказать, что его задержало. Чувство опасности притупилось. Взгляд скользил то по мерцающему жемчугом пятну, запутавшемуся в терновых кустах, но чаще — по стройной, обтянутой формой фигурке светлой магички, не до конца втянувшей крылья, и теперь они струились мягким золотистым водопадом, сливаясь с цветом ее растрепавшихся от боя волос. Жаль, она стояла к нему вполоборота, и демон мог видеть только гордо вскинутую голову и мягкие очертания щеки.

Но теперь девушка стремительно оглянулась, машинально увеличив силу пульсара. Молодец, врасплох не даст себя застать. Хотя чувствительность у нее слабовата. Вот сельо почему-то почувствовала взгляд чужака, а светлая — нет. Слишком переживала за раненую, получается?

На Ирека взглянули такие чистые глаза-озера, что он сразу понял: пропал. Утонул с головой. Надо было раньше сбежать в тень. Да и сейчас не поздно, тропу он держал открытой уже минут пять, доля мгновенья — и его не достали бы. Но он не смог даже пошевелиться. Или это какое-то неизвестное колдовство беленьких его парализовало?

— Привет, — неуверенно улыбнулась девчонка, замороженно рассматривавшая нарушителя границ.

Сердце Ирека екнуло. Ему впервые стало страшно, и он не смог бы сказать от чего. Если она... они поймут, что он — демон... Если придется драться с ней... с ними... Нет, не должны опознать. Он же не в боевой ипостаси, к счастью. А тропа теней... да нет никакой тропы, это обычные лесные тени тут так сгустились, до черноты. Ночь ведь уже.

Он кивнул и промолчал, как дурак.

— О богиня! Ты это видишь? — вдруг хихикнула сельо, пытавшаяся тихонько выбраться, пока на нее никто не смотрит. Ирек лишь краем глаза заметил, что платье у бедняжки порвано шипами в клочья. Стражница называется.

— Ты как? — светлая трогательно склонила голову к плечу, смахнула с щеки какую-то мошку. И это вот — воительница? Хворостинка, тоненькая и хрупкая. Ребенок. Не видел бы Ирек, какими молниями она швыряется, не поверил. — Сильно ранен?

— Нет, — собственный голос показался чужим, деревянным и скрипучим.

— Я думала, ты давно порталом ушел.

— Нет.

— Если ранен, подойди, я подлечу.

— Н-н... — Ирек чуть язык не прикусил, когда осознал, каким идиотом выглядит. — Потом. Сначала ее, — он кивнул на выбравшуюся из куста лунную стражницу. Та едва ковыляла и поддерживала одну руку другой. — Похоже, у нее перелом.

— Просто вывих, — прошипела сельо.

— Подожди, Инне, я вправлю! — спохватившись, бросилась к ней Лиель. — А как твое крыло?

Сельо оглянулась, усмехнулась зло:

— А не надо было рвать, было бы как новенькое. Восстановится, в первый раз, что ли? Не двигайся дальше, бестолочь светлая! Перейдешь рубеж — тоже схлопочешь какую-нибудь гадость. Я и сама не знаю, чем теперь лес нашпигован.

— Тогда ты ко мне подойди, я позволяю.

Иннея задумчиво глянула на нее, на Ирека. На лес со своей стороны. Вздохнула:

— Дозволяет она... А то, что опять долг на мне будет, тебя наверняка особенно радует. Ладно, от помощи не откажусь. Клянись не причинять вреда. И ты, — она снова пробуравила Ирека сердитым взглядом.

Оба поклялись, причем Ирек просто повторил за светлой формулу, и никакая божественная кара его не поразила. Тьма только развлеклась таким кощунством, а Свет промолчал.

Сельо подошла, перестав смущаться разодранного платья. Она была значительно старше светлой магички и даже Ирека — лет двадцати трех. Коса русая, темная у корней и почти белая на кончиках волос. Но удивил демона не оригинальный окрас — демоницы со своими волосами вытворяли что попало, даже картины рисовали на гривах. Удивили его застарелые шрамы на породистом лице стражницы: кто так порвал бедняжку, что даже Лойт не помогла сохранить красоту? Впрочем, его ли это дело?

Сквозь прорехи рваного платья ослепительно белела женская грудь, но демона она не взволновала бы, будь сельо полностью обнаженной и в постели. Все его внимание сосредоточилось на действиях Лиель. А та, забыв о его присутствии, бормотала снимающие боль заклинания — они были стандартны для всех магий, — а потом резко дернула на себя левую руку Иннеи. Щелкнул и встал на место сустав. Сельо прикусила губу, но ни звука не издала. Вот это выдержка, поразился Ирек. Как у настоящей демоницы.

— Спасибо, — буркнула лунная дева и досадливо отвернулась, неблагодарная.

— Сейчас повязкой зафиксирую, подожди.

— Не надо, Лиель, не трать время.

— Отек будет сильный, если не перевязать. Стой спокойно, хотя бы заклинания наложу.

— У тебя еще один раненый, — напомнила Иннея, баюкая поврежденную руку.

И прекрасные глаза снова остановились на лице демона. Он даже не мог бы сказать, какого они цвета. Темные или светлые. Кажется, темные. Но может, просто потому, что в них отражается ночной лес?

— Разреши тебя осмотреть, незнакомец.

«Белая ведьма», — Ирек, спохватившись, тряхнул головой, прогоняя наваждение. Ее нежные розовые губы дрогнули в улыбке:

— Ты что, боишься?

— Переломов нет, кровь уже остановилась, а остальное заживет.

— А если заражение? Ты же весь исцарапан! — магичка покосилась на терновник.

Сельо, внимательно наблюдавшая за Иреком, хмыкнула:

— Да ты посмотри на него, Лиель. Ни царапины! Мне бы такую регенерацию, — она коснулась своей щеки пальцами здоровой руки.

Ирек усмехнулся:

— Особенности родовой магии.

— Он же светлый, а у нас целительство в крови, — не оглядываясь, напомнила Лиель. — Если бы ты не была такой упрямой, я б и у тебя шрамы сгладила.

— Обойдусь! — поджала губы странная стражница. — Ладно, пошла я. О нарушении не буду заявлять. И вообще, я вас не видела.

— Спасибо, Иннея. Я тоже не буду предавать огласке, что нашего мага подстрелили на нашей территории. Зачем нам война из-за царапин? Правда? — девушка требовательно сверлила взглядом демона, и тот согласно кивнул.

Война ни к чему, это она верно подметила. Если, конечно, не брать во внимание, что она не прекращалась уже тысячу лет, а лишь переходила в холодную фазу на периоды перемирий. А перемирие — это еще не совсем мир.

Сельо помахала здоровой рукой и направилась к опушке на стороне Серых холмов, но остановилась, не сделав и двух шагов. Выдохнула:

— Кавель? О богиня! Как ты сюда попал?

Из лесной темноты на поляну, ярко освещенную световым пульсаром, выступила неясная, словно размытая, человеческая фигура. Ее зыбкие очертания и казались то женскими, то мужскими. Фигура сделала длинный шаг вперед.

— Мама? — удивленно воскликнула Лиель. — Как ты меня нашла?

Сельо удивленно обернулась:

— Ты что, какая мама? Это же мой муж! — и тут же, вскрикнув, поднесла к глазам ладонь с ярко вспыхнувшим перстнем. — Богиня, что это?

Фигура, войдя в круг света, стала плотнее, ярче, и Ирек тоже не удержался от возгласа:

— Лика? Ты зачем здесь?!

Ками-рани его брата, одетая в странную хламиду, выглядела потерянной и уставшей, но когда ее взгляд остановился на демоне, глаза радостно вспыхнули. Как-то даже торжествующе.

Первой опомнилась Иннея. Побледнела так, что шрамы выступили на коже безобразной сеткой, крикнула:

— Стоять! Не смотрите ей в глаза!

Но Ирек и Лиель уже бежали вперед, каждый протянув руки к своему видению.

— Лика!

— Мама!

На лице той, которую Ирек принял за Лику, появилась хищная улыбка. Существо подобралось, глаза забежали от лица к лицу.

— Назад! Это гинья! — взвизгнула Иннея. Лунное заклинание уже летело в тварь, а непослушные пальцы искалеченной руки стражницы нырнули в поясную сумку за амулетами.

Опоздала.

Тварь, уже прыгнувшая на Ирека, под немыслимым углом извернулась в воздухе, уходя от удара, и, изменив траекторию, обрушилась на сельо.

Демон на миг остолбенел: лицо «Лики» вытянулось, красивый рот преобразился в жуткую пасть с двумя рядами игольчатых клыков. Пасть сомкнулась на горле стражницы и с хрустом вырвала его. Кровь брызнула фонтаном.

Тонко взвизгнула светлая магичка, швырнув пульсар в голову твари. Та опять увернулась, подставив под удар умирающую жертву.

Через миг чудовище, отшвырнув обмякшее и уже распадающееся жемчужным лунным туманом тело сельо, повернулась к свидетелям бойни. И бирюзовые глаза, так похожие на Ликины, снова остановились на

демоне, а красиво очерченные, испачканные кровью губы опять призывно улыбались. Его передернуло от отвращения. Ирек отвел взгляд, стараясь смотреть чуть выше твари, и контуры чудовища сразу потеряли четкость, оплывая и дрожа, как сквозь поток горячего воздуха.

— Сдохни, тварь! — в гинью полетел новый пульсар, помощнее. А еще один выстрелил высоко вверх и распустился над поляной огненным шатром, видным издалека — магичка звала своих на помощь.

Гинья покачнулась от удара, но особых повреждений не было заметно. Она не стада прыгать через терновый куст — рванула в обход, и ее целью была не атаковавшая светлая, а демон. Он не стал дожидаться, когда укравшее Ликин облик существо вцепится ему в горло, побежал от нее, соблюдая равное расстояние. Догонять ее со спины он не собирался.

— Вдарь по ней, дурак! Что ты медлишь? — заорала Лиель, срывая с пояса первый попавшийся амулет. Видимо, ее резерв был слишком слаб, и последние огневые шары выпили остаток, и даже тот, что еще плыл над поляной, совсем потускнел.

А демон не мог применить магию. Его раздирали противоречия: начнет драться — раскроет свою демоническую природу. Не начнет — умрет Лиель. А допустить и даже представить такое он не мог. Что же делать?

Амулет, брошенный магичкой в гинью, заключил чудовище в светящуюся сеть, и взывшая от боли тварь, кувыркнувшись, упала, но ненадолго: ее призрачная плоть уже начала просачиваться в ячейки и собираться в воздухе в бесформенный ком.

Ирек в этот момент поравнялся с Лиель, готовившей новое заклинание. Он уже вытащил из кармана порталное колечко архимага и, схватив девушку, надел ей на пальчик. Оставалось активировать заклинание переноса. И он по наитию произнес те же слова, которые как-то услышал от Лики: «Катись-катись, колечко, в дом к доброму сердечку». И добавил от себя вычитанное из книг по враждебной белой магии: «Свет к свету». А чтоб наверняка сработало, крикнул, толкнув растерявшуюся, но разъяренную девушку в раскрывшийся портал:

— В дом архимага Алиана и его дочери!

Портал схлопнулся, унося добычу.

Светильник, паривший над поляной, угас как раз в тот момент, когда на Ирека накинута сформировавшая новенькое тело тварь. На него дохнуло смрадом из разверстой пасти существа, уже ничем не напоминавшего Лику.

И первенец Сатарфа, перейдя в неуязвимую для клыков боевую

ипостась, ударил от всей темной половины души, со всей ненавистью и яростью.

И пусть Тьма не могла дать ему Истинную тень, но она дала достаточно, чтобы Ирек стал не последним из темных магов. Он атаковал заклинанием «черной пики», снова разорвавшей воющую тварь на мелкие клочья. Ему повезло: гинья была уже ослаблена атаками лунной и светлой магий.

Не успела она собрать новое тело, как в каждый из клочков полетело заклинание «праха», и сразу же демон поднял «смертный ветер», одновременно открывая тропу теней, множество троп, куда и засосало распадающиеся в прах останки.

Он успел увидеть, как черная пыль, разлетевшаяся по сотням теневых тропинок, расползается жемчужным туманом — тем самым, который говорит об окончательной смерти лунной девы. Сельо, даже превращенные в чудовища, никогда не оставляют после себя ни частички плоти.

Демон, захлопнув теневые порталы, спешно сбросил боевую ипостась: темное небо над головой уже озарилось светом крыльев тех, кто спешил на сигнал Лиель.

Уйти новой тропой Ирек уже не успевал, теньям еще нужно закончить работу, растворить в себе и серебристый туман, чтобы даже намек не осталось. Лишь крылья слегка выпустил. Не в полную красу, чтоб не мешались, а так, золотистым намеком.

На поляну с переломанным и дымящимся терновником опустились четыре светлокрылые фигуры: одна девушка и три парня. Все, разумеется, в форме и с оружием. Но, к удивлению демона, перед ним была не пограничная стража, а имперская. Гвардейцы, о чем свидетельствовали вышитые золотом на белом фоне крылатые короны.

— Не двигаться! — жезлы в их руках предупреждающе засветились. Ирек слышал о таких амулетах-накопителях, выпускающих в бою целые россыпи жалящих пульсаров.

Он замер. Трое разбежались по поляне, обследуя место недавнего боя, а самый старший маг — лет тридцати, поджарый, как гончая, с острым взглядом светло-карих глаз и забранными в хвост светлыми волосами, приблизился к Иреку для допроса.

— Кто таков?

— Меня зовут... Ирлек.

Одна буква — это такая мелочь, а розыскное заклятие наложить не позволит.

— Род или лен?

— Род Гилм.

— Что-то я не слышал о таком.

— Он так мелок, что в реестрах семей вряд ли числится, разве что самым мелким шрифтом, — пожал плечами Ирек.

— И где же живет Ирлек Гилм?

Любой служитель тайной канцелярии имеет легенду на любой жизненный случай. Демон, обладавший солнечными крыльями, — не исключение, и давно составил себе светлую лжебиографию. Вот ее детали он и повесил на круглые уши светлого мага: мол, родина его — деревенька на морском побережье, поблизости от порта, а семья — простые рыбаки, не отмеченные печатью магии.

Это было виртуозное вранье, ведь намек на крылья освещал фигуру Ирека золотым ореолом, а у светлых, как и у демонов, только обладающие магией могли летать. Крылья — чистейшая магия. Но, увы, у сына рыбака Ирлека только на них силы и хватало, и никаким заклинаниям он не обучен.

— Так это тебя сбили лунные стражницы? — прищурился гвардеец. — Ты хотел бежать из империи?

— Никак нет. Я искал загородный дом архимага Алиана и заблудился в темноте.

— Мы видели сигнальный шар, — нахмурился страж. — Кто его запустил?

— Светлая Лиель, она — страж границ.

— И где она?

— Я отправил ее порталом в дом архимага Алиана. Девушка подвернула ногу.

Имперец усмехнулся:

— Не сходится, Гилм. Ты же не владеешь магией.

— Вообще-то я крылат, — напомнил Ирек. — Но моя магия очень слаба, нестабильна и проявляется вспышками. У меня было порталное кольцо самого мэтра.

— Все интереснее и интереснее, — страж одобрительно похлопал жезлом по ладони. — Откуда?

— Семейная реликвия. Мэтр меня одарил, когда я малышом был. Крылья мои ему понравились, думал, сила хорошая будет. А не раскрылась. Вот и хранилось колечко в нашем доме, пока не пришла нужда.

— А почему сам не воспользовался и не отправился прямиком в резиденцию?

— Еще чего! — возмутился Ирек. — Говорю же: слаб я. Где столько

сил взять, чтобы держать портал? Да меня бы расплющило! Нет уж, я не самоубийца. Надежнее на своих двоих да на крылышках. Вот обучусь, тогда и осмелюсь сам порталом пользоваться, если Лиель его не затырит... то есть не потеряет.

— Так зачем тебе архимаг вдруг понадобился? — имперец пошел по второму кругу, стараясь поймать на несоответствиях.

— Так учиться же! Тетка с дядькой как узнали, что ректором в Академии тот самый маг, который им кольцо подарил, так все уши прожужжали, чтобы я учиться пошел. Так-то меня не примут, а вот если сам ректор поспособствует...

— А не проще ли было искать ректора в самой Академии?

— Так она же в столице, а это в два раза дальше от моей деревни, чем тутошний домик. Ноги-то у меня не казенные, да и деньги на дороге не валяются. — Ирек и сам понимал, что выглядит и он сам, и его болтовня весьма подозрительно, потому торопливо предложил: — Да мэтр и сам вам все подтвердит, когда меня увидит. Тут ведь недалеко.

К ним подошли девушка с клочками окровавленных одежд в руках и парень с горстками колючек, земли и трухи, насыпанными в прозрачные конверты.

— Мы тут кое-что нашли, командир Диатр. На ветках терновника — кровь демона и сельо. Есть следы темной и лунной магий. Кто-то из наших тут тоже поработал, есть остаточный след заклинаний света.

— Так Лиель же! — напомнил демон. — Она, видать, в драке и подвернула ногу. Но ничего, у мэтра в доме ей помогут.

Имперцы переглянулись.

— Что ж, придется навестить господина ректора, — хищно улыбнулся командир. Остальные расхохотались. Диатр подмигнул им. — Только вот что... как тебя там... Ирлек. Давай-ка мы тебе тоже кое-что подарим.

И с этими словами мерзкий имперец завернул руку Ирека. Второй маг схватился за другую руку, и на бастарде защелкнулись наручники, блокирующие магию. Светлую, разумеется. Темная бленьким не по зубам. Но сияние крыльев Ирека сразу погасло.

— Вы что? — возмущился он, слабенько дернувшись. Нельзя показывать, что для него эти заговоренные железки — что паутинка. Да и никакие наручники не помешали бы ему удрать тенями, но тогда он подставил бы Алиана, а через него и Лику. М-да... поиски ужина что-то безнадежно затянулись.

— Видишь ли, Ирлек Гилм, тебе страшно не повезло. Сидел бы ты в своей деревне, рыбачил. Но вот приспичило тебе чуть ли не среди зимы

поступать в Академию. Странно, но что взять с деревенщины?

— Я не дурак, — фыркнул Ирек, хотя уже сам в этом сомневался. — Хотел о частных уроках договориться!

— Ну-ну. А ты знаешь, что твой покровитель подозревается в похищении императора и покушении на его жизнь, и сейчас идут обыски во всех его резиденциях? Потому мы тебя придержим для разбирательств, парень. Раз вины за тобой нет, бояться тебе нечего.

Ирек побледнел. Вот это они с Ликой влили. И бежать ему нельзя. Хотя почему нельзя? Что бы ни было потом, предупредить Лику и Алиана — а ректор уже давно должен вернуться — он успеет.

Заклинание «праха» универсально для любой материи, живой и неживой, потому браслетки в один миг осыпались с рук демона горячим серым порошком, а сам он, со всей силы ударив командира правым кулаком под дых, вмазал левым по носу ближайшего гвардейца, в прыжке дотянулся ногой до паха третьего мага, а девчонку бить не стал, но схватил в охапку и швырнул в такой замечательный терновый куст.

Открыть путь теней на этот раз получилось почти так же быстро, как у Дьяра, — сказывалась недавняя тренировка. Он уже шагнул в тень, когда вслед полетела вспышка заклинания.

ГЛАВА 17

Авгура, сельо и другие разумные и не очень существа

Кухня нашлась на задворках первого этажа — огромная и пустая, словно ею никогда не пользовались, и напичканная всякими приспособлениями светлых, какие я и в глаза не видывала. Как пользоваться очагом, я так и не разобралась. Но воды набрала и вскипятила по-походному, разложив костер на мраморных плитах пола. Представляю, что папа подумает о лунных варваршах. А уж как его слуги обхохочутся!

Найденные полотенца я разрежала на полоски бинтов, прокипятила и высушила. Нашла кладовочку с сушеными лечебными травами — светлые на них просто помешаны, не могло не быть. И все равно время словно застыло и не двигалось.

Я уже весь дом облазила от чердака до подвалов с лабораториями, нашла даже потайные короткие пути с этажа на этаж — домашние порталы подмигивали мне как хозяйке: не пропусти, мол. И сделаны они были удивительно: достаточно ступить в появившийся круг света и коснуться пальцем одной из плавающих перед глазами ярких рун с названием места, куда нужно попасть. Не все были мне знакомы. К примеру, что означало «Л 1», «Л 2», «КА», «КЛ» — непонятно. Ко всему прочему некоторые руны были тусклыми, неактивными. Значит, отец пока не открыл мне туда доступ.

Шурш летел медленно: тяжело ему нести взрослого мужчину, особенно когда он терял сознание. И я старалась не слишком часто отвлекать малыша истеричными: «Ну как он там? Жив?» Смахивала с ресниц злые слезы, прислушивалась к ночным звукам за распахнутым окном (может, Ирек прекратит обижаться и вернется?) и готовилась принимать раненого архимага, холодея от ужаса: если папа сам не в состоянии справиться с ранами, то они очень серьезные. Нет, не дам я ему умереть. Мы с ним только познакомились!

Каково же было мое удивление, когда сверху послышался такой шум, словно что-то грохнулось на пол, а затем невнятный, но злой женский вопль.

Я рванула к ближайшему portalу. Вылетела в коридоре второго этажа, огляделась. Шум доносился из столовой. Распахнув дверь, я на миг

обомлела.

Видимо, судьба такая у этой резиденции белого мага, что все, кому не лень, вламываются сюда без всякого стеснения. То-то папа поспешил от него избавиться, передав мне. Но нужен ли мне такой подарочек?

На полу валялась парочка опрокинутых стульев, а у стены билась, как муха в паутине, спеленутая световыми путами незнакомая девица. Красивая, холеная, сильная магиня, явно из авгуров, высшей аристократии светлых магов.

Увидев меня, она перестала извиваться, втянула крылья, перьями которых пыталась порвать ловушку, и повисла, оглядывая надменным и одновременно злым взглядом из серии «белые не сдаются!». Лучше бы сказала спасибо, что папины охранки ее не развеяли на волокна.

— Привет! — улыбнулась я, одновременно посылая вопрос Шуршу, далеко ли еще мой уставший дракончик и как там папа.

«Уже близко, хозяйка, но маг без сознания», — ответил дракончик.

Эх, папа... И как мне теперь освободить нарушительницу? И кто она? Папина любовница? Или воровка?

На мое приветствие девица прошипела:

— Выпусти меня!

— Не могу. Не знаю как, надо ждать хозяина.

Она окатила меня с ног до головы гневным взглядом. Не поверила.

— А кто хозяин и кто ты? И почему меня так негостеприимно встретили?

— Извини, не подготовились. Архимаг Алиан не любит незваных гостей, особенно по ночам. А вот ты кто?

— Так это правда дом Алиана?! — возмущенно завопила странная девушка.

— Его загородная резиденция, — кивнула я.

— Вот бездна! Прости за вторжение, — во взгляде светлой не заметно было никакого раскаяния, одно сплошное раздражение. — Это недоразумение. Я — страж границы, вейна^[1] Лиель из рода Фаэтар, и сюда я попала не по своей воле. И очень тороплюсь. Там лунная тварь, она сожрет этого недоумка!

— Какая тварь и кого сожрет? — Подняв стул, я села.

— Сначала у нее было лицо моей матери, — терпеливо начала объяснять магиня.

— Гинья?

— Иннея так ее и назвала, — кивнула Лиель. — За миг до того, как тварь ее убила. А этот золотокрылый дурак остался с гиньей один.

Сердце у меня екнуло. Я знала только одного золотокрылого дурака, и он как раз ошивался в местных лесах, так близко подходивших к границе с Серыми холмами.

— Ирек? — сорвалось с губ. Что я Дьяру скажу, если его брат погибнет!

— Не знаю, он не представился. И теперь уже наверняка мертв. Я даже подумать не могла, что этот идиот напаялит на меня это дурацкое порталное кольцо! — она потрясла кистью руки, словно пыталась избавиться от укусившего насекомого, и я с ужасом опознала знакомое колечко.

— Ирек! Это был он!

Метнулась к двери... потом к окну... Ледяной камень подоконника остудил и привел в себя. Поздно. Авгура права: у бастарда нет шансов против гиньи. И не странно ли, сколько этих тварей развелось в последнее время? А в лунной школе говорили: редкость чрезвычайная.

«Шурш!» — позвала я в отчаянии.

«Я уже близко, хозяйка!»

«Ты можешь почувствовать смерть Ирека Гиля?»

«Э-э... хозяйка? Если бы он умирал, то смог бы, но он жив».

— Жив? Не может быть! — вырвалось непроизвольно, и я тут же закусила губу. Как он одолел магическую тварь, против которой даже лунный меч не всегда поможет?

Магичка за спиной слабо зашипела, как от боли. Ей же и правда больно, спохватилась я, плети вон как впились в ее тело. И наверняка магическая ловушка вытягивает силы из жертв. «Шурш, если Алиан в сознании, спроси, как приказать охране освободить нарушителя?»

Ответ пришел через долгую минуту: «Маг говорит: охрана тебе еще не переподчинена. Жди. Скоро. Или утром секретарь придет, поможет».

Бедняжка. Стало жаль магичку. На вид она моя ровесница, а уже вейна. На вид — авгура, хотя обошлась без великосветских приставок к имени, а границу охраняет как простая стражница. Авгуры и лен-маги обычно своих детей поближе к императорской кормушке пристраивают.

Взяв со стола кувшин, я налила воды в бокал, подошла к пленнице.

— Мне очень жаль, но пока я ничем не могу тебе помочь. Мэтр скоро прибудет. Воды?

Она кивнула и с жадностью припала к бокалу, но отстранилась через пару глотков.

— Спасибо. Потерплю.

Боится опозориться передо мной. Сила воли у девчонки развита,

хмыкнула я про себя. Вон как губы у нее пересохли.

— Расскажешь, что произошло, Лиель? Это тебя отвлечет от боли.

Пока она рассказывала, медленно цедя слова, я пыталась понять, откуда могло появиться столько особенных тварей? Лунная дева перерождается в гинью только в невероятном случае — в брачную ночь, когда ее любовь оказывается отвергнутой избранником. Ну, может, раз в тысячу лет и находятся такие упертые самодуры, как Сатарф, отказавший моей матери, и спасло ее чудо. Но чтобы откуда-то выползли две гиньи, одна за другой, и обе — поблизости? В Академии Тьмы тварь напала на меня. А тут кто был ее целью? Тоже я? Но как гинья могла знать, что я в Белой империи, и найти меня так быстро? И почему не дошла до моего убежища и напала на Иннею? Перепутала? Или случайно вышла на запах ближайшей селю? Этого я никогда не узнаю.

Но количество тварей не давало мне покоя. Стоило ли ждать третью? Или уже четвертую, учитывая, что и Сатарф оказался обманут кем-то, кто надел личину царицы Эльды.

Да, сомнений уже нет. Кто-то управляет тварями. Создает их и управляет ими. А учитывая, что лунная дева должна любить избранника истинно, по-настоящему... То вариантов не так и много. Не правда ли, богиня? Впрочем, ты меня сейчас не слышишь, как и я тебя. Может, и к счастью.

Едва Лиель закончила не слишком длинный рассказ, как в окне посветлело, словно там занялось утро, а в усталых глазах авгуры зажглось искреннее восхищение. Ого! И кто там у нас? Уж не потеря ли нашлась?

Живая и... да, невредимая. Золотокрылый демон для пущего эффекта кувырнулся в воздухе и опустился на подоконник. Обручальное кольцо тут же напомнило о себе легким жжением. Ненавижу.

— Извини, Лика, в здешних лесах совсем несъедобная дичь.

— Уже слышана, — сухо сказала я, отступив в сторону, чтобы он увидел пленницу и не сказал что-нибудь лишнее.

И тут у меня брови поползли на лоб второй раз: демон с выражением непередаваемой смеси радости, ужаса и заботы бросился к страдающей пресветлой авгуре! А спина у него клубилась темной дымкой. Он же ранен!

— Лиель! — от такой материнской заботы в голосе демона даже горгульи прослезились бы и умерли от зависти.

Державшая нарушительницу паутина выстрелила предупреждающими искрами. Интересная система охраны. Она что, полумразумна? Считывает эмоции? Решила, что грабительницу пытается выручить ее сообщник?

— Ирек, ты ранен! — попыталась я остановить его.

Демон повернул ко мне гневный лик:

— Это как понимать? Почему она связана?

Я пожала плечами:

— Дом расценил ее появление как вторжение. Твои раны...

— Но я ей дал твое порталное кольцо!

— Вот именно, мое. А она — не я, если ты заметил. Давай я тебя перевяжу.

— Так освободи ее! — он отступил от пленницы, но так, чтобы не поворачиваться к ней ни спиной, ни боком.

— Я не... — чуть было не сказала «не светлая магиня», но вовремя спохватилась. — Не умею! Ирек, ты не чувствуешь, что у тебя рана?!

— Нет, — наконец осознал он, что мне от него надо. — Я заблокировал боль. Но ведь твой отец передал тебе этот дом, и ты тут хозяйка!

Лиель, переводившая слегка ошалелый взгляд с меня на пышущего яростью парня, ахнула:

— Что? Ее отец? Мэтр Алиан?

Мы не обратили на нее внимания.

— Только на бумаге, формально! — возмутилась я. — Я тут своя, но еще не полновластная хозяйка. Тут магия — не чета моей! Ирек, идем, я тебя перевяжу.

— Ах да. Я и забыл, прости. Мне уже не так жжет.

— Идем немедленно!

Только бы этот дуболом не начал освобождать свою пассивку привычными демонскими методами, вздохнула я. Не надо быть жрицей любви, чтобы понять, что между этими двумя зажглась невидимая, но очень яркая звезда.

Вот только обручальное кольцо почему-то на мне, и очень болезненно давит, словно стало меньше раза в два. Так оно мне и палец откусит.

— Прости, Лиель, я не подумал, что может так получиться, — голос Ирека был полон страдания, и непонятно: то ли за авгуру переживает, то ли за свои крылья. Теперь ему долго не придется летать.

— Если бы мэтр был дома, такого не случилось бы, — поспешила я встрять. Не дай богиня — поссорятся, и я упущу единственный шанс снять это глупое обручальное кольцо! — И он скоро будет дома.

— А что с той тварью? — спросила Лиель.

— Ее уже нет, — буднично отмахнулся Ирек, заставив меня изумленно на него вытаращиться.

Я потянула демона за руку. Он вышел пятясь, чтобы Лиель не увидела

характера повреждений, а главное — магии Теней. Стесняется, с ума сойти.

Выйдя в коридор, я потащила бастарда к ближайшей порталной точке и вышла прямо на кухне, превращенной в операционную. По пути он рассказал мне о нападении на него светлых. Плохо, что они поняли его темную суть. Теперь могут связать его присутствие с Алианом, и у папы будут новые неприятности.

— Ты готовилась? Как ты узнала, что я ранен? — удивился демон, оглядывая приготовленные бинты и настои.

— Я отца жду, он тоже ранен.

Шурш как почувствовал, что я снова о них думаю, дал о себе знать: «Подлетаем, уже скоро, хозяйка. Уже чую твоё логово и две жизни в нём, помимо твоей, и четыре жизни поблизости от тебя, но не в доме, и три пятерки ещё движутся со всех сторон».

«Папина охрана?» Нет, тут же осеклась я. Похоже, нас окружают.

«Не знаю, сельо. От них исходит враждебность».

«Далеко они от дома?»

«Да, лес большой. Эти четверо ближе всех, и очень злы. Но они очень медленные, я буду гораздо раньше. Прикажешь взять их жизни, хозяйка?»

«Нет. Подожди пока. Может, это не к нам».

Даже если и к нам, вряд ли Алиан выстроил дворец в глухом лесу и не защитился. А за каждую взятую по моему приказу жизнь я буду расплачиваться кровью сердца и частичкой любви — самым лакомым для драконов Смерти. Не потому ли сердца старших жриц, повелевающих драконами, так часто становятся холодными и пустыми?

Ирек даже не дергался, пока я щипцами для сахара удаляла с его раны куски спекшейся ткани и кожи. Тьма, тонкой дымкой окутывавшая его спину, слегка покусывала мне кончики пальцев, но не препятствовала. Особенно пострадали крыловые щели демона.

— Значит, и архимаг возвращается раненым, — вздохнул бастард. — Не нравится мне все это. Надо возвращаться в Тархареш. Лика, ты можешь как-то предупредить мэтра Алиана, что сюда направляется отряд имперской гвардии арестовать его?

— За что?

— Да глупости какие-то, я так и не понял. По подозрению в похищении императора.

Та-а-ак. Да у них тут переворот?! История повторяется. Почему, стоит мне где-то хорошо устроиться, так сразу на этой территории начинаются потрясения? Нет, в папину вину я ни на миг не поверила. Император — его

ставленник, насколько я помнила курс истории. Так с какой стати ему его похищать?

— Папа скоро будет здесь. Но я его тут одного не оставлю и в Тархареш не пойду. Дьяр хотел от меня избавиться, и у него прекрасно получилось.

Я закончила обмазывать его спину приготовленной мазью. Его бы в наши храмы, чтобы справиться с остаточным действием белой магии... Кстати о Лойт...

— Ирек, раз уж ты влюбился в Лиель, может, ты снимешь с меня свое кольцо?

— С чего ты взяла...

— Ты забыл, кто я? Меня не обманешь! — перебила я, а то знаем мы этих демонов, будут отпираться до последнего. — Снимай! А то все ей расскажу об этом пыточном украшении!

Его лицо стало растерянным и на удивление беспомощным. Он взъерошил пятерней каштановые локоны, рассыпав их по плечам, но я уже не купилась на демонское обаяние. И вообще, Дьяр симпатичнее, и... неужели я уже соскучилась по синеглазому тирану?

— Лика... я сниму кольцо, обязательно сниму, клянусь Тьмой. Я все равно не стал бы принуждать тебя, да и бесполезно это. Но сейчас не могу.

— Почему?

— Потому что это твоя защита от Лойт.

Я замерла, как громом пораженная. И неизвестно, чем бы кончилось мое противостояние с демоном, но именно в этот момент наверху опять раздался грохот и женский визг, а в мозг ворвалось радостное: «Хозяйка, мы здесь! А это кто? Это для меня жертва? Красивая! Спасибо! Я так голоден!»

«НЕТ!!! Не она, Шурш! Жду тебя внизу».

Бедный уставший драконыш! Надеюсь, у имперского отряда хватит наглости штурмовать резиденцию архимага? Шуршик проголодался!

— Ирек, беги наверх, проверь, как там Лиель, и принеси ей укрепляющего отвара.

Сунув в руки демона приготовленный и остывший взвар, я выпроводила его из кухни и бросилась к окну принимать ношу у дракона.

* * *

У Алиана была перебита нога, обожжены руки и половина лица. И еще

он потерял свой флакон, и преображался на глазах, и производил впечатление вылезающей из кокона бабочки. К боли от ранений добавлялась боль от преображения.

Отец выглядел ужасно, но уже пришел в себя — не зря говорят, в доме и стены помогают, — и сам командовал, как ему помочь и где что брать в его закромах. Оказывается, папа специально направил Шурша к нужной комнате и успел снять охранные заклинания с пленницы, потому что через минуту на пороге нарисовался Ирек, ведущий за руку Лиель.

Архимаг попытался было выгнать авгуру, но не преуспел — та заплакала и встала на колени, поклявшись в верности. Я была рада, что он ее оставил. Девчонка не сильно пострадала в световой клетке и тут же включилась в работу. В светлых боевых заклинаниях она разбиралась лучше меня. Но самое поразительное: понадобилась и помощь Ирека в нейтрализации темных заклинаний, змеями опутавших отца. Демон, услышав мою просьбу, дернулся, бросил мучительный взгляд на Лиель, но помог силой Тьмы и Теней убрать последствия темной атаки.

Лиель, кстати, промолчала, когда поняла, что Ирек — демон. Только губу прикусила и страдальчески наморщила лоб, но ни презрения, ни отвращения не отразилось на ее усталом личике, даже если она их испытывала.

Так что втроем мы быстро справились. Ногу архимага заключили в гипсово-магические лубки (догадываюсь, от кого у меня склонность к травмам), его сожженная кожа облезла, как змеиная шкурка, а под ней уже проглядывала розовая новенькая, и колотые раны зарубцевались на глазах.

Шурш в это время все-таки поужинал жизнями трех магов, ломившихся в резиденцию. Четвертый, увы, сбежал.

Едва мы закончили с перевязками, Алиан оглядел наш медицинский корпус и, выпив порцию зелья, отставил чашку.

— Удивительно тактичные молодые люди, — криво усмехнулся он. — Никто даже не спросил, как это меня угораздило.

— Нам очень интересно, — сказала я. — Но сейчас наш дом окружают еще три отряда гвардейцев, а Шурш уже сыт. Он маленький, ему так много жизней нельзя, надорвется.

Я проигнорировала шокированный взгляд светлой магички.

— Не волнуйся, сюда никто не войдет без приглашения, даже порталом. Твое кольцо, Лика, было единственным прямым входом, но я и тут подстраховался, — Алиан улыбнулся покрасневшей Лиель. — Мне надо еще час, чтобы встать на ноги. Ирек, ты отведешь Лиду в Академию знакомой тебе дорогой (он удивительно ловко обошелся без упоминания

Тьмы и Теней). Лиель, порталное кольцо, которое на твоей руке, работает в любую сторону, так что ты тоже должна уйти, иначе тебя обвинят в пособничестве изменнику. Против меня выдвинули серьезные обвинения.

— Мы не уйдем, — единодушно сказали мы.

— Эти игры не для вас, дети. А я справлюсь.

Я высказала жестокую правду:

— Мы видим, как ты справился. Если бы не мой Шурш...

— У них уже не будет эффекта неожиданности, дочка. И... ты же видишь, мои сдерживающие заклятия слетели, как шелуха, а против такой силы им нечего выставить.

Алиан совсем перестал походить на самого себя. Его глаза светились, а по коже пробегали золотые искры. Его магия, уже ничем не сдерживаемая, сама лечила своего носителя. Лиель, как я заметила, уже и рот ладошкой прикрыла, чтобы сдержать изумленные ахи и охи. Ирек тоже распахнул очи, но досадливо кусал губы. Интересно, о чем они догадались, до чего никак не могла додуматься я? Может, просто потому, что не хотела. Совсем не хотела, чтобы именно мой папа оказался Потерянным и Проклятым императором. Тем самым, уничтожившим храмы Лойт, сжигавшим на кострах моих сестер. Владыкой Света.

С другой стороны, кто еще мог остановить превращение моей матери в чудовище, когда ее бросил другой маг и подлец — владыка Тьмы?

— Лика, прости, — Алиан поймал и сжал мою ладошку. Я вырвала руку и отвернулась, глотая слезы. — Прости, я бы все открыл тебе.

— И что помешало?

— Лойт. Она не должна была знать.

«Придется убить Лиель. Она слишком многое сегодня узнала, — мрачно подумала я. И тут же спохватилась. — Это шутка, Шурш!» Дракончик что-то сонно промычал в ответ.

— Ты думаешь, богиня не поняла, кто мой отец? — фыркнула я.

— Пока у меня оставались сомнения.

— Ладно, раз тебе больше не нужна помощь, я пойду. Ирек, проводишь?

— Лика, дочка! — архимаг страдальчески свел брови.

Я отошла подальше, но не выдержала и высказалась:

— Семнадцать лет я неплохо справлялась без отца, и впредь проживу. Мне стыдно быть дочерью такого трусливого существа. Ты бросил трон и страну, ты прятался от мести богини четыреста лет, менял маски и шкуры, лишь бы тебя не узнали, смотрел, как страдают твои подданные и разваливается империя. Ты не правитель.

Ирек добавил дров:

— Так это ты оставил валяться свой меч в грязи и спокойно ходил мимо каждый день? Ты не воин.

Лиель неслышно подошла, встала у моего плеча и гневно продолжила:

— Я поклялась тебе в верности, архимаг Алиан, но я не знала, кто ты на самом деле. Нет, клятвопреступницей я не стану. Но и скрывать, что думаю, не буду. Ты — владыка Света, которого мы так ждали. Мы каждый день молили, чтобы бог нам снова дал владыку. А ты всегда тут был. Прятался. Ты бросил всех белых магов без надежды на обретение полноты магической мощи. Ты не владыка. Тебе надо умереть, архимаг Алиан, чтобы твое имя больше не пачкало твой Свет.

Я ущипнула разошедшуюся магичку и шепнула:

— Полегче!

Алиан вздохнул и... рассмеялся.

— Эх, молодость, молодость... Вы либо мыслите лозунгами, либо уничтожаете их. А мир гораздо сложнее воззваний, — опустил он нас всех и сразу. — Лика, я в тени правил государством последние два столетия куда успешнее, чем когда сидел на троне и изображал болвана в короне. Белая империя восстала из разрухи и четыреста лет жила без единого восстания, без заговоров авгуров или бунтов низов. И сейчас моя страна успешна, стабильна и спокойна.

За окном гроыхнуло, вспышка осветила полнеба. Империя спокойна, да.

— Не обращайтесь внимания, это пробуют мою защиту. Она неуязвима, — бодро уверил архимаг.

— То есть опять твои подданные страдают? — возмутилась Лиель.

— Заговорщики, — поправил ее Алиан. — И не мои подданные. Те, кто напал на императора и сейчас обвиняет меня в его похищении.

— А говорил, заговоров нет.

— Это другое. Ирек, меч на площади — это необходимость. Я не мог его прятать, не мог таскать с собой. Я не всесилен и волей случая мог умереть, но тогда оружие сразу бы перешло преемнику, и он знал бы, где его искать. Всеобщее внимание — лучшая охрана клинку. Но дело даже не в этом. Меч Света — не собственность воина и не родовая реликвия. Это знамя. Когда оно лежит в грязи, каждый, кто почувствовал светлую силу и услышал его зов, пытается его поднять. Каждый мальчишка и девчонка мечтают, что именно он или она станут избранными. Разве не так, вейна?

Светлая магичка поежилась под его горящим взглядом.

— А теперь отвечу тебе, Лиель, дочь моего врага. Не дергайся так,

авгура, я же принял твою клятву. Грехи отцов не ложатся на плечи детей. Ты сбежала от отца из-за того, что его магия слишком подавляла твою силу, не так ли? Он, как большой костер, вбирает в себя маленькие, лишая малейшей самостоятельности, верно? Ты не хотела повторения судьбы матери и сестер, растворившихся как личности в его свете, да, девочка?

Она покраснела, но выдержала взгляд и бросила с вызовом:

— Да!

— Так вот, — продолжил Алиан. — Ты, одна из лучших моих учениц, можешь вспомнить историю моего правления и то, что было до него. В империи рождалось ничтожно мало магов, обладавших серьезной мощностью, их называли Светочи по заслугам, а равных владыке Света не было никого. Единицы, чьи имена навечно внесены в скрижали. Равных мне и сейчас нет, но сколько Светочей воссияло в эти века? Не в десятки ли раз больше? И все только потому, что я скрылся и запер свою силу. Сильных магов больше потому, что моя магия не питается за их счет, а растет иначе. Я единолично сломал тиранический механизм подавления, державший Трон Света на недостижимой высоте и разделил светскую и магическую власти, усилив обе. И за это ты меня осудила?

Мы молчали, подавленные его отповедью. С его точки зрения все действительно выглядело иначе, чем с нашей.

Еще одна вспышка и слабое дрожание оконных витражей оповестили, что второй отряд смертников добрался до цели.

Алиан пошевелил загипсованной ногой, поморщился.

— Уходить бы надо на поиск императора, но рано. Не встать пока.

— Вы думаете, он еще жив?

— Дракон моей дочери уверял меня, что жив.

«Шурш? Как там император?» — тут же поинтересовалась я.

«Сейчас не знаю, очень далеко затихло его эхо, не почуять».

— И кто бы мог подумать, что в подземелье дворца, в самом сердце Белой империи, понаставлены темные ловушки? — посетовал Алиан, а из его рук, которые он держал над поврежденной ногой, потекли мягкие потоки живого теплого света, словно он прятал в ладонях крохотные солнышки. — Если бы не ловушки, я бы успел... Лиель, на тебя вся надежда. Сообщи о случившемся в Академию и в ковен. Я сам хотел, но лучше мне там пока не появляться, пока не сниму с себя подозрение...

И он рассказал, что на императора напали, когда Алиан с ним уже расстался после посещения императорской сокровищницы. В подземелье они разошлись каждый своей дорогой. Алиан решил посетить знаменитую дворцовую библиотеку и поискать упоминания о брачных обрядах эпохи

Единения. В этом месте рассказа кольцо на моем пальце заинтересованно пошевелилось, как живое! Да и архимаг тоже схватился забинтованной рукой за карман.

— Что такое? Лика, посмотри, что там у меня шевелится. Только осторожно! Щипцами бери, я подстрахую.

— Заколдованная змея? — предположила я, вытащив теми же сахарными щипцами парное к моему обручальному кольцо, мерцавшее то золотыми искрами, то черными зернами.

— Возможно, — кивнул архимаг. Кинул взгляд на мою окольцованную руку, поморщился, но не стал устраивать Иреку скандал. — Я с ними не успел разобраться. Положи его в какую-нибудь коробочку и спрячь у себя, пригодится.

Я схватила с кухонного стола первое, что попало, — маленькую баночку с черным перцем. Осторожно отвинтив крышку, сунула в пряность кольцо и спрятала в сумочку. Там ему и место, никто никогда не найдет.

Алиан между тем продолжил рассказ. Итак, император отправился проводить зверинец, его любимое развлечение. Вот там и произошло нападение на правителя. Архимаг не успел его спасти и даже не видел похитителей: ему помешали гвардейцы. То, что была задействована гвардия, состоявшая из высших офицерских чинов, не удивительно — все они дети авгуров, решивших сменить одряхлевшего императора. Удивительно другое: в подземелье были спрятаны темные ловушки, и еще Алиан уловил отблески лунной магии. В бывшей цитадели Света!

В этом месте рассказ мага прервал громовой шум за окном и особенно яркая вспышка света, горизонтальной молнией обежавшая вдоль решетчатой ограды. Не расплавилась бы, обеспокоилась я.

«Хозяйка, мне плохо. Я, кажется, объелся», — пожаловался Шурш.

Третий отряд заговорщиков перестал существовать.

Но я рано обрадовалась. Внезапно на моей шее петлей затянулось ожерелье, о котором я уже забыла, и я, задыхаясь, кашляя и царапая ногтями собственное горло, сползла на пол.

«Хозяйка! — запаниковал дракончик Смерти. — Убивают! Тебя убивают!»

Как будто я не знаю... «Кто?»

«Не вижу! Он далеко! Я не понимаю!»

В глазах потемнело до черноты. Кажется, я умираю. Только бы Дьяр не почувствовал и не примчался меня спасать. Только не он!

ГЛАВА 18

Предательский камень

— Лика! — архимаг, забыв о сломанной ноге, бросился ко мне и тоже распластался на полу. Как бы ни была сильна его магия Света, но на исцеление требовалось время. Лиель кинулась ему на помощь.

Ирек решил помочь мне. Окончательно придушить, к примеру — так сильно он потрянул меня за плечи. Поднял с пола, попытался оторвать мои ладони от моего же горла.

Я понимала, что с их точки зрения я сошла с ума и сама себя душила. Понимала: им невозможно разобраться, что со мной происходит, если ожерелье оставалось невидимым. Но от понимания не легче.

— Селе... нис, — еле выдавила я. — Оже... релье... На шее... Неви... димое. Са... тарф...

К счастью, бастард разобрал мой сиплый бред.

Снять иллюзию, наложенную его отцом, он с трудом, но сумел. Драгоценность, став видимой, мягко вспыхнула, отблеск отразился в створке окна. Бедняжка Лиель снова оказалась шокирована огромным камнем, впившимся в мое горло. Удивительно, сколько мелких жизненных деталей замечаешь на пороге смерти.

А вот избавить меня от напавшего украшения Ирек не смог даже «заклинанием праха» — оно скрикошетило, и демон едва успел его погасить. Да и Алиан запретил ему эксперименты, испугавшись, что меня бастард развеет быстрее, чем взбесившуюся цепь. Увы, лунное золото — это тоже магическое вещество, и сейчас оно было решительно настроено против меня.

Но я еще дышала. С трудом, теряя сознание, но дышала.

Все хорошо, Дьяр. Правда. Не надо приходить сюда. Все в порядке.

— Не... надо. Ху... же, — остановила я Ирека.

И тут враг подал голос. Из селениса!

— Поговорим, Алиан? — слышался смутно знакомый шепот, похожий на змеиный. — Ты ведь любишь свою единственную дочь?

Это ужасное чувство, когда из-под твоего подбородка раздаются омерзительные звуки, но еще отвратительнее, когда тебя душит собственное украшение. Все артефакты обоюдоостры, даже идеально круглые.

Лиель помогла архимагу сесть. Он этим воспользовался. Схватив авгуру за руку, активировал порталное кольцо и вышвырнул девчонку из дома, она даже вскрикнуть не успела. Ирек с облегчением выдохнул. Правильно, мне тут лишние зрители моей смерти не нужны. До чего же паршиво чувствовать себя жертвенной овцой!

Но я пока жива, и Дъяр пока не пришел, какое счастье.

— Явись сама, кто бы ты ни была, и я буду с тобой разговаривать, — произнес Алиан. — Что ты за девочкой прячешься?

Вот и мне голос показался женским...

Ожерелье мерзко хихикнуло, а я опять захрипела от удушья, в судороге процарапав ногтями собственную шею. Запахло кровью. Богиня, это не можешь быть ты. Это не ты, Лойт. У тебя никогда не было такого ужасного голоса.

— Ты непочтителен, Алиан, — проворчал селенис. — Кстати, если тебе не жалко дочь, то императора ты пожалеешь больше? Все-таки он твой почти родственник. Я могу тебе его отдать. Ваше величество, скажите что-нибудь своему другу.

Из камня донесся глухой шум, и сдавленный старческий голос прокричал:

— Это ловушка! Не верь им, Алиан!

И болезненный вскрик, словно старика ударили.

Архимаг побледнел, сжал кулаки. Но что он мог сделать?

— И чего ты хочешь, женщина? — спросил он.

— Тебя, — томно отозвался отвратительно скрипучий голос. — Сейчас наша маленькая жрица, возмечтавшая стать Верховной, построит Лунный мост, и вы с ней быстренько по нему пройдете. Оба. А я выпущу твоего игрушечного императорика.

Нет, это точно не богиня. Мне даже легче стало. Все-таки разочарование в богах — не самая приятная штука в момент смерти. Именно тогда раскрывается адская бездна отчаяния и безнадежности и распыляет душу в ничто. Хуже нет, когда предают боги. А так — хоть какая-то надежда появилась, что Лойт все-таки поможет, чем может.

— Не могу быстренько, — процедил сквозь зубы владыка Света. — У меня нога сломана. Твои сообщники постарались.

— Ай, какие нехорошие мальчики. Что ж... тогда медленненько. А бастард тебе поможет, очень кстати он тут оказался, — ожерелье снова мерзко хихикнуло. Как когтем по стеклу.

И я наконец вспомнила, где слышала это шипение и гаденькие смешочки.

«Шурш! — мысленно призвала я. — А в главный храм Лойт ты как быстро можешь долететь?»

Шурш вздохнул. Он и так устал.

«Я могу позвать братьев, хозяйка».

«Отлично. Тогда пусть они узнают, кто сейчас в главном храме у алтаря. И где Верховная жрица».

«Если это она тебя убивает, я не смогу тебя защитить, сельо!» — всхлипнул малыш. Что ж, у драконов Смерти иерархия нерушима, а при главном храме тоже был дракон, гораздо старше, чем мой. Схватку с ним Шурш проиграет не начав. Жаль.

— Где гарантия, что ты не убьешь ни мою дочь, ни моего императора? — деловито спросил архимаг.

— А нету гарантии, — голос изобразил огорчение. — Жизнь девчонки я тебе не обещаю. А вот жизнь противного старикашки так и быть. И Эльду, пожалуй, выпущу. Она мне надоела, да и ее молебны уже слишком затянулись.

Как же нужен мой отец этой твари!

— Почему я должен верить, что Эльда у тебя?

— Смотри, Алианчик. Смотри в камушек, я тебе покажу.

Меня на миг отпустило, пока архимаг всматривался в камень на моей шее. Я же вглядывалась в оконное отражение, но видела только свою распухшую шею и перекошенную физиономию с жадно открытым ртом. А картинка в камне так мелка — не разобрать.

Не верила я, что Эльда даст себя пленить, да еще такой старухе, как наша Верховная. А вот если учесть, что убийца способна создавать тварей в неограниченном количестве... Может так быть, что отцу показывают гинью, а он видит на ее месте мою мать? Может. А что, если твари способны и на расстоянии воздействовать на разум жертвы?

Но я не смогла предупредить отца — ожерелье снова впилося в горло. Кха.

— Показать можно что угодно, — пожал плечами мой мудрый отец, но по его и без того бледному лицу разлилась смертельная белизна. Он стал белоснежным и таким же ярким. Что он задумал?

— Эк как тебя пробрало, — довольно хихикнул селенис. — Все еще любишь эту шлюху, недостойную даже твоего мизинца? Пффе. Но что-то мы заболтались, пора и нам встретиться, Алиан. Может, я тебе понравлюсь больше, а? Сейчас Лика создаст Лунный мост, и я отпущу старикашку в обмен на твое слово. Вторым шагом, когда ты ступишь на мост, я отпущу Эльду. А третьим, когда ты придешь ко мне, — твою дочь. Но условия ее

освобождения мы оговорим уже на мосту. Ну как?

Она не могла сюда войти, поняла я. Иначе давно бы бросила треклятый Лунный мост и спустила бы своих тварей. Одна у нее точно еще осталась — та, которая изображала мою мать. Если отец не купится на шантаж, Верховная не сможет ничего ему сделать, только если весь Белый ковен на него натравит. И ведь сможет — через тех предателей, кто действовал в Белой империи в ее интересах. Кто поверит Лиель, что Алиан невиновен?

— Первой ты выпускаешь Эльду, — выдвинул Алиан условие.

Тварь согласилась слишком быстро.

— Будь по-твоему, светленький, — и скомандовала уже мне: — Приступай, Аэлика, Я знаю, у тебя получится. Ты ведь уже делала это.

И все-таки я не могла понять, почему Верховная сама не может бросить Лунный мост? Никакая защита не помешает протянуть его от селениса к селенису, как никакая стена не препятствует мысли.

А раз Вайра не может, то и я не собиралась ничего делать. Не хочу. Я тут умираю, в конце концов, не до того мне.

— Если ты хочешь жить, младшая жрица, ты сейчас построишь мост! — рявкнуло из камня, шею сдавило еще сильнее, а перед глазами закружились черные точки.

Я судорожно вздохнула, встретила глазами с отцом, он кивнул:

— Давай, дочка.

По моим щекам текли предательские слезы, я отрицательно мотнула головой.

Нет. С тварями не договариваются.

Странно, кислородное голодание должно было затуманить мозг, но затуманилось все лишнее, а вперед выступила ясная, как свет, догадка.

Только сейчас я поняла, какими мы все были слепыми. Не за владыкой Тьмы охотились убийца и его (или ее?) сообщник. Сатарф уже был в их руках, — именно ее голос, замаскированный под принцессу Заргу, и слышала наша убитая сестра. Но ведьма лишь отдала кинжалам его силу. Зачем?

А затем, что только полнота Тьмы могла оглушить и связать владыку Света. Вот кого убийца хочет положить на алтарь в качестве последней жертвы, переворачивающей мир. Потерянный император, которого никто уже не ищет, истинный наследник Белого Трона, обладатель всей силы Света. И в эту версию отлично вписывалось похищение нынешнего правителя и подготовка мятежа.

Какое счастье, что ритуальные кинжалы сейчас в руках Дьяра. Но

Вайра наверняка придумала что-то еще, способное пленить Алиана.

— Нет, папа, нет! — выдавила я. — Нет!

И тут же мне пережало горло, едва не разрезав его, в глазах потемнело, и сознание покинуло меня.

* * *

Очнулась от сырости. Мокрая одежда облепила тело, по лбу и щекам текла вода. Похоже, на меня вылили ведро воды.

Мне должно быть холодно, но я не мерзну: кто-то горячий, как печка, баюкает меня на руках и целует в макушку. И кутает в кожаную куртку. От которой так вкусно и знакомо пахнет адским пеклом.

Богиня, я узнаю эти руки и с закрытыми глазами, и на пороге смерти.

— Дьяр, — прошептала я. И, клянусь, затылком почувствовала его улыбку.

— Я тут, — горячие губы коснулись моей многострадальной шейки, и боль отступила еще дальше.

И можно спокойно дышать, а шея почти не болит.

Я открыла глаза, повернулась, чтобы убедиться, что не сплю, не умерла и мой персональный демон не привиделся в посмертных видениях.

Встретилась с обеспокоенными синими глазами. Провела пальцем по красивым влажным губам, стирая с них поцелуй сельо. Закончились шутки. Та тварь, которая создает других тварей и повелевает ими, может легко воспользоваться малейшим следом лунной магии. Та тварь сильнее, изощреннее и знает о тайнах сельо куда больше меня.

— Как у тебя получилось снять ожерелье? — прохрипела я.

— Мало кто знает, что вещи из нашей родовой сокровищницы заговорены от повреждений, — он нежно провел пальцем по моей щеке, словно сожалея, что я не вещь из сокровищницы Темного Трона и меня нельзя так просто заговорить от повреждений. — Я снял заговор, твой отец сделал остальное.

Проследив за его взглядом, я полюбовалась на запекшиеся осколки селениса и расплавленные обрывки цепочки, валявшиеся на полу. Баснословное сокровище было растоптано, как стекляшка. Туда ему и дорога, этому предательскому камню.

— Кхм, — кашлянул отец за моей спиной. — Лика, у нас мало времени. Приходи быстрее в себя и продолжим. Ваше Темнейшество Дьяр, прошу учесть, я против того, чтобы мою дочь лапали на моих глазах, не

попросив предварительно ее руки и не получив согласия.

— А вы согласны, Ваше Светлейшество Алиан? — радостно сверкнули синие глаза.

О, да они тут уже познакомились! Вот и отлично.

— Я пока не слышал просьбы. Да и моя девочка уже носит одно обручальное кольцо, второе будет лишним.

Проклятье! Папа, ты не мог подставить меня сильнее!

Ирек, стоявший у окна, одарил мрачным взглядом, как будто это я виновата, что он напялил на меня родовое ритуальное кольцо.

Мышцы Дьяра закаменели. А потом он аккуратно, как хрустальную вазу, снял меня с колен, поднялся, посадил меня на стул и отошел. Молча, потеряв ко мне интерес. И хорошо. Неуставные отношения на работе только мешают.

Владыка Света, видимо, считал так же, поскольку сразу приступил к делу.

— Я вижу, вы небезнадежны. Ваше Темнейшество. Что ж, не пора ли нам, отбросив все лишнее, включая тысячелетнюю историю непростых взаимоотношений Белой империи и Темного Трона, обсудить имеющиеся у нас гипотезы о личности врага и способах его поимки? Вы получили мое послание о братьях-некромантах? — он требовательно взглянул на Дьяра.

— Даже успел проверить логово, — кивнуло Темнейшество. — Пусто, как вы и предполагали. Но у меня есть посмертное признание бывшего ректора Академии Тьмы и Теней мэтра Вултона.

Рассказ Дьяра был сух и краток: видно, как темному владыке не хочется признаваться перед светлым, что под самым боком Темного Трона творилось хург знает что. Демоны, конечно, не подарочки ни разу — самолюбивые, коварные, мстительные, кровожадные и жестокие существа. Авгуры им, впрочем, мало уступали, разве что жестокость у них более изощрена, а кровожадность и нарушение приличий не прощались светом. Но если маги Белой империи легко продавались конкурентам, то демоны хранили верность Тьме, а в случае предательства адепта за дело брались Тени, как ее стражи, и карали предателя незамедлительно. В теории.

И вот в этой схеме, работавшей испокон веков, наметилась уже не лазейка, а огромная прореха. Изъян. Демоны, как оказалось, спокойно могли предать и остаться безнаказанными. Такие, как бывший ректор или бывший глава Темного ковена, как-то находили лазейки.

Более того, кто-то научил их отводить глаза Тьмы и затыкать уши Теней. Да не где-нибудь, а в самом сердце, в столице царства темных Кардерге. В Академии Тьмы и Теней. Именно там Вултон сначала за

взятки, потом из страха пригрел заговорщиков, создавших орден Единения.

— Какой орден? — хрипло переспросил потрясенный Алиан.

— Единения. Но не такого, какое когда-то существовало на земле. Никакого равенства и братства. Их целью стал переворот во всем мире и диктатура четырех: Любви, Государства, Братства и Творца.

— Что за бред?

Дьяр дернул плечом:

— Мертвые, конечно, частенько лгут, чтобы запутать живых. А уж Вултон изворачивался, как мог, что при жизни, что после нее. Но его допрашивала сама Тьма, а перед ней трудно устоять.

— Но где бы они столько сил взяли, чтобы весь мир... — Алиан не договорил, потер лоб. — Ах да. Лунная мистерия и ритуал изменения. И как у них распределены роли? Лойт — это Любовь, тут ясно. А остальные?

— Государство — это клика высших аристократов Света и Тьмы.

— Междоусобица, — отмахнулся Алиан.

— Такие проблемы решала бы Лойт или Верховная от ее имени. А принудить к любви назначено Братство — военная аристократия.

— Раскол, — фыркнул бывший император.

— Они не дураки, мэтр, предусмотрели. Единение у них — это единоначалие. Над всеми встал бы раз и навсегда Творец. Пожизненный диктатор.

Мужчины переглянулись. Алиан пожал плечами:

— Даже не знаю, кто бы справился с такой ролью.

— Вултон тоже не знал, — «успокоило» Темнейшество. — Никто из тех, кого он сдал, на такую роль не годится.

— Марионетка? — спросил Ирек, во время разговора задумчиво паливший в окно.

Оба владыки качнули головами, но ответил Алиан, как старший:

— Марионетку не назначают пожизненно. Это должна быть реальная сила, способная удержать власть над миром. Нас можно поздравить, мы дожили до появления владыки мира.

— Это еще вопрос, появится ли он, — оскалился Дьяр во все клыки. — Гнездо заговорщиков я не просто разворошил, а уничтожил. И весь подготовленный для атаки зверинец в Академии Тьмы. Там под видом животных содержались всевозможные твари, в том числе оборотни и хиссы, и смотрителем за ними, Лика, был наш куратор, мастер метаморфоз Грид Сайк. У тебя хорошая интуиция, сельо. Не зря он тебе не нравился.

Что-то мне совсем не радостно. Та же интуиция подсказывала, что заговор — только верхушка айсберга. Или маскировка реальной силы. Не

стала бы богиня так бояться заговорщиков, которых сама возглавляла. А Лойт совсем небожественно боялась, до паники.

— Тогда какую роль играла его долговая расписка, Ваше Темнейшество? — спросила я.

— Его сестре не повезло — ее укусил оборотень, и Сайк надеялся спасти ее, потому и пришел к Вултону. В Академии разрабатывают противоядие от укуса волкодлака. Как ты знаешь, если низшие демоны становятся оборотнями, то высшие — мучительно умирают. Наша вторая боевая ипостась вступает в схватку с подсаженной при укусе звериной, и не выживает никто. Теперь наши высшие аристократы не умирают, они просто теряют боевую ипостась. Но то, что потеряно, можно будет со временем вернуть, я надеюсь, — Дьяр встретился с заинтересованным взглядом Алиана, улыбнулся. — Вообще-то это секретная разработка, но мы готовы поделиться накопленным материалом. У авгуров тоже смертельные проблемы при инфицировании оборотнями, насколько я знаю.

Алиан с радостью согласился и даже, выловив из воздуха блокнотик, черкнул в нем пару строк, чтобы не забыть. А я во все глаза смотрела на своего работодателя, представшего вдруг совсем в другом свете. Так оказывается, тот напыщенный, самовлюбленный бездельник и бабник, которого я знала, — всего лишь маска? А на самом деле под ней прятался умный и ловкий политик? Вон как папулю расположил к себе, тот даже не заметил. А я помню, что еще вчера ректор Академии Света терпеть не мог младшего сына Сатарфа.

— Вот так Вултон и заставил Сайка работать на свои интересы, Лика, — продолжил Дьяр. — А наш куратор потом сам втянулся и стал одной из ключевых фигур заговора. Именно он прикрывал иллюзией живность в клетках и некроманта, убивавшего наших девушек. Сайку этот некромант известен под именем Ундиш. Но пребывал он в Академии как Хувар, архивариус и смотритель, и притворялся низшим и туповатым.

Алиан восторженно воскликнул:

— Все-таки братья Храшарг! Значит, из них двоих уцелел Ундиш. Все-таки он. Жив, надо же. Сколько же лет прошло...

Пока папа не ударился в ностальгию по молодости, я встряла:

— Это может быть простым совпадением. Но даже если так, то кто орудовал в Белой империи? Ведь убийцы начали отсюда, и это явно не просто круг, а спираль, в которую может попасть неограниченное число жертв! И, папа, их конечная жертва — владыка Света. И мне кажется, они не подозревали, что это именно ты, только недавно узнали, потому вынуждены действовать нагло — и штурмом, и шантажом. А не

добравшись до тебя, теперь заманивают. И я уверена, в селенисе тебе показали не маму, а такую же тварь, что напала на меня и на Ирека. Гинью.

Я рассказала о выводах, к которым пришла на пороге смерти. Вот только напрасно я надеялась, что Алиан не поддастся на шантаж убийц.

— Лика, я должен лично проверить. Видишь ли, я попытался связаться с Эльдой, но не преуспел. Глава ее охраны... Берра, кажется... симпатичная такая девушка, кстати, но обрати внимание матери, что ее пора выдать замуж... — при этом щеки Алиана почему-то слегка порозовели. — Так вот, она утверждает, что царица действительно на молебне, и во дворце ее давно нет. Берра и сама обеспокоена и направила отряд в главный храм Лойт. Но если Эльда действительно в руках вашей Верховной, то велика вероятность, что при штурме царицу убьют.

— Я верю в маму, она сильный маг.

— Да-да, конечно, — кивнул Алиан. Но улыбочка была несколько ехидной. — Лика, поверь, со мной они не справятся. Ты не представляешь, сколько силы я собрал за столетия. Если мы сами придем, то навяжем драку на своих условиях. Нам нужен Лунный мост в главный храм Лойт. С нами ведь главная жрица разговаривала. Я не ошибся?

— Очень похоже на нее. Но там ловушка, папа! Она охотится именно на тебя! Ты уверен, что нужно самому идти в петлю?

Дьяр, не глядя на меня, встрял в диалог:

— Мы уверены.

— Вы?

Ирек тоскливо возвел глаза к потолку, показывая, что к этому «мы» не принадлежит.

То есть эти двое владык, эти коллеги по работе, пользуясь моим беспамятством, нагло спелись вместо драки? Тьма и Свет? Тени и... что там у светлых... Блики? Светочи? Богиня, нам конец.

— Мы — это еще и они, — Дьяр положил на стол перевязь с двумя кинжалами Ошсах. Оба были чистенькие, никакой ржавчины, не отличишь друг от друга. — Правда, твой знакомый не хочет нам отзываться, но может, ты с ним договоришься?

«Сиен?»

Молчание. Глухое, как могила. Ох, как мне это не нравится!

— Нет, — отрицательно мотнула я головой. — Идите пешком, если так надо, а я не хочу в этом участвовать.

— Можно и порталами, — переглянулись двое... коллег. А старший задумчиво обронил: — С Беррой договоримся, лунная стража пропустит. Даже проводит к храму.

— У меня нет селениса. — Я наступила подошвой на оплавленный осколок камня, ставшего хрупким после магической атаки, и красноречиво раздавила.

Алиан хмыкнул, картинно повел в воздухе ладонью и выловил, как рыбку неводом, довольно крупный селенис в алмазной оправе — древний любовный оберег светлых. Позер.

— Подойдет, дочка? — А глазки-то как светятся!

Могу, конечно, и соврать, но кому от этого будет лучше? Кивнув, я приняла камень, положила на подоконник, куда падали отсветы луны. Сам небесный лик Лойт не был виден из-за деревьев, заслонявших окно. Может, потому у меня ничего не получалось.

Или из-за того, что я не хотела, чтобы получилось.

Но, с другой стороны, лучше уж я прослежу за ними, проведя через мост, чем оба улизнут недоступными порталами и сгинут.

Не могла я такого допустить... Потому, недолго поколебавшись, старалась честно и ни разу не ошиблась в заклинании.

Через полчаса моих мучений Ирек прервал их тяжким вздохом.

— Кольцо, Лика. Оно мешает. Давай сниму.

— Так это твое, Ирек? — Дьяр, сощутив синие глаза, наблюдал, как бастард пытается снять с моего пальца обручальное кольцо.

Проклятая полоска металла не снималась, словно выросла! Так мне и палец оторвут!

— Не надо, оставь меня! — От боли я едва сдерживала слезы. Не складывается у меня с украшениями.

Ирек отошел, стараясь не встречаться взглядом ни со мной, ни с братом. А лицо у Дьяра стало совершенно непроницаемым, как горный кряж.

— Как может помешать обручение твоей магии, Лика? — спросил Алиан и раздраженно потер переносицу. — Потому что Лойт от тебя отвернулась? Но я точно знаю, что твоей матери была подвластна лунная магия и после того, как она перестала быть жрицей.

— Откуда мне знать?

— А почему на женихе нет кольца? — поинтересовался владыка Тьмы. — Что за частичное обручение?

— Это неважно! — вспылила я. — Нашли время для расспросов!

— Лика, это важно, — надавил мой отец. Спелись! — Тебе ли не знать, что Лойт не благословляет незавершенные обряды? Может быть, потому у тебя и не получается построить Лунный мост? Надень кольцо на жениха.

Тоже мне, знатоки лунных обрядов выискались. Но ведь обручение —

еще не свадьба, так ведь, богиня? И ритуал обмена кольцами не перед твоим ликом — это же не по-настоящему. Я же не могу дать клятву жениху, потому что уже дала клятву тебе!

Богиня молчала.

Как всегда, когда очень нужен ее совет.

— Ладно, уговорили, — я вытащила из сумочки перечницу, отвинтила крышку.

В этот момент кто-то невидимый толкнул меня под локоть, и хранилище кольца опрокинулось вместе с содержимым.

Колечко жениха сбрыкало, перец разлетелся.

Что тут началось! Мы чихали все четверо долго, отчаянно, с подвыванием, ничего не видя. Из моих глаз слезы брызнули ручьем.

А когда Алиан сообразил заклинанием ветра вымести перец за окно, и мы успокоились, выяснилось, что кольцо жениха пропало. Совсем. Исчезло, как не было. Развеелось.

И кто из троих мужчин постарался? — Я обвела взглядом три невинные физиономии с одинаково красными глазами и носами и решила, что не буду выяснять. Нет кольца, нет и жениха. А с моим украшением что-нибудь потом придумаем. Не может быть, чтобы его какой-нибудь хитростью невозможно было снять!

И что самое замечательное: никто из спевшейся троицы даже пальцем не пошевелил, чтобы найти пропажу! Только Ирек, высморкавшись в платок, прогнусавил:

— Лица, не расстраивайся. Я разрываю помолвку. Да ее и не было, — он покосился на брата, гневно сжимавшего зубы. — Это недоразумение, Дьяр, клянусь.

— Я свидетельствую твои слова, Ирек Гил, — неожиданно торжественно объявил владыка Света.

— И я свидетельствую, — криво усмехнулся владыка Тьмы, заслужив одобрительный папин взгляд.

Не скажу, что мне стало легче от их замечательных слов. Мой окольцованный пальчик по-прежнему горел адским пламенем. Разбудили лихо.

И тут вдруг засветился селенис в алмазной оправе. Дошли до него, наконец, мои заклинания. Медленно, зато как ярко!

Вспыхнули даже осколки на полу, заиграли лунные блики на деревянных половицах, протянулись к окну, взвились веерами к освещенным жемчужным маревом деревьям в саду. Из отблесков соткалось ажурное полотно волшебной лунной дороги, растворявшейся, казалось,

высоко в темных небесах.

Лунный мост.

Вот только я ничего для этого не делала, и не знала, кто соткал его: сама богиня или наш враг? Судя по онемевшим вдруг губам и ослабевшим коленям — последнее.

Это ловушка!

А Дьяр и Алиан, оттеснив меня, уже ступили на невесомое, но твердо державшее их кружево и уже начали растворяться в нежном лунном свете. Но тут я преодолела оцепенение — колечко, куснувшее палец, помогло — и, шатаясь от слабости, побежала следом. Ирек кинулся за мной — то ли удержать, то ли поддержать.

«Шурш! За мной!» — призвала я, и ледяной поток воздуха, ожегшего левую щеку, сообщил, что дракончик успел. А вот Ирек — неизвестно.

ГЛАВА 19

Ловушка

Волкодлак летел едва различимой в сумерках живой серой стрелой, перескакивая через овраги, перепрыгивая через небольшие ручьи, петляя между темных стволов. Склонившись к его загривку, почти распластавшись на мохнатой спине, чтобы ветки не хлестали по незащищенному лицу, полулежала всадница. Ее косы были забраны под круглый шлем, но выбившаяся прядь норовила зацепиться за какую-нибудь ветку.

Еще две почти невидимые тени летели следом.

— Правее заberi, волчара, — скомандовала женщина. — Впереди река, нужна переправа.

— Нет, царица, правее нельзя, — прорычал оборотень. — Там земля вампиров.

— Плевать, прорвемся.

— Лучше вплавь, не утонем.

— Не зли меня, неслух!

В этот момент глухую лесную тишину прорезал далекий волчий вой. В тот же миг волкодлак замер как вкопанный, остановившись так резко, что Эльда едва не перекувырнулась через его голову. Сопровождавшие два полузверя тоже остановились, не приблизившись ни на шаг.

— А, чтоб тебя, Гир! — выругалась царица, спешиваясь.

Волк не лошадь, но этот экземпляр был особенно крупным и выносливым. Эльда тщательно подобрала спутников для особенного путешествия. Может быть, последнего в ее жизни. Затея с «молебном» вполне удалась. Она даже, то ли к счастью, то ли к досаде, на всем пути от столицы ни разу не столкнулась с патрулями сельо. Совсем ее подданные расслабились! Зато и храмы Лойт остались в неведении о ее путешествии.

— Тиш-ш-ше! — прошипел оборотень, то ли призывая помолчать, то ли от боли — в женском кулаке остался изрядный клочок шерсти.

С минуту было слышно лишь хриплое дыхание бегуна, но потом дальний вой повторился.

— Это тебе послание, госпожа, — мохнатый полузверь повернул лобастую голову, в свете луны, пробивавшейся сквозь деревья, сверкнули огнем яркие желтые глаза. — От владыки твоего сердца.

— Много ты знаешь о моем сердце! — раздраженно фыркнула Эльда.

«Владыка сердца», придумают же! Кто знал, что под мохнатыми звериными шкурами скрываются склонные к сентиментальности поэтические души? — И что передает мне Сатарф?

— У всех разумных существ сердца одинаковы. Хотя твое, может, и отличается, поскольку твое решение разумным не назвать. А Сатарф передает, что в твоём логове завелся предатель — пособник маньяка, которого разыскивают вот уже три государства. Твоя дочь в опасности, план с «наживкой» неприемлем, и следует немедленно заменить его на запасной.

— Кого он подозревает? — напряженно спросила Эльда. Она сняла шлем и подшлемник, дабы остудить вспотевшую голову, и косы развернулись тугими пружинами и упали на спину воительницы. Освещенная лунным светом, сельо была особенно хороша. Оборотень так залюбовался, что не сразу ответил.

— А? Прости, задумался. Сатарф не передал. Сама понимаешь, в лесах слишком много ушей для такой громкой почты. Говорится лишь, что предатель весьма осведомлен о цели твоей дочери, как могут быть лишь приближенные. Или те, кому по статусу положено.

— Верховная! — сжала кулаки царица. — Так и чувствовало мое сердце, что эта дрянь пакость задумала! Боги небесные, почему я согласилась? Где были мои хваленые ум и проницательность? И где была Рагана, почему не отговорила?

Эльда запрокинула голову к небу, с ненавистью глядя на луну, проглядывавшую сквозь ветви. Что же делать? Возвращаться и устранять зарвавшуюся стерву, прежде вытряся из нее правду? Или спасти любимого от неминуемой смерти? Кто, как не она, царица предвечных сельо, может договориться с драконами Смерти и выкупить жизнь одного искалеченного демона?

Он так близко — не владыка, нет, они с ним равны и по власти, и по духу, но — путеводная звезда ее сердца, дыхание ее оставшейся жизни.

Она, сельо, изменившаяся для своего избранника душой и телом, чувствовала его на любом расстоянии, как «солнечный цветок», поворачивающийся за дневным светилом в любую погоду.

Ее сердце разрывалось пополам, по щекам текли слезы.

Если она пойдет за Сатарфом, то может потерять дочь.

Если она вернется спасать дочь — потеряет любимого, а вместе с ним и жизнь.

Волкодлак лежал у ее ног и даже слегка вздремнул — путь предстоял

дальний, то ли вперед, то ли в обратную сторону — без разницы, и его звериная ипостась использовала каждый момент отдыха. Но его чуткое ухо ловило малейший шорох.

Он приоткрыл глаз, когда едва слышно прошелестела трава, и тут же распахнул второй. Царица, казалось, сошла с ума: она вдруг легла на землю, лицом к небу, и замерла, раскинув руки и закрыв глаза, а через минуту от ее лба, сердца, ладоней и живота крестом заструился перламутровый свет. В метре от земли лучи начали закручиваться вокруг центрального, изливавшегося от сердца, образуя расширяющуюся воронку, а внутри формировался светящийся кокон.

Оборотень затаил дыхание. Впервые ему довелось наблюдать магию сельо. Но теперь-то их точно заметят: либо сама Лойт, либо вампиры — граница с кланом Неупокоенных проходила совсем рядом.

Между тем кокон, достигший внушительных размеров, треснул, и из него выпорхнула полупрозрачная «бабочка» — тонкая, похожая на Эльду женская фигура с крыльями. То ли привидение, то ли лунный дух, — с такими существами оборотень еще не сталкивался.

— Лети к моей дочери. К Аэлике! — приказала ей царица, с усилием подняв ладони и сделав странный жест, словно вырывала что-то из сердца.

«Бабочка» кивнула, улыбнулась и махнула призрачными крыльями, в мгновение ока исчезнув из поля зрения. Даже острые глаза оборотня не смогли уловить направление ее движения.

Рука царицы легла на его загривок.

— Пора в путь, Грир.

Голос ее был таким тусклым и безжизненным, а ладонь столь холодна, что сердце зверя пропустило удар. Но запах женщины не изменился, она выглядела и пахла точно так же, как раньше, только тело словно остыло и глаза потеряли блеск.

— Что это было? — спросил оборотень.

— Магия? — царица иронично вздернула бровь.

Оборотень попятился. Уж он-то наслушался о нерожденной сверхзвериной ипостаси Эльды, даже нанюхался, когда ее обращение едва не состоялось. Но то существо, которое прорастало в Эльде, далеко ушло после близости самки с ее избранником. Там была другая магия. Что же сейчас?

— Ты шуток не шути, царица. Мы их не понимаем, знаешь ли.

— Это наша древняя магия сельо, и она древнее, чем пришедшая от Лунной богини. Изначальная, присущая только женщинам, тебе не понять. Мы можем разделять душу, отправлять ее часть с любимым существом,

чтобы хранить и оберегать. Так как я селю лишь наполовину, это таинство дается мне с трудом и отнимает жизненные силы. Даже чистокровные селю редко им пользуются: заклинание снижает боевые качества, потому что сейчас мое внимание раздвоено. А если «берегине» понадобится спасти хранимого, то она может потребовать от меня все силы, и даже перетянуть тело в самый неподходящий момент, например в бою.

— Но ты рискнула.

— А что делать? — печально улыбнулась Эльда. — Возвращайся, Грир.

— То есть как? — возмутился оборотень. — Получается, я зря лапы мозолил?

— Почему же? Ты доставил меня куда нужно. Теперь ты возвращаешься, а я продолжаю путь. К драконам тебе все равно нет хода. А твоя помощь может мне еще понадобиться в столице.

— Ну уж нет. Меня стая не примет, если клятву нарушу. Хочешь, чтобы меня растерзали? Это не такая благородная смерть, как при исполнении... Лучше уж драконы...

— Будь неладен тот момент, когда я взяла вас, блохастых, под опеку! — вспылила царица. — Ты смеешь оспаривать мои приказы?

Волкодлак, мотнув лобастой башкой, попятился в кусты. Молодая она еще, хоть и вожак, не все законы знает: стая превыше всего. Превыше даже вожака. Но сейчас, впервые за многие столетия, жизнь стаи зависит именно от этой хрупкой лунной царицы, и Грир обязан сохранить ее любой ценой.

* * *

С Верховной жрицей у нас было оговорено, что в случае нападения на Дьяра и невозможности иной защиты, я уведу его Лунным мостом в главный храм, располагавшийся в столице Серых холмов. Лунный мост — это просто эффектный портал, соединяющий жрицу с тем храмом Лойт, куда бессмертная позовет или позволит войти. Обычно это ближайший дом богини, либо центральный, в случае особой миссии жрицы.

Центральный портал всегда выводил в огромный круглый зал с резными колоннами по окружности и алтарем по центру. На первый взгляд и даже на ощупь он представлял круглую беломраморную площадку с широким бортиком, высотой по колено. На краю бортика и сидела статуя богини. Иногда, впрочем, и стояла, и тогда нужно было приготовиться к плохой встрече.

В центре алтаря и оказывался прошедший по мосту. А там уже как повезет: если богиня была благосклонна, то под ногами прошедшей порталом жрицы оставался ровный и твердый пол. Но если богиня гневалась, то вместо площадки гостя с головой уходила в воду, иногда ядовитую.

Так вот, в этот раз я ухнула даже не в ядовитый бассейн, а в колодец с вязкой тиной, мгновенно затянувшей меня с головой. Я умела задерживать дыхание под водой, но от неожиданности захлебнулась жижей и быстро потеряла сознание, успев лишь подумать, что на этот раз шутка Лойт чересчур грязна. Если, конечно, это богиня любви подстроила такую пакость.

Я лежала щекой на грязной бугристой поверхности.

Холодно и душно. В нос забилась пыль, пахло землей, плесенью и затхлостью. Опять подземелье?

Чужого присутствия не ощущалось, потому я, не открывая глаз, осмотрелась «оком сердца». И вздрогнула всем телом, обнаружив за спиной сгусток, пульсирующий черной злобой и фиолетовым отчаяньем.

— Очнулась? — тихо проскрипел сквозь зубы знакомый голос Верховной. Говорила она из-за спины, негромко, словно боялась, что ее услышу не только я. — Не притворяйся, меня не обманешь, Аэлика.

Я приоткрыла глаза. Свет брезжил очень странный — мертвенно-синий, неживой. Откуда — непонятно. В таком свете на два шага ничего не видно, стены таяли во мраке. И ни следа шедших впереди Дьяра и Алиана. Где они?

«Шурш?» — позвала я. Дракончик молчал. Ни следа присутствия, и какая-то странная пустота, словно кто-то перерезал нить, связывавшую наши сознания.

— Вставай, пока Он тебя не почуял, — шепнула за спиной Вайра, но ни на пядь не приблизилась, чтобы помочь.

Дождешься от нее. И знать бы, о ком она говорит. Кто — он? Убийца-сообщник?

Едва сдерживаясь, чтобы не застонать, я перевернулась на живот. Перед глазами оказались испещренные незнакомыми рунами плиты, покрытые толстым слоем сухой пыли. А где же бассейн «целебной» грязи? Где болото? Что-то не похоже, что я утопленница на дне.

И руки сухие. И одежда только слегка запачкалась.

И почему я не чувствую присутствия Вайры, когда не смотрю «оком сердца»?

— Шевелись, если не хочешь тут подохнуть! — прошипела она.

Верховная жрица богини любви была, как всегда, любезна.

Я повернула голову на голос и упала бы, если бы уже не лежала: старуха висела лицом вниз в коконе из полупрозрачных нитей. Мне было хорошо видно искаженное болью и страхом лицо Вайры, освещенное мертвенным светом. Неопрятными прядями свисали ее космы, из-за ворота вывалился и покачивался крупный селенис на цепочке. Мутный и больной, как заплывший белым глаз.

Сам кокон с пленницей, не к чему ни прикрепленный, парил на двухметровой высоте над глянцевой черной плоскостью диаметром метров пять.

Ощущение абсолютно чуждой магии пронзило меня при взгляде на эту антрацитово-черную кляксу, распластавшуюся на древних плитах и накрывшую руны. Огромный селенис, болтавшийся на дряблой коже Верховной, отражался в ней, как в зеркале.

— Освободи меня! — приказала Вайра, дернувшись в путах. Кокон покачнулся, начал поворачиваться. Отражение селениса заиграло в черном зеркале, и словно рябь прошла по поверхности.

Я кое-как встала. Спросила:

— Где мы?

— Неважно! Достань лунный меч и иди ко мне.

Ни за что. Эта клякса меня не просто пугала — ужасала.

Между тем кокон с пленницей медленно развернуло на сто восемьдесят градусов, лицом кверху. Отблески селениса заиграли, отражаясь в неимоверно высоком своде, терявшемся в темноте. Странное помещение. Стены — из необработанного камня со слюдяными вставками (либо это отсвечивают магические отражатели?), а высоченный потолок зеркально-ровный.

Такого храма Лойт я еще не видела.

— Что это за храм, госпожа Вайра? — упорствовала я, не делая попытки приблизиться к жрице. — И кто вас связал?

— Хватит болтать! — разозлилась женщина. — Надо действовать. Если ты не освободишь меня, то умрешь!

Я посмотрела на кляксу. Издали. Показалось, что ее неровные «отростки» слегка завибрировали и вытянулись в мою сторону, но тут же успокоились. Жуть какая-то потусторонняя. Непонятное вещество. Или существо? Страж, положенный охранять пленницу?

А ведь я ошиблась в подозрениях. Похоже, Вайра тут жертва, а не сообщница.

— Что-то не припомню я в Серых холмах храмов с такими пещерами,

а куда еще мог привести жрицу Лунный мост, как не в обитель Лойт? — размышляя вслух, я начала обходить «кляксу», одновременно краем глаза изучая обстановку на предмет бегства.

Куда-то же исчез мой работодатель! И отец!

— Госпожа Вайра, а больше тут никто не пробегал? Ну там, демоны или авгуры...

— Издеваешь-ш-шься? — прошипела она, снова дернувшись, как муха в паутине. — Нет! Только лунная жрица могла пройти по мосту. И да, я тебя призвала, у меня еще достаточно силы для этого. Аэли, пойми, отсюда тебе не вырваться без моей помощи, а мне... без твоей.

— Тогда расскажите мне, что с вами случилось, а я подумаю, как помочь.

— Тварь неблагодарная! — тихо прорычала Вайра сквозь зубы.

Пусть обзывается, поежилась я от ненависти, прозвучавшей в ее голосе. Не верила я ей ни на волос. Богиня, где же папа и Дьяр?

— Пока вы не скажете мне, что это за пещера, где она находится и как вы тут оказались, я и пальцем не пошевелю.

Разговаривая, я обошла вокруг «кляксы», используя «око сердца» и стараясь не обращать внимания на комок грязи, каким предстала моим глазам Верховная. Кокон ни к чему не был привязан. Но снизу вверх по краям «зеркала» тянулись тончайшие, почти прозрачные нити, похожие на струйки горячего воздуха, поднимающиеся от костра. Сначала я подумала, что это в глазах мельтешит, еле разглядела.

Ловушка. И Вайра в ней приманка.

Интересно, кто ловец?

А вот выхода в камере не было. Я обошла ее дважды по периметру, не прикасаясь к стенам, но вглядываясь и обычным, и лунным взглядом. Ни щелочки. И просто невыносимое, до озноба, ощущение чужеродной магии. Магические невидимые двери? Сюда бы Шурша, способного создавать и разрушать иллюзии.

— Все меня предали, — глухо забормотала Вайра. — Я сама виновата, знаю. Я, Верховная жрица богини любви... решила, что любовь к власти, к роскоши — это тоже любовь. Разве нет? Разве не так, младшая?

Она, извиваясь всем телом, развернулась в невидимой паутине так, что смотрела мне в глаза.

— Скажи, Лика, ты тоже ее жрица!

— Госпожа Верховная, разве тут время и место для дискуссии? Кстати, что это за место?

Старуха расхохоталась. И тут же оборвала смех, сплюнула, чтобы

убрать попавшие в открытый рот пряди крашенных волос. У нее плохо получалось, и Вайра плевалась, кокон хаотично крутился от ее движений... а кончилось тем, что старуха расплакалась.

С ее щеки сорвалась слезинка и капнула вниз. И не долетела до черной «лужи» — в ладони от поверхности ее жадно слизнул взметнувшийся антрацитовый протуберанец. Я поежилась: так вот какая судьба ждала меня, если бы я бросилась без раздумий вызволять Вайру!

— Я не знаю, где мы, — сказала Верховная. Кокон замедлил вращение, и слезившиеся, покрасневшие глаза жрицы снова вперились в меня. — Могу только догадываться. Сначала я думала, что мы в древних катакомбах под Академией Тьмы, так глубоко, что даже Тьма не может увидеть, как не может заглянуть в собственное сердце. Но... демон тут был бы в силе, а он лишился ее, едва сюда попал.

— Дьяр тоже здесь? — быстро спросила я, пока Вайру потянуло на откровенность.

— И Дьяр, и Алиан. Оба. Там они, дальше. Наш план сработал.

— Чей — ваш?

— Мой, — спешно поправилась Вайра. — Это я решила использовать Лунный мост, чтобы привести их сюда, и ты понадобилась, чтобы его открыть по моей привязке. Для этого ты и нужна была рядом с владыкой Тьмы. И если Дьяр потерял силу даже без помощи потерянных кинжалов, это место не может быть ничем иным, как пещерой в горах Смерти. Здесь нет иной силы, чем смерть. Точнее сказать: здесь умрет любая сила мира.

— Но как тогда сработал Лунный мост? Разве эта магия не должна была иссякнуть?

Старуха захихикала. И эти перепады ее настроения, как ничто иное, свидетельствовали о приближающемся безумии.

— Нет, глупая девочка, нет, — сквозь хохот выдавила Вайра. — Темная сторона лунной магии тут только сильнее.

— И потому вы, как мудрая Верховная жрица, пленены и висите тут в путах?

— О, я тоже глупая девочка, — развеселилась старуха. — Все мы глупые девочки, даже древняя карга Лойт. Даже она соблазнилась, когда ей предложили план по возвращению бывшего могущества. Да что там бывшего, ей предложили весь этот мир, как супруге бога.

Вот мы и подобрались к сути заговора, замерла я в предвкушении.

— Какого бога? — спросила я.

— А ты подумай. Кто может быть парой нашей богине?

— Понятия не имею. У нас так много времени, чтобы говорить

загадками?

— Ты права. Времени у нас нет. Или его вечность. Все зависит от того, чего мы хотим. Супругом у такой богини, как Лойт, может быть только более могущественный по силе бог. Тот, для кого ее сила — только часть его собственной. Ты никогда не задумывалась, почему мы, жрицы Лойт, повелеваем драконами Смерти?

— Потому что мы — сельо.

— Я — не сельо, и не единственная чужачка в наших храмах. Если во мне и есть кровь сельо, то самая ничтожная капля. Я была дочерью демонов, когда попала в плен к лунным жрицам, а затем сама посвятила свою жизнь богине и была ею отмечена. Но я повелевала своим драконом, пока он не нашел другого, более сильного хозяина и не предал меня. Так вот, драконы нам повиновались лишь потому, что лунная магия — это лишь иное название магии смерти.

— Неправда.

— Правда, Лика. Ты размышляла над этой загадкой лишь миг, а я — больше ста лет. Ведь что есть любовь? Это смерть. Когда мы любим, то готовы отказаться от себя и умереть за другого. Мать — за дитя. Муж — за жену, и наоборот. Смерть — высшая мера любви.

— Но не одно и то же! — возразила я. — Совсем наоборот. Любят ради жизни, и отдают жизнь ради любимых. Жизнь — высшая мера любви, а не смерть.

— А что есть жизнь, если не умирание? Оно начинается с момента рождения. Жизнь — это лишь иллюзия. Все, что есть настоящего в мире, — это смерть. И цель любой жизни — это смерть. Мы рождаемся, чтобы умереть, а не наоборот.

— Мы рождаемся, чтобы любить.

— И много ты любила? Кого? В твоём сердце нет любви, Лика. Так же, как не было в моем, когда я стала Верховной. Именно потому я и была избрана богиней. Именно потому следующей Верховной избрана ты, научившаяся за эти годы убивать, но не любить. Сельо всегда были и будут жрицами смерти.

— Это ложь!

— Это правда. Если тебе мало драконов Смерти в повиновении у жриц любви, вспомни, каких тварей порождает Серый предел. И почему он называется Серым.

Я усмехнулась.

— Из-за цвета наших лесов, конечно.

— Их цвет — серебристый. Нет, Лика. Серый — это цвет смерти. А

пределом эта земля названа потому, что здесь — граница не между Светом и Тьмой, как все почему-то решили, а между миром живых и миром мертвых. Только тут грань миров так тонка, что постоянно порождает чудовищ. Баньши, вестницы смерти, — самые безобидные из порождений пределов. Вся нежить лезет в мир отсюда. Резервация вампиров, ставших подданными, — это тоже результат вашей смертной магии, изначально примененной в войне с демонами. Неупокоенные были вашим оружием, таким же, как драконы Смерти. Не знала? Так знай. Вампиры боятся только наших драконов. И не кусают сельо. Никогда. Странно, правда? Но странность исчезнет, если знать, что они не могут обратить своих же создательниц.

— Я не верю вам.

— Это неважно, сельо. Важны только факты. Вот еще один. Только вы, сельо, можете превращаться в таких тварей, как хиссы и гиньи, в этих безумных магических животных. Ты никогда не задумывалась почему? Почему они безумны? А еще вы — единственные из всех разумных рас, обладающих боевой магией, не имеете боевой ипостаси: ни панцирей демонов, ни доспехов авгуров, ни даже волшебных лат солнечных дев. Ваши жалкие коготочки не в счет. Почему?

— Это как-то связано? — заинтересовалась я. Еще бы. Одна из неразрешимых загадок сельо, на которую никто не знал ответ. Мы такие, потому что мы такие...

— О да! — улыбнулась Вайра. — Хиссы и гиньи — это ваша боевая ипостась жриц смерти. Как демоническая — у темных магов, как авгурская — у светлых. У вас даже не одна ипостась, а две, в зависимости от задачи. Ведь вы, как граничные существа, могли существовать по обе стороны предела, и для каждой стороны — своя ипостась.

На этот раз рассмеялась я.

— Какой бред, госпожа Вайра! Эти твари неразумны! Все, что у них есть, — жажда убийства и распадающийся разум измененных жертв.

— Они не неразумны, они безумны, это разные вещи. Безумие — лишь результат забвения и искажения вашей изначальной магии, результат разрушенной связи ваших ипостасей. И случилось это из-за вмешательства Лойт в ваши превращения. О, лунная гадина и тут постаралась! Сама понимаешь, так называемая любовь и хисса — несовместимы. Но вспомни, превращение в тварей — это всегда защитная реакция у сельо. Всегда. В момент потери супруга сельо становится хиссой, чтобы его защитить, чтобы вырвать его душу из лап драконов Смерти и вернуть. Или чтобы завершить магию смерти и последовать за ним за смертную грань

пределов. А многоликость гиньи? Идеальное оружие охотниц за избранниками. Или за жертвами на алтарь смерти. Или за нежитью. Все зависело от цели. Вы забыли о своей изначальной сущности и своем предназначении, сельо, потому ваша боевая ипостась теряет разум.

— И вы нашли способ его удержать и подчинить? — моя догадка, похоже, подтвердилась.

Жрица довольно улыбнулась.

— Да. Скажем так, мне подсказали, где искать, а я нашла. И я, пользуясь властью Верховной, научилась создавать тварей, послушных моей воле. Это легко даже мне, почти не имеющей вашей крови, потому что мне открыт ваш утерянный секрет, сельо.

— Я не верю тебе, — сказала я из чистого упрямства.

— Это не имеет значения. У вас была великая миссия. Владычицы и хранительницы Серых пределов Смерти — вот кто вы на самом деле. С приходом Лойт жрицы смерти стали называться иначе, но ваша суть не изменилась. А светлая и темная стороны луны — это уловки для несведущих. Жизнь — лишь корм для смерти. Чтобы корм не иссяк, нужно время, чтобы его вырастить. Нужна светлая сторона Лойт, время посева. И темная — время жатвы. Вот в чем правда, Лика. Вы, сельо, а потом и мы, жрицы Лойт, тысячелетиями обманывали мир о своей сущности. Мы все забыли о своем истинном служении. Но сегодня обман закончится.

— Каким образом? — я вся подобралась, как сжатая пружина. Кончиков пальцев коснулась прохлада лунного меча, левая рука приготовилась выстроить щит, а крыловые щели слегка приоткрылись.

Верховная содрогнулась всем телом, и ее опять развернуло, поставив вертикально, в метре над поверхностью, словно на невидимый пьедестал. Ее кокон дрогнул, взвихрился сотнями черных смерчей и опал, как пепел. Черные язычки протуберанцев слизнули его, не позволив ни пылинке осесть на зеркальную поверхность.

— Каким образом? — раздвинулись в улыбке сморщенные губы старухи. — Сегодня придет истинный бог. Истинный хозяин Серых пределов и этого мира, глупая девочка. И я, его Верховная жрица Вайра, открою ему дверь. Уже все готово к церемонии. Оба владыки готовы поклониться ему и отдать свою маленькую власть во имя великой.

— И кто же он, этот истинный хозяин? — Я вспомнила все, что стало известно о заговорщиках. — Кто глава вашего ордена Равновесия?

Вайра презрительно расхохоталась:

— Орден Равновесия?! Сказка для дурачков. Нет никакого ордена, есть только стадо баранов и мы, их пастухи.

— Но и у вас есть хозяин, — напомнила я. — Ты сама призналась. Кто он?

— А ты еще не поняла? Конечно, бог Смерти!

С шорохом развернулись огромные серые крылья, скрывавшие костлявое желтовато-серое, словно мумия, тело со сморщенными мешками грудей. На бедрах Вайры была повязка — бахрома из клочковатых волос. Лицо жрицы тоже изменилось — щеки впали, нос ввалился, пергаментная пятнистая кожа обтягивала череп так, что обрисовала и впадины на висках, и выпуклости зубов. Вайра и раньше не блистала красотой и молодостью, а сейчас напоминала безобразный оживший труп дряхлой старухи.

Я попятилась, с неслышным стоном признавая ошибку. Нет, Вайра — не жертва и не приманка в ловушке. Она лишь тянула время, чтобы закончить преобразование вот в это... существо.

Огромные крылья легонько шевельнулись, глаза Вайры провалились, став черными ямами, а мое сердце зашлось от ужаса. Я едва подавила крик.

— Твое единственное спасение, Лика, это боевая ипостась, — прошипела жрица. — Я, Верховная жрица бога Смерти, приказываю: превращайся, или ты умрешь.

Так вот что ей надо! Она хочет сделать из меня покорную ее воле тварь?

— Может быть, ты смогла обмануть кого-то из наших сестер, Вайра, но, видишь ли, я видела и хиссу, и гинью. У них нет крыльев. Сельо теряют их в таком ужасном преобразении.

— Ах, милая, — оскалилась жрица. — По той же причине, почему их разум становится разумом животного: это сломанная боевая ипостась сельо, неосознанное превращение. А здесь, в сердце спящей Смерти, ты обретешь истинную ипостась, пройдя этот путь осознанно.

Вот только у посланных ею «правильных» тварей тоже не было крыльев.

Черная клякса на полу стала растекаться: пока еще тонкие щупальца-ручейки потянулись к моим ногам.

— А древний ритуал с жертвами тоже нашли вы?

— Нет, дорогая, не я. Мои... помощники. Нас трое, Верховных жрецов бога Мортара. Мы — опора его власти на земле. Но главная из них — я, хранительница и владычица пределов Смерти. Уже скоро. Твоя мать умрет, как только умрет этот чересчур живучий Сатарф. Она отвергла свою высшую ипостась, потому просто станет трупом.

— А кто ваши соучастники?

— Мои мужья. Пора тебе с ними познакомиться, дорогая.

Безумная старуха махнула крыльями так мощно, что меня порывом ветра впечатало в стену, но я была наготове: тут же оттолкнулась от камня, выпустила крылья и взвилась. Выстрелившая из стены сеть осталась без добычи. Я заметила, на какое расстояние выдвинулась ловушка, и держалась между «кляксой» и стеной так, чтобы меня не задело следующей.

Но сюрпризы только начались.

ГЛАВА 20

Истинная тень

Ни одно живое существо не в состоянии преодолеть горы Смерти, и Сатарф это отлично знал. Так же хорошо он помнил, что драконы еще на границе встречают каждую живую душу, посмеившую потревожить их горную обитель.

Но прошло уже несколько часов, как бывший владыка Тьмы покинул земли клана Неупокоенных, и прошагал он уже два десятка верст по покато́й горной подошве, продвигаясь к перевалу между двумя пиками, а его еще никто не встретил.

Сатарф был готов к любой неожиданности. Он чутко вслушивался в стремительно наступающую ночь, пытаясь уловить тихий шелест невидимых крыльев. Смерть всегда приходит неслышно. Нервы были так напряжены, что демон чувствовал малейшее дуновение ветра, мельчайшее движение ветвей редкого кустарника, и ему казалось: он даже видит стремительно и беззвучно скользящие тени, черные на черном камне скал.

Может, они ждут, когда он сам сорвется с обрыва?

Расщелин Сатарф не боялся. Ночное зрение демона позволяло ему видеть яснее, чем днем. До крутых пиков, где придется карабкаться по отвесной стене, еще далеко. Но вот этот холод...

Чем выше он поднимался, тем суше и морознее становился воздух. Хотя крылатый... бывший крылатый... способен подниматься на такую высоту, где ледяной воздух переставал держать его крылья, и дышать становилось нечем. Он еще помнил самые страшные для летуна мгновения — попасть в ледяной поток, мгновенно сковывающий потное тело и крылья ледяным панцирем. Но здесь, на земле, он надеялся, что драконы явятся за ним до того, как он замерзнет насмерть и без их помощи.

— И в какую же хургову задницу они все подевались? — ворчал самоубийца, чувствуя пробирающий до костей холод. Даже горячая демоническая кровь остывала и начинала медленнее бежать по жилам. — Не привал же делать?

Еще через час мысль о жарком костре стала совсем навязчивой, и Сатарф решился. Может, хоть на огонек кто заглянет. Он сбросил наземь походный мешок, наломал обледенелых веток с чахлого кустика — последняя возможность погреть искалеченные руки. Еще выше даже травы

для костра не будет, только снег и ветер.

Едва вспыхнули первые язычки пламени, ночной мрак стал густым и вязким. Казалось, сама Тьма пришла к своему детищу и стоит за пределами красноватого круга света.

«Прости, Великая Мать», — послал он Тьме покаянную мысль. Ведь чем больше света, тем меньше надежды на помощь его Госпожи. Но нужно было взбодрить остывающую без магии кровь. Он усмехнулся про себя, протянув к робким язычкам огня скрюченные пальцы рук. Видели бы светлые, до чего дошел демон.

«С-с-смертный...» — коснулся его сознания зов, больше похожий на болезненный стон, и бывший владыка порадовался, что его способность говорить с почти потусторонними существами не иссякла вместе с магией.

— Ну, наконец! — он поднялся, вглядываясь в черный купол неба, но, конечно, ни зги не увидел. Ни звезд, ни — слава Тьме — луны. Еще ока Лойт ему не хватало в миг смерти. — Иди ко мне, я готов!

И каково же было изумление Сатарфа, когда вместо смертного холода в его душу проникла сразу сотня разноголосых стонов: «Помоги, смертный! Помоги нам! Помоги...»

Что должно было случиться, чтобы драконы Смерти нуждались в помощи того, кто сам пришел к ним за помощью, бессильного калеки, чьей магии едва хватало на то, чтобы разжечь костер и не спотыкаться на горном склоне?

Тьма напротив Сатарфа обзавелась десятками багровых звездочек: невидимые решили проявить себя.

— Ты поможешь нам, смертный? — вслед за самыми яркими алыми очами материализовалась костяная голова. Туловище существа исчезало в непроглядном мраке.

— Как смертный может помочь бессмертному?

— Мы расскажем как.

— Мы покажем где.

— Мы доставим тебя сами, если ты согласишься, бескрылый, — зашелестело одновременно отовсюду, как шум невидимого дождя по листве потустороннего сада.

— Мы выполним любое твоё желание, которое нам по силам. Кроме вечной жизни, это не в нашей власти, — еще одна рогатая, усыпанная костяными шишками голова склонилась из-за плеча Сатарфа и безбоязненно принялась к живительному пламени.

Огонь резко исчез, и даже привычные к мраку глаза демона на мгновение ослепли.

Этого мига оказалось достаточно, чтобы местность вокруг Сатарфа неузнаваемо изменилась.

Он не почувствовал никакого движения. Острый край валуна, на котором он сидел, как впивался в его бедро, так и продолжал ощущаться. Скальная поверхность под ступнями не дрогнула ни на волос. И даже ветер не коснулся его кожи: морозный воздух словно застыл. Мертвую тишину не нарушил ни один звук.

Но демон видел ночным зрением, что оказался не на пологом склоне горы, а в огромной каменной чаше, чьи зубчатые края складывались из гигантских, уходящих в неимоверную высоту отвесных пиков. Дно странной, словно искусственно вырезанной в скалах и выровненной долины было идеально ровным и круглым.

А через миг рядом с Сатарфом материализовалась уже знакомая рогатая драконья башка на мощной костяной шее. В пасти она держала безвольно свисавшую тушу крупного волка. Демон сам себе удивился, обнаружив, что его удручила смерть упрямого Ворчуна. Значит, оборотень все-таки пошел за ним, невзирая на запрет. Вот и поплатился.

Дракон сплюнул тушу на камень. Почистил пасть от набившейся шерсти, попросту срыгнув сгусток светящейся плазмы. Противно пахло паленым волосом.

— Он шел за тобой, демон. Это твой друг или враг?

Сложно сказать. Еще не так давно, полгода назад, Сатарф, не задумываясь, ответил бы: «Враг». Полузвери всегда были отвратительны темным. В немалой степени потому, что демоны не могли воздействовать на их измененный разум в звериной ипостаси, а оборотни легко могли воздействовать на тела демонов, если, конечно, их клыки добирались до них.

Но с тех пор как два древних кинжала украли силу высшего мага и он перестал быть владыкой Тьмы и Теней, демон изменился не только телом. В конце концов, уговорил себя Сатарф, этот упрямый меховой мешок с костями тоже обладал разумом и душой, да и жизнь ему спас, вытащив из реки.

— Друг, — выдавил Сатарф.

И в тот же миг вершины скал на мгновение озарились завоораживающей россыпью голубых и синих бликов. Но что могло быть источником света, демон не смог уловить. Эту магию он не почувствовал.

— А эта женщина? — донесся до его слуха еще один шелестящий голос. — Она шла за тобой. Кто она тебе?

Еще один небольшой дракон проявился в нескольких шагах от

Сатарфа, и в его межкрылье лежала, обняв костяную шею, темноволосая женская фигурка.

— Эльда! — бросился к ней демон, снял ее тело с распластавшегося дракона, попробовал прощупать пульс. И опустил в отчаянии руки.

Теперь он потерял все, абсолютно все. Зачем ему крылья, если Эльды нет? Зачем ему жизнь?

Положив голову любимой на колени, он перебирал ее волосы и смотрел на слабо мерцающие, словно черный снег под фиолетовым солнцем, скалы. Драконы ждали. Смерть терпелива, она умеет ждать.

— Вы просили о помощи, — вспомнил Сатарф, когда его сильное тело уже почти заоченело.

— Да, нужна, смертный, — многоголосый шелест окружил его со всех сторон.

Он поцеловал сомкнутые ледяные уста Эльды, бережно уложил возлюбленную на заиндевевший камень и поднялся.

И снова россыпь бликов озарила скалы.

Такая же мимолетная улыбка коснулась губ демона и исчезла так быстро, что драконы Смерти, эти непревзойденные повелители иллюзий, даже не заметили. А если заметили, то решили, что демон есть демон — бессердечное существо, не знающее и не стоящее любви.

Как он мог забыть, что селю не оставляют после смерти праха? Их тела исчезают, как лунный луч при свете солнца. И пусть Эльда была наполовину демоницей, но изначальная магия лунных дев в ней была так сильна, что она победила даже в Царской Гонке, и прекрасные воительницы Серых холмов признали ее своей царицей. А это значит, что перед ним — не мертвая Эльда, а бесподобная, реалистичная, но лживая иллюзия. А настоящая Эльда жива. Жива!

Он с трудом сдерживал рвущуюся из сердца радость. Как он мог обмануться? Разве он не почувствовал бы ее гибель?

— Чем я могу помочь?

— Скоро мы потеряем свободу, смертный, — заговорили драконы.

— А мы не хотим быть рабами!

— В этот мир войдет наш Создатель и Господин.

— Тот, от кого мы однажды бежали.

— Ушли в этот мир и сотворили Серый предел. Грань, через которую он не смог перешагнуть и проглотить.

— И эту Грань сейчас разрушают Ритуалом, страшным даже для нас.

— Но ты можешь сразиться с ними и остановить Ритуал!

Сатарф повелительно махнул рукой, и драконы замолчали.

Он оглядел их полупрозрачные силуэты, мерцавшие на фоне звездной черноты.

— Где мы находимся? — спросил демон.

— На дне твоей души... — после нерешительной паузы ответил ему кто-то невидимый.

Но трудно сбить с толку того, кто столько лет был владыкой. Даже если сухая и мертвая, утонувшая во мраке каменная чаша и была искусной, но иллюзорной метафорой его темной души, Сатарф точно знал: эти камни расцвели для Эльды. Только для нее.

— Повторяю вопрос: где мы находимся? — И тут же поправился: — Где я нахожусь?

— Там же, на подступах к Двуглавой горе.

Скалы дрогнули и оплыли, явив все тот же каменистый склон и валун, на котором сидел Сатарф. Вспыхнули знакомые очертания звезд над головой. Рисунок созвездий не сдвинулся ни на волос. Драконы «заморозили» время? Логичное предположение, хотя и безумное. Но если им нужна помощь даже от искалеченного демона, но они никуда не торопятся, то что еще предположить?

Тела Эльды и Ворчуна тоже исчезли.

— Ясно. Так-то лучше, — усмехнулся демон. — Они живы?

— Мы поместили их в пространственно-временные капсулы...

— В такой же капсуле сейчас ты...

— ... Чтобы ими не воспользовались наши враги. Двух оборотней и царицу сельо. Они в безопасности, пока...

— ... Пока мы свободны.

«Заложники», — сжалось сердце Сатарфа.

— Но мы освободим их сразу, как только почувствуем, что Ритуал завершается и мы проиграли, — поспешил уверить тот же голос. — Они не заложники, ты неправильно понял, демон.

— Если вам нужно остановить какой-то ритуал, почему вы, драконы Смерти, не можете убить тех, кто его проводит?

— Они защищены нашим Создателем, мы бессильны взять их жизнь.

— Но это сможет кто-то другой...

— Все, что мы смогли, — закрыть их в горах, но мы опоздали.

— Это не мешает им завершить Ритуал.

Сатарф снова властно вскинул ладонь:

— Стоп. Пусть говорит кто-то один. Вот ты, — показал он на самую массивную драконью голову.

Огромные глаза вспыхнули фиолетовым сиянием. Дракон заговорил

так, как говорила бы Тьма — в мыслях и в сердце.

И демон с горечью понял, что он ошибся в своих предположениях и расчетах. А значит, Дьяр и Ирек пойдут по ложному пути и опоздают. Потому что не к Лунной мистерии, случавшейся раз в сто лет, был привязан жуткий ритуал, и не суть Лунной богини он призван был изменить, а суть всего мира. Из мира жизни он станет миром смерти, еще одним потусторонним локусом в царстве бога Смерти Мортара, и все живые — и архонты, и демоны, и лунные девы, и солнечные, и более мелкие племена разумных существ — превратятся в мгновение ока в подданных Мортара. В драконов Смерти, расчищающих в мироздании путь своему Создателю.

— Кроме вампиров, — брезгливо поморщился дракон. — Неупокоенные уже мертвы и не смогут измениться, потому просто будут уничтожены.

— То есть речь идет о захвате не Темного Трона, а целого мира? — уточнил Сатарф, размышляя.

— Трем жрецам Мортара нужны оба трона — Темный и Светлый, чтобы столкнуть и уничтожить полярные силы этого мира, тогда он станет беззащитен.

— Но владыка Света...

— Возвращен. И он скоро будет в руках жрецов Мортара.

Демон горько усмехнулся.

— У меня даже оружия нет, кроме кинжала.

— Твоя сила не в оружии, смертный.

— А, ты о магии. Я ее лишен.

— Ты маг от рождения до смерти. А сила обретается в битве.

— Выйти безоружным против трех неуязвимых тварей, против жрецов, убить которых бессильны даже драконы Смерти? Не смешите меня. Я не тороплюсь на их жертвенник.

— Тогда на него ляжет твой наследник. Он уже сражается с жрецами и проигрывает.

Сатарф поднялся с валуна:

— Что ж, я обещал вам помощь, хотя до сих пор не могу понять, чем я могу помочь. Отнесите меня к сыну.

Дракон качнул рогатой головой.

— Мы можем лишь указать тебе путь, но лететь ты должен сам.

— Ты точно слеп. Я калека!

— Я вижу, что у тебя есть крылья. Настоящие, истинные крылья, которые никому не под силу сломать. И я не понимаю, почему ты ими не пользуешься. Не умеешь, смертный? Я научу. Мы можем не торопиться, во

внешнем мире не пройдет и мгновенья.

* * *

И снова вокруг взметнулось каменное пламя скал, а склон под ногами превратился в плоское дно круглой долины. «Чаша души», лишенной магии.

— Не тело формирует душу, а душа — тело, — пророкотал дракон. — Позволь твоим истинным крыльям прорасти в мир. Они могут обрести такую же плотность, как твои руки и ноги.

Могут. Но ненадолго. Потому что это крылья его Истинной тени. Крылья, принадлежащие отражению его сущности во Тьме, его теневому двойнику, способному при величайшей нужде поменяться с физическим телом Сатарфа, спрятать его в битве за собой, как щит. Точнее, в себе.

Но сейчас демон не ощущал связи с Истинной тенью. Связь была, конечно, иначе Сатарф был бы уже мертв, ведь он давно единое целое со своим отражением во Тьме, но утративший магию демон не мог ее вызвать. Похоже, стычка с вампирами не прошла бесследно.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, дракон, — хрипло сказал Сатарф. — Наши крылья — это воплощенная магия, силовые потоки. Если бы магические каналы остались в целости, я бы смог отрастить новые крылья, но те кинжалы разрушили каналы. Я слишком слаб.

— Пробей новые! — дракон кивнул на остроконечные пики, плотной стеной окружавшие «чашу». — Сила твоего духа равна силе твоей магии, а не наоборот. В этом и заключается твое оружие. Боги убивают одной яростью.

— Но я — не бог.

— Ты — демон. Тебе дана ментальная сила, так почему ты не воздействуешь на собственный разум, оставляя его в оковах? Твоя душа крылата, я вижу четыре потока Тьмы, растущих из твоего сердца. Почему их не видишь ты?

— Я тебе только что объяснял. Каналы...

— И твоя душа зряча на оба глаза, — перебил его дракон. — Здесь, на дне твоей души, ты такой, каким себя ощущаешь. А ощущаешь ты то, что хочешь чувствовать, то, каким хочешь быть. Ты же видишь меня сейчас двумя глазами, не так ли?

И Сатарф изумленно моргнул. Действительно. Как он мог не заметить? Он видел так же ясно, как прежде!

Он коснулся подушечками пальцев глазницы и ощутил, что глазное яблоко цело и невредимо. Отдернув руку, он оглядел ее. В робком свете загоревшейся над головой, в его внутренних небесах, звезды блеснули целые и невредимые когти демона.

— Я исцелился?

— Ты исцелишься, если сильно захочешь.

— Ты пришел умереть и возродиться, слившись с яйцом дракона, но мы не живые, у нас нет и не может быть детей, потому твоя затея обречена на провал. Но мы тебе и не нужны, чтобы вернуть крылья. А вот ты — нужен нам и самому себе. Вспоминай себя, демон. Однажды Тьма отразила твою сущность, и ты обзавелся крылатым тeneвым двойником. Теперь твоя очередь. Вспоминай и заново создавай свое плотное отражение в яви. Но сначала пробей каналы и наполни их.

И Сатарф вспоминал. Как впервые выпустил потоки силы, поднявшие его в воздух, и поймавшие верещавшее тельце руки отца. Первый шаг в тень и улыбку матери. Объятия бездны и вкус Тьмы на губах. Первую драку и первый поцелуй.

Мертвая каменная чаша расцветала звездными цветами, над вершинами каменных пиков плясали молнии, оплетая камни причудливым кружевом. Мощные скальные массивы трескали, осыпались, и в проломы врывались бурные голубые потоки.

Но душа Сатарфа не слышала грохота. Она внимала крику чаек и ловила соленые морские брызги. Она снова была на том корабле, где Сатарф встретил волшебную деву, пленившую его белопенными кудрями, колдовскими глазами и голосом сирены, — дочь моря, сплетавшую ему брачную корону из жемчуга, кораллов и сверкающих, как звезды, окаменевших русалочьих слез.

Он знал, что на берегу его морская жена потеряет чарующую красоту и превратится в обычную скромную женщину. Знали бы его враги, какой силы колдунью они назвали «корабельной шлюхой». Владычицу, подарившую ему дочь и сына и сразу, как исполнила их договор, ушедшую в море в ночь рождения наследника. Она слишком любила свободу. Так же сильно, как Эльда.

Он вспоминал первый крик дочери. Первый шаг сына. И его первый полет. И снова чувствовал упавшее в его ладони младенческое тельце. Вспоминал, как отвел подросткового Дьяра к Госпоже Тьме, чтобы она даровала ему Истинную тень.

Вспоминал губы Эльды, глаза Эльды, танцующую в серебряных небесах фигурку Эльды и ее поцелуй...

Когда Сатарф поднялся и выпрямился, глаза его сияли, как синие звезды, а из его спины вырвались потоки темной силы, свились, формируясь в четыре мощных крыла.

— Я готов, дракон, — сказал бывший владыка.

— Тогда тебе пригодится вот это, — огромная лапа появилась перед Сатарфом, разжалась, и демону показалось, что она сбросила призрачный коготь, кривой и острый, как лезвие меча. Но это и был меч, изогнутый и обладавший рукоятью, крестовиной и, как тут же выяснил демон, неплохой балансировкой.

Дракон склонил гигантскую голову, вздохнул:

— Призрачный меч не убьет жрецов, пока Создатель так близок, но и не даст им убить тебя, сын Тьмы. Летим?

— Хоть что-то. Надеюсь, он не настолько призрачный, чтобы не отбить атаку. Летим.

И Сатарф развернул новообретенные крылья, слегка в них запутавшись. Собственно, четыре штуки — это уже излишество. Это он явно пожадничал, истосковался по небу...

ГЛАВА 21

Жрецы Смерти

— Только не надо света, мэтр! Я чувствую неподалеку что-то странное, и свет может привлечь эту тварь.

— Твое предупреждение опоздало, Дьяр. Я уже попытался сотворить факел, и у меня ничего не вышло. Опиши, где мы.

— У вас? Не вышло?! — изумился молодой владыка Тьмы. — Мы в квадратном помещении с отполированными стенами, площадь примерно семь на семь шагов. Потолок — в два моих роста. Выхода нет.

Тьма вокруг царила крошечная. Такая густая, что казалось, ее можно разрезать ножом.

— А что за тварь?

— Внизу, по моим ощущениям. Я даже не могу сказать, живое это существо или нет. Возможно, это гигантский дракон Смерти, спящий в недрах. Я могу их чувствовать.

Алиан вздохнул:

— Ну да... Владыки Темного Трона могут общаться с этими существами. Должен признать, Дьяр, я — старый, выживший из ума осел! Император, за которым я бросился сломя голову, оказался призраком, а мы — в ловушке, чего и следовало ожидать. И что-то блокирует мою силу. А как у тебя обстоят дела с магией?

Дьяр молчал, и Алиан, чувствуя себя беспомощной мухой, увязшей в черничном варенье, не видел, что делал его молодой коллега, зато слышал его дыхание, шипение сквозь зубы и тихие ругательства на языке династии Шарх.

— Тоже что-то не дает использовать силу. Заклинания гаснут, как мокрые лучины. Тут хоть и темно, как у хурга в заднице, но не чувствуется и следа Госпожи Тьмы.

— Но ты можешь уйти тенью?

Молодой владыка с горечью усмехнулся:

— Чтобы уйти тенью, мэтр, нужно, чтобы они были. Здесь их нет.

— Как нет? Тьма — это сплошная тень.

— Теоретически. Практически — что-то должно отбрасывать тень, а значит, где-то должен быть источник света. Его нет, словно это место — в другом мире, где нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Хотя... Сейчас

попробую что-нибудь сделать.

Дьяр зашуршал чем-то, послышался треск разрываемой ткани, затем — звук удара камня о камень. Посыпался сноп ослепительных искр. Они падали на свернутый из обрывка рубахи жгут и тут же гасли.

— С ума сойти, владыка Тьмы, один из сильнейших магов мира, пользуется кремнем и кресалом! — изумился Алиан. — Откуда они у тебя?

— После случившегося с моим отцом я понял, что магия — ненадежная штука. С тех пор таскаю с собой всякие мелочи. Обременительно, зато спокойнее.

— Гхм... Никогда бы не подумал, что хоть кто-то из отродьев Тьмы настолько благоразумен. И предусмотрителен. Или ты что-то знал?

Дьяр промолчал, отлично понимая, что архимаг его провоцирует. Вот только зачем? Глупо вести себя как пауки в банке.

Полоска ткани наконец занялась слабым огоньком, и сразу стало понятно, что для дыма нет выхода, и притока воздуха тоже нет. Ни малейшей щели в зеркально-гладких стенах. Алиан кашлянул в кулак, стараясь не погасить крошечный факел.

— Похоже, мы замурованы. Уходи, мальчик, пока горит огонь. Тебе хватит этой тени.

Но Дьяр, отрицательно качнув головой, раздавил огонек подошвой сапога.

— Нет, мэтр. Даже если бы этой тени хватило, чтобы пробить выход, вы не сможете уйти со мной. А я не оставляю вас в этой ловушке одного.

Алиан возмущенно фыркнул:

— Глупости какие! Я, да будет тебе известно, враг твоего отца.

— Знаю. Вы влюблены в ту же женщину, что и он. Но мне вы не враг, даже если наши силы противоположны.

— Они не противоположны, они враждебны по сути. То, что для темного мага — жизнь, для светлого — смерть. Там, где твоя сила растет, моя уменьшается.

— Испокон веков так и считалось, мэтр. Но вот мы здесь, и оба бессильны, — возразил молодой владыка. — Значит, есть что-то общее.

— Жизнь, юноша. Мы оба — не бессмертны. А теперь уходи. Я не о тебе забочусь, сын моего врага, а о своей дочери. К моему сожалению, она — твоя телохранительница, а я слышал кое-что о том, как сельо умудряются охранять объект даже на расстоянии.

Дьяр оживился: его давно занимала эта загадка.

— И как же? Им помогают драконы Смерти?

— Нет, они чувствуют сердцем. Их договор охраны сродни брачному,

и тоже подтверждается кровью. При малейшей угрозе магия сельо приведет ее к охраняемому объекту. Вся надежда, что нас тут надежно заблокировали и от нее тоже, — Алиан снова кашлянул в кулак. — Но ты еще можешь уйти.

— Время еще есть. Уйти я смогу и позже.

— Ошибаешься. Может не хватить воздуха, чтобы зажечь огонь.

— Тень была слишком слабая и короткая, — не сдавался Дьяр. — Она ведет в соседнюю камеру, не дальше. Мы лишь разделимся и продлим агонию. Но я не думаю, что врагам, заманившим нас в западню, нужны наши трупы.

— Верно. А что это значит?

— То, что они слишком слабы, чтобы сразиться с двумя владыками, — усмехнулся синеглазый. — Они подождут, когда мы впадем в беспамятство.

Алиан одобрительно похлопал его по плечу.

— То-то и оно. Их слишком мало, они слишком слабы, и у них уже нет братьев Ошсах.

— Точно! — воспрянул Дьяр. — Мы не можем использовать тут свою силу, но кинжалы... Возьмите, мэтр. Один будет у вас, второй — у меня.

Он помолчал. Потом с горечью молвил:

— Чего же стоят наши власть и сила, если нас так легко их лишить? Как я теперь понимаю своего отца! Иметь такое могущество и в один миг стать так позорно слабым!

Алиан со вздохом ответил:

— Иногда только слабость тела может проявить в мужчине истинное мужество и силу духа. Но поторопимся. Дышать все труднее, а нам надо еще за минуту придумать, как и чем объединить наши противоположные силы, чтобы они не уничтожили друг друга, если мы сумеем снять сдерживающий блок. Одну точку мы нашли — жизнь. Но этого мало.

— Не знаю, как наши магические силы Света и Тьмы, мэтр Алиан, но у нас с вами точно есть кое-что объединяющее: мы оба любим Лику и дорожим ею.

Архимаг помолчал.

— Что ж. Можно попытаться. Но хорошо бы найти и третью точку сцепки, для устойчивости такого шаткого единения сил. Я предлагаю мир.

— В каком смысле мир?

— Во вселенском смысле, юный владыка Тьмы, — с усмешкой сказал старый интриган. — Мы оба заинтересованы сохранить наши земли и народы от чужеродной силы. Пришло время объединиться против врага, угрожающего нашим жизням, любви и бытию. Не так ли? Я дам тебе щит

от моей силы Света.

— Я дам тебе щит от моей силы Тьмы, — завороченно повторил Дьяр. Они соединили ладони в рукопожатии.

И в этот момент стены дрогнули от толчка и начали сдвигаться к центру. Все быстрее и быстрее. Двух высочайших магов кто-то пытался раздавить, как букашек.

— Быстрее, Алиан, соображай быстрее, — пробормотал владыка Света, чувствуя себя последним на земле идиотом. Что и как может блокировать его магию? Ведь никакой сети, никаких заклинаний, ничего не воздействовало. Даже стены, похоже, были обычными каменными глыбами. Не воздух же тут особый, которого, кстати, становилось все меньше. — Уходи, демон.

Но было уже поздно: капкан схлопывался, и уже не хватило бы времени даже выбить искру. Дьяр подпрыгнул, уперся ногами в противоположные стены. Щепка между молотом и наковальней.

Б следующий миг он вклинил лезвие кинжала в узкую, с волос, щель между движущимися плитами стен. Раздался громовой скрежет. Стена остановилась.

— Давай! — нахально скомандовал демон авгуру.

— Я ничего не вижу, — Алиан слепо вытянул перед собой руку с кинжалом.

Дьяр, изогнувшись, схватил его за запястье и точно так же заклинил вторую движущуюся стену. Механизм, издав жуткий вой, остановился.

— И что теперь? — проворчал архимаг. — Заклинили единственное оружие, которое могло бы нам помочь. Патовая ситуация, но наши враги что-нибудь придумают. Сонный газ, например.

Но что-то происходило. Кинжалы Ошсах, заклинившие противоположные углы, мелко вибрировали, в глубине скалы зарождался глухой гул. Из-под лезвий посыпался мельчайший песок. И вдруг стены пошли трещинами, паутиной разбегавшейся от кинжальных лезвий.

— Щиты! — скомандовал Алиан, едва почувствовав, что его магия освобождается. — Нас сейчас не просто раздавит обвалом, но и разотрет нашей же магией. Ставь щиты!

— Рано! — переходящим в рокот голосом сказал Дьяр. Он стремительно выростал, заполняя пространство и раздвигая его, останавливая могучим бронированным телом крушащиеся своды. Ставшая крохотной человеческая фигурка Алиана оставалась в безопасности под нависшим над ним щитом. — Вот теперь можно и щиты ставить. Я могу удержать эту гору, авгур.

— И долго держать собрался? Не надорвись! — пробурчал владыка Света. — И подвинься, мальчишка, ты мне весь обзор загородил. Да глаза-то побереги!

Едва Дьяр опустил веки, в тот же миг из-под ног черного исполина выплеснулся фонтан ослепительного света, завился спиралью, окутывая преобразенного Дьяра световым винтом, сметающим падающие глыбы. Камни крошились, плавились, световые петли увеличивались в диаметре, сдвигая и оплавляя породу. Гора трескалась и стонала, по склонам мчались оползни. Наконец вершина ее разломилась, и вотчина драконов Смерти увидела самое необычное извержение: из горы вылетело огромное четырехкрылое чудовище, увитое ослепительными огненными полосами.

Отлетев от рушившейся горы, чудовище опустилось на вершину ее соседки, от которой, впрочем, тоже начинали отламываться глыбы.

— А неплохо у нас получилось, парень, — довольно сказал Алиан, приобретя человеческий вид.

Дьяр тоже скинул ипостась исполина.

— Это ты напрасно, — заметил владыка Света. — Твоя шкура нам еще пригодится. Это ведь была знаменитая парадная форма темного властелина? Ни разу не доводилось видеть.

— Что это? — прервав старшего коллегу, спросил властелин Тьмы, показывая на развороченную ими гору.

Она продолжала осыпаться внутрь себя, словно под ней образовалась пустота, затягивающая камни, как в гигантскую воронку, и в ней что-то ворочалось, перемалывалось. Землетрясение ширилось, горы меняли очертания.

— Похоже, освобождаясь, мы освободили и ту тварь, о которой ты говорил, — пробормотал архимаг. — Держим крылья поближе, демон.

— А-а-аххх! — стонала сама земля.

— А-а-аххх! — вторили ей небеса.

Вскинув голову, маги разглядели полупрозрачных драконов, нарезающих круги над воронкой. Один, самый крупный, попытался спуститься, но не преуспел. Второй подлетел слишком близко к кипящим скалам и был затянут, как в огромную пасть, тут же перемоловшую даже призрачное тело. Драконы то падали вниз, то стремительно взмывали.

Их заметили, и зубастый призрак пролетел над головами бывших пленников, едва не смахнув их со скалы поднявшимся от взмаха крыльев совсем не призрачным ураганным ветром.

— Что ты творишь, ящер костлявый! — погрозил ему кулаком архимаг.

Дракон развернулся, сделав петлю, и завис перед магами. Пасть открылась, но потусторонний огонь не зажегся.

«Печать еще не сорвана, но путь к ней открыт, — услышали оба мага. — Жаль, что вы потеряли братьев Ошсах. Если они попадут в руки жрецов Смерти, нам не спастись».

— Вы их пытаетесь достать? — спросил Дьяр.

«Да. И каждое развоплощение ослабевает нашу защиту».

— Я помогу, — решился владыка Тьмы. — Я потерял, мне и доставать.

— Куда? Стоять! — вспыхнул яростью владыка Света. — Что я твоему отцу скажу, если ты погибнешь? А твоей матери?

— Моя мать умерла при моем рождении, — отвернулся Дьяр.

— Она жива, демон. Неужели Сатарф еще не сказал тебе, кто она? Вот тупой индюк! Прости, мальчик. Но все лучшее ты унаследовал от своей матери.

«Смертные, — презрительно бросил дракон. — Вам не кажется, что сейчас не время обсуждать вашу родословную?»

— Летим, мальчик, поищем наших друзей Ошсах, — смутился Алиан и развернул крылья — белоснежные, сияющие, как льды под солнцем. — Надевай боевую форму и вперед!

— Э... я... я могу только в парадной форме, — демон стремительно перетек в гороподобного четырехкрылого колосса и на удивление легко взлетел.

— Интересно, почему? — прокричал авгур, выглядевший рядом с младшим коллегой сущим мотыльком.

— Потому, — прогрохотал Дьяр. — Садись на плечо, я нырну в эту кашу.

Бабочка потрепыхала крылышками над рогатой горой, да и растеклась по броне ослепительным узором.

— Нырай! — узор оказался говорящим. — Я активирую заклинание «поискового магнита».

— Ко мне все железо прилипнет! — нахмурился исполин.

— Я архимаг, а не первокурсник! — обиделся узор.

Это было немыслимо — найти иголку в тысяче стогов сена, но кинжалы, похоже, сами пробили себе дорогу к своему последнему владельцу, висевшему над движущимся каменным крошевом. Для парадной ипостаси Дьяра сверкнувшие на поверхности железки были как крохотные занозы, но световой жгут, свившийся на его пальце с легкостью поймал их и удержал.

— Уходим! — скомандовал Алиан ему на ухо.

— У тебя странная форма, авгур.
— Свет текуч, как волна, демон, — фыркнул архимаг на другое ухо. —
И может создать любую форму.
— Я всегда думал, что это тьма бесформенна.
— Учиться тебе еще и учиться, сынок.

Дьяр начал набирать высоту, но каменная воронка, вытолкнувшая на поверхность драгоценную приманку, не собиралась упускать добычу. Каменная волна взметнулась, как цунами, и сбила демона, мгновенно оглушив и затянув его в провал.

* * *

— Мы почти в сборе, — услышал Дьяр, очнувшись. Голос говорившего был высоким и скрипучим, как старый пенёк.

Демон разлепил глаза. Печально. Он был связан ремнями, а сверху еще и цепями. Тело снова было человеческим, а произвольная потеря супербоевой ипостаси означала, что он опять опустошен, на этот раз основательно. Никаких ранений не чувствовалось, но враги, как он убедился, быстро совершенствуются. Возможно, заклинание, тянувшее магическую силу, было наложено на прочные кожаные путы — по рыжей поверхности ремней тянулись уродливые черные руны. Да и железо цепей было непростым.

Дьяр, приподняв голову, огляделся. Он лежал на каменном круге в пещере с неровными, покрытыми трещинами стенами. Всю видимую поверхность хаотично покрывали вмурованные без всякого порядка черепа и кости, перемежаясь с безобразными барельефами. Кучки рухнувших сталактитов покрывали неровный пол за пределами круга. Там, где лежало полуобнаженное тело демона, осколки были неряшливо сметены. Значит ли это, что ярус лежал в самых недрах разрушенной горной вершины и пострадал от обвала? И не рухнет ли свод в самый неподходящий момент, когда Дьяр связан, в точности как его отец каких-то полгода назад?

Молодой демон поморщился: досадно признавать, что неведомый враг настолько умен и хитер, что переиграл всех, даже Сатарфа и Алиана. Кстати, где светлый? Демон повернул голову. На первый взгляд пещера была пуста, но ведь кто-то говорил с пленником.

Приподняв голову, Дьяр попытался рассмотреть ритуальный круг. По разрисованному кровяными узорами ободу были расставлены черные высокие свечи и стеклянные сосуды, и содержимое последних заставило

желудок демона сжаться, как на скотобойне, куда отец водил его в раннем детстве, чтобы маленький принц привыкал к виду крови. Один сосуд был пуст.

— Жаль, что этот мерзкий старый хитрец Алиан сбежал в последний миг, тебе будет скучно умирать одному, Дьяр, — визгливо проскрипел тот же голос. — Что же он тебя бросил? Вы почти подружились. Мы были потрясены таким удивительным союзом.

Говоривший вышел из-за сталагмита, и владыка Тьмы увидел дряхлого низшего демона со спиленными рогами, прикрытыми всклокоченной бурой шерстью. Он был так стар, что его морщинистая кожа стала пятнистой, коричнево-черной, а тощие руки напоминали веточки.

— Мы должны поблагодарить вас обоих за то, что расчистили путь для нашего господина, — оскалился безрогий. — Нам осталось лишь снять печать, и Мортар явится в мир во всем величии, чтобы отдать его нам, своим жрецам.

Это ничтожество просто раздувалось от гордости.

Дьяр, скосил глаза: показалось, что на его руке что-то слабо блеснуло. Так и есть. Тончайший, почти невидимый изящный орнамент полностью покрывал кожу демона и выглядел как слабая чешуя, оставшаяся после насильственной смены ипостаси. Причем «чешуя» тщательно обходила антимагические пути.

«Интересно, каким образом и где Алиан при такой маскировке размазывает свой изощренный мозг?» — фыркнул Дьяр, не к месту развеселившись.

Его ухмылка не осталась незамеченной.

— Зря смеешься, мальчишка, — прошипел безрогий демон. — Ты слабее отца, а что я с ним сделал, ты видел. Жаль, нельзя выдрать твои крылышки, они мне еще пригодятся. Как и все твоё такое сильное и красивое тело. Скоро оно станет моим сосудом. Совсем скоро.

«Надо же, это и правда братья-некроманты, о которых я рассказывал Лике, — раздался в самом ухе Дьяра шепот Алиана. Настолько тихий, что его можно было принять за ментальную речь. — Мриаш и Ундиш Храшарги. Я узнаю их в любой личине. Получается, они не только нашли кинжалы Ошсах, но и докопались до самых основ нашего мира. Гении, что и говорить».

— Не будем тянуть время, брат, — раздался второй голос, на октаву ниже первого, но такой же противный. Из-за колонны вышел еще один низший демон, столь же старый и безобразный, как и первый. Единственное отличие — он был рогат. — Алиан нам уже не нужен, он

сделал свое дело и никуда от нас не денется. Возьмем его силу позже. А пока, чтобы сломать печать, достаточно одной из двух полярных сил этого мира. Я готов ее взять.

— Нет! — по-бабьи взвизгнул первый. — Мы же договорились, ты берешь силу Света и Светочей, а я — силу Тьмы и Теней! Я! Ты не можешь так поступить со мной после всего, что я сделал для нашего замысла! Я буду сидеть на Темном Троне и возьму в жены маленькую Ликочку, дочь Эльды!

— Хорошо, брат, — покладисто согласился второй. — Ты так ты. Не имеет значения.

Демон подошел ближе, стараясь не наступать на кровавые руны. Склонился над Дьяром, приносясь.

— Ничего не понимаю. Он точно владыка Тьмы? Я не чую его силу!

— Точно, — кивнул безрогий. — Я видел, как он ломал камеру. У него была тронная ипостась Тринадцати.

— Не похоже. Придется Алиана поискать тщательнее. Этой жертвы может не хватить. И, брат, нам пора кончать с твоей подружкой Вайрой, пока она не убила твою будущую жену. Мортару без разницы, сердце какой лунной жрицы займет последний сосуд ритуального круга, а Вайра должна быть наказана. Она уже вообразила себя Его главной жрицей. Но разве не мы с тобой — единственные жрецы Смерти и владыки двух половин этого мира?

Но они не успели и с места сдвинуться.

Стена напротив Дьяра треснула и разлетелась каменными брызгами, и сверху свалились свитые в клубок два крылатых тела. Они расцепились на миг, плеснули черным огнем крылья уродливой ведьмы, полыхнули лунные радуги крыльев злой и взъерошенной Лики, и жрицы снова сошлись в воздушной драке на мечах.

— Ты можешь как-нибудь снять с меня путы, мэтр, пока эти дряхлые предатели отвлеклись? — тихо спросил Дьяр.

— Попробую что-нибудь придумать... — почти беззвучно ответил владыка Света. — Минутку... Я только попробую отвлечь ведьму от моей дочери.

И только тогда Дьяр заметил, как странно играют блики на стенах огромной пещеры — как солнечные зайчики, отраженные от невидимого источника. И сразу мелькнуло горькое воспоминание из его разговора с Алианом, когда им удалось остаться наедине.

— Не тешь себя надеждой, демон, — резко повернулся к нему Алиан,

едва за Ликой закрылась дверь. — У вас с Ликой нет будущего. Ты — владыка Тьмы. Она — дитя Света, моя наследница.

— Если она захочет ею быть, — спокойно ответил Дьяр. — Она — сельо.

— Да, — вздохнул архимаг. — Лунная кровь сильна. Она как соль, щепотки хватит... Но и Свет — основа ее магии.

— Отраженный Свет, — уточнил Дьяр. — Искаженный. Тот, который рожден во Тьме, как и ее магия. Сельо ближе к темной магии, чем к светлой.

Алиан поморщился.

— Иногда мне кажется, что мы все ошибаемся относительно природы лунной магии. Одно знаю точно. У тебя единственный шанс получить руку моей дочери — сделать то, чего не захотел твой отец. Принести жертву на алтарь богини любви. Это должно быть что-то очень ценное, без чего ты не представляешь себе жизни так же, как не представляешь без любимой. Тогда ей тоже придется отказаться от чего-то, равного твоей жертве.

— Я не понимаю, — растерялся Дьяр, боясь поверить, что еще не все потеряно.

— Как ты сам мне напомнил, Лика — лунная дева. А луна всегда светит отраженным светом. Она никогда не сделает первый шаг, но всегда ответит на твой. Если ты откроешься моей дочери и покажешь, что она значит для тебя больше, чем вся власть и все сокровища мира, то ее сердце вспыхнет таким же огнем, какой сможешь дать ты.

— Она меня даже слушать не станет.

— Тебе надо не говорить, а делать.

Дьяр прекрасно понял подоплеку разговора: Алиану нравилась идея устранить его от Темного Трона и тем самым снова спровоцировать кризис власти во враждебном государстве. Ирека с его золотыми крыльями не примет Тьма. А если учесть, что Ирек из-за противоборствующей силы его матери, принцессы Золотого берега, не унаследовал в полной мере и силу клана Полночного звездопада, то из него не получится и вождя для Теней. Алиан назвал цену за отречение Дьяра — рука его дочери. Но что скажет сама Лика на то, что владыка Света торгует ее рукой? И главное — что скажет ее сердце?

Между тем сверкание в пещере стало нестерпимым, ослепляя глаза Ликиной противницы — отвратительной крылатой твари с клочковатыми черными волосами. По ее участвовавшим промахам чувствовалось, что она

бьет вслепую, уворачивается неуклюже, и лунный меч Лики наконец отсекает руку с мечом. Хлынувшая кровь выплеснулась из обрубка, тварь заметалась с диким визгом, и черная струя разлетелась каплями во все стороны.

Дьяр охнул от обжигающей боли, когда капли попали на его тело, обжигая, словно кислота. Алиану, изображавшему чешую и висевшему в миллиметре над кожей демона, пришлось куда хуже — почти весь удар враждебной смертоносной магии он принял на себя.

Безроговому демону капли попали в глаз — оба бескрылых брата бессильно следили за схваткой. Теперь на двоих у них осталось три глаза, а пещера содрогнулась от рева окривевшего безрогого.

Черноволосая ведьма упала, покотившись и ломая крылья, и окривевший жрец тут же бросился к ней, а второй, таившийся за колонной, прыгнул на спину Лике, слишком увлекшейся погоней за врагиней и спустившейся непозволительно низко.

Дьяр почувствовал, как ослабли его путы, рассеченные кровью жрицы Смерти, рванулся, высвобождаясь. И не заметил, как стекла с его тела «чешуя» и застыла блеклой горкой в центре ритуального круга.

ГЛАВА 22

Печать Мортара

Я была близка к отчаянию. Пространства для маневрирования оставалось все меньше: Вайра теснила меня к стенам с их ловушками, а я не рисковала перепорхнуть через «кляксу». Чем бы ни было глянцевое пятно, оно расползлось, выбрасывая черные щупальца, напоминавшие бахрому распластавшейся по дну пещеры медузы.

Лунный меч лежал в моей правой руке. Метательный нож Вайра давно выбила из моей левой. За ней были столетний опыт и вековая ненависть. За мной были молодость и ярость. Но этого так мало, когда негде развернуть крылья без опаски напороться на когти жрицы Смерти и ее жуткое орудие, похожее на длинное зазубренное жало, наверняка ядовитое — слишком подозрительные капельки срывались с его острия. Их еще в воздухе слизывали черные протуберанцы, выстреливавшие от «кляксы», и с каждым разом антрацитовые язычки выплескивались все выше. А сверху, с зеркального «отражения» нижней лужи, начали опускаться игольчатые зубцы. Даже Вайра с опаской на них посматривала.

До столкновения лунного меча с жалом дело еще не дошло: я напоминала мечущегося зайца, изворачивалась как могла, и уже теряла силы, а спину сводило от невозможности развернуть крылья в полный размах: я боялась нечаянно пересечь границу «кляксы».

Пока мы метались, пространство наполнял странный гул, какой бывает при горных обвалах. Со свода пещеры потекли не только иглы, но и посыпался мелкий песочек. Что-то происходило.

Отчаявшись, я швырнула лунный меч, как копье, но Вайра увернулась, а меч, срезая иглы, пронесся через зал пещеры и вонзился в противоположную стену.

Камень оглушительно треснул, и в один миг стена обвалилась, открыв огромное пространство, терявшееся в темноте.

Я тут же призвала потерянный лунный меч и, вращая его над головой, рванула к пролому, рассчитав рывок так, чтобы проскользнуть между хищными иглами и алчными щупальцами протуберанцев. Это была плохая идея: жуткое вещество на дне вздыбилось, готовое связать меня сотнями жгутов, если бы в то же мгновение не треснуло дно нашей пещеры.

Вайру лишь вскользь задело вращающимся лезвием моего меча, зато

по крылу, и мгновения, пока она затягивала рану, мне хватило, чтобы выскользнуть в пролом.

Тут я едва не попалась, замерев на выигранный миг. Слишком неожиданной оказалась представшая картина, словно отпечатавшаяся в моих глазах: погруженный в полумрак свод пещеры, опиравшийся на массивные рукотворные колонны, окружавшие ровную площадку, — настоящий алтарь, испещренный магическими символами. Я не успела пересчитать стеклянные сосуды, расположенные по окружности, — вовремя увернулась от налетевшей сзади Вайры. Но их наверняка двадцать четыре заполненных и один пустой. А в центре ритуального круга раскинула руки обмотанная веревками и цепями мужская фигура.

Сердце екнуло. Дьяр.

Он лежал с закрытыми глазами, обнаженный по пояс, белая кожа словно светилась, что весьма странно для исчадия Тьмы. Видимых ран не видно.

Предательница Вайра! Как же она надоела! Тут такой красавец полуголым валяется, а эта ведьма не дает рассмотреть как следует. Получай! Увернувшись от атаки, я приняла удар «жала» на меч и тут же поняла, почему инстинктивно уклонялась от боя: из каждого зубца зазубренного «жала» выметнулся черный усик, обвивший лунное лезвие. Вайра дернула на себя оружие, пытаясь вырвать меч из моей ладони. И я бы его лишилась, но внезапно лунный клинок вспыхнул так ярко, словно взшло солнце и осветило магическое лезвие, влило в него силу. Щупальца, обвившие меч, опали пеплом, а Вайра зажмурилась.

Я воспользовалась внезапной удачей и ударила жрицу Смерти, целя в горло. В последний миг она ушла от атаки, но лунный меч срезал ее руку вместе с жалом и распорол черное крыло. Потеряв опору, визжа от боли, предательница заметалась по пещере, разбрызгивая черную кровь, пока не рухнула вниз. Я ринулась за ней, чтобы добить. Но не успела.

Из-за колонны выпрыгнул морщинистый старикашка — безрогий демон, в котором я с трудом узнала главного евнуха Хаоша, прислуживавшего Вайре в храме Лойт с момента ее избрания Верховной жрицей. На нем была точно такая же хламида, как на предательнице. Уж не его ли переметнувшаяся к богу Смерти жрица называла своим мужем? Значит, где-то есть и второй?

Схватив ведьму, он перерезал ей горло и тут же, повалив жертву навзничь, вскрыл ей грудную клетку, вырвал еще живое сердце и сунул в стеклянный сосуд с прозрачной жидкостью, тут же окрасившейся черно-багровым. Не могу сказать, что я очень огорчилась этой жуткой смертью.

Ужаснулась.

Там, где пролилась кровь Вайры, шипели и пузырились камни. Я с ужасом посмотрела на распростертого Дьяра: раненая жрица Смерти металась и над алтарем, на него наверняка попала ядовитая кровь. И вскрикнула от радости, когда владыка Тьмы начал стряхивать с себя мощные цепи.

Я спустилась слишком низко и была наказана. Второго жреца я увидела только тогда, когда он, набросившись на меня сзади, выбил меч и попытался связать мне руки. Но моя лента в косе сама кого угодно свяжет. Или повесит. Выскользнув из волос по моему приказу, лента богини Лойт затянулась на шее демона, как две капли воды похожего на Хаоша, только с рогами. А лунный меч снова материализовался в моей руке. Спасибо, богиня!

Дьяр, освободившись от пут, ринулся мне на помощь, но споткнулся о безрогого и схватился с ним в борьбе. Из рук жреца Смерти выпал и покатился по алтарю сосуд, расплескивая содержимое.

Выпавший из рук евнуха сосуд остановился в центре круга, наткнувшись на тускло мерцавшую горку какой-то субстанции. Сердце Вайры вывалилось из сосуда на нее и вспыхнуло, как черный уголек в ярком пламени. Пещеру потряс крик страшной боли, и сразу — жуткий нутряной стон, шедший словно бы из-под земли.

Хаош вывернулся из захвата Дьяра, отскочил и что-то крикнул на гортанном наречии древнейшей эпохи Шарх. В руке безрогого возникло точно такое же зазубренное жало, каким орудовала Вайра. Безоружный владыка Тьмы попытался призвать свое оружие, но что-то высасывало его силу, не давая сформироваться клинку, и тот развеивался в руке. Как будто здесь даже воздух пропитан той же магией, что создала кинжалы Ошсах.

«Но почему Дьяр не перекидывается в боевую ипостась?» — нервничала я. Тоже не хватает магии?

А вот Хаош, напротив, словно вырос и окреп. По его заклятию колонны, скрипя, начали поворачиваться вокруг оси, раскрываясь, как лепестки лотоса, и из всех щелей полезли десятка два уродов. Были тут и искореженные демоны, и потускневшие археты, и орки, и еще какие-то воинственные твари, тут же окружившие нас с Дьяром. Его противник воспрянул духом и накинулся на моего безоружного работодателя, подняв пику-жало.

Богиня, я же сейчас без работы останусь!

Схвативший меня демон упал бездыханным, и я встала спиной к Дьяру, приготовившись к последнему бою.

— Лика! — крикнул Дьяр. — Уходи Лунным мостом, ты же можешь!
— Нет!

Даже если могу — не уйду. Я — твоя телохранительница, Дьяр. Твоя ками-рани, что бы это ни значило.

Дальнейшее слилось в одну длинную беспросветную вечность.

Синеглазый поднял валявшийся под ногами увесистый каменный обломок, используя его в качестве щита. Камень безнадежно крошился от ударов зазубренного «жала», готовый треснуть в любой момент. Наконец мне удалось выбить меч у одного из атакующих, и Дьяр умудрился его подобрать.

Врагов прибывало с каждым нашим ударом. Сраженные поднимались, подбирали отрубленные руки и даже головы и, приставив их к плечам, вставляли в строй живых. Поднялся и второй жрец Мортара, подмигнул мне, снимая с шеи удавку Лойт. Та рассыпалась пылью. Можно ли сражаться со Смертью, убивая?

Я отбивалась лунным мечом, а левой рукой пыталась построить щит для нас обоих. И то, что мне удавалось использовать магию сельо там, где даже Тьма оказалась бессильна, убеждало в словах предательницы Вайры. Неужели и в самом деле мы — бывшие жрицы Смерти? Богиня, пусть это будет не так!

— Почему ты не в боевой форме? — прокричала я Дьяру.

— Полная ипостась владыки разворотила бы тут все. Ты можешь пострадать. И твой отец.

— А промежуточный вариант?

Он промолчал, отбиваясь от слишком рьяных адептов Смерти. Жаль, что Дьяр не может прикинуться крылатым утесом средних размеров. Уж не блокирует ли смертная магия изменения живой формы так же, как и его магию Тьмы и Теней?

Оба жреца Смерти, безрогий евнух и его брат, оставили нас на растерзание своей своре и, отбежав к алтарю, ползали, исправляя поврежденные руны. А в центре ритуального круга лежало что-то странное, мерцающее, но непонятное. Я не могла опознать в сломанной груди, кого жрецы приготовили в жертву, но сердце отчаянно сжалось: папа? где он?

«Хозяйка! — внезапно ворвался в сознание крик Шурша. — Мы тут! Мы идем!»

Пространство пещеры заполнилось гулом и шорохом, полупрозрачные тела драконов появлялись из разлома верхнего яруса, откуда вывалились мы с Вайрой. Окружавшие нас адепты культа Смерти падали как

подкошенные. Их не успевали заменить те, кто появлялся из колонн, как вода из фонтанов.

— Держись, сын! — раздался крик, и я с радостью узнала голос Сатарфа.

А с противоположного конца сотрясающейся от криков пещеры донесся еще один звонкий клич:

— Дочка, я иду!

И мелькнула серая оскаленная морда волкодлака, умудрявшегося рвать врагов даже свисая из бережно державших его драконьих когтей. Царица Эльда, оседлавшая того же дракона, отсалютовала Сатарфу, свесившись набок и снеся голову орку. Орда, наседавшая на нас с Дьяром, дрогнула.

Дьяр, словно у него открылось второе дыхание, пробил теневой путь, и к нам присоединились его демоны: гигант Сэйван, Янге, глава ковена Рихт и даже новый ректор, успевший показать мне знак восхищения. Ура, надеюсь, если выживу, он не отправит меня на пересдачу.

Эльда, умудрившись создать даже в этом хаосе Лунный мост, открыла путь Берре и ее стражницам.

Но ни драконы, ни Сатарф, ни Эльда не успели добраться до жрецов Мортара.

Вспыхнули двадцать четыре сосуда по ободу ритуального круга. Вспыхнул мертвенным светом сосуд в его центре, и неподвижная, обескровленная мужская фигура, на груди которой он стоял. Отец?

— Папа! — отчаянно крикнула я и едва не лишилась головы, пропустив удар архета с мертвыми глазами. Но мама вовремя метнула дротик, вонзившийся врагу в глазницу. Он выдернул его, как занозу из пальца, и снова размахнулся, но тут уж я не оплошала, и его голова покатилась, срезанная лунным мечом.

Путь к ритуальному кругу запрудила новая волна adeптов Смерти, хлынувшая из колонн и даже, казалось, из стен.

Алтарь с грохотом повернулся противосолонь, как часовой круг против движения стрелок, и вращение ускорялось. Жрецы и адепты Смерти уже не обращали на нас внимания: отхлынув и оставив нас растерянно оглядываться, все они с ликующими воплями опускались на колени вокруг алтаря и простирали к нему руки.

Убивать несопротивляющихся врагов оказалось слишком противно. Но не для драконов. Они пожинали свою жатву десятками.

— Как заклинить этот хургов круг? — я была в отчаянии.

Четырехкрылый — богиня, ты видишь это чудо? — Сатарф отвлекал одного из жрецов Мортара, рогатого. А царица Эльда куда более успешно

наседала на безрогого евнуха, предателя Хаоша. Поздно. Их вмешательство уже не могло остановить или хотя бы замедлить вращение гигантской печати. А то, что это была печать, закрывавшая Мортару путь в наш мир, я уже не сомневалась.

Жрецы только хохотали, вновь и вновь поднимаясь после смертоносных ударов Сатарфа и Эльды. И драконы Смерти оказались не в силах отнять жизнь ни у жрецов, ни у адептов. Невозможно отнять то, чего нет. Куклы — вот чем они были. Куклы, послушные воле хозяина.

Меня охватило чувство беспомощности и бессилия. Как одолеть такого врага? По яростным глазам матери я видела, что она старательно прячет свою растерянность. Нам их не остановить.

Гул и скрежет, с каким вращалась печать, поднялись до визга. Сам круг с ритуальными рунами и всем его содержимым превратился в сплошное пятно отвратительно чужеродного цвета. И вдруг поверхность пятна дрогнула, начала углубляться, в ее центре стало раскрываться черное пятно провала.

— Папа! — закричала я. Дьяр, схватив меня за локти, удержал. А Сатарф, бросив на меня удивленный взгляд, — богиня, он снова зряч! — взвился вверх и попытался поймать падающее в бездну тело Алиана.

Его отбросило как мошку.

В тот же миг из раскрывающейся бездны хлынул ослепительный свет, пронзивший пещеру огненными пиками. Он расходился веером сверкающих копий, и адепты Смерти рассыпались в прах, а два жреца беспомощно извивались, визжа и царапая когтями камни, пока и они не рассыпались в пепел.

— Ах, Эльда, любовь моя... — вздохнула сияющая, брызжущая светом бездна.

И закрылась.

После обжигающей яркости мне на миг показалось, что я ослепла. И только грохот и дрожь тверди сказали мне, что свод пещеры начал рушиться, разваливаясь огромными глыбами. Но тут же зрение перешло на ночное.

— Уходим! — крикнул Сатарф, подняв Эльду на руки. — Сын, уводи Лику! Немедленно.

А Дьяр уже обнимал меня, оцепеневшую от осознания, что отца больше нет. Моего папы, так недолго гревшего меня любовью и заботой.

— Держись крепче, — шепнул синеглазый.

Внезапно мои ноги оторвались от земли. Ставшая великанской и

бронированной, чудовищная ладонь укрыла меня от падающих глыб. Вцепившись в край ворота и закрыв глаза, я висела, как букашка на груди великана. Богиня, как огромна эта его тронная ипостась! Вполне хватило бы скромной боевой.

Взмахнули огромные крылья, сметая с пути обломки, и мы куда-то вырвались.

А потом Дьяр как-то резко уменьшился, и я почувствовала, что он держит меня на руках, а я обнимаю его за шею, и на моих губах тает его поцелуй.

— Не надо. Пожалуйста, — всхлипнула я.

— Лика! Живая! Любимая! — Дьяр поставил меня на ноги, но тут же обнял и прижал к груди, осыпая поцелуями лицо. И сразу отстранил, цепко оглядывая с головы до ног. — Ты ранена?

— Нет. На мне кольчуга. Дьяр... — я задохнулась от невыплаканных слез. — Мой отец...

— Погиб, Лика. И спас всех. Даже нас, детей Тьмы и Теней.

ГЛАВА 23

Метаморфозы

— Мы все ошибались, — вздохнул Сатарф, обведя взглядом собравшихся в малом зале совещаний. — Мы с моим наследником Дьяром, владыкой Тьмы и Теней, считали, что наша сила неисчерпаема, а мир со всеми нашими стычками на периферии государства — стабилен. И получили жестокий урок. Мы решили, что враг готовится к Лунной мистерии, что будет задета основа мира и перевернуто естество вещей. И ошиблись. Оказалось, что два неистовых фанатика, знающие, где копать, почти перевернули мир! Сэйван, это недоработка твоей службы.

Синекожий гигант полинял, став бледно-голубым.

— Эта история началась несколько веков назад, — возразил ректор Академии Тьмы и Теней. — Мы разыскали архивы. Братья-некроманты Мриаш и Ундиш Храшарги, гениальные умы и — двойки по истории некрологии! Кто бы мог подумать?

— И кто бы мог подумать, что ритуал был изначально затеян ими не ради власти, не ради мира, а ради того, чтобы вернуть одному из них мужское естество, — глава Темного ковена, архимаг Рихт, подвинул к центру толстую папку с документами. — Нами собрана и восстановлена цепочка их метаморфоз.

«Не вами, а моим отцом», — горько усмехнулась я. Но промолчала. К чему спорить? Отца не вернуть. Рихт пытается набрать очки на новой должности, а такой враг мне ни к чему.

— Ундиш попал в плен к сельо как раз во время Лунной мистерии сто лет назад, был оскотлен и сто лет ждал своего часа мести.

— Тогда это не только наша недоработка, но и слепота лунных жриц, — кивнул Сатарф.

— Но ведь обошлось без особых жертв, великий магистр, — возразил глава ковена.

— Не обошлось, — Сатарф нашел меня взглядом и сочувственно поклонился. — Лика Тария потеряла отца, а мир — владыку Света.

— Разве нам не надо радоваться, что погиб главный враг? — жестко парировал один из военачальников мракармии. Говорил он так гнусаво, будто его нос был сломан.

— Чему? Нарушено равновесие мировых сил, а это всегда чревато

внутренними взрывами. Мы должны находиться либо в единении сил, либо в их равновесии.

— Есть еще один путь: полное подчинение. Сейчас самое время разогнать и уничтожить светлых. Весь мир будет наш.

Идиот этот мракарский мракар. Солдафон.

— Вы забыли о сельо и наших драконах, — тихо, но веско сказала я. — Мы не позволим.

— Ты — ками-рани Его Темнейшества, — прогундосил тот же демон. — Как ты можешь решать за всех сельо?

— Моя мать может решать, и я уполномочена донести до темного собрания ее волю.

— Обогнем Серые холмы по морю! — возразил упрямец.

Дьяр ослепительно улыбнулся.

— Остынь, командор Шегр. На море сезон бурь.

— Вы вернетесь на трон, великий магистр Сатарф? — воспользовался растерянной паузой глава ковена.

— И не страшно тебе, мэтр Рихт, при живом-то владыке Тьмы и Теней вести такие изменнические разговоры, — прищурился Дьяр и красноречиво выпустил боевые когти.

Сатарф расхохотался.

— Ты вырос, сын. Горжусь. Нет, Рихт, я не вернусь. И ставлю вас в известность, что я буду стоять за спиной царицы Эльды и поддерживать любое ее решение. Если вы решите воспользоваться кризисом власти в Белой империи, вам придется крепко подумать.

— Неужели ты пойдешь против собственной силы, против Госпожи Тьмы? — ужаснулся Рихт.

— Магия — это еще не весь я. Стоило ее лишиться, чтобы понять, в чем настоящая сила, — и Сатарф сжатым кулаком коснулся груди напротив сердца. — Но Госпожа Тьма вряд ли решится затопить весь мир. Как ни парадоксально, она сильнее тогда, когда где-то в мире есть Свет.

А я поймала обеспокоенный взгляд Дьяра. Пора, пожалуй. Наш договор еще не расторгнут, хотя уже исполнен. И я «нырнула» в себя, раскрывая «око сердца». Все чисто. Те, кто хотел вернуть Сатарфа на трон, уже приняли новые правила игры. Потенциальных бунтовщиков тут нет.

После совещания Сатарф ушел тенью в Серые холмы, готовиться к свадьбе с моей мамой и принимать под царственную руку ее воительниц. Интересно, как он примирится с тем, что Эльда — еще и вожак стаи ненавистных ему оборотней?

Уходя, Сатарф шепнул мне:

— Мы ждем тебя дома, девочка. Скоро каникулы и Лунная мистерия. Ты же приедешь? Я хочу, чтобы ты оценила мой подарок твоей матери.

— Какой? — вяло спросила я. За них мне радостно, конечно, но мама не собиралась оплакивать моего отца, хотя и простила его. На словах.

— Я подарил ей крылья. Зачем мне четыре штуки, а? — по-мальчишески подмигнув, будущий царь Серых холмов исчез в угольной тени.

«Как ему удалось?» — удивилась я. Точно не обошлось без драконов Смерти.

Когда все разбрелись, я подошла к Дьяру, расслабленно откинувшись на спинку кресла и устало вытянувшему ноги под столом.

— Идем домой, ками-рани? — осветились нежностью синие глаза.

Вот что с ним таким делать? К такому Дьяру я не привыкла. Такой Дьяр выбивал почву из-под моих ног и заставлял сердце биться часто-часто.

— Наш договор исполнен, владыка, — я положила перед ним свиток, возвращенный богиней. — Мои услуги телохранительницы вам уже не нужны.

Дьяр растерянно покрутил пергамент в руках, развернул, пробежался взглядом и резко отбросил.

— Нужны, Лика. Я не могу тебя отпустить.

— Но договор...

— К хургу договор! — полыхнули синие очи. — Ты — моя ками-рани, и ты сама согласилась на этот статус. Ты не можешь оставить меня на растерзание своре незамужних девиц! Ты обязана найти мне жену! Кроме того, скоро сессия. Ты же не собираешься бросить еще и нашу Академию, не доучившись?

— Этих пунктов нет в договоре.

Дьяр потер уставшее лицо ладонями, и его бледные щеки слегка покраснели. Ему бы отдохнуть, да и я едва на ногах держалась, но нужно перевернуть эту страницу нашей жизни.

— Лика, у меня накопилось столько претензий к твоей работе, что тебе придется отработать неустойку, — заявил он и сложил на груди руки с видом неприступной крепости.

— У тебя?! — возмутилась я. — К моей работе?

Этот мерзкий демон ослабился и кивнул.

— Да-да. Ты недостаточно хорошо меня охраняла, и моя жизнь подверглась серьезной опасности. Поэтому ты должна компенсировать мне страдания дополнительной службой и... сопровождать меня на бал.

Я села. Это было жестоко. Очень.

— Демон. Какой еще бал? У меня отец погиб! Какой в хургову глотку бал?!

Плечи у меня затряслись, и я позорно разревелась. Дьяр немедленно бросился к своей жертве, сгреб в охапку и стал утешать. По-своему, по-демонски, сцеловывая слезы со щек и баюкая меня на коленях, как ребенка.

— Тихо-тихо, Лика, послушай, я не жесток, как можно подумать. Я просто знаю чуть больше. Я наблюдал за тобой после битвы со жрецами Мортара, глаз не сводил. И постоянно просил тебя то лунный меч показать, то твои изумительные перламутровые крылья, то «око сердца» применить или еще какие ваши лунные фокусы. Помнишь? И по моим наблюдениям, твоя магия сельо не ослабела. Так ведь?

— При чем здесь это? — я слабо пыталась вырваться, но легче убить адепта Смерти, чем разжать стальные объятия темного мага, захватившего добычу.

— Алиан говорил мне: луна светит отраженным светом. Понимаешь? Ваша магия — отражение сил в нашем мире, она сильна, если ярок Свет. Если владыка Света мертв, то твоя магия должна была отреагировать, ослабеть. Ты что-нибудь подобное чувствуешь?

Слезы мгновенно высохли.

— Нет. Мой уровень тот же.

— Значит, есть надежда! Лика, любимая, волшебная моя лунная дева. Я готов отправиться обратно в горы Смерти, чтобы проверить мою догадку. Но обещай мне не разрывать наш договор, пока я не вернусь.

— Мы идем вместе!

— Я возьму тебя, только если ты меня поцелуешь.

Вымогатель.

— Нет. Я поцелую тебя, если... если мы найдем его.

— Тогда три поцелуя, — заявило его наглейшество.

* * *

Проводником в горах Смерти стал Шурш. Он чудовищно изменился за эти сутки, повзрослел. А еще недавно щенячий взгляд стал умудренным, как и полагается таким древним существам, как драконы Смерти. Мама говорила: они такими становятся, когда возвращается память о прошлых воплощениях.

«Еще бы тебе не повзрослеть после такого пиршества», — вздохнула я.

Некому теперь будет воровать простыни у Кикируси, дразнить горгулий и летать наперегонки с грифоном: взрослые солидные драконы в такие игрушки не играют.

«Какого пиршества, хозяйка? Мы ни одной души не попробовали на вкус. У тех, кто там сражался, кроме вас, ни у кого больше не было души. Пустые оболочки тел».

«А папина душа?» — с замиранием спросила я.

«Сама увидишь. Только... близко не подходите. Нельзя».

Шурш перенес нас с Дьяром не в зал с печатью, а в разрушенную пещеру, где я билась с дозревшей в коконе Вайрой. После обрушения стены пещера стала чем-то вроде галереи: ее треснувший пол находился на половине высоты ритуального зала.

«Осторожно, хозяйка, здесь все очень зыбко. Любое неосторожное движение, и обе пещеры будут погребены, — предупредил дракон. — И молчите. Иначе все можете погубить. Ни звука».

Счастье, что нам с Дьяром не нужны были факелы, чтобы видеть под землей в кромешном мраке. Впрочем, внизу, там, где была печать, что-то слабо светилось. Рухнувшие и покосившиеся колонны закрывали обзор, и нам пришлось перелететь на обломок колонны.

— Не раскрывай крылья, я перенесу нас, — шепнул Дьяр, крепко обняв меня. Надежно. Из такого мягкого, но прочного захвата и не вырваться.

Впрочем, я мгновенно забыла о пункте договора по нераспусканию темнейших конечностей. Открывшееся нам зрелище потрясло меня.

Печать выглядела совершенно целой, но вот руны и узоры на ней были совсем другие. Они сплетались в искусный ковер и слабо светились каким-то нежным предрассветным светом. А в центре руны сплетались и выглядели объемным контуром тела — словно сеть, накинутая на лежавшего, раскинув руки, невидимку. Но под сетью было пусто, лишь в самом центре поблескивал воткнутый в камень кинжал — как будто им было пронзено сердце невидимки. Или... черное сердце Вайры?

А потом я разглядела три фигуры вязальщиц, трудившихся над светящимся плетением, — кастеляншу Академии мадам Кикерис, мою (и мамину) няню Рагану и еще одну, неуловимо похожую на первых двух, старушку в кокетливой шляпке. Все три вязальщицы тянули нити из одного клубка, который держала в руках заплаканная Берра — глава стражниц из маминого дворца.

«Ох, Шурш! Что тут происходит?» — мысленно ахнула я.

«Древнее таинство, хозяйка. Нельзя мешать».

«Но что тут делает Берра? Почему она?»

Моя няня Рагана вдруг улыбнулась, подняла на нас глаза.

— А потому, девочка моя, что давно уже любит она твоего отца самой чистой и светлой любовью. Только такая и может вытащить его с того света по тонюсенькой ниточке. Если сплетет свое сердце с его сердцем, свою жизнь — с его жизнью, до капельки, без остаточка.

— А кинжал Ошсах зачем?

«Меня зовут Сиен, госпожа, — вдруг коснулся моего сознания еще один голос. — Помните меня? Мы теперь служим господину Алиану. Мой брат — на той стороне, а я — на этой, но мы связаны, мы — близнецы, душой и магией неразрывны. И наш новый господин создал мост, по которому сможет вернуться в мир живых. Только... мы возьмем его силу, сельо. Это плата».

Ничего. У Сатарфа тоже брали все до капли, но он остался жив и восстанавливается. И папа вернет былую мощь, я в него верю.

— Лишь бы он был жив, — прошептала я.

— Будет! — разлепила губы Берра и, не выпуская клубка, смахнула слезу.

С ума сойти. В горах Смерти творилась магия жизни. Такая магия, о которой я, ученица уже двух школ — лунной и темной, и не знала ничего, и не слышала. Истинная магия любви. Слышишь, богиня?

«Слышу, слышу, — слегка ворчливо отозвалась Лойт на дне моего сердца. — Неужели ты думаешь, что тут без меня обошлось? Твой отец искупил все злодеяния и грехи передо мной. Простила я его. Пусть живет. Кому-то надо править в Белой империи. На тебя у меня другие планы, если помнишь наш договор, дорогая моя будущая Верховная жрица».

Да, я помнила. С помощью Лойт или без нее, но царица Эльда жива, а Сатарф вернул себе и маме крылья.

Но до Лунной мистерии еще не меньше месяца. И Лойт обещала мне, что я доучусь на боевого мага Тьмы и Теней. Не бывает бесполезных знаний, особенно о таких соседях, как демоны.

— Три поцелуя, Лика, — прошептал мне на ухо самый главный из соседей. — Ия хочу свой первый.

— Здесь? Ты с ума сошел! — прошипела я.

— Да. Здесь и сейчас.

И, не дав мне опомниться, этот несносный бесстыдник поцеловал меня. Посреди гор Смерти, в разрушенном логове адептов Мортара, на глазах изумленных женщин и моей собственной няньки, которая, впрочем, одобрительно кивнула головой и заявила:

— Хорош, негодник! Я согласна, сестрицы.

Нет, я так и не поняла, при чем тут согласие дряхлой Раганы? Это мой темный властелин!

— Еще два ты будешь мне должна, — демон, сияя звездами глаз, легонько провел пальцем по моим припухшим губам.

Надеюсь, богиня отвернулась в эту минуту.

* * *

Дьяр попросил у меня неделю. Всего неделю — до бала, где я должна была найти ему невесту «оком сердца».

На совете он заявил:

— Я хочу, чтобы любили меня, а не владыку. Чья любовь ко мне будет самой бескорыстной, ту и назову невестой. Моя ками-рани сразу увидит, не зря в древности на эту должность всегда избирались сельо.

— Но кто проследит, правду ли скажет сельо? — резонно возразил магистр Рихт, который недолго любил лунных дев и не принимал новую, а точнее, основательно забытую старую политику Темного Трона.

— Сама Госпожа Тьма, — резко ответил владыка. — Вы забыли, что договор был скреплен кровью, и его невозможно переступить и нарушить.

Я только вздохнула. Ладно, до бала потерплю. От обязанностей телохранительницы меня сразу освободили, приглашая лишь пару раз на такие собрания, посвященные матримониальным планам венценосца.

Времени стало больше. Дьяр мне не докучал. Да и его брат не появлялся ни на собраниях, ни в Академии. Стыдно ему, наверное, что эпохальная битва за мир обошлась без него. Я и не спрашивала о нем: до сих пор злилась, что он насильно меня с собой обручил.

Целую неделю я каждый день после занятий навещала заветную пещеру, иногда вместе с синеглазым владыкой Тьмы. Шурш уже легко поднимал нас двоих.

Светящийся клубок в руках Берры не уменьшался, наоборот, распухал маленьким солнышком. А древние сестры-вязальщицы ткали уже не сети, а тело из золотистого тумана. Когда у него появились четкие контуры и узнаваемые черты лица, мне запретили приходить.

— Негоже дочери наблюдать за рождением отца. Супротив порядка мира это! — строго свела брови Кикерис и выгнала нас с Дьяром.

И меня уже ничто не отвлекало от учебы.

Но мир словно мстил мне за то, что его спасли. По крайней мере, сила

Тьмы точно ополчилась. У меня даже закралась мысль, что Госпожа Тьма ревновала, как настоящая женщина. А учитывая, что без темной силы в Академии Тьмы и Теней делать нечего, то... так оно и оказалось.

А еще нашей группе не повезло: куратором нам назначили старшего преподавателя темных боевых искусств, высшего и жутко агрессивного демона Шиашта. И на первом же занятии по отработке заклинаний на опытных объектах я засыпалась.

— Заклинание «тихая смерть» действует не так, если было сделано все правильно! — орал на меня Шиашт. — Еще раз, адептка Лика Тария! Мне мух не жалко!

Несчастные мухи-мутанты почему-то не уничтожались. Вместо заклинания у меня получался радужный пшик.

— Смотри сюда, Тария! — рявкнул препод и выкинул вперед руку с раскрытой когтистой ладонью. Черное облачко тьмы сорвалось с нее и окутало мутантиков. Миг, и мухи тихо осыпались горками пепла, не успев возразить против ужасной участи.

— Вот как надо! А не твой серебристый туманчик, от которого наши опытные экземпляры хмелеют и кусаются! Что с вами происходит, Тария? Куда делось ваше искусство? Я же помню, что у вас отлично получалось это заклинание.

Когда-то. Меня еще мамуля ему обучала и не отпустила в Тархареш, пока не убедилась, что моя осьмушка темной крови вполне справляется с демоническим заклинанием. Но с тех пор, как мы вернулись с гор Смерти, все пошло наперекосяк.

— Еще раз, Тария! — скомандовал магистр Шиашт.

Я повторила про себя формулу, вызвала в памяти горящие темным пламенем руны и вскинула раскрытую ладонь, посылая лучи смерти последней мухе, пьяненько ползавшей по лабораторному столу. С руки сорвался клубок серого тумана. В воздухе запахло спиртом. Муха вжикнула, дернулась и завалилась на бок, слабенько дергая лапками.

— Незачет, — приговорил препод.

Третий незачет на неделе.

Вернувшаяся наконец-то Миранда только диву давалась.

Миранда и догадалась первой, что со мной происходит.

— Ты влюбилась, точно тебе говорю! — заявила подруга.

— Это исключено, — отмахнулась я.

Мы с ней опять делили на двоих Башню трех принцесс, кормили брошенных Кикирусей на наше попечение горгулий, расчесывали Шурку,

псимурга и мантихору и все свободное время раскрывали друг другу потаенные тайны. Конечно, все тайны я даже Миранде не могла рассказать, да и подруга пока так и не призналась, кто же завоевал ее сердце.

— Я расскажу тебе, когда он вернется, Лика, — вздыхала она и утирала слезу. — А ты влюбилась, я-то знаю. У тебя глаза светятся, когда ты говоришь о Дьяре.

И она замерла на мгновение, и ее вишневые глазищи стали огромными:

— Ох, Лика! А может быть... Ты же... ты же дочь владыки Света, Лика!

— Ну да. А еще я — сельо. И что? Мы теперь не подруги?

— Подруги, конечно! Подожди, я не об этом! А твоя лунная магия не ослабла?

— Нет. У меня теперь все заклинания сильнее, ярче.

Миранда торжествующе щелкнула пальцами.

— Вот! Ярче! Пошли!

— Куда?

— За пределы Академии. Туда, где защитный контур не такой сильный. Одевайся.

Сама она спешно натягивала зимние сапожки и шубку.

— Так ведь комендантский час!

— Не узнаю тебя, подруга. Когда это тебя останавливало? Твой дракон Смерти вездесущ!

Через десять минут мы стояли на заснеженном речном берегу: зима в Тархареше крепчала с каждым днем, и речушку, в которой мы купались с Иреком, затянуло льдом. Я узнала место, где Ирек подарил мне фамильный селенис клана Полночного звездопада, украденный им из отцовской сокровищницы. Здесь же мы нашли кинжалы Ошсах, которые сейчас пили силу моего отца в далеких горах Смерти. Какая же у него была мощь, если еще остались силы после того, как он закрыл собой сорванную печать и не дал войти в мир самому богу Смерти? Ох, папа...

— Давай! — прервала мои воспоминания Миранда.

— Что?

— Вспоминай любое заклинание Света. Ты же наверняка учила хотя бы теорию, Лика. Даже нам дают кое-какие знания, а уж лунным девам — обязательно.

Она права, теорию белой магии нам преподавали в храмовой школе. Но...

— Но я же не белый маг.

— Да? А ты попробуй. Ну, вот хоть лед растопи пульсаром. Попробуй.

— Миранда, ты с ума сошла? Какие еще пульсары? Это белая боевая магия. Белая! Все, что я могу, — это сделать не горячего солнечного зайчика, а холодного лунного ежика! — и я привычным движением кистей рук соткала «ежика» — заклинание, не способное жечь и плавить жаром огня, но способное растворить лед, как кислотой. И швырнула вперед, за спину подруги.

Это счастье, что демоница стояла спиной к реке.

Жахнуло так, что осветилась каждая веточка прибрежных кустов. Деревья пригнуло волной, нас сбilo с ног, а сверху... плеснуло водой! Теплой!

Льда на реке не было аж до противоположного берега, а вода светилась. Самое время утопиться. Потому что, хотя здесь и не было усиленной охраны, как в Академии, но весь Кардерг, как столица славного Тархареша, был накрыт Темным куполом. И сигнализация истошно взывала, оповещая о вторжении светлых магов.

Тут же отовсюду посыпались мракары, но их опередил Дьяр, выросший из черной тени ближайшего дерева. Странно, почему из тени? Я уже и не помню, когда он последний раз закутывался в свои шикарные чернobarхатные крылья.

— Ну в точности как при твоём похищении, — восхитилась Миранда.

— Что тут произошло? — устало спросил владыка. — Лика, только не говори, что тебя снова пытались похитить светлые.

— Нет. Я...

— Это мы случайно светлый артефакт взорвали, — беззастенчиво соврала демоница. — Видимо, они оставили еще в прошлый раз. Ваше Темнейшество, можем мы наедине вам все объяснить?

— Я сама объясню. Хотя еще ничего не понимаю, — прошептала я, холодея от понимания.

Вот и все. Прощай, Академия Тьмы и Теней. Я не только зачеты, я все экзамены завалю, кроме общих, по языкам да травам. Я — наследница своего отца. И его сила проснулась. Иначе я не могу объяснить, как лунное заклинание превратилось в огненный пульсар.

По знаку владыки сбежавшиеся маги исчезли. Мы остались наедине, если не считать охранявших своего повелителя днем и ночью «серых теней», но от них Дьяр мало что скрывал.

— Итак?

— Я больше не сельо, владыка... Дьяр, — всхлипнула я, еле сдерживая

слезы. — Я не смогу быть вашей ками-рани.

И, вытянув обе ладони, я вызвала на кончиках пальцев лунные блики «щупов», которые сельо используют вместо перчаток... и которые превратились в ослепительное сияние.

Сволочная сигнализация опять взвыла, а ведь это даже не боевое заклинание. Ничего себе демоны у нее чувствительность увеличили!

И мою богиню я больше не слышу, с ужасом осознала я.

Меня обняли сильные руки, а мой лоб оказался прижат к твердому плечу, и широкая ладонь нежно гладила мои волосы.

— Не бойся, — тихо сказал мой невозможный демон. — Как бы ярко ни светила луна, она не станет солнцем. Ты — та же сельо, только... самая светлая из всех. Моя Аэлика.

ГЛАВА 24

Бал

— Госпожа ками-рани! — вскинулась кудрявая ректорская секретарша, стоило мне переступить порог приемной. — Одну секундочку, я доложу! Присядьте, госпожа ками-рани.

Демоница бросилась к двери шефа, по совместительству папаши, а я осталась стоять, так и не успев раскрыть рта, чтобы сказать, что я уже не ками-рани.

Правда, один-единственный во всем Тархареше синеглазый демон не согласился снять с меня обязанность присутствовать в качестве его советницы на грандиозном балу. Пусть я и утратила способность видеть «оком сердца». Временно, как надеялись я и моя мама, грозная царица лунных дев.

Мы встретились с ней в запечатанной пещере, у спящего отца. Я рванула туда, испугавшись, что ничего не вышло у няnek, и остатки папиной силы перешли ко мне после его окончательной смерти. К счастью, я зря боялась. Его присутствие в мире увеличилось: тело, прикрытое покрывалом, уже выглядело не таким призрачным, хотя еще пугающе прозрачным, а его грудная клетка мерно вздымалась. Но никто не мог объяснить, что со мной происходит. Рагана и Кикирус лишь переглянулись и плечами пожали: не их, мол, дело.

— Господин ректор с радостью примет вас, госпожа ками-рани, — выпорхнула секретарша. Она пожирала меня глазами и так старалась понравиться, словно это я тут владыка Тьмы и Теней.

Я прошла в кабинет и протянула ректору заявление об отчислении. Это было единственно верным решением, чтобы не позориться на экзаменах. Пусть эти стены запомнят Лику Непобедимую.

— Вот, мэтр Нирт. Прошу подписать.

Некромант, прочитав заявление, хмыкнул, побарабанил когтями по столу. Кстати, опять с подозрительно выпирающим из-под салфеточки графином. А бутерброды, кажется, так и не менялись с того дня, как я их пробовала.

— И как это понимать? Среди учебного года? Еще до сессии? Испугались каких-то трех незачетов и в кусты?

— По семейным обстоятельствам, — я отвела взгляд, не желая

встречаться с черными зрачками некроманта в гневе.

— В таком случае, почему не академический отпуск?

Я промолчала. А что мне сказать? Если восстановятся способности сельо, быть мне Верховной жрицей. Если усилится светлая или отраженно-светлая... или вообще пойдет перерождение. Ведь сельо обладают такой способностью — перерождаться, так сказать, под насущный запрос. Правда, речь всегда шла об избранных сердца.

Дьяр... Почему мне так больно? Тьма и Свет могли быть вместе только в эпоху Единения. И это не просто название какого-то исторического периода мирного сосуществования светлых и темных, это название особой магической силы.

Но ведь я все равно не смогла бы быть рядом, вечной советницей. Особенно после того, как он выберет свою владычицу. Лучше уйти, пока не поздно. Пока еще колдовской свет синих глаз не затопил мое сердце до краев.

Ректор вышел из-за стола, прошелся до двери, поплотнее прикрыв ее и навесив «полог тишины». Снова сел за стол и сдернул салфетку с графина. Слишком прозрачного для того, чтобы там был коньяк. Чистый спирт?

— Газировка, — мэтр развеял мои подозрения. — Желудок, знаете ли... Вам налить? Ну, как знаете... Я в курсе ваших проблем, Лика Тария. У меня на столе каждый день появляются докладные о вашей несостоятельности как боевого темного мага. И вот что скажу вам, — ректор картинно разорвал мое заявление и подвинул мне чистый лист. — Пишите прошение об академическом отпуске. Отдохните. Посмотрим, как со временем поменяется вектор вашей силы. Что-то мне кажется, что темная кровь в вас еще возьмет свое, все-таки ваш прадед был князем Вечерних теней, а это родство не пропьешь.

— А если не восстановлюсь? — буркнула я.

— И это не беда. По большому секрету скажу, что надвигаются большие перемены. От Академии Света еще две недели назад пришло предложение по обмену студентами. В Тайной канцелярии, как точно знаю, лежит предложение по обмену архивами времен Единения. Чувствуете, куда катится мир, который вы так удачно спасли, Аэлика Интересе?

— Не я. Мой отец. И ваш владыка.

Мэтр Нирт заметил оговорку.

— Вот уже и «ваш». Вы уже не ками-рани?

Не имело смысла скрывать, и я кивнула.

— Вот и хорошо, — почему-то улыбнулся демон. — Итак, грядет новая эпоха Единения, сельо.

— А разве демоны не решились на завоевание Белой империи?

— Момент, конечно, удобный, но... Боюсь, что в Тархареше кое-кто настроен против войны. А еще кое-кто нам недвусмысленно дал понять, что Серые пределы недаром так называются. И на море — сезон бурь. Все складывается против милитаристской партии в ковене, увы. Да и вряд ли этот удобный момент продлится долго. Я слышал, мэтр Алиан уже возвращен. А с таким противником лучше дружить или, в крайнем случае, соблюдать нейтралитет.

Ректор обаятельно улыбнулся и протянул самопишущее перо.

— Отпуск, Лика. Я видел, как вы деретесь, и уверен, из вас вполне получится боевой маг. А уж темный, светлый или лунный, мы с коллегами разберемся. Да, простите за вопрос. Вы не помните, когда владыка последний раз использовал дороги Тьмы?

— Не обращала внимания, мэтр, — вежливо ответила я, прощаясь.

Ох, Дьяр. Не прошло для тебя даром магическое истощение в ритуальном круге. Но если даже мой отец возвращается с того света живым, то почему у тебя все еще какие-то странные проблемы? Что ты держишь в тайне?

* * *

Вечная проблема: что надеть девушке на бал? Поступая в Академию Тьмы и Теней, я не думала ни о каких балах, и подходящего платья в моем гардеробе не предусмотрено. Богиня считала, что маньяк сразу на меня клюнет, и тут-то его поймают. Не вышло.

Вообще, о грядущем Большом Тронном бале было объявлено еще в ночь коронации, он должен был состояться через тринадцать ночей, если новый владыка удержится на троне и приручит Теней. Но сорвалось. Слишком много дел образовалось: поимка маньяка и спасение мира как-то не способствуют развлечениям.

Но зато все тщательно подготовились и ждали нечто феерическое от предстоящей ночи.

Кроме меня.

Я даже не успела заскочить в магазин готовой одежды, чтобы подобрать что-нибудь пристойное. Пусть я уже не ками-рани, но ведь об этом почти никто еще не знает, и на вечере я еще буду рядом с владыкой в качестве советницы. Хотя не понимаю, зачем ему меня мучить этими глупостями?

Сейчас ректор так задержал меня, что я и в магазин не успевала. Вся надежда на пластичность «нежной кольчуги». Может, мой доспех сойдет за вечернее платье?

С такими мыслями я забралась на третий этаж нашей с Мирандой башни, раскрыла дверь в холл и остановилась на пороге.

На одном из диванов развалился в ожидании сам Его Темнейшество, а посередине помещения парило бальное платье из бело-золотистой кисеи, надетое на черный манекен. Оно светилось слабым лунным лучом.

— Твой отец прислал с дипломатической почтой еще две недели назад, — ответил Дьяр на мой немой вопрос.

— Откуда он узнал? Я и сама не знала...

— Это несложно. Через две недели после коронации владыки Тьмы и Теней всегда назначается бал.

— Я его не надену.

— Тут нет светлой магии, Лика. Это работа сельо.

— Я вижу. Но я его не надену.

— Почему?

— Не знаю, как и откуда отец раздобыл его... Это свадебное платье моей матери. Я не хочу ее судьбы. Лунные девы суеверны.

— Но получается, царица Эльда сама отдала его, бояться нечего.

Я упрямо покачала головой:

— Она никогда не придавала значения кармической магии вещей, но это не значит, что ее не существует. А я сейчас в полном раздрае, не смогу нейтрализовать последствия. Нет, не хочу.

Дьяр пожал плечами, окинул меня задумчивым взглядом.

— А где то платье, в котором ты была на коронации?

— Порвалось.

— Тогда иди в этом костюме. Ты для меня в любой одежде прекрасна, а на остальных нам наплевать.

— Тебе, а не нам, — поправила я. — Нет, эта форма не годится. Ты мне еще предложи в мантии прийти.

Хотя тоже вариант.

— Тогда, может, это подойдет? — Он щелкнул пальцами, и темнота в дальнем углу рассеялась, открыв вешалку с плечиками, на которых болталась черная тряпочка на бретельках.

— Мне не нужен купальник, Ваше Темнейшество, — обиделась я. — Зима на улице, пляжи закрыты, да и в Тархареше демоны не склонны загорать. Не под звездами же.

— Примерь, я выйду.

— Даже мерить не буду.

— Ками-рани обязана соответствовать вкусам повелителя, — сказал этот деспот и направился к выходу.

— Я уже не ками-рани, Ваше Темнейшество, — разозлилась я.

— Фактически — нет, но формально — да, договор истекает сегодня в полночь, ты обещала.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь, а я сорвала с вешалки платье и убежала в свою комнату. И куда этот тиран выгнал Миранду, хотелось бы мне знать? Мы же договорились помочь друг другу с прическами!

Зря волновалась. Пока я заколдовывала «нежную кольчугу», превращая ее в тончайшую серебристую пыльцу на теле, а потом сверху натягивала черный купальник, то есть микроплатье, ворвалась Миранда с кучей коробок. И тут же все выронила, всплеснув руками:

— Вау! Какой шик! Где взяла?

Демоница, что с нее возьмешь.

Я поправила вырез лодочкой, застегнула вышитый черным по черному пояс, одернула коротенький подол, едва прикрывавший попу, и к моей радости платье тихонечко треснуло. Я дернула посильнее. И со звуком хлопущи юбка превратилась в полупрозрачное кисейное облако до пят! Схватившись за сердце, я рухнула на кровать.

— О богиня, спаси меня из этой Темной страны с ее жуткими сюрпризами!

— О-о-о-о! Это же... Это... — Миранда задохнулась от восторга. — Это платье-полиформ! Последнее чудо от кутюрье Раббана! О нем все только и говорят, но никто еще не видел. Это тебе владыка подарил, сто процентов!

— Оно ужасно!

— Ты не понимаешь! Ты можешь сделать его любым, каким захочешь, кроме цвета, потому что это магия Тьмы!

— Любым? — воспрянула я.

— Абсолютно. Каким хочешь. Подожди, я тебе сейчас журнальчики притащу, с картинки легче визуализировать свою мечту.

— Не надо. Я и так справлюсь.

Сотворение образа отняло у меня полчаса, не больше. И к моменту, когда за мной явился Янге, мы с подругой были полностью готовы.

Серебристый демон одобрительно оглядел меня с головы до ног, одобрительно кивнул, оценив элегантное атласное платье с длинной юбкой годе и открытой спиной, и преподнес коробочку с драгоценностями. Явиться без них на темный бал — все равно что прийти голой, потому я

безропотно приняла серебристое кольцо с бордовыми каплями рубинов, так шедшее к моей посеребренной коже, серьги, браслеты и диадему. Миранда заклинанием завила мне волосы крупными локонами, подняла на висках и опустила свободной волной на спину, и получилось вполне терпимо. Сама она выглядела как сполох пламени: алое платье и распущенные, закатного цвета кудри. Яркая и красивая, только очень грустная.

* * *

— Ты как летняя лунная ночь, так же прекрасна, — шепнул Дьяр, когда Янге подвел меня к возвышению с креслом владыки. На этот раз Дьяр не стал потрясать собрание гигантской фигурой на огромном троне, хотя четырехкрылое великанье сиденье никуда не делось, но церемониальную часть огромного зала под открытым небом как бы отодвинули в глухую тень.

Как ни грандиозно было событие, допущены на него были самые сливки демонического общества: высшие чины Темного ковена с сыновьями, градоначальники с семьями, генералы мракармии с наследниками, князья со свитами и, конечно, девушки, отобранные две недели назад для участия в несостоявшемся празднике. Потенциальных невест было почти полторы сотни.

Два клана из тринадцати не участвовали в отборе, хотя их представители почтили мероприятие присутствием. Во-первых, правящий клан Полночного звездопада. Не будет же Дьяр жениться на близких родственницах, из которых у него лишь сестра Зарга (сосланная и лишённая силы Тьмы за участие в заговоре) да непризнанный брат Ирек, бастард. Во-вторых, тринадцатый клан Неупокоенных. Никому и в страшном сне не приснится женить владыку демонов на вампирше.

Но сто сорок три прекрасные демоницы плюс семь принцесс от сопредельных полутемных государств — есть из чего выбрать. Все они изнемогали в любовной горячке, судя по страстным, томным, восхищенным, восторженным взорам на прекрасного синеглазого повелителя. Я была счастлива, что не обязана смотреть на них «оком сердца». Не хочу даже знать, кто из них искренне влюблен в своего владыку. О богиня, я ревную?!

— По регламенту, вы открываете бал с ближайшей родственницей или ками-рани, — напомнил церемониймейстер. — Будут ли какие изменения?

Конечно, у них уже все расписано как по нотам.

— Ближе Лики у меня теперь никого нет, — похоже, Дьяр заразился томностью от своих подданных.

Пришлось танцевать. Это было даже лучше, чем биться, защищая спины друг друга.

За вечер Дьяр обязан был протанцевать с каждой принцессой и с одиннадцатью девушками — по одной от клана. Считая меня, девятнадцать танцев. Несчастный, мне его жалко. В перерывах девушки демонстрировали магические таланты, опять же, по одной от клана, и политические — искусство беседы. К счастью, не только с Дьяром. Часть тягот отбора взяли на себя советники. Я только наблюдала за хищными улыбками претенденток и чувствовала их неискренность даже без «ока сердца».

В середине бала, когда Дьяр закончил танцевать с последней из семи принцесс, возникло легкое волнение среди гостей: явился Сатарф. Я тщетно высматривала маму, но царица Серых пределов не рискнула дразнить такое количество высших темных магов.

Хватит того, что появление бывшего владыки шло вразрез с тысячелетними устоями царства демонов: никогда еще трон не переходил к сыну при живом отце.

А потом за спинами у колонны я заметила бледное и осунувшееся лицо Ирека, его пылающий взор, обращенный на Сатарфа, и сердце екнуло: что-то назревает. Неужели бастард сотворит еще какую-нибудь глупость? С него станется.

Все случилось в самом конце этой бесконечной ночи. Демоницы, оттеснив полутемных принцесс, уже без всякого стеснения предлагали себя если не в невесты, то в любовницы. Так как я стояла за спинкой кресла или сидела на низкой скамеечке по правую руку, то слышала каждое слово из бесед. Претендентки усаживались по левую руку.

— Ваше Темнейшество, я так вас люблю!

— Пока только мои ноги, — владыка стряхнул с колена ее когтистую лапку.

Следующая.

— У меня много недостатков, магесса, — доверительно говорил Дьяр.

— Это неважно! Любой недостаток возлюбленного — достоинство!

Следующая.

— Вы — мой восторг, моя мечта, мой повелитель!

— Мечты не должны сбываться, чтобы было о чем мечтать, — язвил уставший владыка.

Следующая.

— Я готова отдать вам и сердце, и душу.

— Зачем мне бессердечная и бездушная жена?

Следующая.

— Ах, что душу, я вся ваша, мой господин. Вся, до кончиков моих крыльев!

— Спасибо, напомнили... — Дьяр поднялся, и по его знаку умолкли музыка и все разговоры, до самых дальних шепотков.

Краем глаза я заметила, как напряглись Сатарф и Сэйван, как Янге просигналил «наивысшую готовность».

— Как я и говорил прекрасным девам, у меня много недостатков, — сказал владыка, и его голос разнесся до самых дальних колонн огромного зала. — Я назову невестой ту, которая примет меня таким, какой я есть, и я постараюсь стать для нее лучшим. Смотрите же. Нравлюсь я вам таким?

И он распахнул крылья.

Огромные, прекрасные, сияющие осенним золотом крылья.

Те, какие я видела когда-то за спиной Ирека. Уродство с точки зрения детей Тьмы.

Богиня, что он натворил?! Что они натворили?!

Как же шарахнулись от него те, кто только что готов был целовать его ноги. Какой ненавистью исказились девичьи лица. И не только их. Те князя, что клялись ему в верности, те магистры, кого он возвысил, все содрогнулись от отвращения. Еще миг, и они кинутся на него и растерзают. Кое-кто — мыслимое ли дело! — начал перетекать в боевую ипостась.

В этот миг и вышел вперед Сатарф, раскрыв свои мощные черные крылья, прикрыл сына.

— Во имя Тьмы, во благо Теней, — начал он. И демоны сразу вспомнили привычку повиноваться его негромкому, но твердому голосу. — Высшая доблесть повелителя — закрыть свой народ своей силой во время беды. И мой сын Дьяр исполнил свой долг. Вы скажете, он изменил госпоже Тьме? Нет, он всего лишь изменил цвет крыльев. Он изменил малое во имя большего, во имя сохранения силы Тьмы и вашего спасения. Пусть расскажут те, кто знает и видел, почему мой сын совершил эту подмену.

То есть крылья он поменял с Иреком еще до того, как попал в горы Смерти. И когда только успел? Потому и не мог он принять боевую ипостась: сразу бы себя выдал. А так жрецы понять не могли, почему сила Тьмы не дается им в руки. Но если он совершил подлог, то догадывался, куда шел. Конечно, догадывался, даже кинжалы Ошсах не забыл.

Пока Сатарф говорил и пока свидетельствовали Рихт, Сэйван и Янге,

Дьяр склонился ко мне и прошептал:

— Врут. Просто мне показалось, что этот цвет тебе больше нравится. Правда, Лика? Ты такими глазами смотрела на Ирека, когда он летал в башне, что я готов был там же содрать с него эти крылья и нацепить на себя. Что, собственно, и сделал.

— Сумасшедший! Теперь они не захотят тебе подчиняться!

— Но тебе нравятся мои новые крылья?

— Да, но...

— Тогда поцелуй меня.

— Что-о? Ты... Ты безумец!

— Ты мне должна еще два поцелуя, и второй я требую здесь и сейчас.

Он сгрел меня на колени и поцеловал, пользуясь тем, что нас никто не видит за плотной завесой черных крыльев его отца.

— Ты выйдешь за меня замуж, Лика?

И я вспомнила, что наследие моего отца переплавляет мою магию и кровь светлого мага вытесняет кровь сельо. Свет и Тьма не могут быть едины, а жизнь сельо — это единение с ее избранником.

— Нет, Дьяр. У тебя только крылья золотые, но ты был, есть и будешь — темный маг и, еще хуже, владыка демонов. А я не пойду по пути моей матери. Я слишком хорошо знаю, чем это может кончиться, и не хочу такой судьбы.

Он выпустил меня из рук, и я соскользнула с его колен на свою скамеечку и отвернулась.

Мэтр Рихт все еще распинался о подвигах Дьяра. И никто не заметил, как исчез сидевший в кресле владыка. Был и нету. Я ощутила его отсутствие по пустоте, разлившейся в сердце. Оглянулась на пустой малый трон и ахнула.

— Дьяр?

А потом что-то изменилось в самом воздухе. И оглянулся уже Сатарф, выругался.

— Хургова пасть! Что ж ты, сын?

А ему уже кричали:

— Не примем такого владыку! Зачем нам мотылек на троне?

— Не нужен нам золотокрылый, светлым на смех!

А я не отрывала взгляда от бледного лица Ирека и уже понимала, что папа был прав в своих опасениях. Бастард уже забыл о светлой магичке, в которую так быстро влюбился и так быстро предал. Близость трона кружила ему голову, а возможность быть здесь и сейчас признанным отцом сметала все сомнения. За его плечами трепетали словно бы в

предвкушении черные крылья Дьяра.

Бал закончился бунтом.

— Лика, вам лучше уйти, здесь для вас становится опасно, — шепнул Янге.

Это традиция у меня такая. Как появлюсь на крыше дворца Темного Трона, так тут становится опасно.

— А полночь уже наступила?

— Хм... Через пять минут.

«Значит, договор еще в силе!» — обрадовалась я.

— Янге, а ками-рани может открыть портал в любое место, где...

— Да, — перебил начальник дворцовой охраны, беспокойно поглядывая на орущих демонов, — но поспешите. Если владыка успеет отказаться от трона или его свергнут, договор между ками-раджаем и ками-рани аннулируется.

О, наконец-то узнала, как называется второй объект связки. Ками-радж. Что-то из эпохи Единения.

* * *

Пройти тропой сердца, соединившей ками-рани и ее ками-раджа, оказалось так же сложно или так же легко, как построить Лунный мост.

Закрывать глаза, отрешиться от бунтующего, раскаленного гневом и яростью мира и выстроить тишину внутри сердца, а потом позвать.

И он откликнулся. Не мог не откликнуться, ведь он часть меня, как и я — часть его. Таков договор. Или таково мое желание.

В лицо мне ударил теплый морской ветер, и в этой части мира уже занимался рассвет.

Дьяр сидел на скалистом берегу моря и лениво бросал камешки в кипящий прибой.

— Знаешь, отец никогда не позволял мне летать к морю. Я никогда не видел... это, — голос Дьяра дрогнул в восхищении, когда он обвел линию горизонта. — Он даже взял с меня обещание не приближаться ни дорогами Тьмы, ни тропами теней ближе, чем на полсотни верст. Чтобы я не только край моря не видел, но и не слышал крика чаек и шум прибоя. Теперь я понял почему.

— Почему?

— Потому что его зов неудержим. А я-то думал, чей голос всю жизнь бьется в мое сердце и тревожит его. Это голос матери.

— Но разве...

Мне очень хотелось положить ладони на его крылатые плечи, но я боялась разрушить неосторожным движением тот хрупкий мостик, еще соединявший наши сердца.

— Она жива, Лика. Она бросила меня, едва я родился, и отец говорил, что она умерла во время родов, но она просто ушла. Выполнила договор и ушла. Так же, как сейчас уйдешь ты, потому что полночь в Кардерге уже пробил и наш договор закрыт.

И новый камушек канул в белую зимнюю пену. Здесь, на западном краю Тархареша, море не замерзало, но сердито бурлило, а шторма рвали его почти каждый день.

— Мать зовет меня. Море зовет... — Он встал, обернулся. Какие у него пронзительно-синие глаза. Словно спала магическая дымка, висевшая над небом Кардерга, и проявился их истинный цвет. — Я люблю тебя, Лика. Только ты можешь удержать меня на берегу. Только ради тебя я вернусь в Кардерг и подомну всех, кому не нравится цвет моих крыльев и глаз. Восстановлю в правах сельо. Открою храмы твоей богини. Хочешь? Только ради тебя я завоюю Белую империю и возложу на твою голову корону императрицы, которая по праву твоя. Я сделаю все, что ты хочешь, моя любимая лунная девочка. Или солнечная. Или темная. Разве это главное? Ты — это ты. Моя любимая. Единственная.

Он протянул ладонь и осторожно коснулся моей щеки, потом перевел взгляд на встающее над морем солнце, и этот тоскующий взгляд сказал мне больше, чем тысячи слов. Там — его непрожитая жизнь. И он до конца дней будет по ней тосковать, если останется тут, прикованный цепями долга, ненавидимый собственными подданными, собственным братом. Демонам — демоново, а Дьяру — Дьярово.

— Дьяр... — каким-то чужим, незнакомым, хриплым от волнения голосом прошептала я. — Мой избранник. Мой повелитель. Я... ты не представляешь, как я люблю море! И... кажется, я должна тебе поцелуй.

ЭПИЛОГ

Под сводами храма Лойт было тихо и прохладно. Серебрилась листва веток, украсивших алтарь, сияли лунными отблесками селенисы на груди статуи.

— Прости, богиня, — вздохнула Эльда, зажигая курильницы с ароматными палочками сандала. — Это я должна была понять, что смерть не победить ее же оружием. Только любовью. Жизнь — это любовь. И он отдал свою. Ему было что отдавать и чем побеждать. Ты знала, что Алиан — тот самый Проклятый император и владыка Света?

Веки мраморной статуи слегка приоткрылись, а губы дрогнули в улыбке.

— Я всегда вижу, кто проклят моим именем, дорогая. Но, признаю, он мастер прятать следы. Мастер отражений. Ты простила его?

— Да! — Эльда села на ступеньки алтаря. С ее спины, как плащ, стекали два черных крыла с перламутровыми прожилками, складывающимися в изощренный узор. Царица, как ребенок, у которого впервые зачесались крыловые щели, выставляла новообетенные крылья напоказ. — Он второй раз подарил жизнь. Всем нам, не только мне.

— Что ж, он искупил свои кровавые деяния, — Лойт прикрыла каменные веки, а улыбка стала грустной. — Мне будет не хватать такого умного врага.

— Но он же не умер, — царица подняла голову, бросив удивленный взгляд на прекрасное каменное лицо.

— Но он уже не враг. У нас все получилось, дорогая. Не только лютый, настоящий враг этого мира изгнан. И темные, и светлые забыли о вражде. Мы вернем если не наши храмы, то живые сердца, а это лучше, чем мертвый камень и праздные молитвы. Трон Белой империи занял тот, чей он по праву, и оставшейся магии ему хватит, чтобы его удержать.

— Но эпоха Единения еще не вернулась.

Богиня вздохнула, селенисы на каменной груди вспыхнули перламутровыми огоньками.

— Это не за горами. Ирек слишком слабый правитель, и Сатарф его прогнет. Парень ему в рот смотрит. Собственно, он наместник, пока Дьяру не надоест бороздить волны с молодой женой, Ирек уже пожалел, что потерял больше, чем приобрел. Кстати, о потерях... Не знаю, как Алиан пронюхал о нашем с Ликой сговоре, но он его разрушил. Ловкач наделил

дочь такой силой, что меня она слепит.

— Ты и так слепа, Лойт, — рассмеялась Эльда.

— Не всегда. И даже не знаю, к счастью это или поплакать. Ты точно не хочешь стать моей Верховной жрицей?

— Спасибо, не хочу. И Лике не позволю. Мы, кажется, с тобой договорились, что ты оставишь ее в покое? Девочка и без того выполнила миссию, причем ею играли, как куклой. Подумать только, Вайра дала ей задание поймать саму себя! Почему ты допустила такое? Где твое могущество?

— Но что я могла, Эльда? Я всего лишь богиня любви, а не войны и не мудрости. Я могу видеть только в открытом мне сердце смертных, действовать только руками смертных. Любовь легко обмануть. Но я могу успокоить тебя: если ваши с Сатарфом дети сделают все правильно, войны Темного и Светлого Тронов никогда не будет. Это так же глупо, как воевать Северному полюсу с Южным.

— Так может, подсказать им, что будет правильным?

— Я не могу, Эльда. Твоя дочь закрыла от меня свое сердце.

Царица поднялась, неверяще всмотрелась в лицо статуи.

— Ты хочешь сказать, она уже не твоя жрица?

Каменные веки снова дрогнули, а пустые глазницы озарились мягким светом:

— Зачем ей я, когда эти двое друг для друга — боги?

notes

Примечания

1

Вейна — старшая в боевой пятерке.